

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ **ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ**

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ

ПИРС ЭНТОНИ

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

ВОПЛОЩЕНИЯ БЕССМЕРТИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

**Миры Пирса Энтони. Зеленая Мать / Пер. с
англ. — Полярис, 1998. — 383 с.**

Эту книгу составил пятый роман многотомной эпоса о
Воплощениях Бессмертия, в котором поиск великой Песни приводит
юную Орб Кафтан в цыганский табор, в чрево кита, в панк-рок-
группу, в объятия Сатаны — и на зеленый трон воплощения Природы.

**Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется
законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего
издания в целом запрещена без разрешения издателя и
переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с письменного разрешения издателя.**

*Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения
художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США)
и Александра Корженевского (Россия).*

Being a Green Mother
Copyright © 1987 by Piers Anthony Jakob

Зеленая Мать
© А. Рогулина, перевод, 1998

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-351-3

От издательства

В очередном томе «Миров Пирса Энтони» читатель в очередной раз встретится с Воплощениями Бессмертия. Роман «Зеленая Мать» повествует о судьбе девушки, которая становится Природой.

Из пяти младших воплощений Природа, на свой лад, самое могущественное. Все силы материального мира в той или иной мере подвластны ей. Она — мать всего живого на Земле. Но ни одно из воплощений не может победить другое в открытом столкновении. Роман «Зеленая Мать» как раз и описывает гибельные последствия такой борьбы.

Странное пророчество определило судьбу двух девушек-ровесниц, близких друг другу, как сестры, Орб и Луны, дочери и внучки Ниобы Кафтан, чья история в роли воплощения Судьбы описана в третьем романе цикла — «С запутанным клубком». Одна должна обвенчаться со Смертью — и Луна Кафтан становится спутницей жизни Танатоса, мрачного всадника на коне бледном. Другая должна обвенчаться со Злом — и чтобы не стать наложницей Сатаны, Орб уходит из дома и по всему миру ищет Ллану, великую Песнь Творения.

На этом пути ее ждут цыганский табор и бродячий цирк, любовь индийского принца, рок-группа, где музыканты употребляют проклятый (в прямом смысле слова) героин, летающая Рыба и еще многое другое. А еще —

загадочный певец с женским именем Наташа, который открывает Орб секрет великой Песни.

И только тогда она узнает, что стала пешкой в сложной и запутанной игре, начатой Воплощениями Бессмертия против Сатаны. Исход зависит только от ее решения, и никто, даже ее мать-Судьба, не может оказать Орб помощи. Что победит — любовь или страх за судьбу мира? В попытке спастись от назначенной пророчеством участи девушка принимает зеленый трон Природы. Но и это не может уберечь ее от цепких лап Ада, более того — толкает ее прямо в объятия Сатаны. Потому что если в устах простой смертной Ллано обладает невероятной силой, то пропетая Матерью-Природой Песнь Хаоса может привести мир к гибели...

ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ

Глава 1

Утренняя Песнь

Девочка была еще совсем маленькой, но во сне она видела себя взрослой женщиной. Прекрасной женщиной в подвенечном платье. Дело происходило в церкви: она шла вдоль длинного ряда колонн под руку с каким-то мужчиной, лицо которого ей все никак не удавалось разглядеть.

Но у сна была и другая половина, как у экрана, и там висел огромный земной шар. Он тоже принадлежал девочке, и во сне это совсем не казалось ей удивительным. Мир почему-то был мертв. В нем не осталось ни единого человека.

Девочка знала, что сон предсказывает будущее, и одна из его половинок обязательно сбудется. Свадьба или разрушение. Но какая? И почему? Это было совсем не страшно, хотя очень таинственно.

Потом возникла музыка. Прекрасная загадочная мелодия. Проснувшись, девочка испугалась, что мелодия исчезнет вместе с остатками сна, однако она осталась. Теперь звуки раздавались откуда-то с улицы.

Девочка выкарабкалась из постели, стараясь не разбудить свою сестру Луну. То есть на самом деле Луна приходилась ей вовсе не сестрой, но все это было так трудно понять, что лучше пусть уж будет «сестра». И пусть сестра поспит, пока она не вернется. Это совсем ненадолго.

Орб сунула ноги в шлепанцы и побежала к двери прямо в ночной рубашке. Таинственная мелодия как будто звала ее.

Девочка кое-как сползла вниз по лестнице, пересекла холл и оказалась около входной двери. Чтобы повернуть массивную ручку, ей пришлось ухватиться обеими руками. Дверь тоже поддавалась не сразу.

Летнее утро было свежим, но не холодным. Орб выскочила на улицу, преследуя ускользающую мелодию, не думая ни о времени, ни о холоде. Все вокруг было сверхъестественно ярким, гораздо лучше, чем в жизни. Просто чудесно!

Орб остановилась, пытаясь установить источник звука. Позади фермы был лес, и музыка доносилась оттуда.

Девочка перебежала через поле, распутивая кур, и остановилась, запыхавшись, на опушке. В четыре года такая прогулка любому покажется целым путешествием. Тем более в одиночку. Вообще-то далеко уходить без взрослых не полагалось. Орб стало немного не по себе, но музыка звучала так чудесно, что следовало обязательно найти ее источник.

Лес был густым, темным и мрачным. С деревьев свисала паутина, кусты колючей ежевики загораживали путь. Орб пошла вдоль опушки, надеясь отыскать какой-нибудь проход в этих зарослях. К ее отчаянию, музыка звучала все тише и тише.

А вот и тропинка! Девочка побежала по ней в глубь леса. Вдруг — о ужас! — музыка смолкла. Орб остановилась, прислушиваясь. Ни звука.

Нет, какой-то звук все же раздавался — уже другая мелодия, ничуть не менее прекрасная, чем первая. Может, и она подойдет? Звук доносился оттуда, куда вела тропинка, и чем дальше шла Орб, тем мелодия становилась громче.

Вскоре тропинка вывела девочку к реке. Орб и раньше видела эту реку, но не отсюда. Здесь она весело скакала по камешкам, журча свою песенку. Орб напряглась, чтобы различить мотив в шуме воды. Мелодия стала чище, однако чего-то в ней не хватало.

Девочка стала пробираться вдоль топкого берега ручья. Она еще не видела, откуда доносится звук, а просто шла

туда по слуху. Теперь она различала еще один, третий звук. Он не был похож ни на первую, ни на вторую мелодии. Просто что-то вроде хихиканья. Смех доносился из заводи, чуть ниже по течению.

Наконец-то Орб разглядела источник этого веселья! В заводи купались незнакомые девочки. Их обнаженные тела были гибкими и прекрасными, длинные локоны рассыпались по плечам. Девочки плавали, плескались, ныряли и веселились от души. Их серебристый смех и был той самой третьей мелодией.

Одна из нимф заметила Орб и окликнула ее:

— Привет, дитя человека! Иди сюда, к нам!

Остальные опять рассмеялись.

Орб ненадолго задумалась и решила принять приглашение. Стащила с себя ночную рубашку, сбросила шлепанцы и осталась совсем голой. Потом подошла к воде.

— Она меня услышала! — воскликнула изумленная нимфа:

Орб остановилась.

— Я что-нибудь не так сделала?

Нимфы удивленно поглядели друг на друга.

— Ты видишь нас, дитя человека?

— Да. Разве вы не хотите, чтобы я с вами поиграла?

Они опять переглянулись.

— Конечно, хотим, — сказала первая нимфа. — Но... Ты умеешь плавать?

— Нет.

— Так ведь тогда ты можешь утонуть!

Об этом Орб как раз и не подумала. Утонуть — это наверняка очень неприятно.

— Почему же вы позвали меня к себе?

— Мы не думали, что ты нас услышишь, — объяснила одна из нимф.

— Или увидишь! — подхватила другая. — Мы просто дразнились, как всегда.

— Зачем?

— Потому что мы — водяные феи, — сказала третья. — И человечьи дети обычно не замечают нас.

— Но почему? — совсем запуталась Орб.

Феи пожали плечами.

— Почему — нам неизвестно. Но это так, признаюсь честно...

Эти слова вызвали у фей новый взрыв серебристого смеха.

— Ой, ты говоришь стихами!

Остальные феи, хихикая, начали брызгать ту, которая заговорила в рифму. Орб тоже захотелось побрызгаться, но она понимала, что сначала стоило бы научиться плавать.

— Почему я никогда не видела и не слышала вас раньше, когда бывала у реки?

Феи озадаченно глядели друг на друга.

— Почему она нас не видела? — повторила какая-то из них. — Мы ее видели, а она нас игнорировала.

Орб не знала, что означает последнее длинное слово, но пришла к выводу, что оно что-нибудь да значит.

— Так почему?

— Может, она изменилась? — предположила другая. — Ты не менялась в последние дни, а, девочка?

— Сегодня утром я услышала песенку, которую раньше никогда не слышала. Музыка разбудила меня, и я пошла ее искать.

Феи снова обменялись многозначительными взглядами.

— Изменилась! — решили они дружно. — Теперь она может играть с нами.

— Но как? — спросила Орб. Ей очень хотелось принять участие в их забавах.

Выход из затруднительного положения подсказала одна из фей:

— Где-то тут лежала автомобильная камера...

— Ой, здорово, и я смогу на ней плавать! — обрадовалась Орб. — Принеси мне ее!

Нимфа отрицательно покачала головой.

— Увы, я не могу, — сказала она с грустью.

— Почему?

— Мы не можем прикоснуться к вещам человеческих детей. Не можем их передвигать. Только смертным созданиям это позволено.

— Тогда скажи мне, где она лежит, и я сама достану!

— С удовольствием!

Фея провела ее чуть ниже по течению реки. Там на сухой ветке висела надутая автомобильная камера.

Орб зашла в воду — здесь было мелко, но ноги покалывало от холода — и потянула камеру к себе.

— Ой, она тяжелая! Ты не могла бы помочь?

— Вряд ли, — грустно промолвила фея. — Я действительно не могу дотронуться ни до нее, ни до тебя.

Она протянула руку, чтобы прикоснуться к Орб, однако девочка ничего не почувствовала. Рука феи прошла через нее насквозь.

— Ой, да ты призрак! — воскликнула Орб, не зная еще, радоваться ей или пугаться.

— Нет, я всего лишь фея. Я могу прикоснуться к естественным вещам, таким, как вода. Но не могу трогать неестественного — например, человеческих детей.

Орб решила, что пора представиться.

— Меня зовут Орб, — объявила она. — А ты кто?

— Я... — фея вдруг замолчала. — Вряд ли у меня есть имя. Я никогда не задумывалась об этом.

— Ой, как грустно! — сказала Орб. — Мне надо придумать тебе имя.

— А ты сумеешь? — спросила польщенная фея.

Орб сосредоточилась, пытаясь вспомнить подходящее имя. С камеры, которую она пыталась достать, срывались капли воды.

— Капелька! — воскликнула девочка.

Фея захлопала в ладоши. Она была не выше, чем Орб, но сложена как взрослая женщина.

— Спасибо тебе!

Потом она сосредоточила внимание на камере:

— Наверное, лучше приподнять ее, вместо того чтобы просто дергать?

Орб приподняла, и камера легко отцепилась. Девочка залезла внутрь — и вот она уже плывет!

— Если ты попробуешь грести руками... — предложила Капелька.

Орб попробовала, и камера начала двигаться. Скоро она выплыла в заводь. При гребле Орб сильно брызгалась. Феи смеялись и брызгали ее в ответ. Капли воды попадали

на кожу девочки — они были «естественными». Вода была холодная, но Орб от души веселилась.

Капелька плыла впереди, закручивая по дороге маленькие водовороты. Потом к ней присоединились другие феи. Вместе они раскрутили водоворот побольше. Камера стала кружиться, и Орб рассмеялась от удовольствия. Да, это было ужасно весело!

Теперь камера оказалась у нижнего края заводи, и течение медленно увлекало ее вниз по реке.

— Может, тебе стоит грести вверх? — предложила Капелька.

— Почему?

Орб нравилось кататься.

Опять все феи разом замолчали, переглядываясь.

— Нам нельзя далеко заплывать в ту сторону, — объяснила наконец одна из них. — Там вода плохая.

Плохая вода Орб не нравилась. Она начала грести вверх, но течение здесь было уже слишком сильным. Камера стояла на месте, пока у девочки не устали руки, потом снова медленно поплыла вниз.

— Мы должны вернуться! — воскликнули феи.

Одна за другой они покидали Орб и возвращались обратно в чистую заводь. Вскоре осталась одна Капелька.

— Попробуй грести к берегу, — предложила она.

— Зачем?

— Потому что ниже по течению живут злые феи. А если ты подгребешь к берегу, то выйдешь из воды раньше, чем встретишься с ними.

Орб попробовала грести к берегу... Тщетно, течение отбрасывало ее обратно на середину реки.

— Ох, мне пора возвращаться! — воскликнула Капелька. С ней действительно было что-то не так — локоны выпрямились, кожа потускнела. — Вылезай из воды, как только сможешь, Орб!

И фея ускользнула, оставив девочку одну.

Камера плыла вниз по реке, подпрыгивая на перекатах, и Орб приходилось крепко держаться, чтобы не выпасть и не утонуть. Потом река разлилась шире и стала похожа на небольшое озеро. На берегу его стояла фабри-

ка. Из огромной трубы в воду лилась какая-то темная жидкость.

Вода здесь и вправду была плохой. Она помутнела и стала такой грязной, что Орб уже не могла разглядеть дно. Да и запах у нее был противный — воняло чем-то испорченным. Орб решила выполнить совет Капельки и стала грести к берегу, стараясь уплыть подальше от фабрики.

И тут появились феи. По размеру они были такими же, как первые, но тела их были скрюченными, а волосы спутанными.

— Что это? Никак дитя человека! — крикнула одна из них.

— Утопим ее! — хором завопили остальные.

— Разве вы не феи? — спросила Орб дрожащим голосом.

— Она нас видит! — закричали скрюченные создания. Похоже, их это испугало.

— Конечно, вижу, и слышу прекрасно! — сказала Орб.

Враждебные феи окружили камеру и уставились на девочку.

— Мы все равно можем ее утопить, — заявила, нахмурившись, одна из них. Глаза ее были мутными, как будто запотели изнутри.

— Не можем, пока она в этом круге, — заметила другая.

— Так вытащим ее оттуда!

Они начали брызгаться. Теперь это была уже не игра. Феи брызгались грубо, заливая водой лицо девочки.

— Эй, прекратите! — закричала она.

Но феи не прекратили. Одно из злобных созданий бросилось на Орб, скорчив ужасную рожу.

— Вытащим! Вытащим! — кричали гадкие феи.

Орб рассердилась.

— Ах так! — закричала она и замахнулась на фею кулачком. В фею девочка, конечно, не попала, зато сама подняла фонтан брызг. Тогда она принялась размахивать руками, заливая водой все вокруг, и громко визжать, да так, что лицо ее покраснело.

Нимфы были обескуражены. Никогда раньше они не видели такой вспышки ярости. Орб здорово умела выходить

из себя. Иногда, к ужасу окружающих, у нее даже пена на губах появлялась. Вот Луна, та никогда не злилась, зато Орб делала это за двоих, если что-нибудь было не по ней.

Феи убрались на безопасное расстояние.

— Мы не можем дотронуться до нее, — сказала одна.

— И не надо, — ответила другая. — Есть много способов утопить смертного. Давайте устроим водоворот.

— Водоворот! — подхватили остальные.

Они принялись плавать по кругу, раскручивая воду. Добрые феи наверху тоже крутили водоворотики, для забавы, но этот был огромным. Камеру с девочкой затянуло в крутящуюся воронку. Она кружилась все быстрее и быстрее, а феи все ускоряли движение. В центре водоворота уровень воды заметно понизился. Камера накренилась, и Орб испугалась, что она опрокинется. Тогда ей придется отпустить свой спасательный круг, иначе она с головой нырнет в грязную воду. Ярость сменилась страхом. Что же ей теперь делать?

— Лодка! — воскликнула вдруг одна из фей.

— Нас не видят, — сказала вторая.

— Нет, видят!

Все феи внезапно бросили раскручивать водоворот и нырнули в темную воду. Поверхность воды разгладилась, и Орб тоже увидела лодку.

— Папочка! — закричала она.

И вот ее отец, Пейс, уже подплыл в своем каноэ, вытащил дрожащую девочку из воды и завернул в одеяло. Орб обняла его, рыдая от облегчения. Забыты были и гнев, и страх.

Но она была еще маленькой, и вскоре вспышка эмоций сменилась обычным любопытством.

— Папочка, а я видела фей! — воскликнула она.

— Ты видела фей? — переспросил Пейс, повторяя ее слова, как часто делают взрослые. Похоже, его это обрадовало.

— Там, наверху, были хорошие феи, а здесь такие гадкие! Почему, папа?

— Потому что здесь вода загрязнена. Фабрика сливает отходы, река портится, а живущие в ней феи изменяются в худшую сторону. Это очень грустно.

— Почему?

Пейс никогда не бранил дочку за ее бесконечные «почему». Он ее понимал.

— Потому что фабрика заработает больше денег, если будет выбрасывать отходы просто так, вместо того чтобы платить кому-нибудь, чтобы их увезли. Мы пытались закрыть фабрику, но у нее много денег, и она тратит их на то, чтобы мы не смогли ее остановить.

— А феи...

— Для них все это очень грустно, — согласился Пейс. — Однако мало кто из людей способен увидеть фею, вот никто и не оказывает им покровительства.

Он замолчал, подбирая понятные девочке слова.

— То есть никто не хочет помочь феям.

— Ой, как жаль, папа. Даже если эти феи и вправду гадкие.

— Да, печально. Может, когда ты вырастешь, ты сумеешь им помочь. И тогда эта колония фей перестанет быть гадкой.

Это было слишком сложно для понимания. Орб еще не могла себе представить, как что-нибудь может стать не таким, как теперь. Поэтому она задала следующий вопрос:

— Как получается, что никто не видит фей?

Пейс покачал головой.

— Просто у одних людей больше магии, чем у других, — сказал он. — Так же, как дети бывают разными. Одни повыше, другие пониже. Одни послушные, другие нет. У одних характер получше, а у других...

Пейс подмигнул. Он не сердился на Орб даже из-за ее вспышек, и это было одной из самых удивительных вещей на свете.

— Члены нашей семьи всегда имели магические способности. Одно из следствий этого — наша способность видеть фей.

— А есть другие?

Пейс вытащил лодку на берег.

— Да ты же сама знаешь, Глазик*.

Орб задумалась. Потом улыбнулась:

— Твоя музыка, папочка!

— Да, — кивнул Пейс. — Этот дар был у моего отца, у двоюродного брата и у меня. Может быть, он и у тебя появится, Тыквочка.

— Я слышала песню, — призналась Орб. Все равно отец скоро начнет выяснять, что она делала в озере. — Проснулась и услышала, и мне надо было ее найти. А я не смогла — она просто исчезла. И тогда я услышала реку, и она тоже пела, только не так, а феи позвали меня купаться... Не говори маме, ладно, пап?

— Ты обещаешь мне больше так не делать?

Орб снова задумалась.

— Но, папочка, я же должна найти ее!

— Яблочко, милая, ничего не получится.

— Почему?

— Потому что это Утренняя Песнь. Она стихает, когда кончается рассвет.

— Но...

— Завтра на рассвете она вернется. Я возьму тебя с собой, и мы вместе послушаем. Теперь обещаешь?

— Хорошо, папа.

— Тогда я могу не рассказывать маме.

— Хорошо, папа! — повторила Орб, обнимая его. — А почему ты не сердись?

— Папы не сердятся на своих маленьких девочек...

— Ой, пап, ты все выдумываешь!

— Когда они проявляют магические способности, — закончил Пейс.

— Но я ведь не умею петь так, как ты!

— Ты слышала Утреннюю Песнь. И песенку реки тоже. Ты видела фей. Выходит, ты обладаешь нашей семейной магией. А сейчас мы просто узнали об этом. Я был старше тебя, когда впервые услышал Песнь, и еще старше, когда научился петь сам. Для этого нужно время, Орешек! Подожди.

— Хорошо, папа.

* Орб — шар, глаз (англ.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Орб видела, что отец очень доволен тем, что она слышала песню. Удачный поворот событий, после того как она натворила столько дел и чуть не утонула.

Орб сменила тему, на случай, если папа все-таки передумает и рассердится:

— А кем я прихожусь Луне?

По реакции Пейса было видно, что провести его ей не удалось. Но он все же ответил:

— Формально ты — ее тетя.

— Но я же не старше ее!

— Неважно. Мы с Ниобой вместе — твои родители, а по отдельности — бабушка и дедушка Луны. А ты наполовину приходишься сестрой каждому из ее родителей.

— Я знаю! — воскликнула девочка. — Но половина и половина — это целое! А значит, я ей совсем сестра!

Пейс покачал головой:

— Ты сестра отца Луны, Мага, по матери, и сестра ее матери, Бленды, по отцу. Вот они — две половины. Но каждая из них означает, что ты — тетя Луны.

Теперь уже Орб затрясла головой:

— Ты меня совсем запутал.

Они подходили к дому.

— Я могу нарисовать тебе схему, только боюсь, ты не сможешь прочесть имен.

— Я научусь, папочка! — воскликнула Орб.

И вот, когда они вошли в дом и мать умыла и вытерла Орб полотенцем, не задавая никаких вопросов, потому что видела предупреждающие взгляды отца, Пейс взял карандаш и бумагу и нарисовал такую схему:

Потом он взял эту схему и показал ее обеим девочкам, потому что Луна к тому моменту уже проснулась и изнывала от любопытства.

— Мой двоюродный брат, Седрик Кафтан, женился на Ниобе, — объяснял Пейс. — Это было давным-давно. Маг — сын Седрика и Ниобы. А я тогда же женился на Бланш, и у нас родилась дочь Бленда. Маг и Бленда — троюродные. Они поженились, и у них родилась ты, Луна.

Пейс легонько дернул Луну за волосы, и та улыбнулась. Разница между девочками составляла всего несколько дней, и они так и не могли запомнить, кто из них старше.

— Седрик умер молодым, — продолжал Пейс. — Потом умерла и Бланш. Тогда мы с Ниобой тоже поженились, и у нас родилась ты, Орб. Поэтому у вас с Магом общая мать — Ниоба, а с Блендой — общий отец, то есть я. А вы с Луной принадлежите к разным поколениям, хотя вы ровесницы и похожи, как двойняшки.

— А почему ты так сильно старше Ниобы? — спросила Луна.

— На самом деле я на одиннадцать лет моложе Ниобы, — улыбнулся Пейс. — Она была самой красивой женщиной своего поколения и осталась молодой.

Девочки поглядели друг на друга. Головки цвета гречишного и цветочного меда одновременно закачались, отрицая полученный ответ. Конечно, Пейс шутит! Всем же видно, что он намного старше Ниобы!

— Кстати, это связано с пророчеством, которое и к вам относится, — продолжил Пейс.

— С чем? — спросила Орб.

— С предсказанием. С чтением будущего, — объяснил ее отец. — С тем, что случится. Я думаю, пора вам его узнать.

— Да! — хором закричали девочки. Настоящая тайна!..

— Это было сложное пророчество, и Магу пришлось наложить на вас обеих защитное заклинание, чтобы никто больше не смог прочесть ваше будущее. Первая часть пророчества относилась к вашим отцам — мы тогда были молоды и не женаты. Там говорилось о том, что каждый из нас женится на прекраснейшей женщине своего поколения и у нас родятся дочери.

— И так и было! — воскликнула Луна. — Наши мамы...

— Да. Это первая часть. Но есть и вторая. Одной из дочерей суждено связать свою жизнь со Смертью, а другой — со Злом.

— Мы еще слишком маленькие, чтобы выходить замуж! — возразила Орб.

— Маленькие — пока. Но когда вы вырастаете и станете такими же красивыми, как ваши матери, помните об этом предсказании и остерегайтесь. Никто не знает, что оно в точности значит.

— Мы запомним! — хором ответили девочки. Однако всерьез они к этому не отнеслись, потому что не ожидали, что когда-нибудь станут не такими, как теперь. Позже они еще вспомнят об этом, и Орб задумается: а не имеет ли ее сон какого-нибудь отношения к пророчеству? Что правда — венчание или мертвый мир?

Глава 2

Дриада

Прошло два года. Луна и Орб обе видели фей и многих других похожих на фей существ. Кроме того, Орб слышала музыку природы, а Луна видела ауры. Но знали об этом только их отцы. Пейс сам чувствовал магию природы. Маг, отец Луны, знал о магии решительно все. Ниоба и Бленда, хоть они и были прекраснейшими женщинами на свете, не интересовались подобными вещами. Им хватало своих собственных дел. Бленда постоянно помогала Магу в его таинственных исследованиях; Ниоба готовила, стирала, делала покупки, а в свободное время читала. Луна относилась к ней как к матери, потому что гораздо больше времени жила у бабушки, чем дома.

Луна тщетно пыталась показать Орб ауры. По ее словам, это было свечение, пронизывавшее и окружавшее все живые существа. Орб, в свою очередь, хотела, чтобы Луна слышала музыку природы.

— Вот она, Утренняя Песнь! — восклицала Орб на рассвете. — Ты слышишь ее, Мотылек?

— Только взгляни, Глазик! — уговаривала Луна. — Ведь нет ничего проще!

Увы, обещанная Пейсом другая часть магии не приходила. Орб все еще только слышала музыку. Нет, конечно, она пела, и пела для своего возраста чудесно, но магии в ее голосе не было. Орб была рада, что отец не рассказал тогда матери о ее неудачном приключении на реке. По

крайней мере, он не рассказывал о причине этого — о способности девочки слышать Утреннюю Песнь. Теперь Орб слышала ее каждое утро, если не спала. Прекрасная музыка менялась в зависимости от местности и времени года, так что всегда в ней оставалась свежая прелесть новизны. Если бы только Орб сама могла так сыграть!

— Ну, папочка! — взмолилась она однажды утром.

— Может быть, тебе поможет дриада, — сказал Пейс.

— Кто?

— Когда Маг был маленький, он учился у нее магии, — объяснил Пейс. — Дриада — древесная нимфа, что-то вроде феи дерева. Когда маленький Маг жил с нами, мы каждое утро отводили его к ней. Дриады не любят иметь дело с такими, как мы, но Луна — родная дочь Мага, а ты так похожа на нее, что, может, она и тебя примет. Твоя мать будет рада сводить вас в гости к дриаде.

— Папочка, ты прелесть! — воскликнула Орб и кинулась Пейсу на шею.

И вот они с Ниобой отправились на целый день в маленькую хижину возле болота. Это был их летний домик. Ниоба проследила, чтобы обе девочки не забыли повесить на шею защитные амулеты из лунного камня, подарок Мага. По болоту расхаживать опасно.

Огромные деревья свешивали ветви до самой воды, как будто пытались дотянуться до нее руками. Их окружала мощная магия. Луна не могла сдержать восторженных восклицаний, когда видела пересекающиеся ауры деревьев, а Орб — когда слышала их мелодии — такие разные и все же чем-то похожие. Ниоба не чувствовала ни того, ни другого, но понимала, что девочки не дразнят ее.

Они подошли к огромному старому дубу.

— Дриада! — окликнула Ниоба. — Ты помнишь меня, дриада? Ты учила моего сына, Мага.

Дриада вынырнула откуда-то из кроны дерева и уселась на одну из крепких боковых ветвей. На лице ее появилась осторожная улыбка — она помнила.

И тут Орб внезапно почувствовала, как к ней возвращается тот старый сон-видение. Она в церкви, идет под руку с каким-то незнакомцем, а рядом вращается опустевший земной шар. Кто этот человек, что случилось с

миром, и, главное, при чем тут она? Орб попыталась повернуть голову, чтобы увидеть лицо мужчины, и перед глазами на миг мелькнул его профиль. Кто бы это ни был, сейчас Орб не была с ним знакома. И мир — почему-то именно она виновата в том, что произошло. Орб знала это и была в ужасе.

— Я привела с собой дочь Мага и свою дочь, — сказала Ниоба. Орб вздрогнула и очнулась. — Ты поговоришь с ними?

Дриада внимательно посмотрела вниз, разглядывая девочек. Луна и Орб улыбались изо всех сил. Их предупредили, что так и будет.

Дриада молча кивнула. Да, она поговорит с ними.

— Я вернусь через два часа, — сказала Ниоба.

Орб в испуге повернулась к матери:

— Ты оставишь нас здесь одних?

— Дриада не спускается к взрослым, — объяснила Ниоба. — Только к детям. С ней вы в безопасности. Она не причинит вам вреда и проследит, чтобы вы сами не попали в беду. Если, конечно, вы будете ее слушаться.

Девочки растерянно смотрели вслед уходящей Ниобе. Они знали, что она не оставит их в опасном месте. Ниоба все время пеклась об их здоровье, иногда ее заботы начинали даже раздражать. Например, она считала, что вредно есть слишком много конфет или играть в грязи. Но болото было таким огромным и промозглым...

Когда Ниоба ушла, дриада спустилась с дерева. Не слезла, а именно спустилась, шагая по стволу, как по земле. Казалось, ее ступни приклеены к коре, позволяя держать правильный угол наклона. Впечатляющее зрелище.

Спустившись, дриада подошла к девочкам. Ростом она была не выше ребенка, но сложена как взрослая женщина — совсем как феи. Ее зеленые волосы были на самом деле листьями, а на обнаженном теле виднелись полосы, напоминающие кору. И она была очень красивой — как дерево и как женщина.

— Привет! — сказала дриада осторожно, как будто не ожидая, что ей ответят. Видно было, что она готова в любой миг ускользнуть.

— Привет! — сказала Орб.

Дриада отреагировала такой сияющей улыбкой, как будто луч света выглянул из-за туч.

— Ты — его дочь! — воскликнула она.

— Ну... не совсем, — призналась Орб. — Это Луна — его дочь. А я — дочь Ниобы.

— Что? — растерянно переспросила Луна.

— Она нас просто перепутала, — объяснила ей Орб.

— А ты откуда знаешь?

— Ты же слышала! Она назвала меня дочерью Мага.

— Но она ничегошеньки не сказала! — возразила Луна.

— Что? — в свою очередь растерялась Орб.

— Она не слышит меня, — с грустью сказала дриада.

Орб повернулась к Луне:

— Ты не слышишь ее?

— Чего не слышу? Она только рот открывает!

Теперь Орб поняла.

— Это как музыка! Я слышу ее, а ты нет!

— Самая умная, да? Зато ты не видишь ауры! — отпаривала Луна.

— Она видит ауры? — спросила дриада.

— О, конечно! — ответила Орб. — Она видит разные вещи, а я слышу. Мама не умеет ни того, ни другого. А вот папа слышит музыку, поэтому он сказал, что мы должны прийти сюда и поговорить с тобой.

— Кто твой отец?

— Пасиан Кафтан. Он умеет играть магическую музыку.

— Да, умеет. Как умел его двоюродный брат, Седрик. Когда я впервые услышала его музыку, я чуть с Дерева не свалилась!

Орб представила себе, как дриада падает с дерева, и расхохоталась. Дриада тоже рассмеялась.

— Что тут такого смешного? — требовательно спросила Луна.

Орб осознала, что должна взять на себя функции переводчика, не то быть беде. Обычно именно у нее случались припадки ярости, но Луна тоже способна закатить истерику, если захочет.

— Она сказала, что когда впервые услышала музыку Дедушки Седрика, то чуть не свалилась со своего дерева.

Луна захихикала. Правда смешно!

— Но потом он умер, — сказала дриада, — и это было так печально! Со мной тогда проводил время Маг, в те дни совсем еще малыш.

— Малыш? — переспросила Луна, когда Орб перевела ей слова дриады. — Мой отец?

— Да. Он слышал музыку и видел ауры, хотя не мог создавать их. Он был очень умный малыш и очень хотел учиться. Вот я и научила его природной магии.

— А нас ты научишь? — спросила Орб. — Мой папа умеет играть такие чудесные мелодии и говорит, что и я смогу, а у меня не получается!

— Залезайте на Дерево, — пригласила дриада. — Кто знает...

— Ой, как здорово! — захлопала в ладоши Орб.

Девочки вскарабкались наверх по длинным ветвям дерева. Ходить по стволу они, в отличие от дриады, не умели. Орб немного расцарапала коленку, но к этому ей было не привыкать.

Листва сомкнулась над ними, образовав чудесную беседку. Внутри ее ветви причудливо переплетались, а сучки и наросты заменяли девочкам стулья. Солнечный свет проникал через лиственный шатер, раскрашивая все вокруг веселыми крапинками.

— Ох! — воскликнула Луна. — От солнца аура становится ярче!

— Это потому, что свет — источник жизни Дерева, — объяснила дриада. — Свет, вода, земля и воздух — четыре основных элемента.

Услышав перевод, Луна наморщила лоб.

— Но я думала, что элементов пять...

— Да. Пятый — самый важный. Мы называем его душой — или магией.

— Так вот почему мой отец стал изучать магию! — воскликнула Луна. — Потому что ты рассказала ему все это!

— Да. Он хотел помогать Природе, как это делал Седрик. Мы, дриады — существа магические, но у нас нет власти над тем, что неестественно, и я подумала, что если он научится...

— Думаю, он и сейчас еще учится, — сказала Луна. — Они с мамой все время с этим возятся.

— Посмотрим, что мы можем сделать с твоей собственной магией, — сказала дриада, переводя разговор на безопасную тему.

Орб повторила ее слова для Луны.

— Можешь ты сделать вот так? — Дриада описала правой рукой плавную дугу.

Луна уставилась на что-то, находившееся в воздухе на месте, обведенном этим жестом. Орб тоже посмотрела, но ничего не увидела.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Луна.

— Попробуй сама, — сказала дриада.

Луна повторила ее жест и огорченно надула губы:

— Ничего не выходит!

— Но ведь рука — только часть этого! Нужны еще и эмоции!

— Кто?

— Ты должна чувствовать. Почувствуй природную ауру, а потом измени ее по своему вкусу. Попробуй снова.

Луна сосредоточилась и снова повторила тот же жест. Орб опять ничего не увидела, однако дриада улыбнулась:

— Вот видишь! Что-то получается!

Чтобы лучше сосредоточиться, Луна зажмурилась, и теперь открыла глаза.

— Фу! — воскликнула она с отвращением.

— Но это же аура! — настаивала дриада. — И сделала ее ты.

Луна задумалась, когда Орб повторила последнюю фразу. По правде говоря, девочке уже порядком надоело переводить.

— Да... Сделала.

— Нужно тренироваться, — предостерегла дриада. — За один день этим искусством не овладеешь. Потребуются годы...

— Годы? — воскликнула Луна нетерпеливо. — Но я хочу сейчас!

— Большинство людей совсем этого не умеет, — напомнила ей дриада. — А ты, когда научишься, сумеешь читать ауры людей и узнавать, хорошие они или плохие. Потому

что ты будешь знать все типы аур. Человек может солгать не моргнув глазом, но аура его выдаст. Вот почему я всегда знала, что Маг хороший и что он будет великим человеком, хотя темная сторона меня и беспокоила. У него очень сильная аура.

— Какая темная сторона? — спросила Луна, когда этот монолог дошел до нее.

— Маг хороший, но способен общаться и со Злом. Иногда я просто боюсь за него. Если Сатана склонит его ко Злу...

— Сатана? — переспросила Орб.

— О, наверное, мне не следовало говорить об этом, — сказала дриада. — Сатана очень нехороший.

Орб от происходящего устала — ведь к ней это не имело никакого отношения, а непонятные длинные слова заставляли ее напрягаться.

— А как насчет моей магии? — спросила она.

Дриада обернулась:

— Ой, прости, Орб, ты так нам помогла, а я тебя совсем забросила. Я не нарочно. Да, давай разберемся с твоей магией. Скажи сестре, чтобы она тренировалась с аурами, пока я буду заниматься с тобой.

Орб была польщена и решила не отвлекаться на допущенную дриадой ошибку. Ведь на самом деле Луна приходилась ей не сестрой, а племянницей. Она повторила все для Луны, и та удовлетворенно отвернулась, продолжая делать руками непонятные жесты.

— Ты умеешь петь? — спросила дриада.

— Да, — ответила Орб. — Хотя не так, как это делает папа.

— Тебе тоже не хватает эмоций. В музыку надо вкладывать душу. Надо очень сильно хотеть, чтобы магия пришла — иначе ничего не получится. Вот почему большинство людей не обладают магией. Они просто не в состоянии пожелать этого. Не хотят, чтобы магия стала их частью.

— Мама тоже не знает магии! — запротестовала Орб. По ее мнению, это опровергало слова дриады.

— У Ниобы магии больше, чем у кого бы то ни было. Но она отказалась от своей магии, чтобы выйти замуж за

твоего отца, — сказала дриада. — А теперь попробуй применить эмоции.

Орб сосредоточилась и попробовала напеть простенькую мелодию. Ничего не произошло.

— Не получается! — огорчилась девочка. — Почему у Луны получается, а у меня нет?

Не успела дриада ей ответить, как снизу тоже донеслась музыка. Все трое одновременно обернулись посмотреть, что делается внизу.

Музыка доносилась с тропинки. Она становилась все громче, по мере того как приближался музыкант. Это был какой-то незнакомый мужчина в яркой легкой рубашке и темных брюках. Его блестящие длинные волосы рассыпались по плечам, а темные глаза так и сверкали. Он играл на скрипке, а рядом с ним танцевала женщина в ослепительно яркой красной юбке. Голову ее покрывала зеленая косынка, зато блузки вообще не было. Пальцы женщины были унизаны кольцами, а длинные серьги свисали до самой груди, сверкая и переливаясь при каждом движении.

За ними шли другие мужчины и женщины, одетые примерно в том же стиле. Одни из них играли на мандолинах, а другие на инструментах, которые Орб видела впервые. На ходу все приплясывали. Незнакомцы подошли к дереву и встали в круг у его подножия. Их было около дюжины, включая нескольких детей.

Одна из женщин, старуха, выступила вперед.

— Вот! — сказала она, показывая на Луну и Орб. — Эти дети знают магию.

— Цыгане! — воскликнула дриада. — Я слыхала о них. Будьте осторожны — они воруют детей!

Мужчина, игравший на скрипке, шагнул к дереву.

— Провидица знает. Спускайтесь сюда, дети! Мы хотим посмотреть на вашу магию.

— Уходите прочь, негодяи! — закричала дриада. — Эти дети — не для вас!

— Ого! — сказал мужчина. — Древесная нимфа! Эй, дубовый дух, не лезь не в свое дело! Все, чего мы хотим — это дети!

— Вы не можете забрать их, — заявила дриада.

— Помолчи, дриада, а не то мы срубим твое дерево! — пригрозил человек.

Дриада вскрикнула от боли и гнева, услышав угрозу.

— Почему он ее слышит, а я нет? — обиженно проворчала Луна.

— Забирайтесь наверх и снимите их оттуда, — сказал мужчина.

Два сильных юноши быстро вскарабкались на дерево. В мгновение ока они оказались наверху и уже протягивали руки к оцепеневшим от ужаса девочкам.

Но как только эти руки прикоснулись к Луне и к Орб, юноши застыли, не в силах пошевелиться.

— Давайте скорее! — крикнул мужчина снизу. — Не век же здесь торчать!

— Мы не можем, — с трудом выдавил один из молодых людей.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмутился предводитель. — Уже и с детьми не справитесь?

— У них амулеты, — сказал второй парень.

— Ого! Надо было мне догадаться, что таких детей, как эти, будут охранять. Ладно, попробуем по-другому. Вали-те вниз, ребята!

Молодые люди выполнили указание буквально. Они разжали руки и действительно свалились вниз, ловко приземлившись на ноги.

Главный цыган поднял голову и улыбнулся девочкам.

— Мы — Пестрые-Разношерстные Цыгане! — объявил он. — Мы любим детей и живем расчудесно. Детям, знакомым с магией, у нас живется очень весело! Лучше, чем где бы то ни было. Слезайте, идем с нами!

Но Орб и Луна не спешили спускаться, помня предупреждение дриады. Они продолжали сидеть на ветке, глядя на предводителя сверху вниз.

— Сейчас мы покажем вам, как у нас весело! — сказал цыган и шелкнул пальцами.

Остальные цыгане взяли в руки инструменты и опять начали играть. Женщины плясали, а дети прыгали и переворачивались в воздухе, как маленькие акробаты.

— О, а это, похоже, и вправду весело! — сказала Луна.

Музыка стала громче, и Орб уловила в ней обрывки мелодий природы. Цыгане знали эту музыку!

— Не ходите! — закричала дриада.

Тщетно. Девочки, очарованные цыганским весельем, не могли не принять в нем участия. В мгновение ока они оказались на земле. Цыганские дети протянули им руки, и все вместе закружились в веселом хороводе. Девочки плясали, высоко подбрасывая ноги, забыв обо всем на свете.

Вскоре музыка смолкла.

— Это, конечно, не совсем Ллано, — сказал главный цыган, — но нам нравится. Присоединяйтесь, и музыка — ваша.

При слове «Ллано» пульс Орб участился. Что-то в этом слове волновало ее. Перед глазами опять пронесся давнишний сон-видение.

— Мы не можем уйти с ними! — резким шепотом сказала Луна. — Твоя мать так рассердится!

Но все внимание Орб было занято незнакомым словом.

— Лано... — начала она, пытаясь повторить то, что сказал цыган.

— О, Ллано! — воскликнул он. — У тебя, дитя, замечательный музыкальный вкус! Но никто не обладает Ллано, хотя многие ищут его. Мы, цыгане, в отличие от других, кое-чего достигли в этом поиске, но и нам известна лишь малая часть Ллано. Пойдем с нами, дитя, будем искать Ллано вместе! Провидица говорит, что одна из вас видит ауры, а вторая слышит музыку природы. С вашей помощью мы, может быть, найдем Совершенную Песнь!

— О да! — воскликнула Орб и захлопала в ладоши.

— О нет! — закричала дриада из ветвей дуба. — Нет! Ллано — иллюзия и обман! Смертные, которые ищут его, могут заболеть и погибнуть! Не доверяй этим людям!

— Срубите дерево! — огрызнулся главный цыган.

В тот же миг молодые люди вытащили топоры и направились к дереву. Дриада вскрикнула и чуть не лишилась чувств.

Этого Орб уже не могла вынести. Она никогда не отличалась ангельским характером, а тут просто взорвалась.

— Сейчас же оставьте дерево в покое! — закричала она в ярости.

Предводитель насмешливо взглянул на девочку:

— А не то?..

— А не то мы не пойдем с вами искать Ллано! — крикнула Орб. Она уже бежала к дереву.

Первый юноша высоко поднял топор, собираясь ударить по стволу. Орб бросилась на него и попыталась отобрать топор. Она была готова залезть на дерево и укусить парня за руку. Луна последовала ее примеру и вцепилась во второго юношу.

Молодые люди застыли на месте, не в силах сопротивляться.

— Надо избавиться от этих амулетов! — сердито пробормотал главный цыган.

— Эти амулеты сделал сам Маг! — снова вмешалась дриада.

— Конечно, кто же еще, — согласился цыган. — Он делает их на продажу. Надо же ему как-то зарабатывать на жизнь! Мы тоже такими торгуем. Но люди не приклеены к своим амулетам.

Он повернулся к молодым людям:

— Бросьте топоры, ребята. Я просто пошутил.

Девочки отпустили обоих парней, и те поспешно ретировались. Теперь главный цыган обратился к Орб:

— У тебя такой чудесный амулет. Можно, я посмотрю?

Польщенная девочка потянулась снять амулет.

— Не снимай! — вскрикнула дриада. — Амулет — твоя единственная защита!

Но у цыгана уже появилась новая идея.

— Никакая это не защита! — заявил он, делая рукой незаметный знак старухе. — Смотри, он превратился в огромного извивающегося червя!

Старуха швырнула в девочек каким-то порошком и принялась жестикулировать, бормоча непонятные слова. Орб почувствовала, что по ее шее что-то ползет. Луна вскрикнула, и понятно почему — ее амулет превратился в огромного червя.

Обе девочки разом принялись стаскивать с себя цепочки, чтобы избавиться от гадких созданий.

— Нет, нет! — кричала дриада. — Это всего лишь иллюзия! Не снимайте!

Но перепуганные девочки не внимали ее доводам. Они сняли амулеты и отшвырнули подальше.

Цыгане тут же набросились на девочек.

— Вот мы и заполучили вас, сокровища вы мои! — воскликнул предводитель. — И ваши таланты добавят нам не один пенни, когда вы сломаетесь! Вы научитесь танцевать, кланчить и воровать — словом, станете настоящими цыганками!

Орб и Луна заплакали от обиды и разочарования.

Но дриада еще не все сказала.

— Тьфу на вас, низкие создания! — крикнула она. — Стыд какой! Сейчас же отпустите девочек!

— А иначе?.. — насмешливо поинтересовался предводитель, как он это уже делал раньше.

— Иначе я расскажу о том, что вы сделали, своей соседке-дриаде, а она расскажет своей соседке, и так, по цепочке, весть дойдет до Дерева перед домом Мага!

Цыган рассмеялся:

— И думать забудь, нимфа! Маг не будет следить за каждым идиотом, купившим у него амулет! Таких амулетов — тысячи!

— За этими двумя он очень даже следит, — сказала дриада. — Одна из девочек — его дочь, а другая — сестра.

Цыгане так и застыли.

— Охо-хо! — сказала провидица. — А она правду говорит. Я не позаботилась проверить это заранее.

— Когда Маг доберется сюда, мы будем уже далеко, — возразил предводитель.

Женщина покачала головой:

— Брось, Пестрый. Мы не хотим ссориться с Магом. Он не из тех, кто только и умеет, что лепить каменные амулеты. Маг — самый могущественный чародей во всей Ирландии, а может, и не только в ней. И сила его с каждым днем растет. Он сотрет нас в порошок, и мы нигде не сможем укрыться от него.

Предводитель побледнел:

— Ты уверена?

— Да.

— Да будет так! — вздохнул цыган. Он повернулся к девочкам: — Мы покидаем вас, дети. К сожалению, мы не можем взять вас с собой, но так уж получилось.

Вся труппа уже уходила по тропинке.

— Нет, не так! — крикнула дриада. — Вы причинили зло бедным детям! Вы должны загладить свою вину!

— Не испытывай судьбу, нимфа! — проворчал предводитель. — Тебя-то Маг не защищает! Вот достанем топоры и...

Старая провидица опять остановила его:

— Мне надо было раньше это выяснить, но теперь я вижу, что Маг любит эту дриаду. Это она научила его магии природы, когда он был ребенком. Если что-нибудь случится с ней или ее деревом...

— Проклятие! — разозлился предводитель. — Почему ты мне раньше не сказала, женщина?

— Все мы иногда ошибаемся, — ответила провидица. — Мне так хотелось заполучить их, что я забыла разведать, что и как.

— Ничего себе ошибочка! — простонал предводитель. — Как нам теперь выкручиваться?

— Вы должны загладить свою вину! — крикнула дриада с дерева. — Только так! Понятно, вы, негодяи?

— Похоже, и правда, должны, — вздохнул цыган и снова повернулся к девочкам. Они уже подобрали свои переставшие извиваться амулеты.

— Покорнейше прошу у вас прощения. Позвольте мне все объяснить. Мы не злые люди, мы цыгане, и живем, как цыгане. И мы всегда добры к детям, как к своим собственным, так и к тем, которые к нам присоединились. Никто из них не променяет своей судьбы на оседлую жизнь. Меня тоже в свое время украли, и я не устаю благодарить судьбу за это! Мы — свободный народ, самый свободный на всей земле. С утра до вечера мы поем и пляшем, и счастливы жить так, как привыкли. Мы не желали вам зла. Просто хотели, чтобы вы стали одними из нас, потому что мы любим музыку и магию больше чем любой другой народ. Вам бы понравилась наша жизнь. И нам нужны совсем не любые дети, а только такие талантли-

вые, как вы. Эта попытка была скорее комплиментом, чем оскорблением или угрозой.

Шестилетние девочки еще только начали узнавать, что такое лесть, но дриада была на несколько сотен лет старше. И она не была склонна так легко прощать обиды.

— Кончай подлизываться! — крикнула она. — Переходи к делу!

— Я к этому и веду, древесная фея, — сказал предводитель, мрачно взглянув в сторону дерева. Потом он расплылся в обворожительной улыбке. Этот цыган мог быть очень обаятельным — если хотел.

— Чтобы загладить вину, мы хотим сделать вам подарок. Наша провидица бесплатно предскажет вам будущее.

Орб посмотрела на дриаду. Та одобрительно кивнула. Дар вполне соответствовал случаю.

— Хорошо, — сказала Орб. Луна тоже согласилась.

Старуха снова вышла вперед:

— Протяните мне свои руки.

Девочки вытянули вперед ладошки, как будто хотели показать, что они достаточно чистые и мыть их больше не надо. Старуха взяла их в свои сморщенные руки и закрыла глаза.

— Давайте заглянем в ваше будущее, — произнесла она нараспев.

Мимо Орб снова промелькнуло ее видение.

Цыганка вздрогнула и выпустила их руки.

— Я не могу читать в их жизнях, — воскликнула она. — Они скрыты!

— Очень, очень правдоподобно! — откликнулась дриада.

— Да нет, это правда! — возразила цыганка. — На девочек наложено запретное заклинание, затемняющее их будущее. Не думаю, что даже Сам Рогатый смог бы увидеть его. А я так точно не могу. И ни одна цыганка не сможет.

Луна взглянула на Орб.

— Папа, — сказала она.

Это было похоже на правду. Маг всегда защищал их, и не только с помощью амулетов. Может, предсказание будущего грозило им какой-то бедой, вот он и предотвратил ее.

— Вы хотите увильнуть от расплаты! — рассердилась дриада.

— Мы предложим взамен что-нибудь другое, — быстро сказал предводитель. — Мы всегда держим свое слово.

Дриада фыркнула, но цыган говорил серьезно. Орб быстро сообразила, как воспользоваться представившейся возможностью.

— Может, Ллано? — спросила она.

Цыган покачал головой:

— Я не могу дать тебе это, дитя! Ни один смертный не может. Ллано можно найти только самому. Моя игра — лишь бледный намек на то, что должно быть на самом деле. Я так и не сумел достичь большего.

— Но я правда хочу! — сказала Орб.

У Луны тоже проснулось любопытство.

— Может, ты хотя бы расскажешь нам об этом? — предложила она.

— Я и знаю-то не слишком много, — ответил цыган. — Все мы вместе едва ли...

— Да, расскажи нам! — сказала Орб. — Это похоже на Утреннюю Песнь?

Предводитель вытянул губы трубочкой и присвистнул:

— Ты слышишь ее? Тогда ты и в самом деле удивительное дитя! Да, говорят, похоже, только Ллано — это намного больше, чем Утренняя Песнь. Утренняя Песнь — одна из пяти основных Песен Природы, часть того целого, которое и называется Ллано. Ллано — это совершенная музыка, Песнь, которую все цыгане страстно желают найти, в которой мы черпаем вдохновение, хотя на самом деле плохо понимаем, что это такое. После смерти мы надеемся попасть в царство Ллано, слушать и играть перед лицом Вечности.

Он обернулся к своим людям:

— А вы что можете рассказать?

Заговорила одна из молодых танцовщиц:

— Я слышала одну историю про Ллано. Не знаю, вдруг это неправда, но думаю, что правда. Это история о молодой женщине, цыганке, как я. Она полюбила принца, но тот и смотреть на нее не хотел, ведь он был оседлый — гаджо, а она — кочевница. Ей надо было оставить свой табор, свои скитания и навеки поселиться в его замке, а это убило бы ее, ведь для цыган оседлая жизнь — тюрьма

и никто не сможет пережить такого. Но еще девушка знала, что умрет без своего принца. И вот она ступила в замок, подошла к башне, где стоял принц, и спела ему маленькую песню из Ллано. И тогда он спустился с башни, вскочил на своего прекрасного коня, подхватил ее на руки и усакал к табору. И принц женился на этой девушке и навсегда остался жить с цыганами, и любовь их была вечной, а все это из-за Ллано.

Орб пришла в восхищение. Что же это должна быть за музыка, если ее малая часть творит такие чудеса!

Женщина умолкла, и заговорил старик:

— Я знаю кое-что о Ллано. Гаджо поймали одного цыгана, вроде меня, и должны были повесить за воровство. А ведь он просто жил, как привык. Когда он увидел, что его преследователи не понимают, что он взял хлеб только для того, чтобы накормить семью, а помочь ему некому, парень понял, что погиб. Но тут он вспомнил маленький кусочек Ллано, который слышал много лет назад. Теперь эта мелодия вернулась к нему. И, когда ему уже накинута на шею веревку, парень спел этот обрывок мелодии. И тогда люди сняли петлю с его шеи, развязали ему руки и отпустили, да еще и денег с собой дали. И все из-за Ллано.

Эта история Орб тоже понравилась. Интересно, может ли Ллано помочь ей избежать наказания, если она что-нибудь натворит? В каком-то смысле уже помогло — ведь отец совсем не ругал ее, когда она рассказала ему про Утреннюю Песнь.

Теперь заговорил ребенок:

— Я тоже знаю одну историю про Ллано. Один мальчик, вроде меня, пошел в лес собирать ягоды. И тут появился огромный дикий зверь — не знаю кто, может, волк, или лев, или там дракон какой-нибудь — и совсем уже собрался проглотить мальчика, потому что голодный был. И мальчик перепугался до смерти, а потом вспомнил кусочек Ллано и спел его, и зверь сразу успокоился и стал совсем ручным, и все из-за Ллано.

Значит, с помощью песни можно приручить дикого зверя? Такая идея Орб тоже понравилась.

Предводитель снова оглядел цыган, но больше никто не хотел ничего добавить.

— Похоже, это все, что нам известно о Ллано, — сказал он. — Конечно, очень мало, но если бы мы знали, где найти его, то сами бы этим и занялись, вместо того чтобы болтаться в этом болоте. Может быть, раз ты уже слышишь Утреннюю Песнь, то когда-нибудь услышишь и остальные. Мы знаем о Песнях Природы, но мало кто из нас действительно способен их слышать. Меня, например, взяли к Пестрым-Разношерстным, потому что я слышу голоса магических созданий.

— Я думаю, этого нам достаточно, — сказала успокоенная Орб. Дриада промолчала, и цыгане ушли. Не прошло и минуты, как девочки снова остались одни.

— А вдруг это неправда? — сказала Луна, когда они вернулись обратно на дерево. — Может, они все это выдумали?

— Нет, только немного переделали, — сказала дриада. Орб повторила, потому что Луна, как всегда, не услышала. — Может, это случилось и не с цыганами, но что-то такое было. Говорят, что Ллано — совершенная музыка. Я этому никогда не верила, но я могла и ошибаться. Если бы мы, дриады, знали что-нибудь подобное, мы смогли бы защитить наши деревья от людей.

Они немного поработали с Орб и ее музыкой, но не прошло и нескольких минут — или девочке так показалось, — и появилась Ниоба. Урок был окончен.

Девочки решили не рассказывать Ниобе о своем приключении с цыганами, понимая, что, кроме вреда, от этого ничего не будет. С тех пор они часто приходили к дриаде, и постепенно Орб научилась играть так же, как ее отец, а Луна — рисовать ауры.

Но о Ллано Орб так больше ничего и не узнала. У взрослых она не спрашивала — ведь тогда придется объяснять им, откуда она знает это слово. Да и вряд ли им что известно. Вот Маг, тот знает наверняка, но он недосягаем. Даже Луна, его собственная дочь, не решалась беспокоить Мага, когда он был занят своими таинственными исследованиями. А он все время этим занимался. Поэтому Орб страдала в одиночку. Когда-нибудь она еще отправится на поиски Ллано!

Глава 3

Тинка

На поминки собралась вся семья. Орб было холодно и страшно. Тетя Бленда, мать Луны, умерла, и с этим ничего нельзя поделать.

Формально Бленда приходилась Орб скорее сестрой, потому что у них был общий отец, Пасиан, но проще было считать ее тетей. Бленда была самой красивой женщиной своего поколения, однако несколько последних лет сильно состарили ее. Таинственные исследования Мага отняли у них с женой почти все жизненные силы. И вот Бленда умерла, а сам Маг стал глубоким стариком. Трудно поверить, что он сын Ниобы.

Орб и Луне было уже почти по восемнадцать. Все говорили, что они так же прекрасны, как в свое время их матери. Но в час утраты трудно думать о красоте. К чему она, если человек все равно состарится и умрет?

Маг внезапно обернулся к Орб.

— Нам нужна музыка, — сказал он. — На поминках должна быть музыка.

— Но я не могу... — испугалась Орб. Хотя она и не была близка с матерью Луны — даже самой Луне Ниоба была ближе, чем мать, — все же горе девочки было так велико...

— Она очень любила твою музыку, — сказал Маг. — А теперь больше никогда не услышит ее.

Орб растерянно оглянулась в поисках спасения, но натолкнулась на твердый взгляд матери. Ниоба кивнула. Орб должна была это сделать.

Девушка сходила за своей арфой. Эта волшебная арфа из Замка Горного Короля досталась Орб почти шесть лет назад, когда ей исполнилось двенадцать. Она во много раз усиливала талант девушки. Магия Пейса действовала, лишь когда он прикасался к слушателю. Орб в этом не нуждалась. Но она не догадывалась, что Бленда об этом знала.

Девушка заиграла и запела. Она собиралась спеть что-нибудь печальное, однако музыка почему-то вышла веселой. Орб даже испугалась. В старые времена, поняла она вдруг, поминки были веселыми посиделками и зачастую продолжались всю ночь. Но сейчас-то обычаи изменились! Орб и не считала, что поет для праздника, но светлая, радостная мелодия сама рвалась с ее губ. Маг улыбнулся, и почему-то девушке показалось, что она поступила правильно.

Затем Луна нарисовала портрет Бленды в расцвете ее красоты. Это был прекрасный портрет. И в каком-то смысле Бленда заберет его с собой на небо, как заберет все, что дорого было ее сердцу.

Но вот миновали и поминки, и погребение, а жизнь все так и не хотела налаживаться. Маг решил уехать в Америку, и Луна, конечно же, уезжала с ним. Это не могло не огорчать Орб — ведь Луна всю жизнь была ее самой близкой подругой. Но чему быть, того не миновать. Девушки распрощались со слезами на глазах, и Луна с отцом уехали. Да, конечно, они обещали не терять друг друга из виду, приезжать в гости, писать... Но Орб все равно чувствовала себя обездоленной.

Теперь не было особого смысла оставаться дома. Отцу Орб, Пейсу, было уже за семьдесят, и он медленно угасал. Орб боялась, что он будет следующим, и не хотела присутствовать при его смерти. Итак, Орб отправилась к Ниобе, чтобы спросить, как мать отнесется к ее путешествию. Она опасалась отрицательного ответа, однако, к ее удивлению, Ниоба согласилась.

— Ну, конечно, дорогая, — сказала она. — Девушке полезно получше узнать мир, пока она еще свободна и может путешествовать. Просто будь осторожна.

Теперь вдруг задумалась Орб.

— А как же ты проживешь без меня, мама? Я хочу сказать...

Ниоба обняла ее:

— Я люблю тебя, Орб, но я справлюсь. Смотри, тут Маг кое-что для тебя оставил!

«Кое-что» оказалось ковром-самолетом. Маленьким шелковым ковриком, который тем не менее легко выдерживал вес Орб.

— Какой же он чудесный! — восхищенно выдохнула девушка. — Значит...

— Значит, Маг знал о твоём предстоящем путешествии, — закончила за нее Ниоба. — Он любит тебя, Орб, любит не меньше, чем Луну. Просто он редко это показывает. Именно Маг в свое время посоветовал мне, где вы обе сможете раздобыть ваши инструменты. Думаю, дело в том, что, когда он был ребенком, до него никому не было дела — вот он и потерял способность выражать свою любовь. Но это не значит, что он ее не чувствует.

Орб ничего на это не сказала. Ниоба была матерью Мага, и если она не обращала на него внимания, значит, у нее были на то уважительные причины.

— Я слетаю на этом ковре в гости к ним с Луной! — воскликнула девушка.

— Нет-нет! — поспешно возразила Ниоба. — Этот коврик не годится для полетов над морем! Далеко от берега ты можешь погибнуть в первой же буре! Это только местный транспорт, и летает он совсем невысоко над землей. А для того чтобы пересечь океан, тебе надо сесть на самолет. Тут нужна наука, а не магия. Да и кроме того, не стоит пока отправляться к ним в гости. Займись своими делами, посмотри, поищи.

Орб кивнула. Она никогда не рассказывала матери о своём стремлении найти Ллано, впрочем, Ниоба, конечно, все знала. Поэтому девушка просто протянула руки и обняла мать. Этого было достаточно.

Но Ниоба еще не закончила. У нее тоже был для Орб подарок — волшебный плащ. По желанию владельца он мог принимать любой вид, а значит, Орб теперь не надо было таскать за собой чемодан с одеждой.

— Когда захочешь вернуться — возвращайся. Я буду здесь.

Ниоба не сказала ни слова о Пейсе. Возможно, специально.

Орб снова обняла ее и смахнула еще одну слезинку. Потом уложила с собой немного еды, маленькую арфу, карту Эрина* и уселась на свой коврик. Он поднялся, отзываясь на ее желание. Это был один из тех улучшенных современных ковров, которые подчиняются только владельцу и не нуждаются в командах.

На мгновение ковер завис в воздухе. Орб послала матери воздушный поцелуй. Потом подняла ковер до уровня верхушек деревьев и полетела вперед. Ветер трепал полы ее плаща, но вреда от этого никакого не было.

Орб искала Пестрых-Разношерстных Цыган, которых встретила когда-то в детстве. Правда, цыгане уже рассказали все, что знают о цели ее путешествия. Но вдруг они подскажут, где найти Ллано.

Для начала Орб отправилась на болото, к большому дубу, где жила знакомая дриада. Они с Луной часто навещали дриаду, когда были девочками. В последнее время эти визиты стали реже. Тем не менее лесная фея радостно приветствовала Орб и даже спустилась с дерева, чтобы обнять ее.

— Но я теперь взрослая! — удивилась девушка. — Как же ты смогла ко мне подойти?

— Ты все еще невинна, — ответила дриада. — И потому тебя знаю. Ничто на свете не сравнится с твоей музыкой.

Орб решила не обращать внимания на такое неуважение к своему опыту. Дриада была слишком дорогим для нее другом.

* Эрин — одно из древних названий Ирландии

— Что я хочу, так это найти ту песню, Ллано, — призналась девушка. — Поэтому я ищу цыган — может, они подскажут мне, где ее искать.

Дриада нахмурилась. Ей совсем не нравились цыгане, угрожавшие когда-то срубить ее дерево. Такого ни одна дриада простить не может. Но она понимала, что Орб действительно хочет их найти, и поэтому постаралась помочь ей:

— Мы с моими сестрами следим за этим племенем. Сейчас оно на юге, в Корке.

Орб поблагодарила дриаду и отправилась дальше. Расставаться с дриадой было почти так же горько, как с матерью. Путь предстоял неблизкий. Вечерело. Орб немного поела и легла спать прямо на ковре, не опускаясь на землю. От холода девушку надежно защищал плащ, а что касается безопасности... Никто и внимания не обратит на одинокий летящий ковер. В конце концов, они не так уж и редки. Так что с ночлегом проблем никаких не будет — во всяком случае, пока нет бури.

Когда Орб проснулась, уже рассвело. Ковер летел над огромными лесами Корка. Почти все графство было покрыто лесом — волшебная кора местных деревьев служила для жителей Корка основным источником дохода. Орб немного полетала кругами, пока не нашла наконец то, что искала — поляну, по которой протекал ручеек с чистой водой. Туда она и опустилась, чтобы умыться и привести себя в порядок. Еда кончалась. Надо было купить еще, но сейчас ей не терпелось найти цыган.

Орб снова поднялась в воздух и стала высматривать следы их присутствия. Вскоре она увидела пестрые палатки. Подлетев поближе, Орб пригляделась к их обитателям. Несколько женщин возились с кухонными горшками, мужчины были заняты лошадьми и скотиной, повсюду играли пестро одетые дети. Да, это цыгане!

Орб опустилась на землю, скатала ковер и убрала его вместе с арфой в заплечный мешок. Ноша была нелегкой, но ей не хотелось просто так оставлять ценности в лагере. Она уже встречалась раньше с цыганами и понимала, что такая предосторожность будет не лишней.

Тут же девушку окружили дети.

— Ты хочешь купить красивые ткани? — кричал один. — У моей мамы — лучшие ткани в мире!

— Хочешь узнать свою судьбу? — спрашивал второй. — Моя старшая сестра знает все на свете!

Затем подошел мужчина с черными как смоль волосами и такими же глазами. По сравнению с ними его темная кожа казалась почти белой. Одним движением руки он прогнал галдящих детей.

— Привет тебе, прекрасная женщина! — воскликнул цыган. — Пойдем, я покажу тебе, что такое настоящая любовь!

— Лучше отведите меня к вашему предводителю, — ответила Орб. Ее слегка обескуражило подобное обращение.

— Я и есть предводитель, — заявил цыган, обвивая рукой ее талию. На спине у Орб висел рюкзак, и рука мужчины сползла еще ниже. Он крепко стиснул девушку.

Орб вывернулась и отскочила. Лицо ее пылало, и тело, кажется, тоже.

— Как вы смеете!

Мужчина рассмеялся:

— Да ты девочка с характером! А в постели, наверное, как хороша!

Пронзительный взгляд его темных глаз завораживал Орб. Она вцепилась левой рукой в амулет на шее, черпая в нем силу. Девушка знала, что цыган не может причинить ей вреда. Физически. Но все эти непристойности ее пугали. Орб хотела побыстрее избавиться от мужчины и заняться своими собственными делами.

Цыган снова протянул к ней руки. Он собирался воспользоваться своим воображаемым превосходством, но просчитался. На этот раз защитный амулет сработал. Стоило цыгану дотронуться до девушки, и он тут же лишился воли. Амулеты защищали Луну и Орб везде и всегда. Единственным исключением был Дворец Горного Короля, где Орб получила арфу. Ничто не могло противиться воле Горного Короля в его собственных владениях. Но к нему у Орб не было претензий — он был хорошим человеком. Точнее, просто хорошим, потому что непонятно,

человек ли это был. Да и арфа сделала ее жизнь намного полнее и глубже.

Почему же амулет раньше не защитил ее от грубой фамильярности цыгана? Да потому, что Орб не ожидала ничего подобного от постороннего мужчины, а он не знал, что оскорбляет ее. А теперь оба они все понимали, и защитная магия сработала. В сущности, все дело просто в отношении к происходящему.

Теперь, когда цыган был беспомощен, у Орб появилась идея.

— Ты ведь не предводитель, правда? — спросила она.

— Нет, — признал цыган. — Я сказал так только для того, чтобы тебе понравиться.

— Может, и ты сумеешь мне помочь, — продолжала Орб. — Я ищу Ллано.

— О, Ллано! — воскликнул мужчина. Его рука упала, отпустив девушку. И тут же вернулась утраченная воля. — Что ты со мной сделала, женщина?

— Я подавила твою индивидуальность, — ласково объяснила Орб. — Так ты будешь отвечать на вопрос?

Цыган присвистнул:

— Леди, хотел бы я ответить! Но мы не знаем, где искать Ллано. Не думаю, что кто-нибудь из нашего табора сумеет вам помочь. По-моему, лучше порасспрашивать на родине всех цыган.

— А где это?

— Мы и этого не знаем, — замялся цыган. — Я слышал, что наши предки пришли из Египта через Испанию. По названию похоже, что мы из Египта*.

Орб подумала. Версия показалась ей вполне логичной.

— Ну, тогда мне, наверное, надо отправиться в Испанию и поискать там, — сказала она.

— Это будет не слишком разумно, — вдруг забеспокоился цыган.

— Почему же?

— Ну посмотрите сами, леди, разве вам можно просто так заходить в цыганский табор и начинать задавать

* Цыган — gypsy, Египет — Egypt (англ.).

вопросы? В конце концов вы просто окажетесь в чьей-нибудь палатке, и...

Он вдруг замолк, очевидно, вспомнив о ее чудесной силе.

— Или нет... Но испанские цыгане — они не такие... Ну, они не отпустят вас так легко, как я, да и магия может вас там не защитить. Мы — простой и грубый народ, но там, в Испании, цыгане могут лучше знать старые предания. Вы рискуете.

Мужчина говорил искренне. Орб потянулась и поцеловала его в благодарность.

— Спасибо. Я буду осторожна.

Она повернулась, собираясь уходить.

— Обождите, леди! — окликнул ее мужчина.

Орб обернулась:

— Разве с тебя не хватит?

— С меня никогда не хватит, если речь идет о вас. Но я понял, что с вашей силой мне не справиться. Я прошу вас о милости, леди. Все видели, как я с вами заговорил. Если вы сейчас просто так уйдете, они поймут, что у меня ничего не вышло. А если вы останетесь хоть ненадолго и позволите мне показать вам табор, они могут подумать...

— А мне-то какое дело до того, что они подумают? — огрызнулась Орб. — Мало того, что ты посмел трогать меня руками...

— Я извиняюсь за свое поведение, леди. Но как же еще мужчине обращаться с красивой женщиной? У нас, цыган, так принято! Если бы я не попытался, я стал бы позором своего племени! Да и сейчас моя репутация...

Орб пыталась сохранить объективность, однако комплименты смягчили ее сердце. Цыгана, в общем-то, можно понять... Такой уж у Орб был характер — она легко вспыхивала и так же легко успокаивалась.

— Я вовсе не собиралась...

— Я понимаю! — быстро ответил цыган. — Конечно, настоящая дама, вроде вас, не может заинтересоваться таким никчемным типом, как я! Но если вы только притворитесь... Я буду вам так благодарен! Да я все что угодно для вас сделаю...

Он не хотел осрамиться перед своими соплеменниками. Это Орб вполне могла понять. Она немного оттаяла:

— Ну, мне надо добыть еды в дорогу...

— Да-да! — жадно ухватился за эту возможность цыган. — Я покажу вам, где наша лучшая еда! Самая дешевая, и без обмана! Если бы только...

Он сделал рукой неопределенный жест.

Орб решила, что контролирует ситуацию. Кроме того, этот цыган вполне мог быть ей полезен.

— Хорошо, можешь дотронуться до меня. Только не смей меня тискать! И учти — между нами ничего нет.

— Конечно! Но кое-кому может показаться, что есть...

Орб кивнула. Цыган обвинил рукой ее талию, пониже рюкзака. На этот раз он не стал опускать руку ниже, не говоря уже о том, чтобы прижимать Орб к себе. Другие цыгане одобрительно закивали: счет опять был в пользу мужчины.

Вскоре Орб отправилась дальше, нагрузив ковер должным количеством еды. Цыган сдержал слово и обращался с ней крайне уважительно. Он действительно оказался полезным спутником. У него была только одна просьба. Пусть Орб позволит проводить себя в лес, так, чтобы остальные цыгане могли и дальше строить свои домыслы. Орб согласилась, цыгане поверили, и на этом они расстались.

— Если вам когда-нибудь понадобится мужчина для других целей... — сказал цыган.

— То я буду знать, где тебя найти, — кивнула Орб. Ее новый знакомый был, в сущности, неплохим парнем, если уметь держать его в узде. Так Орб узнала, а может, вспомнила, что цыгане не нарушают своего слова.

И все же, расставаясь, Орб испытывала легкое сожаление. Нет, не потому, что между ними с цыганом могло что-то произойти! У Орб было такое чувство, как будто она прикоснулась к чему-то грязному и теперь уже не сможет отмыться.

Орб воспользовалась советом матери и полетела в Испанию самолетом. Выглянув в иллюминатор, она увидела клубящиеся внизу облака и поняла, что Ниоба права.

Безумием было бы даже пытаться перелететь море на маленьком коврике. Любой пустячный шторм стоил бы ей жизни, а в тумане безобидных облаков проще простого заблудиться. Магия, конечно, вещь превосходная, но и без науки тоже не обойтись. И то, и другое помогает улучшить людям жизнь.

Самолет приземлился в Гранаде, в Андалусии, о которой Орб знала давно, но лишь понаслышке. Отец Луны привозил отсюда особый камень для своих колдовских дел. Камень назывался андалузит и менял окраску в зависимости от освещения — то он был зеленым, то оранжевым. А заколдованный андалузит вел себя еще интереснее. Орб давно хотела побывать в Андалусии и была рада, что судьба забросила ее сюда.

Путем осторожных расспросов девушка выяснила, что цыгане живут в Альбайсине, на холме напротив Альгамбры.

— Но одной туда ходить не следует, — предупредил туристский агент. — У вас могут возникнуть неприятности. Наймите гида со знанием языка.

— Какого языка?

— Между собой цыгане говорят на своем собственном языке. Если вы пойдете туда одна, вас в лучшем случае обсчитают.

Орб поблагодарила агента, затем отправилась в уединенное место, где велела плащу стать мужской одеждой, подвязала волосы и втерла немного грязи в подбородок и щеки, чтобы создать впечатление пробивающейся бородавки. Она больше не хотела оказываться в роли одинокой женщины среди цыганских мужчин — это было слишком опасно. Приняв все эти меры предосторожности, Орб развернула свой коврик и полетела в Альбайсин, где приземлилась так, чтобы цыгане ее не заметили. Ковер девушка свернула и тщательно запаковала.

Вскоре она увидела цыганское поселение. Весь холм был изрыт норами; похоже, в них цыгане и жили — из каждой доносилась музыка. У этого народа была такая характерная черта — где они, там и музыка. А тот, кто любит музыку, не может быть совсем плохим человеком.

Орб стала подниматься на холм. Немедленно откуда-то вынырнула старуха с букетом цветов и заговорила по-испански.

Орб покачала головой.

— Я не знаю языка, — хрипло произнесла она и пошла дальше, надеясь, что ее голос действительно звучит как мужской.

Старая женщина куда-то делась, и на ее месте возникла молодая.

— А, так вы из Англии, — сказала она.

— Из Ирландии, — коротко ответила Орб, продолжая хрипеть.

— Я буду рада показать вам окрестности, — сказала девушка, не обращая внимания на эту поправку. — Поблизости расположен знаменитый мавританский замок...

— Мне нужна музыка, — сказала Орб.

— Музыка! Вам повезло! Лучший гитарист среди гитано — мой близкий друг!

— Гитано?

Женщина улыбнулась:

— Так мы себя называем. Мужчина — гитано, женщина — гитана. Я расскажу вам...

Но Орб решила, что эта цыганка вряд ли знает то, что ее интересует.

— Нет, спасибо.

Она пошла дальше.

Молодая женщина схватила Орб за плечи и развернула ее к себе лицом, чтобы та видела, как высоко вздымается ее грудь.

— Сеньор, вам ведь не сто лет! Разве вы не видите, как я страдаю! Я много лет мечтала встретить подобного мужчину! Неужели вы так жестоки, что отвергнете меня?

Эти слова застигли Орб врасплох. Она расхохоталась, забыв на мгновение, что нарядилась мужчиной.

Цыганка решила, что над ней издеваются, и пришла в ярость. В воздухе блеснул нож.

— Нет-нет! — крикнула Орб. — Подожди! Я такая же женщина, как ты! Я просто не хотела приходить сюда одна...

Настроение гитаны снова стремительно изменилось. Внезапно она тоже расхохоталась:

— Ох, теперь я поняла! Ты боишься наших гитано!

Нож исчез.

— Я хочу найти источник цыганской музыки.

— Я могу отвести тебя к одной старой женщине. Она знает много песен, которые все остальные давно позабыли!

Это звучало многообещающе.

— Хорошо.

— Всего за несколько песет...

Ну да. Конечно. Девушке нужны деньги. У Орб не было местной валюты, поэтому она протянула цыганке мелкую ирландскую монетку. Этот дар был принят благосклонно, и они отправились навестить старую женщину.

Но когда Орб заговорила про Ллано, старуха покачала головой:

— Если бы я знала, я сама была бы уже там! Только на родине всех цыган можно найти ответ на твой вопрос!

— Но где это?

— Этого я тоже не могу тебе сказать. Мы пришли из Египта, но, возможно, и это не родина. Может, пиренейские цыгане знают...

Так Орб попала в страну басков. Пиренеи спускались к воде Бискайского залива, и по обе стороны их жили баски — как в Испании, так и во Франции. Все они говорили на своем собственном языке, которого Орб не знала. Ее поиски не продвинулись ни на шаг. Да, цыгане здесь были, однако она не могла их найти. Ни их, ни тайны их происхождения.

Орб не хотела сдаваться. Она сняла комнату в деревне и каждый день разговаривала с новыми людьми, расспрашивая о цыганах. Но никто не признавался, что знает их.

В конце концов Орб впала в отчаяние. Она вышла на деревенскую площадь, достала арфу и заиграла. Тут же на площадь высыпал народ. Как Орб и предполагала, все пришли послушать ее игру. Ни один настоящий цыган не может остаться равнодушным к звукам музыки, а ведь

музыка Орб была еще и волшебной. Вскоре вся деревня собралась вокруг нее.

Орб перестала играть, убрала арфу и, не обращая внимания на толпу, пошла домой, в свою комнату.

Вскоре в дверь кто-то постучал. Орб отворила, надеясь, что сработала ее маленькая уловка.

За дверью стоял смуглый мальчонка в ярких лохмотьях.

— Николай зовет тебя, — сообщил он.

Похоже, это победа. Орб не стала ни о чем расспрашивать посланца, лишь плотнее запахнула плащ и вышла из дома.

— Вместе с музыкой, — добавил мальчишка.

Орб улыбнулась. Она сходила за арфой и вместе с инструментом отправилась вслед за мальчиком. Улица вывела их к маленькой лачужке, сложенной из всякого мусора. Орб была в ужасе. Неужели здесь кто-то живет?

В хижине девушка увидела старика-цыгана. Что он цыган, Орб поняла сразу — его внешность и манеры говорили сами за себя. Старик сидел на ветхом деревянном стуле и держал в руках старинную скрипку.

Он повернул голову и долго смотрел на Орб. Потом наконец заговорил:

— Научи моего ребенка своей музыке.

Орб оглянулась, потрясенная, ища глазами постреленка. Тот уже убежал.

— Я не могу... — слабо запротестовала она. — Я только хотела узнать...

Нетерпеливым жестом Николай заставил ее замолчать.

— Тинка!

В комнату вошла крепкая молодая женщина в цветастой косынке — несомненно, дочь Николая. Но с глазами у нее было что-то не так. Взгляд девушки бессмысленно блуждал, не останавливаясь ни на чем. Орб догадалась, что девушка слепа.

Николай поднял свою скрипку и заиграл. Орб показалось, что стены хижины раздвинулись и стали прозрачными, а мир вокруг затопило золотое сияние. Скрипка пела о чем-то давнем, чудесном, незримом...

Внезапно Николай оборвал игру.

— Но Тинка... Вот, смотри! — сказал он и поднял руку девушки, показывая ее Орб.

Орб вздрогнула. У дочери Николая уцелели лишь первые фаланги пальцев. Только большие пальцы были нормальными. Похоже, девушка покалечилась еще в детстве.

— Она не может играть, — хрипло произнес старик. — Она не может плясать.

Он взглянул на ноги дочери, и Орб увидела, что у девушки искривлены ступни.

— Тинке пятнадцать, а она все еще не замужем и бездетна. А ведь она хорошенькая. Научи ее своей музыке.

— Но... — Орб не знала, как ей выбраться из создавшейся ситуации. — Но тому, что я делаю, нельзя научиться...

— Возьми ее за руку, — сказал Николай.

Орб преодолела отвращение и взяла искалеченную руку Тинки. Стоило ей прикоснуться к девушке, как она услышала слабый отклик, похожий на звук далекого оркестра.

Тинка обладала магией!

— Я не могу научить ее, — продолжал Николай. — Вся моя музыка — в этой скрипке. Но ты можешь.

— Пожалуй, — согласилась Орб. Несмотря на свой жалкий вид, девушка ей нравилась.

— Так возьми ее, — сказал старик.

Орб повиновалась, ошеломленная таким развитием событий. Вообще-то у нее были другие планы на будущее... Она взяла девушку за руку и вывела ее на улицу.

Вокруг было множество людей; все они занимались своими делами и старательно не обращали на них внимания. Никто не смотрел, как Орб вела Тинку к себе, хотя все видели это.

Итак, вместо Ллано Орб нашла себе ученицу. Но она понимала, что это своеобразное испытание. Если она научит девушку волшебной музыке, цыгане станут ей помогать.

Тинка оказалась очень застенчивой. Она ничего не предлагала сама, а в ответ на расспросы лишь пожимала плечами. Одежда ее была рваной, туфли распадались. Орб

поняла, что бесполезно учить девушку чему бы то ни было, пока она в таком состоянии. Сначала надо завоевать доверие Тинки, а для этого следует привести ее в божеский вид.

— Пойдем, Тинка, — весело сказала Орб. — Мы отправляемся за покупками.

Девушка безучастно смотрела сквозь нее.

— Купим тебе одежду, туфли и все остальное, — продолжала Орб. — Ты очень хорошенькая, если...

Тинка продолжала оставаться безучастной.

Орб вдруг поняла, что до сих пор не слышала ее голоса. Может, девушка еще и немая? Нет, она ведь отреагировала, когда отец ее позвал, а человек, который слышит, способен и разговаривать. Если хочет, конечно.

«Всему свое время», — решила Орб. Наверняка Тинка разговаривает и даже поет! Иначе зачем бы Орб понадобилась Николаю?

Почему же тогда она не отвечает?

— Ты ведь понимаешь меня, правда? — спросила Орб.

Тинка опять пожала плечами. Понятно. Не понимает. А до сих пор она просто реагировала на вопросительную интонацию.

Орб вздохнула.

— Ну пойдем, что уж тут поделаешь.

Она взяла девушку за руку и повела. Тинка покорно шла за ней.

Они пришли в лавку, где торговали одеждой.

— Я хочу, чтобы эту девушку пристойно одели, — сказала Орб владельцу лавки. Он понимал по-английски, потому что иначе не смог бы обслуживать туристов. — Платье, туфли и обязательно перчатки. Перчатки с... Ну, вам придется что-нибудь сделать с пальцами. Но это не туристка. Оденьте ее как хорошенькую деревенскую девушку. Цвета подбирайте самостоятельно — она слепая. Справитесь?

Лавочник позвал свою толстую жену и о чем-то поговорил с ней, судя по всему, по-баскски. Потом хозяйка увела Тинку, а Орб с хозяином принялись торговаться. Она еще только училась этому искусству. Вообще-то у нее были с собой средства на любые непредвиденные расходы, но здесь не любили тех, кто легко расстается со своими

деньгами. Кроме того, лавочник запросил слишком много. Орб начала торговаться всерьез.

Прошло довольно много времени, пока хозяйка не привела Тинку обратно. С девушкой произошла разительная перемена. Теперь она была чисто умыта, волосы расчесаны и заколоты нейлоновыми гребнями. На Тинке было пестрое ситцевое платье, белая блуза, цветастая шаль и тапочки, в которых ее ступни выглядели почти нормальными. Твердые перчатки скрывали искалеченные пальцы. Тинка и правда оказалась очень хорошенькой!

Хозяйка подвела ее к зеркалу. Орб подумала было, что это ошибка, но женщина просто еще раз проверила, как сидит платье, уже и так идеально подогнанное по фигуре.

— Замечательно! — воскликнул лавочник, причем в его голосе слышались искренние нотки, вызванные не только выгодной сделкой.

Тинка услышала и что-то сказала в ответ. Впервые Орб услышала, как она говорит. Но не поняла ни единого слова.

— Что это за язык? — тихонько спросила Орб.

— Кало, — ответил хозяин. — Эта девка — цыганка. Я думал, вы знаете.

— Но я не знаю кало!

— А зачем вам? Научите ее английскому.

Орб отвела девушку обратно в свою комнату. Односельчане Тинки снова смотрели в сторону, но Орб знала, что на этот раз они гораздо пристальнее разглядывают их. Одежда много значит в жизни каждой женщины, случившееся же с Тинкой превращение было поистине замечательным. Теперь девушка и голову держала выше, и походка ее стала увереннее. Тинка как будто видела, какое впечатление производит.

Орб приготовила им обеим поесть, немного опасаясь, что у ее новой ученицы свои представления о культуре еды. Но у девушки никаких затруднений не возникло.

Наконец Орб взялась за проблемы, связанные с обучением.

— Ты умеешь петь? — спросила она.

Девушка не реагировала, и тогда Орб взяла арфу и спела коротенькую песенку.

Тинка улыбнулась. Она принялась напевать себе под нос и быстро подобрала мелодию. Голос у девушки был сильный и красивый. Конечно, она будет петь!

Но Николай хотел от Орб совсем не этого. Ему нужна была магия.

Орб положила ладонь на руку Тинки и запела. На этот раз она пустила в ход магию. Девушка не могла не услышать невидимый оркестр.

Да, она слышала и разразилась длинным потоком слов на цыганском языке. Она хочет научиться такому.

— Я не знаю твоего языка, — сказала Орб. — Было бы гораздо лучше, если бы мы могли понимать друг друга.

Тинка уже слышала волшебную музыку и рвалась помочь Орб. Она была совсем неглупой девушкой и не только пошла навстречу желаниям Орб, но и взяла инициативу в свои руки. Она показала на себя и назвала свое имя. Потом дотронулась до своего нового платья и туфель и произнесла два незнакомых слова. Девушка учила Орб языку.

Орб раздумывала совсем недолго. Если она хочет что-то узнать у цыган, язык ей очень пригодится. И ничуть не труднее будет выучить его, чем научить Тинку английскому.

Работы впереди было много, но Орб приняла решение. Она будет учить кало, а Тинка — обращаться со своим тайным оркестром. Обе девушки так увлеклись этим процессом, что к концу дня Орб уже знала довольно много слов и основы синтаксиса, а Тинкин оркестр начал понемногу отзываться. Через неделю девушки смогли общаться друг с другом, как словами, так и с помощью музыки. Впрочем, обеим предстояло еще учиться и учиться.

Орб обнаружила, что у цыган нет таких слов, как «долг» или «собственность». Эти понятия противоречили их природе. Долгом цыгане считали только то, что находилось в чести в их собственной культуре, а собственности у них не было, кроме одежды и предметов первой необходимости. Ни законного имущества, ни поместий, ни земельных. Они принимали подобные понятия только из уважения к традициям людей, рядом с которыми жили.

Это многое объясняло. Люди называли цыган ворами — но откуда взяться воровству, если нет имущества? Их называли лентяями — но это значило только, что цыгану не нужно ничего, кроме самого необходимого. Постоянная работа, служба в армии — все это не для цыгана. Так что плохие черты, которые приписывают цыганам, — лишь результат непонимания. У цыган нет ценностей, и это, если подумать, делает им честь. Они поют, любят и веселятся, не жалея ничего друг для друга. Словом, цыгане живут одной огромной, раскиданной по всему свету семьей. И Орб теперь тоже вошла в эту семью. А ей всегда хотелось принадлежать к чему-нибудь... такому.

Тинка жила вместе с Орб, на ее средства. Естественно — ведь у цыган не было денег. А как же еще могло быть? Орб ничего не имела против. Она никогда не думала, что окажется в подобной ситуации, но сейчас, занимаясь со способной молодой цыганкой, чувствовала лишь удовлетворение и радость. Поиски подождут.

Однажды к ним в дом опять зашел тот же мальчонка:

— Николай говорит, приходите на танцы.

— На танцы? — равнодушно спросила Орб.

Но Тинка очень оживилась.

— Мы должны пойти! — сказала она на кало. — Я знаю куда.

Удовлетворенный ответом, парнишка удалился. Теперь Тинка стала учительницей. Она помогла Орб одеться соответственно случаю. Это само по себе явилось испытанием, ведь у Орб не было никакой одежды, кроме магического плаща, и Тинке пришлось в мельчайших деталях описывать ей нужный костюм. Орб помогала ученице вопросами, и в конце концов они справились с этой сложной задачей. Орб посмотрелась в зеркало — она выглядела теперь как настоящая цыганка.

Когда пришел вечер, обе девушки вышли из дома. Вела их на этот раз Тинка, но Орб все время подсказывала ей, как идти, чтобы не оступиться и ни на кого не налететь.

На деревенской площади собрались уже сотни людей. Они танцевали парами, шелкая пальцами в такт музыке. Ритм был таким точным, что Орб даже заподозрила, что в крови у цыган струится ее собственная магия. Потому что

это, конечно же, были цыгане, которые наконец-то решились открыться ей. Орб поняла, что пропуском служит Тинка. Она пришла сюда вместе со слепой девушкой, и эта девушка, очевидно, здорова и весела. Может, Николай что-нибудь и рассказал, а может, достаточно того, что их с Тинкой в последнее время часто видели вместе. Во всяком случае, в ее обязанности явно не входит оставаться с Тинкой сейчас. Девушка просто сияет от счастья и ослепительно красива.

Вскоре к Тинке подошел молодой человек. Орб не знала, умеет ли ее ученица танцевать, но решила, что та как-нибудь сама разберется. Оказалось, что умеет, и очень неплохо, если, конечно, партнер танцует достаточно хорошо, чтобы ее вести.

Оставшись одна, Орб просто стояла и глазела на толпу. В какой-то момент она увидела Николая. Он играл на скрипке вместе с остальными цыганами. Музыка была радостной и оживленной, но старик, казалось, думал о чем-то своем. Заметив Орб, он медленно кивнул ей. И тогда девушка поняла, как Николай счастлив, просто потому что его дочь танцует. Хотя Тинка танцевала чудесно, вряд ли ее раньше часто приглашали. Но сегодня вечером она так и светилась от счастья. Глядя на танцующую девушку, трудно было поверить, что она слепа.

Какой-то юноша попытался пригласить Орб, однако она отказалась.

— Я не знаю этого танца. Я лучше просто посмотрю.

Юноша не стал настаивать и отошел. Но вскоре Орб снова пригласили. Она постаралась отказать второму юноше так же вежливо, как и первому. Ей совсем не хотелось прыгать выше головы.

Тогда к ней подошел сам старый Николай. Несмотря на возраст, он был очень красив в своем поношенном, но элегантном наряде.

— Если вы хотите быть цыганкой, надо соблюдать обычаи, — сказал он, протягивая девушке руку.

Теперь Орб уже не могла отказать. По реакции окружающих она поняла, что ей оказали большую честь. Она приняла протянутую руку. Николай был опытным танцором,

поэтому ей было совсем нетрудно, хотя танца она и не знала.

— Сегодня здесь только одна женщина прекраснее, чем мое дитя, — прошептал старик.

Орб улыбнулась. Она-то считала, что всем остальным женщинам далеко до Тинки, но не хотела спорить со старым Николаем.

Вскоре танец кончился, и Николай вернулся к музыкантам. К Орб подошла запыхавшаяся от танца Тинка. Ступни девушки были все же не приспособлены к такой нагрузке, поэтому ей надо было отдохнуть.

— Говорят, отец танцевал с тобой, — сказала она на кало. — Он не делал этого уже много лет при людях. Только когда учил меня.

— Он очень доволен тобой, я знаю.

— Это тобой он очень доволен! — возразила Тинка. — Потому что ты помогла мне. Иначе он не стал бы оказывать тебе знаки внимания.

— Ты тоже помогла мне, — ответила Орб сердечно. — Ты учишь меня языку.

Тинка тихонько пожала ей руку.

— Николай сказал, — продолжала Орб, — что одна из женщин красивее тебя. Но я ее не вижу!

Тинка повернула к ней удивленное лицо и весело рассмеялась.

— Не понимаю, — рассердилась Орб.

— С тех пор как умерла мама, для моего отца не было женщины прекраснее меня, — сказала Тинка. — До сегодняшнего дня. Он говорил о тебе, Орб.

Орб почувствовала, что краснеет. Она совсем не поняла смысла происходящего!

Характер танца изменился. Мелодия была почти такой же, однако стиль и движения танцоров стали совсем другими. Мужчины и женщины искоса поглядывали друг на друга, принимая соблазнительные позы. В их движениях сквозило бесчисленное множество эротических намеков. Казалось, будто они занимаются любовью прямо при людях. Орб снова вспыхнула, но теперь уже по другой причине.

— Этот танец, — прошептала она. — Что это?

Тинка, конечно, не могла видеть происходящего, однако ответ знала.

— Это танана, — сказала она. — Мало кому из посторонних разрешается ее видеть.

Орб смотрела как завороженная. Танец одновременно вызывал отвращение и манил ее. Никогда раньше она не видела такого откровенного призыва, но это было очень красиво. Мужчины вождели женщин, как все мужчины. Однако и женщины желали мужчин. Они были агрессивны, они завлекали, они принимали позы, рассчитанные на то, чтобы разжечь страсть. И все движения были стилизованы, и все пары двигались согласованно, а значит, это действительно был танец.

Теперь Орб начала понимать, почему нормальная цыганка начинает заниматься любовью еще незрелой девочкой и становится матерью к четырнадцати годам. Потому что дети тоже танцевали и обменивались такими же призывными взглядами, как взрослые. Некоторым девочкам еще и шести не было, а они уже крутили бедрами и принимали томные позы. Посторонний мог бы счесть это шуткой — и ошибся бы. Все движения, даже самые сладострастные, были точно рассчитанными элементами танца. Орб понимала, как должны волновать мужчин даже самые маленькие из девочек на этой площади. Она и сама не могла не испытывать желания, глядя на танцующих мужчин.

Орб опьянела от танца и мечтала только об одном — уйти, пока все не заметили ее смущения. Но она знала, что этого-то как раз делать и не следует. Кроме того, что-то внутри ее совсем не хотело уходить. Девушка томилась от желания, в глубине души ей хотелось остаться, принять участие в танце, отбросить осторожность и полностью отдаться этой страсти, пронизывающей все вокруг.

Остаток вечера Орб была как в тумане. В конце концов Тинка увела ее домой. Девушка упала на кровать и заснула. Наутро она была сама себе противна.

— Любой мужчина мог сделать со мной все что хотел! — в ужасе восклицала Орб.

— Нет, — возразила Тинка. — Отец приказал тебя не трогать.

— Я хочу сказать, что мне бы это даже понравилось!

Орб говорила свободно, не стесняясь, насколько позволяло ей знание языка. Хотя она совсем недавно познакомилась с цыганской девушкой, их общение было настолько интенсивным, что они давно уже стали близкими подругами. Тинка была моложе на целых три года, но разбиралась в подобных вопросах гораздо лучше, чем Орб.

— Это совсем не стыдно! — смеясь, воскликнула Тинка. — Я пять лет мечтала о мужчине. О любом мужчине! Но лишь немногие готовы были прикоснуться ко мне. Из-за моих недостатков.

Недостатков. То есть из-за ее слепоты, искалеченных пальцев и деформированных ног. И теперь Орб уже понимала, что мужчины не обращали на Тинку внимания не потому, что считали ее некрасивой, а потому, что полагали, что она не сможет стать хорошей цыганской женой и матерью. Секс много значил для цыган, однако практические соображения перевешивали.

— Немногие?

— Отец заставлял. Но я знала...

Тинка пожала плечами.

Любовь по обязанности. Какая девушка, сколько бы ей ни было лет, захочет такой любви? В данном случае речь шла не просто о свидании, но принцип тот же. Тинка хотела сама завоевать любовь нужного ей мужчины.

— Думаю, теперь они заинтересовались...

— Да. Вчера вечером трое хотели увести меня в кусты. Я не пошла.

— Трое!

Орб видела, как часто Тинку приглашали танцевать, а после тананы ей стало понятно, что от танцев до любви часто бывает даже меньше шага. Орб подавила свою естественную реакцию, зная, что мерки ее родной культуры к цыганам неприменимы.

— А почему не пошла?

— Потому что они все бродяги. Зная то, чему ты меня научила, я могу найти и получше!

В этом что-то было.

Работа продолжалась. Даже скорее удовольствие, чем работа. Орб не успела оглянуться, как прошло несколько

месяцев. Она освоила язык и узнала много нового о цыганской культуре. Тинка научила ее танане, пусть Орб и не собиралась танцевать на публике такой непристойный танец, научила многим другим культурным нюансам. Тем временем сама Тинка тоже делала успехи. Она могла теперь по собственному желанию заставлять звучать свой невидимый оркестр. Орб с интересом отметила, что в девушке звучал не классический, а цыганский оркестр. Но сила его от этого не уменьшалась.

Кончилось все внезапно. Цыгане — бродячий народ, и население деревни все время менялось. У них не было богатства в общепринятом смысле этого слова. Его замечало уважение окружающих. Тинка встретила красивого, умного и талантливого цыганского юношу и станцевала с ним танану, то и дело к нему прикасаясь. Орб поняла, что девушка показывает ему свою волшебную музыку. Тинка нашла то, что искала, и пяти минут ей хватило, чтобы очаровать своего избранника. Новый знакомый не обращал внимания ни на ее руки, ни на слепоту. Он понимал, что дар волшебной музыки — неоценимое сокровище. Да и красота девушки едва ли была помехой. К концу вечера молодые люди решили пожениться.

Орб было грустно расставаться с Тинкой. Впрочем, ей давно пора в путь. Девушка выучила здесь все, что могла, и была теперь гораздо лучше подготовлена к своему Поиску. Местные цыгане не знали, где искать Ллано, но соглашались, что стоит сначала найти родину цыган. Правда, где эта родина, они тоже не знали. Может, цыгане северной Франции подскажут...

Глава 4

Поиск

Орб больше не приходилось никого расспрашивать, чтобы отыскать местных цыган. Она справлялась с этим самостоятельно. А поскольку теперь она знала язык, то цыгане принимали ее как свою. Сами цыгане обычно владели двумя языками — кало и местным. Знание кало очень помогло Орб, ведь на нем говорили все цыгане, а об английском во многих странах и не слыхали.

В северной Франции Орб поведали еще одну историю про Ллано. Она сидела с женами местного цыганского барона и слушала, а женщины с удовольствием слушали вместе с ней, несмотря на то что хорошо знали эту легенду. Вообще-то посторонние считали их сестрами жены — полигамия в этих краях не приветствовалась.

Когда-то в одной стране правительство в очередной раз преследовало цыган. Такие естественные вещи, как кража еды, фальшивые предсказания судьбы легковверным простакам или эротические танцы, особенно за деньги, кажутся посторонним чем-то ужасным. Сама Орб в последние месяцы стала гораздо более терпимой в этом отношении, чем могла себе раньше представить.

И вот табор, вроде того, что у них, был окружен солдатами.

— Но сегодня мы с любимой должны были пожениться! — воскликнул один юноша. А кольцо врагов вокруг них все сжималось.

— Мы окружены. Нас мало, и пули у нас на исходе, — возразил предводитель. — Большинство наших мужчин уже убиты, а через час все мы скорее всего будем мертвы. Как же ты можешь думать о свадьбе?

— Я люблю ее! И у нас не будет другого случая пожениться!

— Но у нас нет ни еды, ни вина для праздника.

— Ее губы пьянят меня лучше всякого вина!

И тогда предводитель увидел правду в его словах.

— Ты говоришь как истинный цыган! — сказал он. — У вас будет свадьба!

И все цыгане по этому случаю собрались в большой круг. Но их музыкальные инструменты были уничтожены солдатами, и не было у них ярких одежд для праздника. А солдаты все приближались. Гремели выстрелы, и пули свистели между деревьями около табора. Времени оставалось совсем мало.

Среди тех цыган один старик знал маленький кусочек Ллано. Голос его был слабым и надтреснутым, но он начал петь, и юная пара танцевала танану под его пение. Лохмотья их превратились в яркие, красивые наряды, потускневшие пуговицы на жилете юноши загорелись ярким золотом, а старые серьги и браслеты его возлюбленной засияли, как дивные драгоценности. Цыганки щелкали пальцами в такт музыке, и голос старого певца становился все сильнее и громче. Теперь он заполнил всю поляну и нарядил цыган в цветные праздничные одежды. Даже свет дня, казалось, стал ярче.

Солдаты подошли совсем близко. Пули разбрасывали угли в костре, поднимая фонтанчики золы. Но цыгане, зачарованные песней, продолжали щелкать пальцами, а молодые танцевали, забыв обо всем на свете. Песня стала еще громче, и солдаты тоже попали под ее власть. Они остановились, пораженные тем, что цыгане не обращают на них внимания.

И тут из круга вышла девушка-цыганка, взяла за руку солдата и увела его в круг — танцевать. Песня отняла у парня волю. Солдат бросил ружье и пошел за девушкой, и взял ее за руки, и танцевал с ней в кругу цыган. Другая девушка увлекла в круг другого солдата, третья — третьего...

А песня продолжалась. Вскоре уже все солдаты танцевали с цыганками, забыв, зачем они пришли сюда.

И так они проплясали всю ночь до рассвета. А когда настало утро и старый певец совсем охрип, а танцоры слишком устали, чтобы продолжать, песня стихла, и изумленные солдаты оглянулись по сторонам. И что же? Каждый увидел рядом с собой прелестную девушку и понял, что просто не может причинить ей зла. Только как объяснить это командиру?

Тогда солдаты поговорили друг с другом и решили, что никак ему этого не объяснишь. Стоит вернуться, и их самих казнят. Поэтому они решили остаться с цыганами и жениться на девушках, с которыми танцевали. И табор выжил и стал еще больше, чем прежде, а все это из-за Ллано.

— Может, и в моих жилах течет кровь тех солдат, — закончил барон. — И я не жалею об этом.

Но Ллано он не знал, и не знал, где находится родина цыган.

— Может, тебе стоит спросить об этом у немецких цыган? — предложил он Орб.

В Германии у цыган были неприятности. Их барон умер от чахотки, и городские власти похоронили его в могиле для нищих, а жен его выслали из города. Все они были растрепанными и грязными до отвращения.

— Хотите, я принесу вам воды? — предложила Орб.

Все три женщины, как одна, покачали головами в знак отрицания.

— Мы не можем ни мыться, ни прикасаться к воде, пока его тело в земле полностью не разложится, — объяснила одна из них.

Так Орб узнала о Культе Мертвых. Все цыгане были последователями этого культа, включая тех, с которыми она жила в Испании, но в деревне тогда никто не умирал, и Орб ни разу не столкнулась с обрядами, относящимися к смерти. Когда цыган умирает, тело его сжигают вместе со скудным имуществом. Тогда его жены могут мыться. Нет тела — нет и траура. Но здесь в дело вмешались вла-

сти, и несчастные женщины оказались в бедственном положении.

— Мы даже не можем принести ему пищи! — жаловались они. Дело в том, что по обычаю на могилу надо приносить еду, чтобы дух покойного не проголодался.

Орб осталась на ночь в одной палатке с женщинами и мужественно терпела ужасный запах. Но стоило ей уснуть, как снаружи началась какая-то суматоха. Орб и ее соседки вскочили на ноги и выглянули из палатки.

Там стоял какой-то человек, с ног до головы перепачканный грязью. Даже с бороды его сыпалась земля.

— А, вероломные жены! — громко закричал он. — Почему вы не принесли мне поесть? Вы что, хотите меня голодом уморить?

Это был дух умершего цыгана. Все три его жены упали ничком на землю, крича от ужаса. Разгневанный призрак двинулся к ним и замахнулся, чтобы ударить. Орб шагнула вперед, еще не совсем понимая, что делает.

— Это не их вина, цыган! — закричала она на кало. — Горожане никого не подпускают к могиле!

Призрак повернул к ней залепленное грязью лицо.

— Кто ты? — спросил он грозно.

— Я — просто женщина, которая ищет Ллано, — храбро ответила Орб. Как это она посмела вступить в спор с призраком?

— Это невозможно! — заявил дух. — Даже я не знаю Ллано! Как же можешь ты, чужачка, искать его?

И он снова шагнул к упавшим женщинам.

Орб не знала, что еще можно сделать, поэтому запела цыганский мотив, подключив к нему свою магию.

Призрак опять остановился. Он был обескуражен и не двигался, пока Орб не допела до конца.

— Один человек умер когда-то, совсем как я, — сказал призрак, когда кончилась песня. — Его семья не смогла сжечь ни его тело, ни коня, потому что шел дождь, а у них не было огня. Но один из них знал кусочек Ллано, и он спел его. И тогда погребальный костер высох и задымился, а потом вспыхнул ярким пламенем. И тело того цыгана сгорело, и он упокоился с миром, а жены его снова были чисты.

С этими словами призрак исчез.

Женщины поднялись на ноги.

— Ты спасла нас! — воскликнули они.

— Увы, только на эту ночь, — грустно ответила Орб. — Что, он действительно может причинить вам вред?

— О да, у него и при жизни-то была тяжелая рука, а после смерти он явно добрее не стал! Мы должны принести ему еды!

— Или лучше сжечь его тело, — сказала Орб.

— Да! Но как? Ведь полиция...

Орб боялась, что из-за нее их всех арестуют, однако надо было попытаться.

— Похоже, он подсказал нам как. Я попробую вам помочь. Сможете вы сжечь тело, если вас пустят на кладбище?

— Сможем, если полицейские позволят нам это сделать. Но они же не позволят!

— А может, и позволят. Попробуем завтра ночью.

На следующий вечер цыганская повозка въехала в город. Орб и ее спутницы изо всех сил старались не шуметь. Повозка остановилась у ограды кладбища. Члены семьи покойного отправились раскапывать могилу, а Орб усеялась у самой ограды со своей маленькой арфой и стала ждать.

Полиция не дремала. Не прошло и получаса, а они уже были тут как тут. Дюжие полицейские двинулись по направлению к разрытой могиле.

И тут Орб начала петь, подыгрывая себе на арфе. Магия ее музыки коснулась полицейских, и они замерли. Вскоре все полицейские стояли около Орб и слушали ее пение, не в силах пошевелиться. Цыгане продолжали работать — они были слишком далеко, и волшебная музыка на них не действовала.

Орб пела песню за песней, не останавливаясь, чтобы полицейские не вышли из транса. Цыгане выкопали тело, сложили погребальный костер. Потом загорелся огонь, языки пламени взметнулись к самому небу, и до Орб донесся отвратительный запах горящей плоти.

Снова появился вчерашний призрак.

— Вот так-то лучше! — воскликнул он. Но тут сгоревшее тело рассыпалось в прах, и дух исчез.

Орб перестала петь и играть. Они с цыганками залезли в повозку и поехали прочь. Полицейские так и стояли без движения, глядя на разрытую могилу и грудуг углей рядом с ней.

Повозка подъехала к ближайшей реке, и все три вдовы содрали с себя одежду и бросились в воду — так им не терпелось отмыть грязь. Потом они уселись на берегу стирать грязную одежду.

Наконец мокрые и дрожащие женщины завернулись в одеяла, вытащенные из повозки.

— Ты сделала это! — восклицали они. — И если это было не Ллано, то что-то очень похожее!

— Это было не Ллано, — ответила Орб. Однако в душе ее горел теплый огонь.

Венгрия была страной цыганской музыки. Здесь жили известные всему миру композиторы и музыканты, а по стране с успехом гастролировали целые цыганские оркестры. Во все времена знаменитые музыканты Европы черпали из неиссякаемого источника цыганской музыки, популяризируя ее и распространяя, как свою собственную. Шуберт, Брамс — их прекрасная музыка восходит корнями к старым цыганским мелодиям. Венгерский пианист Лист записал цыганскую музыку в своих венгерских рапсодиях.

Местные цыгане называли себя ромалэ. Они жили здесь еще до прихода мадьяр, и мадьяры только выиграли, смешавшись с ними. Когда цыгане сопротивлялись, появлялись законы, обязывавшие их принимать христианство и сочетаться браком только с мадьярами. Из-за этого многие вынуждены были покинуть страну и уехать в Россию и Польшу, Германию и Францию... Многие цыгане притворились, будто приняли христианство, и даже украсили свои повозки крестами, но в сердце своем они продолжали хранить веру отцов.

Затем им приказано было поселиться в домах и забыть родной язык. Это вызвало новую волну эмиграции, ведь истинный цыган не может долго жить на одном месте.

Цыган обвиняли в каннибализме и жестоко преследовали за это, считая оправдания лишь подтверждением несуществующей вины. Но они все равно выжили. Их способности к обработке дерева и металла способствовали созданию новой, оседлой цыганской культуры, а цементом, скрепляющим эту культуру, стала цыганская музыка. Почти все кузнецы в Венгрии происходили из цыган, и все музыканты тоже. Величайшим из цыганских музыкантов современности был скрипач Чигари. Говорили, что его музыка пленяет души живых и мертвых.

Именно этого музыканта и искала Орб в Венгрии, но остальные цыгане не говорили ей, как его найти. Она была для них пришлой, а пришлых здесь называли «унгар», то есть «чужой», и не доверяли им. Орб была приятно удивлена, когда сообразила, что ее принимают за цыганку. Она так хорошо знала язык и обычаи, что даже ее медовые волосы не вызывали у цыган подозрения. Может, ее просто считали полукровкой, ведь цыгане часто женились на представителях других культур. Но похоже было, что здесь гораздо больше уважали местных гаджо, чем цыган из других стран.

Жители одной из деревень, попавшихся Орб на пути, были особенно грубы и утрюмы. Это удивило Орб — ведь обычно цыгане счастливы, как дети.

— Что случилось? — спросила она.

— Чинка осквернила воду! — кратко ответил ей кто-то.

— Что? — переспросила Орб. Ее потрясло сходство имени неизвестной женщины с именем ее подруги Тинки.

— Она прошла над нашим подземным водопроводом, — возмущенно объяснила какая-то женщина, вероятно, приняв восклицание Орб за проявление гнева. — И теперь нам приходится привозить воду издалека. А это так неудобно!

Орб разыскала Чинку. Женщина была на грани самоубийства от горя и досады.

— Я просто заблудилась! У меня был большой сверток в руках, и я не видела, куда иду, а когда увидела, было уже поздно — я споткнулась и наступила туда! — всхлипывала она.

В цыганской культуре некоторых регионов женщина считалась по природе своей нечистой. Орб узнала об этом, когда учила язык, но до сих пор ни разу не сталкивалась с этим сама. Ритуальная скверна лишь усугублялась беременностью; после родов одежду беременной женщины полагалось сжигать. Но нижняя часть тела женщины нечиста в любое время. Поэтому она не может перешагнуть через медные изделия, не осквернив их, и то же, очевидно, относится к водопроводным трубам. Никто теперь не будет пить воду, которую Чинка осквернила, пройдя над закопанной в землю трубой.

Орб понимала, что обсуждать правомерность этого обычая с ее стороны было бы неосторожно. Подобные суеверия менялись от табора к табору и в разных регионах довольно сильно отличались, но уж если существовали, то держались упорно. Сама Орб, разумеется, не считала Чинку виноватой и хотела помочь ей.

— Однажды я помогла женщине сжечь тело ее мужа, — сказала она. — Может, я и тебе смогу помочь?

На мгновение в глазах Чинки вспыхнула надежда. Потом женщина снова впала в отчаяние.

— Это невозможно. Мы же не сумеем проложить новый водопровод!

— Но я могу попробовать очистить от скверны старый...

— Ты кто? Колдунья? — заинтересовалась Чинка.

— Нет, я просто музыкант. В некотором роде. Я приехала, чтобы встретиться с Чигари, но мне не дают его увидеть.

— Никто не видит Чигари! Он встречается, с кем захочет и когда захочет!

Орб так и думала.

— Может, если я спою ему песню, он придет?

Чинка пожала плечами:

— Может, и придет. Только как это поможет очистить трубу от скверны?

— Я надеюсь, что это сделает моя музыка.

Чинка непонимающе покачала головой. Но Орб все-таки заставила ее показать то место, где она так неудачно споткнулась. Прямо там Орб среди бела дня поставила стул, села на него, достала арфу и заиграла.

Она пела песню о воде. О горных ручьях и прозрачных реках, о блестящих прудах и глубоких чистых озерах. Она протянула силу своей магии, но не к слушателям, а к воде у себя под ногами. Пусть вода в трубе откликнется, пусть примет в себя чистоту той воды, о которой она поет!

Как всегда, когда Орб играла, вокруг нее собралась толпа. Цыгане всех возрастов, мужчины, женщины, дети стояли и молча слушали ее пение. Орб продолжала петь песни о чистой воде, переводя, что могла, на кало. Толпа становилась все больше и вскоре заполнила улицу.

Когда Орб первый раз прикоснулась к воде своей магией, она почувствовала, что эта вода действительно нечиста. Любой, кто попробует пить ее, заболит, а одежда, постиранная в ней, останется грязной. Сама сущность воды отдавала чем-то скверным. Но музыка Орб проникала в эту сущность, и вода постепенно становилась чище и чище, пока не стала той водой, о которой шла речь в песне. Раньше, пока не возникало подобной нужды, Орб и не думала, что способна на такое. Она и сейчас не была уверена, что все получится, пока сама не увидела результата. Теперь ей было очевидно: да, у ее магии есть такая власть.

Орб остановилась и обвела глазами толпу:

— Вода чиста. Кто будет пить?

Никто из ее слушателей не шевельнулся — они не верили. Кроме всего прочего, она сама сидела над трубой, продолжая осквернять воду.

— Я прикоснулась к воде своей песней, и теперь она чистая, — повторила Орб. — Она больше не сможет вам повредить. Попробуйте и посмотрите сами.

— Я попробую! — воскликнула Чинка. Женщина подбежала к ближайшему крану, открыла его и выпила полную чашку воды. И вода ей нисколько не повредила.

— Ей ничего не сделалось, потому что она сама воду и осквернила! — сказал кто-то из мужчин. Остальные закивали. Действительно, разве это проверка?

— Но сейчас-то над ней сижу я! — подсказала им Орб. Подсказка была принята. Мужчины с сомнением поглядывали друг на друга.

— Вам нужна вода, — сказала Орб. — Я — женщина, мое тело оскверняет ее. Но моя музыка противится злу, и эта вода чиста. Кто еще хочет попробовать ее?

Пробовать никто не хотел. Никто не доверял ее словам.

Неужели все усилия тщетны, пусть даже вода и очистилась?.. Орб не знала, что еще можно сделать. Она неохотно поднялась со стула и убрала арфу.

— Я попробую воду! — вызвался какой-то мужчина из гущи толпы.

Все головы повернулись в его сторону. По толпе прошел шепот восхищения. Красивый, хорошо одетый цыган пробрался через толпу и подошел к крану. Он открыл кран, поставил под струю сложенные горсткой ладони и сделал несколько глотков. Потом вылил оставшуюся в горсти воду, завернул кран и выпрямился, глядя на толпу. Целый и невредимый.

— Это хорошая вода, — заявил он громко.

Тут уже и другие отважились попробовать воду. Люди пили и соглашались, что вода хорошая, проклятие снято и можно возвращаться к нормальной жизни.

— О, спасибо тебе, спасибо! — воскликнула Чинка. По ее щекам лились слезы благодарности.

— Скажи спасибо этому человеку, — сказала Орб. — Он поверил, когда остальные сомневались. Если бы не он, никто бы и пробовать не стал.

— Я просто не сомневался, — произнес незнакомец. — Никогда раньше не слышал ничего подобного.

— Спасибо, — кивнула Орб. — Простите, как вас зовут?

— Ты не знала? — спросила пораженная Чинка. — Это Чигари!

У Орб отвисла челюсть:

— Вы же не хотели меня видеть!

— Я не слышал, как ты играешь. — Чигари приглашающе согнул руку. — Пойдем в мою повозку, и я буду играть для тебя.

Орб взяла его под руку. Толпа расступилась перед ними. Они подошли к повозке музыканта, Чигари вынес скрипку и заиграл. Это была импровизация, и никогда в жизни Орб не слышала столь прекрасной музыки. Снова вокруг собралась толпа слушателей, но теперь ничто не

имело значения: Орб видела лишь Чигари и слышала одну только скрипку. Не зря у этого цыгана такая слава!

Когда мелодия умолкла, Орб взглянула на свою арфу:

— Можно?

Чигари молча кивнул в знак согласия и заиграл другую мелодию. Орб уселась на землю, достала арфу и тронула струны, углубляя и обогащая льющуюся мелодию. Магия Орб достигла слушателей, вдохнула жизнь в их лица. Теперь это был не просто дуэт скрипки и арфы — им вторил целый оркестр. Все вокруг застыли в немом восхищении.

Наконец Чигари прекратил играть и отложил скрипку.

— Хватит, — сказал он хрипло и обернулся к слушателям: — Оставьте нас.

В мгновение ока толпа рассеялась, и они остались вдвоем.

— Ты не цыганка, — покачал головой музыкант. — Чего же ты хочешь от меня?

— Я ищу Ллано!

— Ах, Ллано! — вздохнул Чигари. — Я должен был догадаться!

— Мне сказали, что я могу найти Ллано на родине цыган, — продолжала Орб. — Но я не могу разыскать ее! И подумала, что вы в состоянии мне помочь.

— Я знаю, где найти нашу родину, но не Ллано. И я боюсь, что даже там ты не обрешь того, что ищешь.

— Но если это цыганская музыка...

Чигари покачал головой:

— Ллано — не цыганская музыка. Мы мечтаем о нем, но на самом деле мы не ближе к нему, чем другие народы. Мы считаем Ллано своим спасением и стремимся к нему, но нам не дано его обрести.

— Не понимаю.

— Ты не слышала историю о гвозде?

— О гвозде?

— Это всего лишь легенда.

— Но она имеет отношение к делу?

— Возможно.

— Тогда расскажите, пожалуйста!

— Ты ведь знаешь, что здешние цыгане — лишь по названию христиане, подобно тому как цыгане мусульман-

ского мира лишь называют себя поклонниками Магомета. У нас своя вера, и иной мы не признаем.

— Я понимаю, — сказала Орб. Она уже научилась терпимости.

— Когда римляне решили распять Иешуа бен Мириам, которого теперь все называют Христом, им понадобились гвозди. Четыре крепких гвоздя: два для рук и два для ног. В те дни гвозди были редкостью и ценились высоко. И вот двоим солдатам выдали восемьдесят пенни в тогдашней валюте, чтобы они купили гвозди у местного кузнеца. Но солдаты были ленивы. Они пошли в кабачок и просидели там полдня, попивая скверное иерусалимское вино. Выбрались они оттуда поздно и пропили половину денег. А гвозди надо было принести до сумерек, а солдаты были в подпитии, и вот они поспешили к ближайшему кузнецу и потребовали, чтобы он выковал четыре гвоздя. Но кузнец видел Христа и отказался делать гвозди для его казни. Солдаты рассердились и подожгли его бороду. Тем не менее кузнец был непреклонен. И пришлось им пойти за гвоздями в другое место.

Солдаты были в подпитии, однако у них хватило ума не сообщать имя жертвы следующему кузнецу. Они просто попросили выковать четыре гвоздя за сорок пенни. Кузнец возразил, что за такие деньги может сделать только очень маленькие гвозди. Солдаты стали угрожать ему пиками. Кузнецу это показалось подозрительным, и он снова отказался. Тогда солдаты разозлились и убили его. А потом пошли к третьему кузнецу.

Этому они предоставили такой выбор: или он сделает гвозди, или его убьют. Кузнец испугался и пошел к своей наковальне. И тут загремел голос мертвого кузнеца: призыв кричал, что гвозди предназначены для того, чтобы распять невинного человека. Тогда кузнец бросил наземь свои инструменты и отказался работать. Пьяные солдаты убили и его и поспешили к четвертому кузнецу.

А четвертый кузнец был цыган. Он просто проезжал мимо и ничего не знал о местных делах. Он был рад, что ему подвернулась работа, и принялся за дело. Как только он заканчивал делать гвоздь, солдаты сразу убирали его к себе в мешок. Но когда цыган начал ковать четвертый

гвоздь, солдаты рассказали ему, что этими гвоздями будет распят Христос. И тут же раздались голоса всех предыдущих кузнецов, которые заклинали цыгана не ковать последнего гвоздя. Солдаты в страхе убежали, унося с собой три гвоздя.

Цыган закончил ковать четвертый гвоздь и попытался остудить его, но вода закипела и испарилась, а гвоздь продолжал светиться. Тогда цыган испугался, сложил свою палатку и уехал, бросив пылающий гвоздь. Но когда он собрался поставить палатку где-то в другом месте, гвоздь снова появился перед ним и все еще шипел. Цыган снова пустился бежать. Но где бы он ни останавливался, раскаленный гвоздь был уже тут как тут.

Как-то одному арабу потребовалось починить колесо. Цыганский кузнец взял этот гвоздь и залатал им железный обруч. Когда араб уехал, колесо унесло гвоздь с собой. А через несколько месяцев кузнеца попросили починить меч, и рукоятка его начала светиться. Эту рукоятку выковали из того самого гвоздя, и вот он явился, чтобы преследовать цыгана.

Кузнец опять побежал, но везде перед ним появлялся проклятый гвоздь. Всю жизнь цыган убегал от гвоздя, а когда он умер, гвоздь стал преследовать его потомков. Христа распяли всего тремя гвоздями — на одну ногу не хватило, а четвертый является сынам племени кузнеца. Так оно и идет до сего дня, и, видно, поэтому мы и должны все время быть в пути, иначе гвоздь настигнет нас. Говорят у нас также, что только Ллано способен остудить этот гвоздь и подарить нам покой, ибо Ллано отпускает все грехи. Но я не верю в это. По-моему, Ллано — лишь иллюзия, посланная нам в утешение, как неосязаемый Святой Грааль — христианам. Что может какая-то песня сделать с тем великим грехом, который мы совершили, выковав этот гвоздь?

Отпускает грехи? Как интересно!

— А почему римлян никто не преследовал за то, что они сделали? — спросила Орб.

— А откуда ты знаешь, что не преследовал? Где теперь Римская Империя?

Орб кивнула:

— Быть может, и они заплатили. Однако пора гвоздю отдохнуть. Я буду искать Ллано!

— По-моему, ты нашла уже больше Ллано, чем позволено смертному. Брось гоняться за невозможным, женщина, и выходи за меня замуж.

Орб уставилась на музыканта, пытаясь понять, шутит ли он.

— Твоя музыка волшебна. С тобой моя игра достигнет наконец совершенства. И, кроме того, ты красива.

Он говорит серьезно! Орб совсем не хотела выходить за Чигари, но понимала, что неблагоприятно просто так взять и отказать такому человеку.

— Я не уверена, что это будет мудро, — осторожно сказала она. — Быть может, вам стоит спросить у провидицы. Что она скажет о подобном союзе?

— Разумеется! Сейчас спросим!

Чигари щелкнул пальцами и сказал подбежавшему цыганенку:

— Приведи нам предсказательницу. Самую лучшую!

Вскоре к ним подошла старуха.

— Я хочу жениться на этой женщине, — сказал Чигари. — Каковы предзнаменования?

— Дайте мне ваши руки, — молвила провидица.

Орб протянула руку. Чигари тоже. Старуха закрыла глаза, вглядываясь в будущее. Но тут же, как Орб и предполагала, открыла их снова.

— Там пусто, — сказала она.

— Как это там может быть пусто! — возмутился Чигари.

— Я смотрю, но ничего не вижу. Что-то мешает мне.

Чигари взглянул на Орб:

— Ты знаешь, что это значит?

— Мой сводный брат — волшебник. Он защищает мое будущее. Вероятно, мне еще не пора замуж.

— Должно быть, так, — кивнула старуха. — Только могучий волшебник способен помешать мне увидеть будущее. Я думаю, он хочет, чтобы ничто не препятствовало поиску этой женщины.

Чигари вздохнул:

— Да, это было бы слишком хорошо, чтобы осуществиться. Похоже, я не могу взять тебя в жены, прекрасная дева.

— Этого я и опасалась, — промолвила Орб. Музыкант был так вежлив с ней! Ей стало даже жаль, что из его затей ничего не вышло.

— Поезжай в Македонию, — сказал Чигари. — По-моему, именно оттуда цыгане пришли в Европу. Может, там ты найдешь ответ на свои вопросы.

В Македонии цыган оказалось больше, чем где бы то ни было. Похоже, каждый второй житель страны был цыганом. Там говорили на кало, и эта была самая чистая версия цыганского языка из всех, что дошли до наших дней. Привел сюда цыган сам Александр Македонский. Он узнал об их искусстве в обращении с металлами и захотел повысить с помощью этих знаний боевую мощь своей армии. Цыгане пришли сюда не как рабы, а как почетные гости. К ним относились с большим уважением, а умения, которые они передали народу Македонии, помогли этой стране сделать не один шаг к величию.

Но потом пришло время Рима, и слава Македонии померкла. Цыгане должны были теперь учить римлян. Золотой век миновал. Многие цыгане разбрелись по свету или спрятались в горах, чтобы сохранить свою свободу. Хотя большинство осталось.

Но была ли Македония их исторической родиной? Орб сомневалась в этом, и вскоре ей рассказали еще одну легенду. Где Александр нашел цыган? Нет, не в Египте, как думают многие. Цыгане жили тогда за Персией, в землях Хинда. Вот где их древняя родина.

Орб знала, что Хинд — это Индия. Или часть Индии. Туда-то ей и надо.

Она купила билет на самолет, который летел из Македонии к малоазиатскому побережью с посадкой в Анатолии. Второй самолет должен был доставить ее из Малой Азии в Индийские Королевства. Орб постаралась расслабиться и заснуть. Она знала, что полет будет долгим.

Но тут в дело вмешалась Судьба. На борту появились вооруженные люди. Один из них сказал что-то на незнакомом Орб языке, и несколько пассажиров в ужасе устыдились на него. Второй заговорил по-английски:

— Это угон. Мы летим в Персию.

— Но в Персии война! — запротестовал кто-то из пассажиров. — Нас сожгут!

— Нет, — ответил угонщик. — О нас знают. Теперь этот самолет — собственность Персии. Мы запросим за каждого из вас выкуп. Тот, кто откажется с нами сотрудничать, будет мобилизован в персидскую армию.

— Моя семья бедна! — вскричал другой пассажир. — Как же мы заплатим вам выкуп?

— Добро пожаловать в персидскую армию! — мрачно ухмыльнулся угонщик. — Я уверен, вам понравится на передовой!

Орб вздрогнула. Вот уж не повезло! Жестокая война между Персией и Вавилоном тянулась давно и без надежды на победу с обеих сторон, однако обе воюющие стороны решительно отказывались заключать мир. А решения международных конференций выполняли только на словах. Теперь, значит, выясняется, что персы добывают деньги и солдат, посылая своих агентов захватывать самолеты.

Угонщики начали составлять список. Все пассажиры по очереди сообщали свои имена — судя по всему, тут ничего не сделаешь. Самолет теперь летел по направлению к Персии.

Но либо угонщики просчитались, либо пилот их обманул. Появился еще один самолет, судя по опознавательным знакам — вавилонский. По радио им пролаяли новый приказ: немедленно приземлиться в Вавилоне. Иначе их самолет будет сбит.

— Лучше умереть! — воскликнули угонщики.

Последовал предупредительный выстрел. Точнее, это вавилоняне считали такие выстрелы предупредительными. В левом крыле образовалась огромная дыра. Самолет задрожал.

Орб поняла, что если никто ничего не сделает, то через несколько минут все они погибнут. А сделать никто ничего не мог. Кроме нее. Орб совсем не была героиней, но

жизнью своей она дорожила. Как она жалела о том, что связалась со всей этой наукой, а не полетела на своем верном, испытанном волшебном коврике! Коврик и сейчас был с ней. Но — увы! — в багажном отсеке.

— Когда я отвлеку угонщиков, подойдите к пилоту и скажите ему, чтобы он лег на старый курс, — шепнула Орб своей соседке.

— Но они же убьют и вас, и меня!

— А может быть, и нет.

Орб взяла арфу и заиграла.

— Эй, ты! — закричал говоривший по-английски угонщик, замахиваясь на девушку прикладом.

Тут Орб запела, и он замер.

Магия Орб успокоила всех, кто находился на борту самолета. Продолжая петь, девушка легонько подтолкнула локтем свою соседку. Та встала и начала пробираться к кабине. А Орб все пела и играла, зная, что, как только она остановится, угонщики снова примутся за свое.

Но вавилоняне не слышали ее пения. За первым «предупредительным» выстрелом последовал второй. В крыле появилась вторая дыра.

Орб на мгновение прервала пение.

— Скажите им, что мы садимся! — крикнула она пилоту и снова запела, прежде чем бандиты успели опомниться.

— Это не выход! — отозвался пилот. — Вавилон — еще хуже, чем Персия!

— Тогда включите радио! Я и для них спою!

Орб снова отвлеклась, и один из угонщиков успел поднять винтовку и прицелиться. Но на курок нажать не успел. Орб снова запела, и бандит так и застыл с поднятой винтовкой в руках.

Теперь Орб сосредоточила внимание на вавилонянах. Подействует ли пение? Радио донесет до них ее голос, однако увидеть-то Орб они не смогут! А как зависит действие магии от расстояния? Орб не знала, но старалась думать о вавилонских пилотах и петь для них. Вдруг магия все-таки работает!

Их собственный самолет сменил курс. Сердце Орб оборвалось от страха — сначала ей показалось, что они падают. Потом она поняла, что дело не в крыле, а в действиях

пилота: он развернул самолет и летел теперь прочь от Персии. А значит, удалялся и от вавилонского аэропорта. Если ее пение не подействовало на вавилонян...

Но третьего выстрела не последовало. Самолет повернул на юг и вскоре совершил аварийную посадку в Аравии. Наконец-то Орб смогла отдохнуть!

К счастью, власти пришли в замешательство, узнав о таком просчете службы безопасности полетов, и не стали предавать события огласке. Поэтому репортеры Орб не осаждали. Вскоре подали другой самолет, и все пассажиры, пусть с некоторым опозданием, все же добрались до Индии.

Там Орб ожидало еще одно разочарование. Индия представляла собой множество маленьких княжеств, в каждом из которых говорили на своем языке, и ни одного Орб не знала. Цыган здесь, кажется, и вовсе не было. Видимо, они пришли из северной Индии, в которой жили до того, как навязанная завоевателями кастовая система превратила их в парий и вынудила уехать ради свободы. Утверждалось, что родной язык цыган очень похож на санскрит. Вероятно, растущий гнет вызвал несколько волн цыганской эмиграции из Индии. Но до отъезда они все были не цыганами, а туземцами. Так что здесь была родина цыган, а не Ллано.

Что ж, придется объехать всю Индию в поисках ключа к разгадке и расспросить туземцев во всех княжествах. Где-нибудь в Индии найдется человек, который знает о Ллано. Во всяком случае, Орб хотелось в это верить.

Путешествие свое Орб начала в Калькутте. Она понимала, что неразумно странствовать одной, и присоединилась к передвижному цирку. Для этого понадобилось только показать свое мастерство владельцу цирка. Он сразу принял Орб на место, назначив, как она понимала, весьма низкую плату. Но ей нужны были скорее попутчики, чем деньги, а цирк собирался объехать за год почти пол-Индии. Так что Орб была довольна. Ее Поиск продолжается.

Глава 5

Мима

Орб легко приспособилась к цирковой жизни. Частично девушка обязана была этим своему знакомству с цыганами — она на их примере научилась тактичному отношению к чужим обычаям. Кроме того, цирк вообще походил на цыганский табор. Разница заключалась в том, что этот табор был чисто коммерческим предприятием. Орб знала, что именно музыка помогла ей расположить к себе своих новых товарищей.

Владелец цирка представил ее остальным артистам:

— Орб из Ирландии поедет с нами, ее номер будет главным, а жить она будет в лучшем фургоне. Послушайте-ка ее.

Артисты холодно смотрели на чужачку, которая в один день вошла в милость у их хозяина.

Орб прикоснулась пальцами к струнам и запела. Музыка и магия полились из-под ее пальцев и коснулись слушателей. И сразу все лица разгладились, на что владелец цирка, собственно, и рассчитывал.

Когда песня кончилась, хозяин спросил:

— Ну и как по-вашему, сколько рупий она нам принесет?

Артисты закивали. Все они — русалка в баке с водой, гарпия на насесте, танцовщица-заклинательница змей, волшебник-иллюзионист со штатом ассистентов и подручных, дрессировщики — согласились, что номер Орб при-

несет им большие деньги. А работали в цирке только ради денег. Тем, кто приносил доход, прощалось все что угодно.

Но Орб все равно хотелось лучше познакомиться со своими новыми товарищами, чтобы никто не говорил, будто она важничает. Деньги девушке нужны не были, а сосориться она ни с кем не хотела.

И вот цирк выехал из Калькутты. Фургоны тащили слоны, которых погоняли погонщики-махауты. Поначалу Орб просто сидела снаружи, наслаждаясь необычным для нее способом передвижения, но вскоре потеряла к этому всякий интерес. Все равно ей не было видно практически ничего — обзор загораживала огромная туша слона. Орб прошла в фургон — тесный маленький домик с кроватью, стульями и плиткой для готовки — и попыталась читать книгу. Но дорога была ухабистой, а книгу эту Орб читала раньше, поэтому ей все равно не удалось избежать скуки. Она жаждала общения.

Орб выскочила из своего еле ползущего фургона и дождалась следующего. Это был фургон русалки. Почти все место в нем занимал огромный бак с водой.

— Можно мне к вам зайти? — спросила Орб.

Из бака высунулась рука и поманила ее. Орб запрыгнула в фургон и подошла ближе к огромному баку. Русалка высунула голову и изрыгнула воду из легких, чтобы наполнить их воздухом. Зрелище было пугающим, хотя Орб подумала, что это вполне естественно — надо же русалке как-то приспособливаться к среде.

— Я так понимаю, что вы не разговариваете, — сказала Орб. — Но вы ведь понимаете меня, не правда ли? Я одинока и буду рада вашему обществу, если вы не против, конечно.

Странное создание уставилось на нее. У русалки была голова женщины не первой молодости с зелеными, слегка растрепанными на воздухе волосами. Грудь тоже была женская, очень красивой формы, однако от талии начинались чешуйки. Чем дальше, тем их становилось больше — нижняя часть туловища была покрыта плотной чешуей. Длинный красивый рыбий хвост слегка изгибался, поддерживая

русалку на поверхности. Из жаберных щелей на шее и на боках все еще сочилась вода.

— Простите меня за назойливость, — продолжала Орб. — Я никогда раньше не встречала русалок, только водяных фей, в детстве, но они по виду совсем как люди. В смысле, у них есть ноги.

Русалка продолжала молча разглядывать Орб.

— Проклятье! — пробормотала девушка на кало. — Так я ее только оскорбляю!

На лице русалки появилась улыбка.

— Так ты знаешь язык! — воскликнула она тоже на кало.

Орб разинула рот от изумления:

— Я думала, вы не...

— Нет, я могу говорить, — сказала русалка, — если захочу, конечно. Немногие стоят того, чтоб с ними разговаривать.

— Но как?... То есть я думала, что вы морское создание!

— Мой отец был человеком, — объяснила русалка. — Он соблазнил жену одного мага, и тот очень рассердился. А что поделаешь, цыгане все такие. Ну и этот маг наложил на отца заклятие: все женщины с тех пор казались ему рыбами и наоборот. Только в воде он мог найти себе утешение. Моя мать не могла заботиться обо мне — на глубине для меня слишком большое давление. Поэтому воспитывал меня отец, как мог, конечно. И на суше. В конце концов он продал меня в этот цирк, где мне приходится отрабатывать свой хлеб. Мне совсем не плохо живется — я встречаю много интересных существ.

Жаберные щели наконец-то выдавили из себя остатки воды и закрылись, превратившись в еле заметные полоски. Теперь русалка ничем не отличалась от человека — по крайней мере сверху.

Орб сумела взять себя в руки:

— Но вас здесь держат — извините меня, конечно, — как уродца! Эдакое чудище, которое целует мужчин за деньги!

— А мне нравится целовать мужчин, — заявила русалка. — И даже больше, при случае. Они такие теплые, сухие, крепкие!

— Больше? — Орб надеялась, что не поняла русалку.

— Чешуя — это только внешность. На самом деле я млекопитающее и могу быть с мужчиной, если ему нравится делать это в воде. Махауты знают.

Нет, она действительно поняла правильно.

— Но зачем?

— А почему бы и нет? Мне так скучно и одиноко!

Орб кивнула, хотя раньше такое поведение показалось бы ей недопустимым. С другой стороны, кому будет не скучно, если ты на всю жизнь прикована к баку с водой! Конечно, тогда любое общество покажется раем!

— Я... Хотите, я вам почитаю? Или вы и сами умеете?

— Мужчины обычно не интересуются моей грамотностью, — сказала русалка и тряхнула грудью, показывая, чем обычно интересуются мужчины.

— Я с удовольствием поучу вас, если вы не против, только все мои книги написаны на английском...

— А я немного знаю английский, — сообщила русалка. — Хотя не говорю на нем. Мне однажды сказали, что у меня произношение какое-то скользкое.

— Это была просто дурацкая шутка! — воскликнула Орб. — Как жестоко!

Русалка пожала плечами:

— Нам, уродцам, не привыкать.

— Вы не уродец, вы — личность!

— Никому не говори, — улыбнулась русалка. — Не то я потеряю источник заработка.

Орб пришла в голову еще одна мысль:

— А гарпия, она тоже...

— Похожий случай, — согласилась русалка. — Если она не будет проклинать всех и каждого, люди перестанут платить за то, чтобы на нее взглянуть.

— Я хочу сказать, она тоже заколдована?

— Думаю, да. Маги любят мстить подобным образом. А о потомстве они не думают. Такие гибриды, как мы, могут озлобиться на весь мир, если подольше поразмыслят о своей участи.

— Представляю! А как вы думаете, гарпия не захочет поучиться читать? Книги способны многому научить, способны развлечь... Это целый огромный мир! И не надо

тогда быть с мужчинами, если... если тебе этого на самом деле не хочется.

— Спроси у нее. Может, тебе удастся набрать целый класс.

Орб отправилась в фургон к гарпии.

— Чего тебе надо, самодовольная дрянь? — визгливо выкрикнула гарпия.

— Я... Мы с русалкой подумали, что если вы хотите научиться читать по-английски, то я могла бы вам помочь...

Жуткое существо задумалось.

— А ты меня не разыгрываешь?

— Нет, мне просто показалось... То есть я хочу сказать, что мне самой скучно просто так ехать, и...

— Когда начнем?

— Когда хотите. Можно прямо сейчас, если...

— Тогда пойдем, женщина!

Гарпия толкнула когтистой лапой дверь своей клетки, выпрыгнула наружу, расправила тяжелые крылья и неуклюже вылетела из фургона.

Орб последовала за ней. Вскоре все трое уже сидели в фургоне русалки. Орб принесла свою книгу, и урок начался.

Слухи об этих занятиях поползли по всему цирку, и на следующий день к ним присоединился махаут. Вскоре у Орб было уже полдюжины учеников. Они занимались по часу каждое утро и каждый вечер, в те дни когда не было представлений. Ученики не слишком быстро усваивали новое, но торопиться было некуда.

Так прошло несколько месяцев. Снова Орб оказалась в непривычной для себя роли, и ей это даже нравилось. Орб любила помогать людям. Княжества, через которые проезжал их цирк, мало чем отличались одно от другого. Везде все те же толпы, тот же дождь мелких монеток в качестве единственной награды за представление. О Ллано никто ничего не знал, но Орб все равно нравилась эта жизнь, независимо от Поиска.

Однажды вечером после представления к фургону Орб подошел незнакомый мужчина. Внешность его была не-

выразительной. Незнакомец был очень низеньким, и все лицо его было обмотано бинтами, так что снаружи виднелись только глаза, нос и рот. В довершение всего он был укутан в грязную серую шаль. Сначала Орб решила, что это рабочий, потому что на лбу у незнакомца был кастовый знак слуг. Но цвет кожи и манера держаться выдавали более высокое происхождение.

У Орб вдруг возникло чувство дежавю, но девушка так и не смогла понять, в чем дело. Не может быть, чтобы она видела этого человека раньше.

— Да? — спросила Орб. Она совсем не боялась — мало кто из зрителей мог захотеть причинить ей зло, да и остальные члены труппы присмотрят. Если что-то будет угрожать ей со стороны незнакомца, сюда сразу прибегут несколько рабочих, а может, еще и махаут со слоном. Так что же ее беспокоит?

Незнакомец открыл рот, однако не произнес ни единого звука. Вместо этого он стал беспомощно размахивать руками.

— Извините, — сказала Орб. — Я вижу, вы ранены, но, к сожалению, не знаю местного диалекта. Может, вы говорите по-английски?

Незнакомец снова попытался что-то сказать. Он еще некоторое время помучился и наконец выдал:

— Г-га-га-а-ворю.

Орб наклонила голову и внимательно посмотрела на него.

— Вы стесняетесь? — спросила она с явной симпатией. — Не надо. Чего вы хотите?

Незнакомец снова вступил в борьбу с собственным голосом.

— Н-н-нне-е с-стесняюсь, — сказал он наконец. — Я з-за-а-ика.

Заика! Ей надо было понять раньше! Симпатия переселила у Орб все остальные чувства:

— Заходите, пожалуйста.

Они сидели друг напротив друга и молчали. Орб поняла, что беседу придется вести ей.

— Я никогда раньше не имела дела с такими проблемами, как у вас. Простите меня за возможную неловкость, я просто не знаю, как вам помочь.

Незнакомец снова начал говорить. У Орбхватило ума не перебивать его и даже подсказывать окончания слов, но все равно это был долгий и мучительный процесс. Как выяснилось, незнакомец просил, чтобы ему помогли выбраться из этого княжества. Он не преступник, он просто хочет, чтобы его никто не узнал.

Что же делать? Похоже, он говорит правду, но ведь и преступник из всех сил будет стараться выглядеть искренним. И тут Орбвспомнила об одном полезном свойстве своей арфы. Этот волшебный инструмент нельзя украсть, потому что он просто не допустит, чтобы к нему прикоснулся нечестный человек, а вор — человек нечестный. Значит, если незнакомец прикоснется к арфе, ему можно верить.

Орбизложила суть вопроса. Незнакомец без колебаний протянул руку и притронулся к арфе пальцем. Никакой реакции не последовало.

Орбвздохнула с облегчением.

— Давайте теперь познакомимся, — сказала она. — Меня зовут ОрбКафтан, и, как вы, должно быть, слышали, я пою.

— Я... не должен говорить вам, кто я, — запинаясь, выдавил незнакомец. — И я не ранен, я ношу бинты для того, чтобы спрятать лицо.

— То есть вы — политический беженец?

— П-п-прии-и-близительно, — сказал незнакомец. Он уже немного успокоился и заикался не так сильно, но слово было действительно длинное.

Ответ уклончивый. С другой стороны, арфа утверждает, что он честный человек. Орбрешила принять все, как есть.

— Можно взглянуть на ваше лицо?

Незнакомец размотал бинт. Лицо его было светлым и красивым, почти аристократическим по индийским меркам. Орбснова показалось, будто они раньше уже встречались. На самом деле этого просто не могло быть.

— Но я не могу открывать лицо на людях, — сказал незнакомец.

Орб задумалась. У них в зверинце все время не хватало служителей. Если незнакомец согласится...

Да, он согласился. Орб принесла ему маску клоуна, чтобы не нужно было все время ходить забинтованным, и объяснила, что большинство артистов тоже чистят клетки, поэтому никто не удивится, видя, как клоун занимается грязной работой. А те, кто убирал за драконом, просто вынуждены надевать клоунские костюмы. Дракон становился добрее, если его развлекали.

Хозяин обрадовался новой паре рук. Все равно разно-рабочим полагалось лишь питание и постель, то есть чашка из общего котла и место в одном из общих фургонов. Так и вышло, что незнакомец присоединился к труппе.

Через несколько дней новоиспеченный клоун опять пришел к Орб. Теперь он считал, что может сам участвовать в представлении.

— Язык у меня работает плохо, но к телу это не относится, — объяснил он, запинаясь.

Орб отвела его к владельцу цирка.

— Докажи свои слова, — сказал он. — Я не намерен тратить время на разных там будущих звезд!

К удивлению Орб, клоун немедленно сделал сальто вперед, сальто назад, а потом встал на руки. Он был настоящим акробатом!

По требованию хозяина незнакомец повторил то же самое на одной из горизонтальных ветвей дерева.

— Что еще? — спросил хозяин, притворяясь безразличным. Весьма знаменательно — обычно ему и притворяться было не надо.

Еще клоун умел жонглировать пятью острыми ножами.

— А еще?

К этому клоун тоже был готов. Он устроил пантомиму, изображая воина, который никак не может справиться с собственным мечом. Когда клоун изобразил, что умудрился проткнуть себе ногу, хозяин улыбнулся. А когда незадачливый воин, пытаясь засунуть меч в ножны, ткнул его себе между ног, он расхохотался.

— Ты получил место, мимик! Сделай программу подлиннее — я все оплачу! Мы назовем тебя... — владелец цирка задумчиво потер подбородок. — Назовем тебя Мимик. Или нет. Мима. Мимик Мима! Ты талантлив, мой мальчик! Жаль, что я не знал этого раньше.

Орб тоже была потрясена. Кто этот человек, который не побрезговал грязной работой, обладая такими талантами? Орб продолжала петь, как обычно, но теперь она все время помнила о том, что есть на свете Мима, ее товарищ по работе.

Когда цирк приехал в большой город Ахмадабад, Орб решила сходить за покупками. Хозяин настоял на том, чтобы в целях безопасности она взяла себе провожатого. Поэтому с ней пошел Мима. Для такого случая он нацепил фальшивую бороду и надел какую-то неопишемую тунику.

Орб переходила от прилавка к прилавку, восхищаясь товарами. Какие чудные материи! Какие восхитительные безделушки! Но не успела она как следует насладиться экзотикой, как Мима схватил ее за руку, показывая, что им пора уходить. Орб сделала последнюю покупку и неохотно исследовала за товарищем.

Мима нервничал. Зачем-то он свернул на боковую улочку. Не успела Орб понять, что же его так беспокоит, как их окружили пятеро мужчин зверского вида. Это были тхаги — местные головорезы!

— Прячься!

Мима толкнул девушку за груды старых деревянных ящиков. Она поспешила повиноваться, понимая, что ничем не может помочь. Мима взял доску и двинулся навстречу разбойникам. Оружие выглядело бы жалким, даже если бы у него был один противник, а не пятеро, как сейчас.

Но у Орб есть амулет! Может он защитить их обоих? Нет, в такой ситуации амулет даже ей не поможет. Пока один бандит будет стоять в оцепенении, кто-нибудь из остальных достанет ее мечом.

Из своего укрытия Орб слышала, как бродяги насмеются над Мимой. Если бы только она могла хоть что-нибудь сделать! Если бы могла спеть!

Грубый смех сменила какая-то возня.

Через несколько мгновений вернулся Мима с шелковым носовым платком. Он потребовал, чтобы Орб завязала глаза, взял девушку за руку и помог ей выбраться сначала из-за ящиков, а потом и на большую улицу. Только тогда он снял с Орб повязку, и они отправились обратно к своему каравану. Тхагов больше не было. Очевидно, Мима как-то сумел отпугнуть их.

Оказавшись дома, Орб с облегчением вздохнула. Она ведь действительно успела перепугаться! Теперь Орб понимала беспокойство владельца цирка. В большом городе и вправду опасно. И удовольствие, которое она получила на базаре, не стоило такого риска.

Еще через несколько дней к ней подошел хозяин цирка.

— Что ты знаешь о тхагах? — спросил он.

— Очень мало, — ответила Орб. — Какие-то тхаги напали на нас с Мимой в городе, но он их урезонил, и они отстали. Вы не зря меня предупреждали.

— Урезонил, значит? — спросил хозяин и наморщил лоб. — И что же он им сказал?

— Ну, он с ними, собственно, и не разговаривал. Вы же знаете, ему трудно говорить.

— Он показал им какой-нибудь знак? Дал денег? Что он сделал?

— Я не видела, — призналась Орб. — Мима велел мне спрятаться, и я спряталась. А потом он завязал мне глаза и увел меня оттуда. Я так поняла, что это для того, чтобы я не видела этих тхагов. Может, они не хотели, чтобы я могла их опознать?

Но это предположение не показалось разумным даже самой Орб — ведь в самом начале они и не пытались прятаться.

— Выходит, ты ничего не видела, — сказал владелец цирка, как бы подводя итог разговору.

— Ничего. Что-нибудь не в порядке?

— Надеюсь, что нет, — ответил хозяин и ушел, оставив девушку в недоумении.

На следующем уроке английского Орб улучила момент, чтобы расспросить своих учеников о том, что ее беспокоило.

— Хозяин спрашивал меня о тхагах, — сказала она. — Что-нибудь случилось такого, о чем я не знаю?

— Как, ты не слышала? — завизжала гарпия, хлопая крыльями от возбуждения. — В городе нашли пятерых тхагов — мертвых и разорванных в клочья! Все вокруг было в крови, и...

— Думай, что говоришь, птичьи твои мозги! — прервала ее русалка.

— Мертвых? — в ужасе переспросила Орб.

— Наверное, после вас они напоролись на берсеркера, вот он их всех и уничтожил, — сказала русалка.

— На берсеркера?

— Как, ты ничего не знаешь про берсеркеров? — закричала гарпия. — Вкус крови приводит их в экстаз, как акул, и они все убивают и убивают, ничто не может остановить их! Они рубят и режут и...

— И в конце концов их самих тоже убивают, — сухо сказала русалка, снова прервав восторженные вопли гарпии. — Во всяком случае, что бы ни случилось, это уже все в прошлом. Потому что хороший берсеркер — это мертвый берсеркер.

Орб вздрогнула:

— Ужасно! Какое счастье, что мы не столкнулись с берсеркером!

Гарпия снова захлопала крыльями:

— А я думаю...

— Давайте читать дальше, — сказала русалка, бросая на гарпию уничтожающие взгляды.

Орб продолжила урок, но на сердце у нее было неспокойно. Что-то они от нее скрывают.

Когда Орб в следующий раз увидела Миму, девушка спросила у него:

— Ты знал, что тех тхагов, которых мы видели, после нашли мертвыми? Как ты думаешь, что случилось?

— Берсеркер, — ответил Мима. При этом он так заикался, что Орб решила на время оставить его в покое и не заставлять разговаривать. Видимо, Мима тоже узнал об этом событии и был так же расстроен, как и она.

Они сидели в фургоне Орб и смотрели на залитый дождем пейзаж. Наступил сезон дождей, и лило теперь почти

все время. В других фургонах подтекали крыши, но у Орб было сухо и уютно.

— Я думаю, нам надо бы получше познакомиться друг с другом, — сказала девушка. — Мы... ну, мы теперь товарищи по работе, и...

Орб беспомощно пожала плечами. Она не могла прямо сказать Миме, как ей нравится его общество. Мима, с его нерасполагающей, на первый взгляд, внешностью, оказался человеком талантливым, скромным и даже красивым, а тайна его происхождения не могла не вызвать у девушки интереса.

Мима кивнул. Он соглашался с любым ее желанием. Вот, кстати, еще одна его привлекательная черта. Мима был джентльменом. Русалка уже намекала Орб, что Мима ею интересуется, и Пифия, заклинательница змей, говорила то же самое. Обе они пытались сделать Миме предложения интимного свойства, но он отверг их, потому что думал о другой. Услышав это, Орб сначала покраснела, потом почувствовала себя польщенной, а потом поняла, что и ее интерес к Миме — не просто праздное любопытство. Она знала, что его ухаживания никогда не перейдут той границы, которую она сама установит. С Мимой ей было уютно и безопасно. А это многого стоило.

Орб рассказала Миме свою историю, всю как есть, без преувеличений. Детство в Ирландии, получение волшебной арфы в Замке Горного Короля и, наконец, Ллано, ее Поиск. Мима слушал внимательно и, когда речь зашла о Ллано, сказал, что слышал об этом.

— Правда? — живо заинтересовалась Орб.

Он повторил вариант одной из тех историй, которые она слышала раньше от цыган — как молодая женщина полюбила воина высокой касты и добилась его любви, спев что-то из Ллано, несмотря на то что была ниже по рождению, чем этот воин, и совсем некрасива.

Орб улыбнулась, услышав знакомую сказку.

— Но, конечно же, в жизни так не бывает, — сказала она.

— Бывает, — возразил Мима, страшно заикаясь.

Орб посмотрела на него. Она вдруг поняла, что русалка и другие артисты говорили чистую правду. Дождь стучал

по крыше, создавая в фургоне уютную, даже интимную обстановку. Орб так хотелось... а чего, собственно? Обнять его? Но она никогда раньше не обнимала мужчин.

— Я... Но ты ведь, конечно, не принц. Это, впрочем, не имеет значения. Я... ты мне все больше нравишься. Даже...

— Й-й-й-я...

Мима не мог справиться с собственным голосом. Орб положила ладонь поверх его руки.

— Неважно, Мима. Тебе не надо разговаривать со мной словами.

Но для него это было очень важно.

И тут Орб осенило:

— Я слышала, что иногда... Мима, ты умеешь петь?

— П-п-петь? — переспросил Мима растерянно.

— При пении, насколько я понимаю, включаются другие участки мозга. Поэтому некоторые заики хорошо поют, даже если совсем не могут говорить. Давай, попробуй; пой вместе со мной.

И Орб затянула одну из своих любимых ирландских песен:

О Дэнни, мой мальчик, трубят, зовут рога
В долинах, в ложбинах, на горных склонах...

Все еще сомневаясь, Мима подхватил:

Падают листья с осенних кленов.
Я буду ждать, а тебе идти на врага...

Они замолчали, пораженные. Мима не просто мог петь, не заикаясь; он пел правильно и мелодично.

— Да ты можешь стать певцом! — воскликнула Орб.

— М-о-мог бы, — согласился Мима. Он все еще не пришел в себя.

— Нет, ты пой, — настаивала Орб. — Песня тебе не нужна. Просто тяни ноту, любую.

— Я могу! — пропел Мима на одной ноте.

— Теперь ты сможешь сказать все, что пожелаешь! — воскликнула Орб. — Ой, Мима, я так рада!

Она обвила его шею руками и поцеловала.

Сначала Мима ответил на поцелуй, потом высвободился.

— Я не должен! — пропел он.

— Нет?

Орб пыталась не чувствовать себя отвергнутой. Но Мима теперь не был скован своим заиканием и стал куда более красноречив.

— Я не тот, кем кажусь, — пропел он. — Я принц.

И Мима рассказал Орб правду. Его звали Гордость Княжества. Он был вторым сыном раджи Гуджарата, и держали его все время взаперти во дворце, потому что раджа не хотел позорить семью заиканием. Но учили принца всему, что должен знать будущий раджа, в частности воинскими искусствам, на случай, если что-нибудь случится с его старшим братом. Миме стало стыдно, он сбежал из дворца и спрятался от семьи с помощью своего волшебного амулета. А потом зашел в цирк и услышал пение Орб. И тогда...

Мима пожал плечами. Без слов было понятно, что он увлечен ею с самого начала. Теперь он просто признавался в этом.

Сердце Орб потянулось к нему. Но тут она вспомнила другую загадку:

— А тхаги...

Мима и в этом признался. Как принц, он всегда ненавидел подонков. И когда он увидел, что бандиты угрожают Орб, просто применил все свои боевые умения — а учили его хорошо — и перебил их.

— Я завязал тебе глаза, — пропел Мима, — чтобы ты не увидела трупов.

Орб отвернулась, подавленная и несчастная. Сбылись ее худшие опасения. Мима — убийца, почти берсеркер. Как она могла дружить с таким человеком?

Когда девушка снова обернулась, Мима уже ушел. Он осознал, какую боль причиняет ей это открытие. А Орб поняла, что русалка уже давно подозревала, в чем дело, и оберегала ее. В душе Орб была еще совсем невинна.

Она бросилась ничком на койку и зарыдала.

Но вот прошла ночь, а за ней и весь следующий день. Дождь утих, и караван перебрался на другую стоянку. Орб постепенно начала успокаиваться. Да и русалка помогла,

напомнив ей, какая судьба ожидала бы ее, если бы не Мима.

— Нельзя называть жестоким человека, который приходит в ярость и становится берсеркером при мысли, что его любимой женщине угрожает опасность.

Остальные ученики Орб согласились с этим утверждением. Все, даже гарпия.

— А мне бы понравилось, если бы мужчина ради меня разорвал кого-нибудь на куски! — провизжала она.

Ужас Орб сменился другим чувством, не менее сильным. Она поняла, что любит Миму.

Девушка взяла себя в руки и пошла извиняться.

— Уже простил! — немедленно пропел он в ответ.

Орб заключила его в объятия и поцеловала.

После долгой паузы Мима осторожно высвободился из ее объятий.

— Я все-таки принц! — напомнил он.

Орб это совсем не волновало. Королевская кровь ничего не значила для нее.

— Если надо, я останусь с тобой в Индии.

— Нет-нет! — пропел Мима. — Тебе надо продолжать Поиск! Ты не должна отказываться от своей мечты, от Ллано!

— А по-моему, я уже нашла свою мечту — тебя, — возразила Орб. Ее сердце пылало, и это было чудесно. Никогда раньше Орб так не любила.

— Это лишь часть мечты, одна лишь часть, — пропел Мима. — И эту часть ты можешь получить, не отказываясь от целого. Я пойду за тобой, куда бы ни повели тебя поиски Ллано.

Орб улыбнулась:

— Ты и в самом деле замечательный!

Потом она поцеловала его снова, наслаждаясь новизной ощущения. И вдруг откинула голову, разглядывая лицо любимого. Ее как будто осенило:

— Поверни голову.

Мима повиновался, хотя и не понял, зачем ей это надо.

— Да! — воскликнула Орб. — Ты — это он! Вот почему мне все время казалось, что я тебя знаю!

— Кто — он? — пропел Мима.

— Мужчина из моего сна! Я действительно нашла тебя!

Мима озадаченно затряс головой. Тогда Орб рассказала ему о своем детском видении. О храме, где она была с человеком, лица которого не могла разглядеть — лишь профиль, и то на миг.

— Ты и есть этот человек!

— Я рад, что попал в твои сны, — пропел Мима. — Но не понимаю, как мне удалось там оказаться!

В ту ночь Мима переехал в ее фургон.

Новость об их романе распространялась со скоростью, чуть превышающей скорость света, и пожитки Мимы оказались на новом месте раньше, чем он успел сам об этом подумать.

Они лежали рядом, держа друг друга в объятиях, и даже не занимались любовью. Мима признался, что изощрен в искусстве любви — так полагалось принцу, а доступные женщины стоили рупию за дюжину. Но он никогда не любил по-настоящему. Орб не знала ни любви, ни секса, и до сих пор ее это ничуть не огорчало.

— Твои прикосновения для меня — прекрасная музыка! — говорил Мима.

— Это просто моя магия! — улыбалась Орб.

Мима смеялся, и они целовались, целовались без конца.

Потом, в другие ночи они уже занимались любовью, долго и страстно, но это было только еще одно проявление чувств, а не самоцель. Орб просто хотелось быть с любимым, так близко, как только возможно.

А цирк все ехал вперед, и месяц проходил за месяцем. Караван пересек Индию и перебрался через реку Инд. Заканчивался срок контракта Орб, а Ллано она так и не нашла. Орб совсем не расстраивалась, ведь теперь у нее был Мима!

Но в предместьях Карачи их настигла беда. Ее принес с собой человек на взмыленной лошади. Это был офицер армии Гуджарата.

— Принц, мы прибыли за вами! — провозгласил он. — Ваш брат, наследный принц, умер. Вам надлежит вернуться домой.

— Ты должен ехать! — сказала Орб. — Ты нужен своему княжеству!

— К черту княжество! — пропел Мима.

— Я поеду с тобой, любовь моя.

Орб не хотела придворной жизни, ей нужен был только Мима. Но она вынесет все ради возлюбленного.

— Нет, — решительно заявил офицер. — Поедет один принц. Он женится на принцессе, которую укажет ему раджа.

Орб похолодела. Неужели она должна расстаться с любимым?

— Н-ни-и-к-когда! — закричал Мима.

— Нам велено заплатить женщине соответствующую сумму, — сказал офицер. — Она ни в чем не будет нуждаться. Но принца она больше никогда не увидит. Таков приказ раджи.

— Соответствующую сумму! — возмущенно воскликнула Орб. Как могут деньги, сколько бы их ни было, смягчить оскорбление и унять боль, причиненную подобным приказом?

— Вот плата, — сказал офицер и протянул ей маленький мешочек.

Орб взяла его, сама того не сознавая. Она онемела от горя и ужаса.

Потом девушка обернулась к Миме. Принц неподвижно смотрел в одну точку, а на губах его показалась капля крови.

Офицер опустил на колени и протянул Миме свой меч рукоятью вперед.

— Если хотите, принц, можете отрубить мне голову. Мне и всем, кому пожелаете. Мы не поднимем руки на нашего принца. Но вы должны вернуться домой.

Кровь на его губах... Берсеркеры приходят в ярость от вкуса крови...

— Мима! — закричала Орб, внезапно осознав, что происходит. — Они ведь только выполняют свой долг! Ты должен уехать с ними!

Мима услышал ее. Он наклонил голову и выплюнул кровь на землю. Да, принц был берсеркером, но он умел сдерживать свою ярость. Офицер это знал.

Мима взял меч, перевернул его острием к себе и протянул офицеру.

Потом обратился к Орб:

— Я вернусь к тебе. А пока возьми...

И он протянул ей колечко в виде маленькой зеленой змейки.

— Но что это?

Орб казалось, что она смотрит на происходящее со стороны, из зрительного зала. Не может быть, чтобы все это случилось с ней!

— Носи его, и оно ответит на любой твой вопрос. Одно пожатие означает «да», два — «нет», а три — что ни «да», ни «нет» не подходят. Кроме того, оно защитит тебя.

Кольцо в руке Мимы ожило. Маленькая змейка переползла на ладонь Орб, поднимая голову и шипя, как будто собиралась укусить. Потом она свернулась вокруг одного из пальцев девушки и снова превратилась в холодное металлическое колечко.

— Пока ты не вернешься, — сказала Орб. Глаза ее были полны слез, и лицо Мимы расплывалось и дрожало.

Принц обнял ее и поцеловал. А потом уехал. Вскочил на прекрасного коня, которого привели с собой люди раджи, помахал рукой Орб и другим своим друзьям из труппы и ускакал прочь.

Орб глядела вслед любимому, пока он не скрылся из глаз. Тогда она упала в обморок.

Очнулась девушка в своем фургоне. Рядом сидела Пифия.

— Ох, мне так стыдно! — стала оправдываться Орб. — Я, конечно, вне себя от горя, но я никогда...

Заклинательница змей протянула руку, чтобы успокоить ее:

— Дело не в этом, Орб. Все признаки налицо.

— Что?

— Орб, милая, ты беременна.

И Орб снова потеряла сознание.

Глава 6

Орлин

Все члены труппы сочли своим долгом поддержать Орб в трудную минуту. Подумав, она решила, что разумнее всего продолжать вести себя как всегда и спокойно принимать участие в представлении. Ее беременность еще не скоро станет заметна. А там, глядишь, и Мима вернется.

Через несколько дней после принятия этого замечательного решения Орб решила заглянуть в тот мешочек, что дал ей офицер. Она открыла его и обомлела. Мешочек был полон драгоценных камней: изумрудов, рубинов, сапфиров, опалов и бриллиантов, все камни огромные и чистейшей воды. Когда Орб попросила владельца цирка оценить их, у бедняги глаза чуть не вылезли из орбит.

— Я купил бы их, — сказал он, — но за всю свою жизнь я не заработаю и на самый маленький из этих камушков. Ты — потрясающе богатая женщина, Орб.

— Мне не нужно богатство! — воскликнула Орб. — Я хочу только Миму!

— Я не пытаюсь принизить твои чувства, но, если бы его любовь продавалась, цена была бы более чем высока. Материально они тебя не обидели.

— Возьмите эти камни себе, — промолвила Орб безутешно. — Не желаю брать деньги за свою любовь.

— Орб, я обманул бы кого угодно без малейших угрызений совести, но ты — моя артистка, причем лучшая из

всех. У тебя будет ребенок, о котором надо заботиться. Оставь богатство для него, если тебе оно не нужно.

Это было разумно.

— Тогда возьмите один из камней, продайте, и пусть эти деньги принесут пользу нашим друзьям — артистам, — сказала Орб.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да.

Хозяин выбрал голубой сапфир.

— Чтобы продать его, потребуется некоторое время. Это надо будет сделать тайно, не привлекая внимания тхагов. Спрячь остальные камни. Никто не должен знать, что у тебя есть такое богатство.

Орб чувствовала себя невыносимо одинокой в своем фургоне. Она привыкла спать в объятиях любимого и теперь не могла заснуть в одиночестве. Пифия должна была спать со своим питоном, чтобы тот не сбежал и не потерялся, а русалка была прикована к баку с водой.

И тут Орб вспомнила о кольце. Мима сказала, что оно отвечает на вопросы. Интересно, это правда?

— Кольцо, — обратилась к нему Орб. — Ты действительно способно разговаривать со мной пожатиями?

Кольцо легонько сжало ей палец. Один раз.

— Можешь ты предвидеть будущее?

Маленькая змейка сжала ей палец трижды.

— А иногда можешь?

Одно пожатие.

Орб решила:

— Когда Мима вернется ко мне?

Кольцо сжало палец три раза.

— Никогда? — спросила Орб. Этого она и боялась больше всего.

Три пожатия.

— Он никогда не будет моим мужем или любовником?

Одно пожатие.

Почему-то Орб предчувствовала такой ответ и все же попробовала спросить опять. Не так-то просто отказаться от мечты.

— Я никогда больше не прикоснусь к нему?

Два пожатия.

Глупая надежда! Ну а хотя бы так:

— Я увижу его когда-нибудь?

Одно пожатие.

— Но никогда уже не будет... как раньше?

Одно пожатие.

Пусть неуклюже, Орб узнала все, что хотела. Зачем продлевать пытку и выяснять ненужные подробности их будущей встречи? Мима снова станет принцем и, наверное, уже будет женат на какой-нибудь красивой и богатой принцессе. Пусть он сто раз любит Орб, он все равно не поцелует и даже не ободрит ее — он горд, и характер у него железный. Нет, конечно, Мима не женится по собственной воле, но раз так нужно для его страны, значит, он сделает это и будет верен своей жене.

Ее роман с Мимой закончился.

Но вместо черной тоски Орб вдруг ощутила, что может теперь спокойно думать о будущем. В конце концов, Мима ведь не умер! И у нее осталось кое-что в память о нем — его ребенок.

Что она собирается делать с ребенком? Домой, разумеется, ехать нельзя — в ее семье никогда не случилось ничего подобного. А как позаботиться о ребенке, как воспитать? Немыслимая ситуация!

Ну, не совсем. У нее есть деньги, столько денег, что хватит на все. Можно купить себе домик и нанять верного слугу, который позаботится о покупках и всем остальном. Экономически она справится.

А с социальной точки зрения? Орб всегда была общительной девушкой — сначала у нее была Луна, потом Тинка, а в последнее время — Мима. Теперь Орб понимала, что из дома ее гнало в основном отсутствие Луны. Ей надо было с кем-то общаться, делиться своими радостями и огорчениями. Как хорошо в этом смысле было с Мимой!

Снова нахлынула тоска, но Орб постаралась подавить ее. Надо просто подыскать себе подходящую компанию. Кого-нибудь, кто ей приятен. Может...

Орб мысленно перебрала всех, кто ей нравится. А нравилась ей Тинка, слепая цыганская девушка. Конечно, Тинка сейчас замужем, однако для цыганок в порядке ве-

щей зарабатывать деньги любым доступным им способом. Возможно, ей удастся нанять Тинку?

Орб снова обратилась к колечку-змее:

— Смогу я?..

Одно пожатие.

Душу Орб переполнили облегчение и благодарность. Теперь ей было куда идти.

Хозяин сумел выручить за сапфир столько денег, что Орб была просто потрясена. Он выписал щедрую премию всем членам труппы и починил фургоны, начав с протекающих крыш. Орб попросила его не рассказывать, откуда взялись деньги, но артисты все равно прознали об этом. Когда Орб пришло время расставаться с цирком, они устроили в ее честь прощальную вечеринку. Должно было быть весело, но все почему-то плакали. Никто не знал о беременности Орб. Пифия держала язык за зубами, и русалка, которая сама заметила, что происходит, тоже никому ничего не рассказывала. Если бы не тот непреложный факт, что ребенка нельзя рожать в фургоне на дороге, Орб предпочла бы остаться в цирке, с друзьями.

И все же она рассталась с ними и взяла билет на самолет, улетавший в Пиренеи. Там девушка переделалась в подходящий наряд. Точнее, не переделалась, а приказала подаренному матерью волшебному плащу превратиться в то, что ей требовалось. Это было так легко, что сама Орб часто забывала, что же на самом деле на ней надето. Потом она достала свой маленький ковер-самолет и отправилась искать Тинку.

Поиски вышли недолгими — в этом регионе цыгане были более оседлыми, чем в других местах. Тинка переехала всего-навсего в соседнюю деревню и жила тем, что нанималась к туристам певицей. Это была временная работа — туристов было то много, то совсем мало, а возможности девушки ограничивала ее слепота. В отношениях с выбранным ею идеальным мужем тоже возникла некоторая напряженность — несмотря на все его усилия, Тинка все еще не забеременела.

Орб застала Тинку одну в доме, у плиты. Ее муж уехал по делам. Что это за дела, Орб предпочитала не спрашивать.

— Тинка! — окликнула Орб на кало. — Ты меня помнишь?

— Орб! — радостно закричала девушка, узнав знакомый голос. Она подбежала к Орб и крепко обняла ее.

Оказалось, что нанять Тинку — проще простого. По секрету девушка призналась, что она «немножко одинока» и с радостью возьмется за любую регулярную работу — муж будет только рад дополнительному заработку. Девушка подсказала Орб, где найти лучший дом и где все покупать. Две недели пролетели, словно один миг, и вот Орб уже переехала в новый дом вместе со своей горничной и собеседницей. Теперь оставалось только ждать, пока ребенок появится на свет.

Но на это нужно было время, ведь поторопить ребенка нельзя. Девушки много болтали на кало и пели. В ответ на расспросы Тинки Орб должна была признаться, что совсем не приблизилась к цели своего Поиска. Вместо этого она получила ребенка.

— Как бы я хотела ребенка! — грустно сказала Тинка.

Эти слова заставили Орб задуматься о будущем младенца. Что с ним делать? Она всегда знала, что не сможет оставить ребенка себе, но не бросать же его на произвол судьбы!

Орб обратилась к помощи кольца:

— Может, мне оставить ребенка Тинке?

Два пожатия.

— Но почему?

Три пожатия.

— Она что, будет плохой матерью?

Два пожатия.

— Хорошей матерью?

Одно пожатие.

— Но она не подходит?

Одно пожатие.

— А кто же тогда подходит?

Три пожатия.

Орб описала Тинке всю ситуацию.

— Мой волшебный амулет говорит мне, что ты будешь хорошей матерью, но я не должна отдавать своего ребенка тебе. Я не знаю, кому его отдать.

Тинка была разочарована, однако согласилась с решением кольца.

— У меня еще есть время родить своего собственного ребенка, — сказала она.

— Ну конечно! — ободрила ее Орб. — Ты на три года моложе меня!

Девушки много музицировали. Тинка все еще совершенствовала свой талант, и служанкой она была только формально. На самом деле они были друзьями и пели вместе с огромным удовольствием. Тинка уговорила свою «хозяйку» попрактиковаться в исполнении тананы, хотя поначалу эта затея казалась Орб восхитительно безнравственной. Даже когда танцевали две женщины, танец оставался таким распутным, что у Орб просто слов не хватало.

— Неужели я когда-нибудь станцую такое перед мужчиной! — восклицала она. — Это же чистая похоть!

— А ты подумай, что будет, если к этому еще и магию подключить! — сказала Тинка.

Орб рассмеялась, но лицо ее горело.

— Я никогда не буду такой распутной!

— Не будь ты хоть чуть-чуть распутной, у тебя бы сейчас не было ребенка! — заметила Тинка.

Орб вспомнила Миму и залилась слезами.

— Прости меня, — огорчилась Тинка. — Я не хотела...

— Он принц, — сказала Орб, заставляя себя говорить о своей боли. Надо разделить ее с кем-нибудь, кто поймет. — Он принц и должен был жениться на ком-то не ниже себя родом, и его от меня увезли. Он так и не узнал...

Орб похлопала себя по растущему животу. Теперь, когда она рассказала свою историю близкому человеку, ей действительно стало легче.

Тинка согласилась, что у Мимы не было выбора.

— Как его не было у всех нас, когда пришли завоеватели, — добавила девушка. — Ты теперь изгнанница, как цыгане.

Странно, но это замечание утешило Орб. Цыгане действительно понимали, что такое быть изгнанными из общества. Их преследовали по всему миру вот уже много веков.

Этот рассказ напомнил Орб о том, что волшебное кольцо-змейка обещало ей встречу с Мимой — правда, уже не в качестве любовника. А откуда змейка это узнала, если будущее Орб скрыто?

Орб спросила об этом у самой крошечной змейки. Теперь она уже научилась получать осмысленные ответы.

— Мое будущее нельзя прочесть, верно? Никакими обычными способами?

Одно пожатие.

— А ты можешь его прочесть?

Два пожатия.

— А откуда ты тогда знаешь, что я еще увижу Миму?

Три пожатия.

— Поймала я тебя на противоречии, точно?

Два пожатия.

— Ты не можешь читать в моем будущем...

Одно пожатие.

— Но ведь ты это уже сделала!

Два пожатия.

Орб не сдавалась. Игра даже начала ей нравиться. Змейка может все объяснить, надо лишь задать ей правильный вопрос.

— Так ты читала не в моем будущем!

Одно пожатие.

— А в чем же тогда?

Три пожатия.

— В будущем Мимы?

Одно пожатие.

Вот оно в чем дело! Кольцо заглянуло в будущее Мимы и увидело, что он ее встретит. А значит, и она его встретит. Возможно, кольцо знало, и при каких обстоятельствах они встретятся, но Орб оказалась не в состоянии вытянуть эту информацию. Она просто не смогла придумать нужного вопроса.

Поскольку будущее Тинки было открыто для предсказаний, а Тинка сейчас жила вместе с Орб, кольцо подска-

зало хозяйке, что ей понадобится в ближайшем будущем. Очевидно было, что Орб здесь в безопасности и вскоре родит здорового ребенка. После этого она уедет, а ребенок останется с Тинкой...

— Как? Но ты же говоришь, что она не может принять его!

Одно пожатие.

— А, понятно. Она будет заботиться о нем, но как посторонняя.

Одно пожатие.

— Почему я говорю «о нем»? Это мальчик?

Два пожатия.

— Девочка.

Одно пожатие.

— Я так и думала, что родится либо мальчик, либо девочка. Но я не собираюсь убегать отсюда и бросать своего ребенка! По крайней мере я сама могу найти ей приемных родителей!

Два пожатия.

— Кольцо, ты, наверное, ошибаешься! Я не могу так поступить!

Но кольцо стояло на своем. Орб внезапно уедет, и ребенок больше никогда ее не увидит.

Орб бросила это расследование, поскольку оно никуда не вело. Придет время, и она сама все поймет.

Орб пыталась не думать о Миме, забыть о нем. Но ребенок в животе не давал ей этого сделать. Даже во сне Орб не могла как следует отдохнуть, потому что Мима снился ей каждую ночь. Как-то раз, когда они еще не догадались, что Мима может петь, не заикаясь, он рассмешил ее до слез одной лишь пантомимой. Орб сидела и разучивала новую песню, подыгрывая себе на арфе, а Мима подошел и начал молча передразнивать ее.

Теперь она снова увидела, как он исполняет этот импровизированный, но очень изящный танец. Что-что, а ноги у Мимы не заикались! Орб пела, а Мима гримасничал, изображая, что поет на самом деле он. Вскоре он полностью вошел в роль — открывал рот одновременно с ней, вовремя делал драматические паузы, изображал

переживание в ключевых местах, а ногами отбивал ритм, пародируя звуки арфы. Все сбежались посмотреть на импровизированное представление. Игра Мимы была настолько совершенной, что и в самом деле создавалось ощущение, будто поет именно он. Самой Орб и то показалось, что это она передразнивает Миму, а не наоборот. Вскоре она расхохоталась, не в силах больше петь, а Мима был тогда в ударе и передразнил и ее смех тоже. Все зрители так и покатались со смеху. Хозяин даже хотел включить этот номер в программу представления, но Мима отказался. Он не хотел показываться на людях без маски.

Орб проснулась смеясь, но, когда поняла, где она и что с ней, смех сменился слезами. Никогда больше не повторятся те счастливые дни!

Впрочем, этот сон даже чем-то помог ей. Он как будто выжал из ее души большую часть печали. В конце концов, все, что осталось ей от Мимы, — это воспоминания, и надо ими дорожить.

Месяцы шли, и с какого-то момента Орб пришлось постоянно сидеть дома. Она не хотела, чтобы все знали о ее состоянии. Но для Тинки это было ужасно — слепая девушка не могла ходить за покупками одна. В конце концов они решили заказывать продукты с доставкой на дом. Никто в деревне так не делал, однако Орб предпочитала прослыть эксцентричной, не открывая истинных причин своего поведения.

Подошел срок родов, и Орб поняла, что в тайну придется посвятить еще хотя бы одного человека. Кольцо сообщило ей, что понадобится акушерка. Тинка отыскала подходящую старуху-цыганку и дала ей достаточно денег, чтобы та держала язык за зубами.

Однако вместе со схватками пришла боль. Орб хотела рожать естественным путем, без медикаментов, но тут поняла, что это очень непрактично. Боль была слишком сильной. Акушерка дала ей какое-то лекарство; то не действовало. Тогда они попробовали принять другое лекарство — с тем же результатом.

— Что случилось? — спросила Орб у кольца-змейки. Она больше не должна была задавать вопросы вслух, потому что научилась делать это мысленно. — Что-нибудь не так с лекарством?

Два пожатия.

— Со мной?

Два пожатия.

— Со всей ситуацией в целом?

Три пожатия.

И тут Орб поняла:

— Мой защитный амулет! Он защищает меня от действия лекарств, потому что оно может оказаться вредным!

Одно пожатие.

— Надо снять амулет?

Два пожатия.

— А как же мне тогда переносить боль?

Три пожатия.

— Но решение есть?

Одно пожатие.

— И это не лекарство?

Одно пожатие.

— Заклинание?

Одно пожатие.

Орб обратилась к акушерке и попросила ее прочесть какое-нибудь заклинание от боли. Цыганка выбрала Заклинание Аналогии.

Орб вдруг показалось, что она далеко-далеко. В горах. Нет, она сама стала горой, воздухом вокруг, растительностью и текущими ручьями.

Но горе этой было плохо. Большой валун преградил выход одному из подземных ручьев. Давление воды все увеличивалось, и это вызывало боль. Надо избавиться от валуна, пока гора не треснула.

— Это же нелепо! — воскликнула Орб. — Я не гора!

Но видение не исчезало, и вскоре она совсем растворилась в нем. Орб стала горой, и волновали ее исключительно проблемы этой горы. Она напряглась, и валун сдвинулся с места, с трудом преодолевая сжатие стенок туннеля. Еще одно усилие, и он пополз дальше, царапая

ложе реки. Последнее напряжение... и наконец река освободилась от валуна, и вода хлынула вниз по склону.

Видение кончилось. Ребенок родился. Орб тяжело дышала, но боль стихла. Заклинание сделало свое дело.

Это была девочка, как и предсказывало кольцо. Крепкая, здоровая девочка. Тинка взяла ребенка на руки.

— Я назову ее Орб, в свою честь, — прошептала Орб. Чудо появления новой жизни заставило ее забыть обо всех своих проблемах. — Нет, тогда ее будут звать Глазом. Пусть лучше будет Орлин.

Потом она осознала, что ведет себя глупо.

— Я же не смогу оставить ее себе! Я не имею право давать ей имя!

— А ты все-таки дай, — сказала Тинка.

И Орб вняла этому совету.

Орлин была чудом. Орб нянчила ее, кормила, меняла пеленки и радовалась каждой минуте, проведенной с дочерью. Ей хотелось навсегда остаться с ребенком. А почему бы и нет? Камней раджи им хватит на всю жизнь...

Но Орб не могла не понимать, что это, увы, невозможно. Орлин не останется навсегда младенцем. Скоро она превратится в маленькую девочку, а потом и в молодую женщину. А какую жизнь сможет обеспечить ей Орб? У маленькой Орлин не будет ни отца, ни семьи, ни свободы. Девочке нужна нормальная семья, друзья, школа, общественная жизнь — все то, что было у самой Орб и чего она не в состоянии дать дочери. И лучшее, что Орб может сделать для девочки, — это отказаться от нее.

В какой-то момент кольцо внезапно сжало ей палец. Орб не задавала никаких вопросов, просто сама змейка почему-то захотела привлечь к себе внимание.

— Что-то случилось? — спросила Орб.

Одно пожатие.

Орб пришла в ужас:

— Я должна уехать? Прямо сейчас?

Одно пожатие.

— Но почему? Ведь еще несколько дней с ребенком ничего не...

Два пожатия.

— Куда я должна ехать?

Орб вытянула руку с кольцом и стала медленно поворачиваться. Когда палец указал на север, кольцо снова сжало его.

— Домой?

Одно пожатие.

— Я нужна дома?

Одно пожатие.

— Что-нибудь случилось?

Два пожатия.

— Случится?

Одно пожатие.

Внезапно Орб все поняла:

— Папа?

Одно пожатие.

Отец Орб был уже стар и медленно угасал. Сообщение кольца могло означать только одно — он умирает.

— Я же могу поехать домой, а потом вернуться...

Два пожатия.

Маленькая змейка никогда не ошибалась. Орб проверяла ее много раз, интереса ради. И верила ей. Лучше не спорить, а делать то, что все равно сделать придется.

— Тинка, время пришло, — сказала Орб. — Я оставлю Орлин тебе, но не навсегда. Ты должна будешь отдать ее в какую-нибудь хорошую семью. Поищи среди туристов. Выбери таких, которые любят девочку и будут заботиться о ней.

— Но как я узнаю, кто... — запротестовала Тинка. — Я ведь даже не говорю на их языке!

Это правда, друг с другом они общались на кало. Орб сняла с пальца волшебное кольцо.

— Надень это. Оно подскажет тебе. Одно пожатие — «да», два — «нет». Когда оно скажет, что семья подходящая, отдай им ребенка.

Кольцо внезапно ожило. Маленькая змейка подняла голову и посмотрела на Орб.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Орб опустила палец, и змейка обвилась вокруг него.

— Я что-нибудь забыла? Надо сказать Тинке еще что-то?

Одно пожатие.

— Амулет! Я должна надеть на девочку мой защитный амулет!

Два пожатия.

— Тогда...

Одно пожатие.

— Тебя? Отдать ей тебя?

Одно пожатие.

А в этом был какой-то смысл.

— Ты останешься с Орлин и будешь всю жизнь заботиться о ней?

Три пожатия.

— По крайней мере, пока она не подрастет и не научится принимать самостоятельные решения?

Одно пожатие.

— Да, конечно. Я знаю, ты все сделаешь правильно.

Одно пожатие.

Орб снова сняла колечко и отдала его Тинке.

— Когда найдешь подходящую семью, надень кольцо на палец девочке. Оно подойдет.

Тинка кивнула.

— А это для тебя, когда ты родишь своего ребенка... — Орб вытащила рубин. — Он сделает тебя богатой. Твой муж — честный человек? Я хочу сказать, он тебя не обманет?

Тинка снова кивнула.

— Тогда пусть он поможет тебе продать его, когда понадобится.

Орб вложила камень девушке в руку и порывисто обняла ее.

— Боюсь, мы никогда больше не увидимся. Я люблю тебя, Тинка!

Тут молодая цыганка расплакалась, и Орб заревела вместе с ней. Но надо — значит, надо, и, когда пришло время, Орб улетела на своем маленьком коврике. Она отправилась в ближайший аэропорт и купила там билет до Ирландии.

Пасиан действительно умирал. Ниоба встретила дочь вся в слезах.

— Ох, Орб, я так рада, что ты вернулась! Как же ты узнала?

— У меня было кольцо, которое давало советы, — объяснила Орб. — Оно не способно заглянуть в мое будущее, однако видит будущее тех, кто со мной общался. Извини, что меня так долго не было...

— Ты взрослая, и у тебя теперь своя жизнь. Но сейчас...

Орб была рада, что вернулась домой. Гораздо хуже было бы, если бы отец умер без нее. Кольцо, как всегда, сказало правду.

Она положила руку на рукав отца и дала ему услышать свой внутренний оркестр. В голове ее прозвучала другая мелодия — отец отвечал ей.

— А помнишь, как ты рассказал мне про Утреннюю Песнь? — спросила Орб.

— Ищи свою песнь, Орб, — ответил он.

Потом они взялись за руки, и музыка зазвучала громче, пока Пейс наконец не устал и не провалился в сон.

Через два дня он умер.

Орб взяла на себя большую часть хлопот, избавив от этого мать. Но миновали и похороны, и поминки, и Орб поняла, что ничто больше не держит ее в родительском доме. С фермой Ниоба прекрасно справлялась сама, а у Орб действительно была своя жизнь. Нельзя сказать, что Орб не любила мать — она ее очень любила, просто прошли те счастливые годы, когда они жили здесь одной семьей и Луна была с ними.

— Может, тебе стоит поехать в Америку навестить Луну, — сказала Ниоба, как будто услышав мысли дочери. — Устроишь себе там гастроли...

Ну конечно, ведь Орб часто писала домой, сообщая о своем местонахождении и занятиях. Правда, не обо всем — например, мать пока не знала, чем она занималась в прошлом году. Не то чтобы Орб хотела обмануть Ниобу. Просто она не понимала, как рассказать ей о незаконнорожденном ребенке. Когда-нибудь она решится, но не сейчас. Сейчас у матери и без того немало горя.

— Поеду навещу Луну и разузнаю про гастроли, — согласилась Орб. Эта идея ей и в самом деле понравилась, ведь Луна всегда была ее лучшей подругой.

Но сначала Орб пошла навестить дриаду. Она разыскала на болоте старый дуб и покричала. Дриада не спускалась.

— Это же я, Орб! — крикнула девушка. — Разве ты не узнала меня?

— Ты потеряла невинность, — ответила дриада из глубины ветвей.

Орб осознала, что это правда. Она любила мужчину, родила от него ребенка и отдала его чужим людям — так о какой невинности может идти речь? Но вся горечь этой потери обрушилась на нее внезапно. Раньше Орб не понимала, что утратила. Она села на землю и расплакалась.

Тогда дриада все-таки спустилась и легонько прикоснулась к ее плечу.

— Таков удел всех смертных женщин, — сказала она. — У вас одна судьба, у нас — другая.

Орб взглянула вверх, на дриаду, и увидела, что та тоже плачет, не в силах перенести очередную потерю. Орб потянулась было к ней, чтобы утешить, однако между ними теперь был невидимый барьер и они не могли прикоснуться друг к другу.

— Но ведь мы по-прежнему можем оставаться друзьями? — спросила Орб.

— Да, — ответила ей дриада. — На расстоянии.

И это действительно был лучший выход из ситуации. Орб послала своей подруге воздушный поцелуй и вернулась к людям. Создания подобные дриаде всегда прятались от людей, как только те вырастали и набирались опыта. Об этом стоило лишь пожалеть.

Глава 7

«Ползучая скверна»

На самом деле прошло больше года, прежде чем Орб собралась в Америку. Она хотела поехать сразу же, но сначала побоялась оставлять мать одну после смерти отца, потом ее попросили выступить перед местной публикой... Одно цеплялось за другое, а время шло. Затем пришло известие о смерти Мага, и это потрясение заставило ее действовать. Орб закончила наконец все дела и собралась в путь. Возможно, до сих пор ей просто не хотелось оставлять последнюю надежду, что прежняя жизнь может вернуться.

Луна жила в Кильваро. В этот городок переехал в свое время из Ирландии знаменитый призрак Молли Мэлоун. Орб настроилась на долгое путешествие через море, стараясь думать только о будущем, но, как всегда, получалось у нее плохо. Мима, Тинка, Орлин, дриада... Воспоминания причиняли боль, потому что Орб понимала, что прошлого уже не вернуть.

Но чем ближе становилась цель ее путешествия, тем больше согревала ее мысль о предстоящей встрече с Луной. Вот с кем можно поговорить обо всем на свете — они ведь близкие подруги, и даже будущее их защищено одним и тем же заклятием. Маг, отец Луны, приложил немало стараний, чтобы судьба их стала невидимой для предсказателей. Интересно все-таки, зачем он это сделал? Не менее интересной была новость о том, что Луна теперь встречается с Танатосом, воплощением Смерти. Само по

себе это звучало достаточно мрачно. Возможно, поэтому Орб и не торопилась с отъездом. Нет, эти встречи начались уже после смерти Мага, Орб просто перепутала даты.

И все же она не могла не вспомнить старое пророчество: Луне предстоит связать свою жизнь со Смертью, а ей самой — со Злом. Конечно, все это чепуха, предсказание какой-нибудь цыганки, а цыгане, как она теперь знает, могут предсказывать верно, однако часто халтурят, если считают дело незначительным. Возможно, кто-то из них просто решил создать драматический эффект, чтобы «доверчивые туристы» раскошелились. А Маг, услышав об этом, рассердился и запретил дальнейшие предсказания. Конечно же, Орб никогда не имела дела со Злом, и не собирается! Хотя в отношении Луны пророчество, похоже, сбывается...

Луна встретила ее в аэропорту. Сначала Орб просто не узнала подругу, потом воскликнула в ужасе:

— Луна! Что ты сделала со своими волосами?

Длинные, медового цвета локоны уступили место темно-каштановым волосам. Луну действительно трудно было узнать. Она осталась все такой же красавицей, однако очень изменилась.

— Мне велел это сделать отец, — сказала Луна. — И не объяснил зачем. Но такой я останусь до конца жизни.

— До чего же странно! А правда, что ты...

— Встречаюсь со Смертью?

Луна рассмеялась. Она выглядела абсолютно здоровой и совершенно не собиралась умирать в ближайшее время.

— Да, Орб, правда. Скоро ты его увидишь.

Они взяли ковер-такси. Дом Луны оказался элегантным помещением в миниатюре. Вход охраняли два тощих голодных грифона. Увидев приближающийся ковер, они насторожились и наполовину расправили крылья, потом узнали Луну и снова расслабились. Девушки расплатились с таксистом и вошли в железные ворота.

Орб немного опасалась грифонов, но Луна просто представила ее им, и это подействовало. Похоже, они нападали только на чужих.

Дом был прекрасно обставлен.

— О, Луна, ты снова рисуешь! — воскликнула Орб, глядя на украшавшие стены картины.

— С тех пор как умер отец, я только таким способом могу заставить себя забыть об одиночестве.

— А как... Прости, если я...

— Отец устроил все таким образом, что Танатосу пришлось явиться за ним лично. И тогда отец представил меня ему.

— Он... что сделал?

— Он хотел, чтобы я подружилась с воплощением Смерти, — сказала Луна таким тоном, будто это было в порядке вещей. — Сначала я не понимала зачем, а теперь понимаю. Похоже, я буду играть какую-то важную роль в конфликте между Богом и Сатаной лет через двадцать. Естественно, что Сатана постарается избавиться от меня заранее. И защитить меня сможет только Танатос.

— Но какой цинизм, Луна! И какой ужас!

Луна покачала головой:

— Нет. Танатос порядочный человек. Я просила его зайти сегодня, попозже.

— Так ты что — рада, что познакомилась со Смертью? — спросила Орб. Эта мысль никак не укладывалась у нее в голове.

— Думаю, я вышла бы за него, если бы это было возможно.

Орб решила не задавать дальнейших вопросов. Раньше она знала Луну как самое себя, но с теперешней Луной все стало гораздо сложнее.

— А ты чем занималась последние три года? — спросила Луна.

И Орб поведала обо всем, что с ней приключилось. Она некоторое время колебалась, рассказывать ли о ребенке, но не смогла удержаться и рассказала.

— Ребенок! — воскликнула Луна. — Какая прелесть!

— Незаконнорожденный, — напомнила ей Орб. — Ребенок, которого я навсегда отдала в чужие руки.

— Ребенок! — повторила Луна таким тоном, будто это было величайшее на свете достижение.

— Ниоба не знает.

— Я никому не скажу. Но как же это, наверное, интересно!

Орб поняла, что у Луны едва ли скоро будет своя собственная семья; по сравнению с ней Орб действительно посчастливилось. По настоянию Луны Орб описала младенца во всех подробностях, и это немного помогло ей смириться с горечью разлуки.

За едой они продолжали болтать и смеяться, перескакивая с одного на другое, совсем как в прежние времена. Много лет они жили душа в душу, почти как близнецы, и теперь близость вернулась. Это было чудесно! Девушки то смеялись без всякой причины, то принимались плакать из-за сущей ерунды, то подталкивали друг друга локтями, как маленькие девочки.

Потом приехал Танатос — темная фигура в черном плаще, с черепом вместо головы. Орб испугалась — но тут он сбросил с головы капюшон и оказался нормальным молодым человеком из плоти и крови.

— Танатос действительно воплощение Смерти, — напомнила ей Луна. — Он собирает души и помогает им найти свой путь, если это необходимо.

Орб ничего не смогла на это ответить. Зато у Танатоса возник вопрос, который он тут же и задал:

— Я так понимаю, что ты музыкант, Орб. Собираешься давать здесь представления?

— Вообще-то я ищу Ллано, — сказала Орб. Она все еще вела себя сдержанно в присутствии страшноватого черного человека. — Хотя думаю, что и представления могу давать.

— Не стоит ли тебе присоединиться к какой-нибудь группе, как в Индии? — спросила Луна. — Чтобы путешествовать вместе.

— Наверное, — рассеянно кивнула Орб.

— Я знаю одну группу, которая очень подошла бы тебе, — сказал вдруг Танатос.

— Да?

Орб невольно заинтересовалась этим разговором. В конце концов, она действительно собиралась петь и не хотела путешествовать в одиночестве.

— Что за группа?

— Они называют себя «Ползучая скверна». Начинали в Майами, а теперь принимают предложения из других мест. Хотят устроить гастроли, но у них определенные трудности с ангажементом.

— Еще бы! — воскликнула Орб. — С таким-то названием!

— Здешние группы еще и не так себя называют, — тихонько сказала ей Луна.

Орб только пожала плечами:

— А они хорошие музыканты?

— Я в этих вопросах не судья, — сказал Танатос, — но когда они устроили по моей просьбе представление, да еще позвали себе в помощь девочку из ближайшего хора, вышло совсем неплохо. Думаю, они хотят повторить эксперимент, только не знают как. Выступают они хорошо, но нужна-то им магия, а это уже труднее.

— У меня есть магия, — сказала Орб.

— Я так и понял. Возможно, именно тебя им и не достает, чтобы добиться успеха. Должен предупредить, что у ребят проблемы с наркотиками. Но они пытаются бороться.

— С помощью музыки?

— А то, что ты ищешь — не знаю, что это, и не запомнил, как называется, — может им помочь?

— Ллано? Думаю, да, если они сумеют его найти. Цыгане считают, что Ллано от всего может освободить. Но если бы я знала, где его искать, я тотчас бы кинулась туда.

— Быть может, вы будете искать вместе.

— Быть может, — согласилась Орб. Идея ей понравилась. Путешествовать с группой, которая ищет то же, что и ты, — это должно быть чудесно! — Познакомишь меня с ними?

— Если хочешь, я отвезу тебя к ним.

Орб внезапно заколебалась:

— Ты говоришь, они наркоманы? А что они принимают?

— Некое вещество под названием «адская пыль», АП, причем заколдованное — для усиления эффекта. Раньше такой штуки не было. Искусственно созданный наркотик, вроде героина. К нему очень легко привыкнуть. Ребята уверены, что есть такая музыка, которая поможет им избавиться от пагубной страсти. Они не производят

впечатления совсем испорченных. Просто люди, которые не могут справиться со своими дурными привычками.

— Но героин! Как же они надеются избавиться от него?

Танатос пожал плечами:

— Когда я пытался покончить с собой, силы добра и зла в моей душе находились в равновесии. Именно новая работа помогла мне преодолеть кризис. Думаю, исправиться можно — при сильном желании и в определенных обстоятельствах.

— А мое внутреннее зло пытается взять надо мной верх, — сказала Луна. — При этом я должна буду сыграть важную роль в спасении человечества. И по-моему, тоже надо верить, что каждый, кто захочет, может спастись.

У Орб возникла еще одна идея:

— Ты говоришь, что в состоянии узнать, сколько зла в человеке? В живом человеке?

— Да, — подтвердил Танатос.

— А я... — Орб внезапно смутилась. — Ты не мог бы... Ты не попробуешь...

— Проверить твой баланс? — закончил Танатос. — Конечно. Но я считаю это глубоко личным вопросом.

— У меня нет секретов от Луны. Можешь сделать это прямо сейчас?

— Может, — сказала Луна.

— Мне действительно очень хотелось бы узнать...

— Пожалуйста.

Танатос сунул руку в складки плаща и извлек оттуда два кабошона — два полированных полукруглых камня. Один был светлым, другой — темным.

Танатос провел светлым камнем вдоль тела Орб на расстоянии нескольких сантиметров, начиная с головы и до самых ног. Камешек мерцал и переливался, становясь все светлее и ярче. Под конец процедуры он уже сверкал, как крошечная луна.

Потом Танатос произвел те же действия с темным камнем. Он тоже мерцал, но становился от этого все темнее и темнее, пока совсем не потускнел.

Танатос сложил камни вместе, и они слились в единый шар. Их плоские срезы искривились, наподобие китайского символа Инь-Янь.

Потом Танатос отпустил шарик. Он поплыл вверх и чуть не улетел, но Танатос протянул руку вверх и все-таки поймал его.

— У тебя положительный баланс, — сказал он Орб. — Однако зла в твоей душе тоже хватает. Ты сделала что-то, чего не должна была делать.

Луна молчала, не выдавая секрет Орб. Но Орб сама решила признаться.

— У меня был роман, — сказала она.

— С точки зрения общепринятой морали это нехорошо, — кивнул Танатос.

— И ребенок. Внебрачный.

— Еще хуже. Но все равно недостаточно для того, что мы только что видели.

— И я не сказала матери.

— А вот это уже все объясняет.

— Ты меня осуждаешь? — спросила Орб. Почему-то ей не хотелось, чтобы Танатос ее осуждал.

— Нет. Сам я убил свою мать, а Луна обманула отца. Мы с ней понимаем такие вещи. Но определения добра и зла придуманы задолго до нас, и они-то и господствуют в мире. Инкарнациям не обязательно соглашаться с общепринятыми правилами, однако мы должны выполнять их. Согласно старым определениям, ты согрешила, и тяжесть греха камнем лежит на твоей душе. Я считаю, что грешен только тот, кто причинил ненужную боль невинному. Ты это сделала?

— Я причинила боль своему любовнику — ему пришлось расстаться со мной.

— По твоей инициативе?

— Нет.

— Значит, по определению, это не твой грех. Но мои определения не имеют силы — не я создаю правила.

— И все же ты меня успокоил.

— Танатос очень успокаивающе действует на всех, кто его близко знает.

— Да, я уже начинаю понимать.

В самом деле, этот человек, занимающий должность Смерти, был действительно очень порядочным. И его можно полюбить — вот Луна и любит. Так что одна часть

пророчества сбывается. Луна может выйти замуж за Смерть. А другая — что Орб может выйти замуж за Зло? Неужели это может начаться вот так — с изменения баланса души? Орб содрогнулась.

Но, быть может, она действительно найдет Ллано и сумеет предотвратить этот ужас? Тогда Поиск ей необходим.

— Поехали к «Ползучей скверне», — решила Орб.

— Отвези ее, — попросила Луна.

— Морт ждет, — кивнул Танатос.

— Кто-кто? — переспросила Орб.

— Его скакун, — объяснила Луна. — Морт тебе понравится.

— А, лошадь! — облегченно вздохнула Орб. Луну это почему-то развеселило.

Орб и Танатос вышли на улицу. Луна с ними не пошла. Вероятно, этот конь способен унести двоих, но никак не троих. Интересно, что же так рассмешило Луну?

У входа стоял светло-серый седан. Оба грифона лежали рядом с ним — охраняли, наверное. Или им нравятся такие машины? Танатос подошел к седану и открыл дверцу.

— Но это же машина! А Луна сказала...

Орб совсем запуталась.

— Это Морт.

— Но...

Танатос накиннул на голову свой страшный капюшон. Череп оскалил зубы.

— Покажись ей, Морт.

Машина начала изменяться. Колеса вытянулись вниз, кузов — вверх, все тело как бы развернулось. В мгновение ока машина превратилась в красивого бледного коня.

Орб смотрела на него как зачарованная. Потом рассмеялась. Так вот почему Луна считала ситуацию забавной! Она-то заранее знала, что это за конь!

Как все девочки и большинство женщин, Орб лошадей любила. Она подошла к Морту и протянула ладонь, чтобы тот мог ее понюхать.

— Привет, Морт! Можно тебя погладить?

Прекрасный конь шевельнул ушами. Это явно означало согласие. Орб осторожно подошла и погладила его по

шее внизу. Потом, не в силах сдержать себя, шагнула еще ближе и обвила эту шею обеими руками. Конь был чудесный, почти как ребенок!

Танатос вскочил в седло и протянул ей свою скелето-подобную руку. Орб ухватила за нее, поставила левую ногу в стремя и птицей взлетела в седло перед ним. Это был опасный трюк — Орб научилась ему еще в детстве. Танатос обхватил ее руками за талию... Впрочем, Луна знает, с кем имеет дело, а значит, Танатосу можно доверять.

Продолжая крепко держать Орб, Танатос заговорил с Мормом. Поводьев не было и в помине. Конь шагнул вперед и взвился в воздух. За ним взлетели оба грифона, теперь вполне дружелюбные. Грифоны взмахивали огромными красивыми крыльями, а у коня ничего такого не было, но все трое летели легко и без труда. Точнее, Морт не летел, а бежал по воздуху, как будто отталкиваясь от чего-то копытами.

Они поднялись высоко в небо. Грифоны издали громкий прощальный крик и полетели обратно, на свой пост у ворот. Видно было, что они с удовольствием летели бы с конем и дальше, но обязанности для них превыше всего. Вот если бы Луна была с ними, тогда другое дело. Что ж, не беда, может, в следующий раз получится.

Морт летел над редкими облаками, направляясь куда-то на юг. В стороне Орб увидела летеващий в том же направлении самолет. Конь явно обгонял его, но никакого ветра Орб не чувствовала.

— Как получается, что мы летим так высоко и быстро и не чувствуем ни ветра, ни холода? — спросила она. — Когда я путешествую на своем ковре, мне приходится тепло одеваться.

Точнее, о тепле заботился ее плащ, но это неважно.

— У инкарнаций совсем не такая магия, как у смертных, — ответил Танатос.

Похоже на то!

— А почему ты вдруг решил заняться таким простым земным делом — отвезти смертную женщину в гости к смертной музыкальной группе?

— Не каждая женщина сможет полюбить воплощение Смерти, — ответил Танатос. — Твоя кузина Луна смогла.

А для Луны он сделает все что угодно. В этом есть известный смысл. Орб сочла за лучшее не вмешиваться в их отношения.

— Она говорит, что в музыке тебе нет равных, — продолжил Танатос после долгой паузы.

— Не знаю, насколько это правда, но талант у меня есть, — ответила Орб.

— Надеюсь, эта группа тебе подойдет.

— Спасибо, Танатос.

Орб была тронута.

Но вот Морт начал спускаться, и они увидели перед собой огромный город Майами.

— Почему никто на нас не пялится? — спросила Орб.

— Немногим хочется видеть приближение Смерти.

Хороший ответ!

Морт опустилсЯ вниз, и его копыта застучали по мостовой. Затем внезапно оказалось, что они с Танатосом сидят в автомобиле. Морт снова сменил форму и слился с потоком уличного движения.

Целью их, как выяснилось, были городские трущобы. Морт остановился, Танатос открыл дверцу, и они с Орб вышли. Из гимнастического зала доносилась музыка. Гитара, барабан, электрический орган — и звучало все это так громко, что Орб показалось, будто инструментов гораздо больше.

Несколько лохматых подростков повернули головы и уставились на Орб и Танатоса, когда они вошли внутрь.

— Оп-ля! — сказал ударник. — Смотрите-ка, это опять он!

— Ну как ваша певица, вернулась? — поинтересовался Танатос.

Ударник покачал головой:

— Не, ей с нами не по пути. А без нее нас в приличные места не приглашают. — Он покосился на Танатоса: — Не за кем-то ли из наших вы пришли сегодня?

— Нет. Возможно, я привез вам новую певицу.

Подростки успокоились.

— Да, та черная пташка — это было что-то! Раньше мы гимнов не пели, но... — ударник покачал головой. — Если вы ее нам притащили...

— Нет. Вот та, кого я привез.

Он показал на Орб, и взгляды всей группы устремились на девушку.

— И на чем ты играешь? — спросил ударник, заметив в руках незнакомки чехол.

— На небольшой арфе.

— На чем, на чем?

Орб обернулась к Танатосу:

— Я не уверена, что это правильное решение. Возможно, им скорее подошла бы та чернокожая девушка.

Танатос задумался.

— Я наведу справки насчет нее. А пока сыграй им.

Орб пожала плечами и достала арфу. Потом уселась на полу, установила инструмент и запела ирландскую песню.

Магия поплыла по залу и коснулась слушателей. Но Орб заметила, что Танатос вышел из зала и отправился по своим делам. Очевидно, магия не затронула его. Естественно, он же инкарнация, магия смертных не властна над ним. И все же Орб была разочарована.

«Ползучая скверна» восхищенно внимали ее пению. Когда Орб допела до конца, все они столпились вокруг нее.

— Ну, тетка! — сказал ударник. — Это класс! И ты правда хочешь играть с нами?

— Я хочу найти Ллано.

— Кого?

— Магическую песнь, — объяснила Орб. — Говорят, если правильно спеть ее, то можно добиться разных удивительных вещей.

— Вроде чего?

Орб рассказала «Скверне» несколько известных ей историй про Ллано. Ребята слушали очень внимательно.

— Эта... песня, — спросил наконец ударник. — Как ты считаешь, она поможет человеку избавиться от дерь... ну, от зелья?

— От зелья?

— От заколдованной АП.

— Вы имеете в виду наркотики?

Конечно, Танатос ей уже рассказал, но Орб чувствовала, что лучше узнать все непосредственно от ребят, чтобы никто потом не мог обвинить его в разглашении чужих тайн.

— Ага, наркотик, — согласился ударник.

— Думаю, что может.

— Тогда мы тоже хотим Ллано!

— Я не знаю, где его искать, — объяснила Орб. — Наверное, придется много путешествовать.

Ударник взглянул на своих товарищей:

— Будем путешествовать!

— Но мы совсем не того класса музыканты, — заметил гитарист.

Орб опасалась, что это точная оценка. С другой стороны, она хочет найти свою Песнь, и если желания этих юнцов совпадают с ее собственным, значит, надо искать выход из создавшегося положения.

— Может, нам стоит попробовать сыграть вместе? — предложила Орб.

— Точно, рискнем, — с готовностью отозвался ударник. — Что, парни, попробуем сбачать эту ее песенку?

Органист прикоснулся к клавишам, повторяя тему, которую Орб только что играла. К нему присоединился гитарист, а потом и ударник, удачно поймавший ритм.

Орб кивнула. С виду эти ребята действительно были хмыри хмырями, но играли они хорошо. Она тоже взяла арфу и запела.

Снова по залу поплыла магия, коснулась рук музыкантов и усилилась — теперь казалось, что все играющие наделены ею. Орб никогда раньше не видела подобного эффекта — правда, она никогда раньше не играла вместе с кем-нибудь. Девушка была удивлена и обрадована.

Песня кончилась.

— Черт! — сказал ударник. — Еще круче, чем раньше!

— Думаю, мы сумели — как вы выражаетесь? — сделать то, что хотели, — промолвила Орб, все еще под впечатлением от произошедшего.

— Ну, мы не совсем так выражаемся, — отозвался ударник. — Но ей-Богу, выходит у нас здорово!

В дверях снова появился Танатос, и все обернулись к нему. С ним была чернокожая девушка лет шестнадцати, тоненькая и красивая.

— Это Луи-Мэй, — сказал Танатос. — Она уже пела с вами однажды.

— Еще бы, и как пела! — воскликнул ударник и поднялся, чтобы подойти к девушке.

— Я... — нерешительно начала она. — Я хотела бы... Никогда раньше не пела ничего в этом роде, но с тех пор все не могу забыть, как это было...

— Ну ясное дело, — кивнул ударник.

— Когда наш проповедник увидел Смерть, он просто велел мне идти за ним. Он понял, что больше мне нельзя оставаться в хоре. Но... — девушка взглянула в сторону Орб, — я вижу, у вас уже есть певица?

— А разве существуют какие-то ограничения? — спросила Орб.

— Не-не! — быстро сказал ударник. — Если у нас с ней пойдет, значит, пойдет. Давайте попробуем!

И они попробовали. Луи-Мэй не знала ирландских песен, поэтому они нашли песню, которую знали все, и исполнили ее вместе.

Сработало. Магия слилась со звучанием инструментов и с голосом Луи-Мэй, и обычная песня стала волшебной. Голоса Орб и Луи-Мэй отличались по тону, но сливались в восхитительной гармонии, а музыка усиливала эффект.

Казалось, прошла целая вечность, пока песня кончилась.

Танатос кивнул:

— По-моему, вы работаетесь.

Луи-Мэй обернулась в сторону двери. Там стоял старый чернокожий проповедник.

— Поезжай-ка ты с ними, девочка, — сказал он. — Видать, такое твое призвание. Я знаю, Бог хочет этого. Я поговорю с твоей родней.

Священник повернулся и вышел.

— Ну, видать, мы собрали группу, — сказал ударник. — Вы, пташки, хотите разъезжать с нами, ясно...

— Пташки? — спросила Орб. — Это что, маленькие птенчики?

Трое юнцов и Луи-Мэй рассмеялись.

— Ну, вроде того, — подтвердил ударник. — Но знаешь, нам надо, чтобы нас кто-нибудь позвал, иначе это все просто болтовня. Мы... ну, репутация у нас не то чтобы...

— Я устрою вам представление, — сказал Танатос.

— Как тогда? На улице?

— Нет, настоящий ангажемент. Я уверен, что Луна сможет все организовать.

— Кто?

— Моя кузина, — ответила Орб. Они с Луной редко объясняли людям, кем приходится друг другу на самом деле. «Кузина» — вполне подходящее название.

Орб обернулась к Танатосу:

— Но как же мы можем навязываться? Луна не обязана...

— Она сама меня об этом попросила.

Значит, Луна намерена оказать ей реальную помощь, отметила про себя Орб.

— Вы бы собрали инструменты, — сказал Танатос, обращаясь к юным музыкантам. — Транспорт ждет.

— Транспорт? — испугался ударник. — Мы что, куда-то едем?

— В Кильваро.

— Но...

Танатос пристально посмотрел на ударника. Юнец побледнел:

— Ага, понятно. Едем.

Всей толпой они вывалились на улицу, где стоял Морт, по-прежнему в виде автомобиля. Барабаны, гитары, электро-орган и кучу электронного оборудования свалили в багажник, хотя с виду ни за что нельзя было догадаться, что все это туда влезет. Потом молодые люди уселись на заднее сиденье, Орб и Луи-Мэй — на среднее, а Танатос занял место водителя.

Орб раньше не замечала, чтобы у этого автомобиля было три сиденья или чтобы в нем могло свободно разместиться шесть человек. Но, с другой стороны, она не слишком внимательно приглядывалась к Морту в этом обличье.

Машина выехала на оживленную улицу.

— Ох! — сказал вдруг Танатос. — Похоже, надо съездить забрать кое-что. Дело неотложное. Извините меня, ребята, это много времени не займет.

Никто не возражал. Но что он собирался «забрать»?

За окном все вдруг расплылось. Похоже было, что они с самоубийственной скоростью мчатся по незнакомой сельской местности.

— О Господи! — воскликнул вдруг кто-то из «Скверны». — Мы же насквозь все проезжаем!

Похоже, так оно и было. Машина преспокойно пронеслась сквозь здания, деревья и даже какую-то гору, позволяя пассажирам на миг увидеть их изнутри. Орб и Луи-Мэй были потрясены этим зрелищем не меньше чем мальчишки. Орб заметила, как чернокожая девушка перекрестилась.

И вдруг все закончилось — так же внезапно, как началось. Декорации сменились; теперь машина ехала по какой-то проселочной дороге.

— Слушай, где это мы? — спросил гитарист.

— В Портленде, — ответил ему Танатос.

— Ну прям волшебство какое-то!

— Именно.

Автомобиль затормозил и остановился.

Во дворе одиноко стоящего дома лежала, навалившись грудью на стол, пожилая женщина. Танатос вышел из машины, подошел к ней, запустил руку куда-то внутрь ее тела и вытащил оттуда нечто невидимое. Но все понимали, что он не притворяется. Танатос положил это «нечто» в маленький чемоданчик и вернулся на свое место.

— Сердечный приступ. Нехорошо было бы заставлять ее долго страдать.

— Ты хочешь сказать, что она была жива? — спросила Луи-Мэй.

— Была, пока я не забрал ее душу.

— Ты что, должен забирать души всех умирающих?

— Нет, только те, что находятся в равновесии. Те, что не смогут ни взлететь, ни уйти вниз.

— О Господи!.. — вырвалось у ударника. — Хотя нам-то можно не дергаться на эту тему. Мы знаем, куда пойдут наши души. Прям вниз.

— Не обязательно, — возразил Танатос.

— Он способен определить соотношение между добром и злом в твоей душе, — заметила Орб.

— Тогда он знает, — просто ответил ударник.

Машина снова неслась сквозь пейзаж.

— Нет, — сказал Танатос. — Узнаю, только если прочту твой баланс, а я никогда не делаю этого без причины.

— Так ты можешь сказать, спасемся ли мы? — спросила Луи-Мэй.

— Нет, я могу только определить баланс на текущий момент. Ваше спасение целиком и полностью в ваших руках.

— А ты не... не узнаешь мой баланс? Я знаю, что грешна, и...

Танатос обернулся к ней, бросив руль. Машина и сама прекрасно знала дорогу. Танатос вытащил оба своих камня и провел ими вдоль тела Луи-Мэй. Светлый камень мерцал и переливался, сверкая все ярче и ярче. Темный вспыхнул лишь пару раз и почти не помутнел.

— В твоей душе примерно девяносто пять процентов добра. Тебе придется грешить долго и постоянно, чтобы хоть немного приблизиться к Аду.

— Но я иногда думаю о таких дурных вещах, и...

— Сестренка! — рассмеялся ударник. — Если бы мысли влияли на эту штуку, я давно бы уже сгорел синим пламенем! Имеет значение только то, что ты делаешь!

— Верно, — кивнул Танатос.

— Но...

— Проверь меня, — сказал ударник. — Я вам покажу, что значит черная душа!

Танатос повторил ту же процедуру с ударником. Оба камня мерцали и вспыхивали. Когда Танатос соединил их, шар начал медленно опускаться вниз.

— Баланс у тебя отрицательный, хотя не слишком. Немного правильной жизни — и ты его исправишь.

— Но я же принимаю АП! — воскликнул ударник. — Да еще и заколдованную! Мы все такие! Нас ждут вечные муки!

— Даже проклятие не абсолютно. Должно быть, ты частично искупил свою вину. Думаю, ты сильно улучшил свой баланс, когда поддержал Луи-Мэй. Помнишь, как она пела с вами в тот раз?

— Так по-другому-то просто нельзя было! — возразил ударник. — Она хорошая девчонка, и нечего было ее смущать!

— То есть ты понял, что есть добро в данной ситуации, и поступил соответственно. Мысли действительно не принимаются во внимание — но не в том случае, когда они послужили мотивами поступков. Ты помог девушке из альтруистических побуждений. Ты хочешь поступать правильно и по возможности так и делаешь. Это компенсирует зло, которое накапливается в твоей душе из-за твоего образа жизни.

Ударник был поражен:

— Но я это сделал не из-за какого не из-за баланса! Я просто... Ну, иногда, короче, ты просто поступаешь так, как правильно. Тут нет выбора, просто так оно и есть.

— Именно поэтому такие поступки и засчитываются, — молвил Танатос и снова вернулся к рулю.

— Не понял, — пробормотал ударник. — У меня же не было выбора, чего ж тут считать-то?

— Я думаю, он хочет сказать, что другой человек мог на твоём месте думать иначе, — сказала Орб. — Он мог выбрать неверный путь или вообще ничего не заметить. Твое сознание не оставило тебе выбора, и вот это как раз и считается.

— Именно так, — кивнул Танатос.

— Черт возьми, — задумчиво пробормотал ударник.

Автомобиль снова начал тормозить. Вскоре он остановился у ворот поместья Луны.

Все вышли из машины. Музыканты вытащили инструменты. Орб, как всегда в таких случаях, держала арфу на коленях.

После этого Морт снова превратился в коня и начал щипать траву на ближайшем газоне.

Парни из «Скверны» уставились на него, не веря своим глазам.

— Мы что, были внутри лошади? — спросил ударник.

— Вы были в заднице у лошади, — хихикнула Луи-Мэй. И сразу посерьезнела: — Ой, я не должна была так говорить, это нехорошо!

— Приписала еще чуток зла к своей душе, — расхохотался ударник. — Такими темпами ты окажешься прям в Аду — века через три-четыре!

Вся компания спешно вступила в дом — в присутствии грифонов особенно медлить не хотелось.

Теперь бразды правления взяла в свои руки Луна.

— Мне кажется, вы хотите помыться, — сказала она. — И, может быть, сменить одежду. Все удобства — там.

Мальчишек как ветром сдуло. Вообще-то ребята из «Ползучей скверны» показались Орб довольно вспыльчивыми молодыми людьми, однако сочетание уверенности Луны с присутствием в той же комнате инкарнации Смерти и их собственным желанием играть сделало музыкантов на редкость послушными и понятливыми. Возможно, именно страсть к музыке и помогала добру удерживаться в их душах — она была искренней.

— Теперь что касается тебя, — обратилась Луна к Луи-Мэй. — Думаю, мы сумеем подобрать тебе подходящую экипировку. Пойдем.

И они с девушкой ушли. Орб и Танатос опять остались вдвоем.

— Почему Луна так уверена, что все получится? Она ведь даже не слышала нашей игры!

— Она просила меня привезти их только в том случае, если все будет хорошо, — ответил Танатос. — У Луны есть связи. Она устроит вам прослушивание.

Через час группа снова собралась в одной комнате. Мальчишки помылись и переоделись, а волосы их были тщательно расчесаны. Теперь все трое выглядели на удивление прилично. Луи-Мэй смотрелась сногшибательно в новом ярко-красном платье с большим рубином в волосах.

Луна оглядела их и повернулась к Орб:

— Ой, а тебя-то я и забыла! Но ты можешь надеть одно из моих платьев — у нас всю жизнь был одинаковый размер.

— Боюсь, это могло и измениться, — сказала Орб. Она забыла рассказать Луне о своем волшебном плаще и не хотела делать этого при всех.

В самом деле, после родов Орб несколько увеличилась в размерах. Луна готова была наскоро подогнать элегантное зеленое платье, но Орб объяснила ей про свой плащ

и сделала себе такое же, не пользуясь иголкой. Для прически Луна дала ей изумруд — под цвет платья. Драгоценных камней у нее было навалом — как простых, так и волшебных. Луне досталась в наследство богатейшая коллекция отца. Камни были заколдованы таким образом, что всегда возвращались к хозяйке. Поэтому Луна не боялась ни воров, ни случайных пропаж.

— А теперь ищите себе подходящую песню, — сказала Луна, отведя всю компанию в комнату побольше. — А я позабочусь о прослушивании.

Музыкальные вкусы у всех были разные — впрочем, это никого не удивило. Мальчики хорошо знали современную музыку, Луи-Мэй — негритянские религиозные гимны, а Орб — народные песни Старого Света.

— Вы что, хотите сказать, что никто из вас не слышал «Лондондерри Эйр»? — разочарованно спросила Орб. Эта песня была особенно дорога ее сердцу — ведь именно ее они пели когда-то с Мимой. Орб почему-то не сомневалась, что все на свете ее знают.

— Никогда не слышал о такой, — сказал ударник. — Может, если ты изобразишь нам несколько тактов...

Орб так и сделала.

— А, так это «О, Дэнни, мой мальчик»! — воскликнул ударник. — Тогда слышал!

— И я, — сказала Луи-Мэй.

— Может, мы попробуем... — предложила Орб.

И они попробовали, а потом попробовали еще много раз, пытаясь создать аранжировку, которая устроила бы всех. Орб сидела со своей арфой, а Луи-Мэй стояла рядом с ней. Платья и драгоценности девушек отлично гармонировали друг с другом.

— А знаете, — сказал вдруг ударник, — я однажды слышал, что это вовсе не милашка прощается со своим приятелем, а его старый отец. Это ведь совсем меняет дело.

— Истолковать можно по-разному, — согласилась Орб. — Хотя я привыкла считать, что с Дэнни, призванным на войну, прощается его возлюбленная. Но думаю, вы правы. Если бы у нас был певец...

— Да не, не надо, — передумал ударник. — Но знаешь, если бы могли это как-то показать...

Они попробовали. Ударник бросил свои барабаны и встал в позу, изображая Дэнни. Орб сосредоточилась на арфе, предоставив Луи-Мэй петь одной.

Орб и другие два музыканта из «Ползучей скверны» сыграли вступление, ударник с Луи-Мэй вышли на середину комнаты. Там они остановились, глядя друг другу прямо в глаза, и Луи-Мэй начала петь.

О, Дэнни, мой мальчик, трубят, зовут рога

В долинах, ложбинах, на горных склонах.

Падают листья с осенних кленов.

Я буду ждать, ты должен идти на врага.

Чем дольше она пела, тем сильнее чувствовалась магия. Ударник и Луи-Мэй смотрели друг на друга не отрываясь, как будто действительно прощались и никак не могли расстаться. Потом все увидели призрачные горы и слышали, как звуки трубы, которые органист извлекал из своего инструмента, эхом катились по склонам холмов. Легкий ветерок шевелил ветви воображаемых деревьев, и листья, кружась, падали вниз, потому что была осень. Тот же ветер шевелил волосы и платье Луи-Мэй, и она от этого казалась еще красивее.

Когда песня закончилась, что-то случилось с исполнителями. Ударник шагнул к Луи-Мэй, она бросилась ему навстречу, и они обнялись так крепко, словно действительно виделись в последний раз. После долгого поцелуя молодой человек развернулся и пошел, спотыкаясь, вниз по склону холма, а девушка смотрела ему вслед, и по щекам ее текли слезы. Они знали, что никогда больше не встретятся.

Музыка кончилась, а вместе с ней и наваждение.

— Вот это да! — сказал гитарист. — Я готов был поспорить, что у вас любовь!

— Я и сам думал, что втюрился! — сказал ударник, выходя из соседней комнаты. Он взглянул на Луи-Мэй и поправился: — А может, и сейчас так думаю.

Девушка застенчиво отвела глаза.

— Может быть, — согласилась она, утирая слезы.

— Я посмотрю, что у нас со свободными вечерами, — раздался незнакомый голос.

Все обернулись. В дверях стояла Луна с каким-то незнакомым пожилым господином.

— Это директор Центра искусств Кильваро, — сказала Луна. — Я попросила его зайти сюда и прослушать вас. Мы решили, что лучше будет вас не прерывать.

— Мы определенно хотим вас пригласить, — сказал директор. — Я уверен, что в течение ближайших двух месяцев у нас найдется свободный вечер. Мы — организация общественная, так что денежное вознаграждение будет чисто символическим, но показать себя вы сможете. Если вы согласитесь на эти условия...

— Они согласны, — сказала Луна.

— То в ближайшее время я с вами свяжусь, — закончил директор. Луна вышла его проводить.

— Центр искусств? — переспросил гитарист.

— Это очень престижное приглашение, — объяснила Орб. — После удачного выступления там мы сможем получить приглашения откуда угодно.

— Это здорово! — воскликнул органист. — Но у нас ведь только одна песня! И как же мы состропаем целый концерт?

— Думаю, надо поискать еще, — сказала Орб. — Попробуем сольные номера с добавлением групповых эффектов.

— Пойдет, — кивнул органист и обернулся к ударнику, чтобы тот подтвердил его слова. Но ударник не сводил глаз с Луи-Мэй и ни на что больше не обращал внимания.

— По-моему, какого-то результата мы уже добились, — заметила Орб.

— Нам дают сцену! — радостно сказал гитарист.

— Ты знаешь, неплохо бы где-нибудь упасть. В смысле, как же мы целый месяц...

— Думаю, моя кузина это устроит.

Ее уверенность оправдалась. Луна всех обеспечила жильем.

Группа регулярно собиралась и работала. Музыканты подбирали себе репертуар из разных жанров. Общим у всех номеров было только одно — магия. Работая вместе, Орб и ребята лучше узнали друг друга и стали с уважением относиться к достоинствам своих партнеров. Ударник и Луи-Мэй продолжали держаться за ручки, но Орб ясно

дала понять, что, как бы ей ни нравилась их новая музыка, романа ни с кем из мальчишек у нее не будет.

И вот наконец пришел день представления. Зал был заполнен только на четверть, и директор признался, что так бывает почти всегда.

— Увы, искусство сейчас мало кто ценит, — вздохнул он.

— Все равно никогда не видел такой чертовой пропасти народу, — помотал головой ударник, затем смутился и поправился: — То есть я хотел сказать, что у нас никогда раньше не собиралось столько публики.

Концерт начался. Публика была довольно равнодушной, но только до тех пор, пока не зазвучала музыка и в воздухе разлилась магия. После этого ее как будто подменили. Шорох и кашель мгновенно прекратились, все застыли, не отводя от сцены восхищенных глаз. Казалось, в креслах сидят не живые люди, а мраморные статуи.

После перерыва народу в зале существенно прибавилось, и продолжали приходить все новые и новые зрители. К концу представления их набралось уже больше половины зала.

— Такого раньше никогда не случалось, — признался директор.

На следующее утро появились газетные рецензии. Похоже, сразу несколько городских критиков, узнав, что происходит, поспешили в зал, чтобы застать хотя бы часть представления.

Орб была ошеломлена происходящим.

— Неужели это про нас? — спрашивала она.

— Никогда еще ни одному провинциальному представлению не расточали столько похвал, — заверила ее Луна. — Это все магия, иначе критики отнеслись бы к вам гораздо спокойнее.

Днем начали приходить приглашения. По всей стране хотели услышать «Ползучую скверну» и предлагали за выступление такие деньги, что у мальчишек глаза на лоб полезли.

Настала пора отправляться в путь.

Глава 8

Иона

Луна была знакома с самыми разными профессионалами, поэтому она легко подыскала группе хорошего администратора. Миссис Глотч была женщиной пожилой и путешествовать с ними не хотела, но ее честность и опыт не подлежали сомнению. Миссис Глотч возьмет на себя все вопросы, связанные с финансами, организацией выступлений и записей. Все это она будет делать по телефону. Когда бы музыканты к ней ни обратились, она всегда подскажет им, как поступить. Более того, если с ними что-нибудь случится, миссис Глотч всегда их разыщет — Луна дала Орб специальный камень-маячок, который поможет пожилой даме определить, где сейчас находится группа.

Но как они будут передвигаться? До сих пор ребята были уверены, что спокойно наймут автобус, установят там кровати и кухонные принадлежности и прямо в нем и будут жить...

— Ноги моей не будет в этом автобусе! — заявила вдруг Луи-Мэй. — Я честная девушка!

Орб не так волновалась по поводу своего морального облика или безопасности — у нее был амулет. Но и ей не нравился подобный способ путешествия.

— Почему нельзя ездить нормальным транспортом и спать в гостиницах? — спросила она.

— А ты знаешь, сколько это стоит? — провозгласил ударник.

— Да и не доверю я свой орган всяким там! — добавил органист. — Возьмет да и поломается где-нибудь.

— Ох поломается! — воскликнул гитарист, и они с ударником громко заржали. Органист, похоже, обиделся.

Орб и Луи-Мэй переглянулись, пытаясь понять, в чем дело. Потом до Орб дошло, что ударение в слове «орган» можно поставить по-разному. Тогда все стало понятно.

Итак, у них, похоже, возникла проблема. Денег-то хватит на все, судя по тому, сколько им предлагают за каждое выступление, но общественному транспорту и в самом деле доверять не стоило. Надо было найти свое собственное средство передвижения.

Они попробовали снять железнодорожный вагон, но те, что им показывали, сплошь обветшали от старости и были уже заняты — клопами. Кроме того, железные дороги связывали далеко не все города, а расписание поездов оставляло желать лучшего. Аэроплан тоже не годился — цены там были чудовищные, а места почти никакого; в довершение всего гитарист боялся летать. Кто-то заикнулся было о передвижном доме, но Луи-Мэй заявила, что это та же передвижная спальня и она категорически против.

Луна с прискорбием отметила, что, похоже, придется вернуться к первоначальной идее с переоборудованным автобусом. Однако Луи-Мэй убедить не удавалось. У нее было стойкое предубеждение против автобусов. Почему-то девушка считала, что там к ней непременно будут приставать.

— Я прослежу, чтобы никто тебя не тронул! — уверял ее ударник.

— Тебя-то я больше всего и боюсь, Дэнни! — парировала Луи-Мэй и крепко поцеловала его.

Остальные уныло кивнули. Луи-Мэй с самого начала очень нравился ударник, а после успеха их первой песенки она звала его не иначе как Дэнни. Но девушка считала грехом близость с мужчиной вне брака и чуть меньшим грехом — саму возможность такой близости, пусть даже гипотетическую. Возможно, она просто боялась сама себя. В любом случае результат был таков: Луи-Мэй предъявляла свои требования, а молодые люди принимали эти

условия игры, даже не пытаясь понять, чем они вызваны. Автобус исключался. Что же остается?

— К примеру, магия, — предложила Луна. — Достаточно большой ковер смог бы...

— Нет! — взвыл гитарист. — Ни за какие деньги! Нас сдует ветром!

Его боязнь полетов даже усилилась при мысли об открытом ковре.

— Или фургон с запряженным в него драконом...

— Разве можно доверять свою жизнь дракону! — возмутился органист. — Эти проклятые твари только и мечтают вас поджарить! Когда магия была под запретом, добрая половина из них пряталась в Аду, и зло осталось в них на веки вечные. Конечно, погонщики знают защитные заклинания, но заклинание может и не сработать!

— Есть еще единороги.

— Так они же никого не слушаются! — возразил ударник. — Кроме как... — он покосился на Луи-Мэй. — Ну, и...

— Я всегда обожала единорогов, — призналась Луи-Мэй.

— Да, но если она... Если что-нибудь с ней случится, где мы тогда окажемся? — спросил органист, в упор глядя на ударника. — Застрянем в какой-нибудь проклятой дыре с парой разъяренных единорогов в придачу?

— Как это прикажешь понимать — «что-нибудь случится»? — возмущенно воскликнула Луи-Мэй. — Я же говорила, ничего не может... — Тут она взглянула на ударника, который безуспешно пытался спрятать от приятелей свое покрасневшее лицо. — То есть ничего не должно... Во всяком случае, это маловероятно.

Луи-Мэй тоже покраснела, но ей было проще — ее черная кожа служила неплохой маскировкой.

— Пожалуй, лучше нам обойтись без единорогов.

— Поговорю-ка я с местными цыганами, — сказала Орб. — Уж они-то знают толк в путешествиях с большим багажом.

— Так ты цыганка? — спросил гитарист. — Всегда думал, как было бы славно жить в фургоне и тащить все, что плохо ле... Ну, то есть...

Орб улыбнулась:

— Цыгане поступают так для того, чтобы выжить. Они совсем не плохие люди, просто не любят никаких ограничений.

— Понимаю их чувства, — сказал гитарист.

— Хочешь, пойдем со мной, послушаем, что они скажут.

— Еще как хочу!

Ковер Орб был способен при необходимости поднять двоих, но гитарист не смог бы лететь на нем ни при каких обстоятельствах. Поэтому они просто взяли такси и отправились в тот район, где стояли сейчас цыгане. Орб решила, что стоит прихватить с собой инструменты — цыгане любят музыку.

Увы, их ожидало горькое разочарование. Местные цыгане носили потрепанные, однако обычного покроя костюмы и ездили на помятых автомашинах. Более того, они были недружелюбны и плохо относились к незнакомцам.

— Уходи отсюда, женщина, — огрызнулся кто-то из них. — У нас и без тебя хватает неприятностей.

— Но я жила среди цыган в Европе! — воскликнула Орб. — Я знаю ваш язык!

— Да? Ну скажи нам что-нибудь!

— Я ищу средство передвижения, — сказала Орб на кало.

Цыгане смотрели на нее непонимающими взглядами. Потом одна старая женщина кивнула.

— Да, это древний язык, — промолвила она. — Но мы почти забыли его здесь, а те, кто помоложе, никогда и не знали.

— Ох!

Орб постаралась не выдать своего разочарования:

— Может быть, вы все-таки сможете мне помочь? Я хочу только узнать о...

— Неужели нельзя взять машину? Или ковер?

— Нас пятеро, и у нас с собой музыкальные инструменты. Один из нас не поедет в автобусе, а второй не переносит полетов. А мы хотели бы ехать вместе, если бы придумали как.

— Ты знаешь цыганские обычаи?

— Я же говорила, в Европе...

— Танцевать умеешь?

— Я знаю танану, — осторожно начала Орб, — но...

Женщина рассмеялась:

— Ты же не сможешь танцевать ее! Умрешь от стыда. Ты ведь не цыганка, ты просто наблюдала за нами!

— Это верно. Но я уважаю цыганские обычаи, пусть они на самом деле не мои. Вы мне не поможете?

— Может быть, девочка. Может быть. Что ты знаешь про Иону?

— Про кого?

— Про Рыбу, проглотившую Иону.

— А, вы имеете в виду кита? Из Библии?

— Он Рыба. За этот поступок он был проклят, хотя в Ад не попал. Он осужден плавать только в воздухе и в земле, но никак не в воде, пока Ллано не освободит его.

— О, Ллано! Вы о нем знаете?

— Именно что о нем. Не более того. А ты ищешь Ллано?

— Да!

— Тогда тебе повезло — вдруг Иона посодействует. Он спит в Клеверной Горе. Позови его, станцуй для него, и если ты ему понравишься, он поплывет, куда тебе надо. Наверное.

— Рыба? Я не...

— Он то, что тебе нужно, девочка. Если, конечно, ты сможешь его заполучить. Мы пытались, но мы уже не совсем цыгане, и...

— Уезжаем! — закричал кто-то из мужчин. — Идут!

И в тот же миг все цыгане, включая женщин и детей, бросились к своим автомобилям. Моторы закашляли, заревели, и машины рванулись с места. Почти одновременно с этим появились три грузовика с очень сердитыми мужчинами. В руках у них были дробовики.

— Сматывайся отсюда, девочка! — крикнула Орб старуха, с которой она только что разговаривала. И ее машина, визжа, умчалась прочь.

Два грузовика пустились в погоню за цыганами. Понеслись выстрелы. Третий повернул в сторону Орб и гитариста.

— Бежим! — закричала Орб, осознав наконец, какая опасность им угрожает.

И они побежали. Бежать пришлось по вспаханному полю. Грузовик, завывая, подпрыгивал на ухабах, разбрасывал колесами землю, но не отставал.

— Там двое! — крикнул кто-то из преследователей.

— Убьем их!

— Нет! Одна из них девчонка! Трахнем ее сначала!

Орб с гитаристом нырнули в овраг и выкарабкались на склон с противоположной стороны. Грузовик со скрежетом остановился — дальше ему было не проехать.

— Пешком догоним! — крикнул тот же мужчина. — Они не смогут перескочить через пороги!

Еще и пороги!.. Орб действительно услышала шум бурной реки. Дыхания уже не хватало, больно кололо в боку. Орб запнулась, и гитарист поймал ее за руку, не дав упасть.

— Как мы попали в эту переделку? — с трудом выговорил он на бегу.

— Они... — ответила Орб, задыхаясь. — Должно быть... лошадь украли или девушку. Теперь удирают. А мы...

— В заднице, — закончил за нее гитарист. — Но мы же не цыгане!

— Думаю, одного из нас они просто убьют, другого изнасилуют, а разбираться начнут только потом.

Орб не была уверена, что даже амулет поможет ей. Она никогда не пробовала применять его против нескольких человек сразу.

Гитарист выдал из себя смешок:

— И кому же из нас что выпадет?

Они подбежали к реке. Вода, бурля и пенясь, неслась со скоростью поезда. В воздухе стояла водяная пыль. Крутой каменистый берег усеивали большие валуны. Пересечь реку не было никакой возможности.

— Ковер! — воскликнула Орб. Она скинула рюкзак и вытряхнула его на землю. Маленький коврик немедленно развернулся. — Залезай!

— Не могу! — запротестовал гитарист. — Я же не летаю!

На гребне холма показались преследователи.

— Вон они!

Гитарист застыл от ужаса, не в состоянии выбрать что хуже. Преследователи настигали.

Орб схватила своего спутника за плечи и толкнула его на ковер.

— Садись! — закричала она ему в ухо.

Гитарист покорно сел, положив зачехленную гитару себе на колени. Орб прыгнула следом за ним, обняла его руками и ногами и приказала коврику подниматься.

Когда первый из преследователей подбежал, они были уже в воздухе.

— Эй! — крикнул мужчина, когда ковер с пассажирами чуть не врезался в него, и попытался схватить их.

Левой рукой Орб треснула его по шее. Она сделала это не раздумывая, и сама себя испугалась, почувствовав удар. Ковер летел к реке, на лету набирая высоту.

Гитарист поглядел вниз.

— О Господи! — воскликнул он и попробовал вцепиться в ковер обеими руками.

— Прекрати! — прошипела Орб ему в затылок. — Ты его перевернешь!

В самом деле, и без того перегруженный ковер начал опасно крениться.

Гитарист попытался сжаться в маленький комочек:

— Вот влипли, а!

— Закрой глаза и сиди тихо!

Они летели над водой, медленно опускаясь. Ковер все-таки не выдерживал двойной вес.

— Не дадим им удрать! — кричали преследователи.

Орб боялась взглянуть назад. Она сосредоточилась на том, чтобы подгонять ковер вперед. Тот пошатывался, но повиновался.

Сзади раздался громкий хлопок. В них стреляли!

Орб сделала единственное, что можно было сделать в этой ситуации, — направила ковер вниз, чтобы он, падая, набрал скорость.

— А-а-а! — закричал гитарист, почувствовав, что проваливается. — Господи Иисусе!

Орб закрыла ему глаза ладонями, как будто защищала ребенка от яркого света.

— Расслабься, все в порядке, сиди, расслабься! — сказала она. Под пальцами было мокро — гитарист плакал. Тогда Орб крепко обняла его.

Сработало. Парень действительно немного расслабился, чувствуя себя в безопасности в ее объятиях.

Еще один выстрел. Ковер провалился сквозь водяную пыль, чуть не задел поверхность воды и врезался в крутой берег реки. Орб и гитарист скатились вниз.

Третий выстрел вспенил воду недалеко от них. Во всяком случае, стреляли преследователи не слишком метко.

— Туда! — крикнула Орб и потащила своего спутника в нужном направлении.

Беглецы нырнули в тучу водяной пыли за большим камнем в реке. На некоторое время это прикрытие защитит их от выстрелов с противоположного берега.

Гитарист устался на реку.

— Лучше тебе было меня бросить! — выдохнул он. — Из-за меня тебя чуть не убили!

— Я не могла так поступить! — возмутилась Орб.

— Ты же знаешь, я ничтожество и наркоман на крючке у АП. Тоже мне, потеря!

— Прекрати немедленно! — огрызнулась Орб. — Ты...

Впрочем, что бы она ни сказала, это будет слабым утешением.

— Ты хороший музыкант!

— Да какой я музыкант?! Я играю хорошо только тогда, когда действует твоя магия! Это все ты, а не я! — Парень на минутку задумался. — Но я отблагодарю тебя, клянусь! Каким бы ничтожеством я ни был, я всем обязан тебе. И жизнью тоже!

— Я буду рада, если ты просто избавишься от АП.

Гитарист перекатился на живот и уткнулся лицом в землю:

— О Боже! Если бы я только мог!

— А нельзя просто прекратить его принимать?

— Ты не представляешь себе, каково это!

— Ты прав, совсем не представляю. Но если бы я хотела отказаться от чего-то, я бы и в руки не взяла запретное.

Гитарист поднял голову, чтобы посмотреть на нее. Лицо его было перемазано в грязи — с виду типичный зом-

би. Он через силу сунул руку в карман и достал оттуда маленький пакетик.

— На, возьми! Это все, что у меня есть! И не давай мне!

Орб с отвращением взяла пакетик.

— И из-за этого ты губишь свою жизнь? — Она убрала наркотик подальше. — Буду рада, если ты никогда не попросишь его обратно.

Юноша не ответил. Он снова плюхнулся лицом в грязь.

Спустя некоторое время преследователи сдались, ведь через реку они перебраться все равно не могли. Орб услышала, как уезжает их грузовик. Но жизнь с цыганами научила ее нескольким хитростям.

— Думаю, нам лучше не возвращаться на тот берег. Там может быть засада.

— Точно, — согласился гитарист. От этих слов юноше заметно полегчало — он не хотел снова подниматься в воздух.

— Думаю, я могла бы вылезти на этот обрыв, — размышляла Орб вслух, — но, по-моему, лучше воспользоваться ковром. Впрочем, ты, если хочешь, можешь карабкаться.

— Заметано! — сообщил гитарист и полез вверх.

Орб уселась на ковер, положила рядом арфу и гитару и пожелала, чтобы ковер взлетел. Теперь, избавившись от лишнего груза, ковер снова стал легким и послушным в управлении. Вскоре Орб уже сидела наверху, поджидая гитариста.

— Я не знаю, где мы сейчас, — сказала она, когда юноша вылез и сел рядом с ней. — Возвращаться к такси будет ненужным риском. Думаю, что в ближайшем городе нас тоже ожидают неприятности. Лучше всего теперь пойти совсем в другую сторону.

— Куда, например?

— Например, к Клеверной Горе. Это должно быть рядом. Поищем там Рыбу.

— Я готов, — сказал гитарист.

— Может, мне забрать у тебя гитару и лететь на ковре, а ты пойдешь пешком? — предложила Орб.

Молодой человек с радостью согласился. Ему совсем не хотелось второй раз залезать на ковер.

— К Клеверной Горе, — сказала Орб вслух, чтобы и гитарист услышал.

Ковер затрепетал и развернулся передним концом к северу. Орб с облегчением вздохнула — по крайней мере, гора находится по их сторону реки.

— Он сам знает, куда лететь? — спросил парень. — Вот так, по названию?

— Он может следовать и простым указаниям, — объяснила Орб. — Но я не знаю, где эта Клеверная Гора, а он способен навестись на любую указанную точку. Очень удобно.

— Магия — штука хорошая, — согласился гитарист.

Молодой человек шел пешком, а ковер летел рядом с ним с той же скоростью. Идти было удобно — не дорога, конечно, но и не те булыжники, по которым приходилось пробираться у реки. Поэтому двигались они быстро и через час достигли подножия горы. Предстояло разобраться, есть ли тут Рыба. Орб понятия не имела, чего ей ждать.

— Думаю, надо просто позвать его, — сказала она. — Если же он появится, тогда мне придется э-э... танцевать.

— А что не так с этим танцем?

— Ну, это такой специальный танец.

Орб постаралась успокоиться, потом приложила руки ко рту и громко позвала:

— Иона!

Гора задрожала. На мгновение Орб испугалась, что сейчас начнется землетрясение. И тут прямо из горы в воздух выплыло что-то огромное и коричневое.

Орб и гитарист застыли на месте, пораженные зрелищем. Правду говорила старая цыганка — гигантская Рыба действительно плавала в земле и в воздухе, будто в воде!

Иона описал в воздухе круг и повис прямо перед Орб. Он ждал.

Орб внезапно смутилась:

— Я никогда не... Что же мне теперь делать?

— Танцевать, — хрипло сказал гитарист.

Орб взглянула на него и обомлела. У юноши был совсем больной вид.

— Что с тобой? Если бы я знала, что тебе так трудно идти пешком...

— Ерунда! Ну, хреново мне, но... — Его передернуло.

И тут Орб все поняла:

— Это АП! Тебе плохо, потому что ты не принял наркотик!

— Точно, сестренка.

— Но ты выглядишь ужасно!

— Я и чувствую себя ужасно. Ничего не поделаешь — по-другому не выйдет. Лучше танцуй давай, пока эта рыбка не разозлилась.

— Да, но...

— Тебе нужна музыка, — сказал гитарист. — А ты не можешь играть на арфе, раз ты танцуешь. Стало быть, играть придется мне.

Юноша вытащил гитару и попытался играть, но у него так дрожали руки, что вместо аккордов получались какие-то мяукающие звуки. Он попытался сосредоточиться. Лучше не стало. Лицо гитариста было пепельно-бледным.

— Неужели это происходит так быстро? — в ужасе спросила Орб.

— 3-заколдованная АП действует в два счета, — ответил гитарист, стуча зубами.

Он заикался, и Орб не могла на это не отреагировать. Когда-то она любила заику.

— На, возьми! — крикнула девушка, бросая ему пакетик. Она не могла больше этого выносить, а ведь плохо-то было не ей!

Гитарист вцепился в пакетик, как утопающий хватается за соломинку.

— Господи, я же пытался! — бормотал он. — Но АП не отпустила меня!

Он взял щепотку порошка, поднес ее к носу и вдохнул.

Эффект был потрясающим. Уже через несколько секунд цвет лица у юноши восстановился, дыхание выровнялось. Он взял гитару и ударил по струнам — теперь все было в порядке.

— Что играть?

— Что угодно, — сказала Орб. — То, что я собираюсь делать, для меня так же тяжело, как для тебя — остаться без наркотика.

— Ага.

Он заиграл какую-то песню. Музыка звучала прекрасно, вот только магии не было.

Но ведь ей нужна магия! Орб должна танцем убедить Рыбу, что она цыганка. Если магии не будет, ее естественная стыдливость помешает ей танцевать этот откровенно непристойный танец, а истинные цыгане спокойно относятся к подобным вещам. Только магия может помочь ей сделать это.

— Нужна магия!

Гитарист покачал головой:

— Я же говорил, что без тебя я — ничто! Когда ты поешь и играешь — это одно, сейчас же...

— Надо! — прошипела Орб и тряхнула его за плечо.

И тут магия пришла. Прикосновение Орб придало игре юноши волшебную силу. От звуков гитары задрожала земля, а трава на склоне горы и листья деревьев закачались в такт музыке. Огромное тело Рыбы тоже затрепетало, откликаясь.

Орб убрала руку, но магия не исчезла. Теперь их с гитаристом связывала какая-то электрическая сила. Казалось, разом звучат не меньше тысячи гитар.

— Боже мой! — прошептал парень.

Рыба неподвижно висела в воздухе, глядя на них. Орб поправила одежду — подняла юбку повыше и туго натянула блузку. Зрелище получилось гораздо более эротичным, чем ей хотелось. Но танану танцуют только так, а она намерена танцевать.

И Орб начала танцевать. Она представила себе, что гигантская Рыба — это ее партнер, темноглазый цыган с блестящими глазами. Он тоже танцует, отвечая на ее движения. Орб боялась, что у нее ничего не получится, ведь она так устала, да и стеснялась танцевать танану перед кем бы то ни было. Но музыка оказалась сильнее и заставила ее сделать из танца настоящее представление. Орб превратилась в молодую влюбленную цыганку. Ни один мужчина не устоит перед ней!

Она поводила бедрами, поворачивалась и бросала на своего воображаемого партнера долгие призывные взгляды. Потом томно вздыхала и начинала кружиться, а потом снова вертела бедрами. Все здесь служило одной цели: позы и взгляды, движения и само тело — грудь, бедра и развевающиеся волосы. Танана захватила ее, подчинила своему ритму. Никогда еще Орб такой не была — даже когда на самом деле занималась любовью. Имитация оказалась сильнее самой страсти. Орб стала бесстыдной, соблазнительной, похотливой, она принимала такие позы, что, будь на ее месте кто-нибудь другой, девушка сгорела бы со стыда. Да, это была танана!

Наконец Орб остановилась, усталая, но возбужденная. Она сделала все, что могла. Теперь дело за Рыбой. Музыка тоже смолкла. Гитарист уставился на Орб, как загипнотизированный, не в силах вымолвить ни слова.

— Мы хотим найти Ллано, — выдохнула Орб.

Гигантская Рыба задумалась. Потом медленно опустилась вниз, на землю, и даже чуть-чуть под землю, так что рот ее оказался на уровне их ног. Почва ни капельки не сопротивлялась, принимая огромное тело. Похоже, для Ионы не существовало реальной земли — все, в чем он плавал, казалось ему водой.

Иона распахнул огромную пасть. Глотка его была похожа на большую пещеру. Там было светло и сухо.

— Нам что, надо зайти... туда? — спросила потрясенная Орб. — Чтобы нас проглотила Рыба?

Иона терпеливо ждал.

— Лучше уж зайти, — сказал гитарист. — Эта тварь могла слопать нас в любой момент, если бы захотела.

Похоже, происходящее произвело на него менее сильное впечатление, чем танец.

Они выбрали инструменты и вошли в огромный открытый рот. Длинный коридор глотки вывел их в большую освещенную комнату. В стенах ее были выступы в виде столов, стульев и даже диванов.

Гитарист тут же плюхнулся на ближайший диван.

— Мать честная! — пробормотал он.

Рыба начала двигаться. Орб поспешно присела возле стены. Стены оказались полупрозрачными, и видно было,

что делается снаружи. Гора и деревья медленно поплыли назад. Точнее, это Иона поплыл вперед, плавно и неторопливо.

— Мы летим, — сказала Орб. — Ты не боишься?

— Мы плывем, — возразил гитарист, — и это меня ни капельки не волнует. Здесь безопасно.

На удивление быстро показались городские дома. Орб всматривалась в лица прохожих, но те, судя по всему, не замечали огромной Рыбы. Как и Морт, Иона был невидим для большинства людей.

Подплыв к дому Луны, Иона остановился. Оба грифона взлетели с громкими криками, однако Иона не обратил на них ни малейшего внимания — для него они были чем-то вроде мух.

Орб прошла по длинному коридору глотки и выглянула наружу в открывшийся рот Рыбы.

— Все нормально! — крикнула она.

Грифоны узнали девушку, одновременно описали двойную петлю и уселись на место. Гитарист тоже вышел, выглянул изо рта Рыбы и отшатнулся.

— Слушай, ты бы попросила его спуститься!

— Ох, да! — согласилась Орб. Она была так заинтригована происходящим, что забыла об очевидных вещах. — Иона, спустись, пожалуйста, вниз!

Гигантская Рыба медленно опустилась. Когда рот ее оказался на уровне лужайки, Орб и гитарист вышли. Тут же в дверях появилась Луна.

— Ну, я вижу, вы нашли себе средство передвижения, — сказала она.

— Похоже на то, — кивнула Орб. — Иона, это Луна. Луна, познакомься с Ионой.

— Очень приятно, — вежливо сказала Луна.

Иона чуть шевельнул плавником — вероятно, поздоровался.

— Нам рассказали о нем цыгане, — объяснила Орб. — Он тоже ищет Ллано.

— Да, знаю. Я навела справки, когда поняла, каким образом вы намерены сюда прибыть. Только учти: эта Рыба не совсем надежна.

— Во всяком случае, не опасна?

— Нет — для тебя и твоих друзей. Дело в том, что Иона — не слуга, а союзник, и порой ваши интересы могут не совпадать. Ничего большего мне выяснить не удалось.

— Иногда мне жаль, что наше с тобой будущее скрыто, — пробормотала Орб. — Мы могли бы узнать его и избежать таким образом многих неприятностей!

— Я уверена, что такая защита необходима, — сказала Луна. — Мой отец редко ошибался в том, что касалось магии.

Она еще раз внимательно оглядела огромную Рыбу:

— Ну что ж, давайте заносить вещи.

— Прямо сейчас? — спросила Орб, поднимая бровь.

— У миссис Глотч полно заявок. Я велела ей начинать составлять вам расписание, поскольку вы уже решили транспортную проблему.

— А ты уверена в нас, Мотылек? — спросила Орб, улыбаясь.

— Конечно, Глазик, а как же иначе! — ответила Луна, и сестры крепко обнялись.

Орб отнесла вещи в новое жилище. Внутри Рыбы оказалось несколько комнаток, разгороженных костяными стенками. Их было удобно использовать под спальни. В хвосте Ионы находились ванная комната с проточной водой и уборная. Похоже, кому-то пришлось потрудиться, чтобы приспособить тело Рыбы под удобную для людей квартиру.

— А как же он ест? — спросила Орб.

— Думаю, он не нуждается в пище. Пока Иона проклят, он как бы не живет. А есть он сможет лишь тогда, когда освободится от проклятия и снова станет смертным.

— Значит ли это, что, когда мы найдем Ллано, нам лучше находиться снаружи?

— Не исключено! — рассмеялась Луна. — Но ты сначала найди его!

Мальчики въехали тем же вечером. Для удобства процедуры Иона пришвартовался у окна их квартиры. Никто из посторонних не заметил происходящей странной процедуры. Музыканты просто заносили багаж через рот огромной Рыбы и возвращались за новой порцией, как

будто загружали обыкновенный фургон. За квартиру они предоставили расплачиваться миссис Глотч, а сами просто освободили помещение.

Орб так устала за день, что рано легла спать. Кровать ее составляла единое целое с полом спальни и была мягкой и удобной. Более того, она даже принимала форму тела лежащего, однако не продавливалась, а именно создавала комфорт. Да, путешествовать внутри живого создания в каком-то смысле весьма удобно!

Среди ночи Орб вдруг проснулась от чьих-то голосов. Она молча лежала и слушала, продолжая недоумевать. Голоса звучали совсем рядом, но в комнате никого не было. Вскоре до Орб дошло, что костяные стенки каким-то образом передают звук и она слышит то, что говорится совсем в другом месте. Прежде Орб этого эффекта не замечала — когда Луи-Мэй и мальчики вносили вещи и располагались, те же стены милосердно глушили все звуки.

— Так ты летел? — недоверчиво спросил органист. — На ее коврике?

— Я перепугался до смерти, — ответил гитарист. — Но, как я уже сказал, за нами гнались разъяренные горожане. Они думали, что мы цыгане, а река...

— Но ведь ковер рассчитан на одного!

— Ну, она вроде посадила меня впереди, а сама уселась сзади и обхватила меня руками и ногами...

— Стой, мужик! — перебил его ударник. — Ты что, был у нее между ног?

— Наверно. Я так перепугался, что не обратил внимания. Эта река...

— Нет, ты прямо скажи! Значит, ты сидел вот так, а она за тобой — вот так, и все это на том малюсеньком коврике? Ее титьки упирались тебе в спину, а ляжки...

— Черт бы тебя побрал, не в этом дело! Она спасла мою дурацкую жизнь! И мне было не до того, я видел только проклятую реку, пока она не закрыла мне глаза руками и не успокоила.

— Черт, если бы я был на твоём месте...

— Да? — с вызовом поинтересовался гитарист. — А как насчет твоей черненькой пташки?

— Слушай, мужик, не смей звать...

— А ты на меня не наезжай! — парировал гитарист. — У нас с Орб ничего не было! Я ей безразличен, она просто хотела спасти мою дурацкую жизнь и, может быть, избавить меня от зелья. И ты представь, я три часа был без дозы, потому что меня начало ломать уже тогда, когда я отдал ей чертов пакетик, а потом прошло еще не меньше часа! Но я не смог завязать — пришлось играть, а у меня руки так и тряслись. А она должна была плясать, и...

— Она плясала?

— Да, и еще как! Никогда такого не видел! Ей надо было доказать Рыбе, что она цыганка, а этот цыганский танец — ну просто... Никогда не видел порнухи круче! Она такое вытворяла, я чуть все струны не порвал!

— Она? — насмешливо переспросил ударник. — Да она помрет на месте, если узнает, как у нее юбка задирается при игре! Подумать только, увидят ее ножки!.. Да она считает, что быть соблазнительной — это преступление!

— Не забудь, она нам нужна. Без нее мы — ничто. Забудь про ее юбку!

— Сам забудь про ее юбку! — парировал ударник. — А я на репетициях сижу прямо напротив нее. Ножки у девочки — высший класс!

— У нее все — высший класс, — сказал органист. — Ты что, думаешь, я слепой? Я стою у нее за плечом, и ты думаешь, у меня слюнки не текут, когда я заглядываю ей за вырез? Но нам повезло в десять раз больше, чем мы заслуживаем, когда она к нам пришла, и неужто кто-нибудь захочет ее разозлить? Держите свои грязные мысли при себе и думайте о музыке!

— Угу, — согласился ударник. — Так я к чему это все говорю-то! Все мы знаем, что она никогда не будет так танцевать, как ты нам заливаешь. Тело у нее что надо, кто спорит, но мозги не так устроены.

— Она правда плясала! — настаивал гитарист. — Я ж вам говорю, я как раз перед этим взял понюшку...

— Как понюшку? Зелье же так почти не доходит!

— Ты что, стал бы я при ней ширяться! Привел себя в норму и ладно, лишь бы пальцы не дрожали! Нет, ты понимаешь, с нами-то она вся из себя скромница, но как взялась за дело — ну, мать моя женщина! Я видел те еще

танцы, однако то, что она выдавала... Да столетний старец от такого завелся бы!

— Значит, она только с нами такая ханжа, — задумчиво пробормотал ударник. — Интересно все-таки, зачем ей Ллано? Ну, я понимаю, мы хотим избавиться от зелья, но у нее-то есть все, чего только можно пожелать!

— Сиди и радуйся, что Орб с нами, — отозвался гитарист. — Я бы уже помер, если бы не она.

— Так мы собираемся прибирать эту чертову комнату или нет? — поинтересовался ударник.

Последние слова было слышно плохо. Орб, как могла, напрягала слух, но различала лишь неясный шум, в котором не удавалось выделить даже отдельные голоса, не то что уловить смысл сказанного.

Орб лежала с открытыми глазами и размышляла. Какое странное совпадение! Почему-то слышно было только тогда, когда речь шла о ней. Голоса мальчиков ее разбудили — возможно, они заговорили о ней раньше, чем она проснулась. Но как только тема сменилась, слышимость пропала.

Совпадение? Как жаль, что у нее нет больше маленькой зеленой змейки, которая умела отвечать «да» и «нет» простым сжатием пальца! Сейчас Орб находится внутри другого волшебного существа, и, быть может...

В дверь тихонько постучали.

— Орб, ты уже легла?

— Я все равно не сплю. Заходи, Луи-Мэй.

— Я не хотела тебя беспокоить, — начала девушка, — однако тут случилась такая забавная вещь...

— Услышала голоса?

— Да, а откуда ты знаешь? Я уже засыпала, а потом вдруг донеслись слова «черненькая пташка» — и так ясно, как будто говорили у меня над ухом. И я поняла, говорят обо мне. Но они сказали только...

— Чтобы тебя больше так не называли, — закончила за нее Орб.

— Ты тоже это слышала? А я потом слушала-слушала, но так ничего и не услышала. То есть если я вообще не спала...

— Думаю, мы просто узнали еще об одном свойстве Рыбы, — сказала Орб. — Когда кто-то о ком-то говорит, этот второй все слышит. Они упомянули тебя, когда разговаривали обо мне. Поэтому я слышала несколько больше, чем ты.

— Значит, я не спятила! — с облегчением вздохнула Луи-Мэй.

— Я тоже. Но знаешь, лучше нам быть осторожнее и думать, что мы говорим о других. По крайней мере, здесь Луи-Мэй понимающе улыбнулась:

— А сами тем временем можем и послушать!

Орб улыбнулась в ответ. Ей нравилась Луи-Мэй.

— А правда, что у меня юбка слишком высоко задирается, когда я играю на арфе?

Девушка задумалась.

— Никогда не обращала внимания, но, наверное, да — когда ты сидишь, скрестив ноги. Во всяком случае, не исключено. Ты хочешь сказать, что парни под нее заглядывают?

— Нет, просто заметили. Лучше я перейду на брюки.

— Тогда они узнают, что ты их подслушала!

— М-да... Но если я не...

— Я подарю тебе свои! — догадалась Луи-Мэй. — Выходит, ты будешь их носить, чтобы меня не обидеть. По крайней мере, на репетициях.

— Конечно, я не захочу тебя обидеть, Луи-Мэй! — серьезно ответила Орб.

— Интересно, скоро они заметят?

— Это во многом зависит от нас, — сказала Орб. Девушки замолчали, опасаясь, что их беседу тоже могут услышать и тайна перестанет быть тайной.

Луи-Мэй вернулась к себе. Орб еще некоторое время лежала в темноте и размышляла. Оценка, которую дали ей молодые люди, вызывала у нее смешанные чувства. С одной стороны, любой женщине нравится, когда ее считают красивой, но, с другой стороны, нельзя же так грубо! У нее видели только «титки» и «ляжки», а ей бы хотелось чего-то более возвышенного. Однако...

В то же время она узнала кое-что про Иону. Орб сразу Иона понравился, и чем больше она о нем узнавала, тем больше он ей нравился.

Утром девушки проснулись первыми. Музыканты привыкли спать допоздна.

— Знаешь, — сказала Луи-Мэй, — если мы ничего не предпримем на этот счет, нам с тобой придется и готовить, и убирать. Кто хочет готовить?

— Ох! — воскликнула Орб. — Я и не подумала. Нам нужна прислуга.

— Можно будет заняться этим, когда пойдем за покупками.

— За какими покупками?

— За брюками.

Орб вспомнила и рассмеялась. На самом деле ее сильно смущала подслушанная беседа. Одна мысль о том, что кто-то смотрит на ее бедра, когда она играет... Надо будет делать вид, что ей все равно, а это нелегко. Как бы ей хотелось отплатить мальчишкам той же монетой! Но, конечно же, она этого не сделает.

Еды у них не было никакой — вполне достаточная причина, чтобы покинуть Иону, который продолжал висеть около дома Луны. Орб приказала огромной Рыбе опуститься вниз, и девушки вышли. Затем Иона снова всплыл на уровень крыши.

— Почему люди не прячутся на него? — спросила Луи-Мэй.

— Просто не видят, — объяснила Луна. — Иона позволяет увидеть себя только избранным. Когда вы внутри, вы тоже невидимы.

— С трудом верится, — покачала головой девушка.

— Иона! — крикнула Луна. — Ты не покажешь им, как это делается?

Огромная Рыба медленно растаяла в воздухе. Небо над домом казалось теперь абсолютно пустым.

— Да, теперь поверить легче! — признала Луи-Мэй.

Луна накормила девушек завтраком, потом Луи-Мэй отправилась за покупками, а Орб — в агентство по трудоустройству. Связи Луны и здесьгодились — когда Орб пришла, служащий уже ждал ее со списком в руках.

— Но вы даже не знаете, чего я хочу! — удивилась де-вушка.

— Женщину на должность повара и экономки. Компетентную, не болтливую и малопривлекательную.

Орб слегка опешила. Да, именно этого она и хотела — назло мальчишкам привести женщину, на чьи ножки они не станут пялиться. От слов служащего ей стало немного стыдно, но не настолько, чтобы изменить требования.

— Да, хорошо, я поговорю с ними.

— В данный момент есть только один претендент, — сказал служащий. — Интерес к вашему предложению резко упал, когда мы сказали кандидаткам, что им придется неизвестно сколько времени путешествовать в компании юных музыкантов.

— Ума не приложу, что это они вдруг! — насмешливо пробормотала Орб. — Ладно, покажите мне то, что есть.

Претендентка оказалась изможденной пятидесятилетней женщиной. Прически у нее не было никакой, энтузиазма — тоже.

— Готовить умеете? — спросила Орб.

— Я превосходно готовлю.

— А хозяйство вести сможете?

— Лучше некуда.

— Какое вам нужно жалованье?

— Символическое.

— Вы знаете, что придется путешествовать в компании трех молодых музыкантов?

— Ну и?..

— И что мы не знаем ни маршрута, ни времени возвращения?

— Да.

Все ответы были более чем удовлетворительны, и все же Орб чувствовала, что что-то здесь не так. Почему эта женщина столь покладиста?

— Вы понимаете, что мы можем вас уволить, если вы сказали неправду?

— Да.

— Почему вы хотите получить эту работу?

— Я не хочу.

— Что?

— Я не хочу.

— Тогда почему же вы к нам обратились?

— Это лучше, чем ничего.

Какой энтузиазм!.. Орб решила заставить женщину чем-нибудь себя выдать.

— Мы ищем Ллано.

— Да.

— Вы знали об этом?

— Иначе Иона бы вас не взял.

— Как вы узнали про Иону?

— Если вы меня спросите, — вздохнула женщина, — мне придется отвечать. Но ответ мой может вам не понравиться.

— Все равно. Я думаю, лучше знать правду.

— Я из породы демонов и тоже ищу Ллано. Иона пошевелился, и вот я пришла. Я не могу сама найти Ллано — вдруг кто-нибудь сможет? В вас я не верю, но посмотреть-то можно.

— Из породы демонов! — воскликнула Орб. — Так вы из Ада?

— Нет. Некоторые демоны рождены на земле. И прокляты. А Ллано поможет избавиться от любого проклятия.

— Что же у вас за проклятие?

— Вам мой ответ не понравится.

— Вы собираетесь причинить мне вред? Или не мне лично, а кому-нибудь из нас?

— Нет. Я не могу причинить вреда смертному.

— Тогда отвечайте, как-нибудь перетерплю.

— Ночью я каждый час должна вступать в связь с мужчиной. И становиться на целый час старше.

Орб была потрясена:

— Вы хотите сказать...

— Я суккуб, и у меня нет выбора.

Суккуб! В пятьдесят-то лет!

— Против вашей воли?

— Ненавижу это занятие!

— Тогда почему бы вам не остановиться?

— Проклятие не дает.

Орб вспомнила, как гитарист попытался не принимать наркотик. Увы, в таких случаях пути назад нет.

— Откровенно говоря, я не уверена, что вы нам подойдете.

— Я никогда не сплю и делаю все то, что уже сказала. Днем я идеальный работник. А ночью вступает в силу проклятие. Каждое утро я становлюсь на десять—двенадцать часов старше. В следующем веке я буду выглядеть на все сто лет и все равно буду бессмертна. Если не найду Ллано.

Орб почувствовала, что ей жаль это несчастное создание.

— Давно вы так?

— Уже сто лет. Днем кажется, что я старею вдвое медленнее, чем смертные, зато ночью мне приходится расплачиваться за это. И я не могу умереть. Вы, смертные, даже не понимаете, как вам повезло.

Орб почувствовала, что верит ей.

— Так вам — то есть вашему телу — пятьдесят, и вы все еще должны по ночам соблазнять мужчин?

— В эти часы я принимаю свое первоначальное обличье. Возраст остается тем же, но видно его только днем.

Орб обуревали противоречивые чувства. Девушка испытывала искреннюю симпатию к стоящему перед ней созданию и в то же время не могла ее не опасаться. Что будут делать мальчики, если...

Наконец Орб решилась. Какую свинью она подложит грубым музыкантам!

— Вы приняты. Как ваше имя?

— Иезавель.

Когда Орб с Иезавелью поднялись в свое оригинальное жилище, парни уже проснулись и успели проголодаться. Но в ближайшую закусочную почему-то не пошли.

— Об этом я позабочусь. — Иезавель шелкнула пальцами, и прямо из воздуха материализовался пакет с готовым завтраком. Кухарка поймала его сморщенной рукой и протянула ударнику: — Лопай.

Мальчишки открыли пакет и обнаружили в нем гамбургеры и бутылки с колой. По их мнению, так и должен был выглядеть идеальный завтрак. Ударник изумленно уставился на Орб:

— Откуда она знает?

— Иезавель прекрасно понимает музыкантов, — ответила девушка. — Во время гастролей она будет готовить и вести хозяйство.

— Она еще и хозяйство ведет?

— Вы и не представляете себе, как она это делает, — заявила Орб. Лицо ее было непроницаемо.

Молодые люди взяли свой завтрак и удалились. Орб пошла показать Иезавели ее новую комнату.

— Или вам не нужна отдельная комната?

— Конечно, нужна!

Иезавель снова щелкнула пальцами, и в комнате появился книжный шкаф.

— Моя библиотека. Я много читаю в свободное время. Понимаю, бегство от реальности... зато позволяет забыть о той скучной однообразной жизни, на которую я обречена.

Орб взглянула на книжные корешки. Там было все — от классики до дрянных любовных романов. Суккуб читает любовные романы? А почему бы, собственно, и нет? Ее проклятие — это секс, а не любовь. И, как любой женщине, ей легче найти первое, чем второе. Как это ни печально.

Луи-Мэй вернулась с небольшим пакетиком — купила брюки в подарок Орб.

— Ой, спасибо тебе, Луи-Мэй! — воскликнула Орб, изображая удивление. — Я непременно буду их носить!

Миссис Глотч составила для группы маршрут, позволявший с разумной быстротой объехать весь континент. Каждые три-пять дней у «Скверны» был намечен очередной концерт в новом месте.

Миссис Глотч до сих пор еще не встречалась с Ионой. С большим трудом ее удалось уговорить зайти на минутку. Она неодобрительно оглядела обстановку и поспешила вернуться в свой обыкновенный офис, без всяких там магических штук.

Большое путешествие началось. Орб попрощалась с Луной, горюя как при их первом расставании в Ирландии, и вошла в глотку Ионы. Огромная Рыба поднялась высоко в небо, развернулась и быстро поплыла к первому городу из списка миссис Глотч.

Орб собиралась пойти к себе в комнату и отдохнуть, как вдруг ее окликнул гитарист.

— Да? — спросила Орб.

— Я просто хотел сказать... Ну, может, это неважно...

— Что-нибудь случилось?

— Ты ведь знаешь про зелье.

— Конечно. И тебе известно, что я об этом думаю.

— Ну, я пытался избавиться от него, но ты сама знаешь...

— Да.

Что же он пытается ей сказать?

— Я не принял ни одной дозы с тех пор, как мы здесь! — выпалил гитарист.

Орб так и застыла на месте:

— Я считала, что тебе надо принимать наркотик каждые несколько часов! А прошел уже целый день. Это по меньшей мере необычно!

— Ага. И остальные тоже не притрагивались к зелью. Мы ведь не принимаем его, пока не припрет, вот и... — Он пожал плечами.

— Иона! — воскликнула Орб. — Неужели...

— Я вот тоже так подумал. Такая большая волшебная Рыба. Может, он не хочет, чтобы мы принимали это дерь... ну, зелье, когда мы тут? Как думаешь?

— Если так, то Иона для нас — просто благословение свыше! — воскликнула Орб.

— Вот поэтому-то мы и не выходили сегодня утром. Ведь коли это правда, то стоит нам выйти, и...

— И все начнется снова, — закончила Орб. — Я не виню вас. К счастью, мы можем не покидать Иону до...

— До самого треклятого концерта, — сказал гитарист. — Вот это меня и пугает.

— Но все остальное время вы свободны от дурной привычки! О, я так рада за вас!

Гитарист кивнул:

— И еще... Я хотел сказать... Хотел поблагодарить тебя за то, что ты спасла мне жизнь. Стало быть, я в долгу перед тобой. Стало быть, мне его никогда не отдать, потому как у меня нет ничего, что тебе надо, да и делать я мало что умею. Но...

Он пожал плечами. Орб была растрогана.

— Спасибо за добрые слова, — сказала она. — Я уверена, что ты снова станешь достойным человеком. Это просто вопрос времени.

— Ну, если мы найдем Ллано...

— Тогда — полная свобода! — согласилась Орб.

Юноша ушел. И Орб тут же начала терзаться угрызениями совести. Она знала, что Иезавель — суккуб, и все же наняла ее. А что станет с молодыми музыкантами, когда придет ночь? Сначала-то они подумают, что им страшно повезло, но через несколько часов...

Ну а ей что теперь делать? Она приняла Иезавель на работу. С какой стати она будет ее выгонять? Никогда Орб не думала, что может дойти до такого в своем желании насолить мальчишкам, не в том тоне отозвавшимся о ее ножках.

Иезавель приготовила великолепный обед — все вкусная, здоровая пища. Поставила блюда на вырост-стол в комнате, которую они решили назначить столовой, и потребовала, чтобы все привели себя в порядок и сели есть вместе. Мальчишкам пришлось отправиться в ванную, чтобы причесаться, почистить ногти и переодеться во что-нибудь более приличное.

Орб едва сдержала улыбку. Похоже, их домоправительница весьма старомодна, и это здесь очень даже кстати.

Парни с неодобрением уставились на еду в своих тарелках.

— Картошка? — с отвращением поинтересовался ударник. — Молоко?!

— И салат из свежих овощей, — заявила Иезавель. — Таковы правила этого дома, пока я здесь хозяйка. Один раз в день надо питаться правильно. А в остальное время можете есть, что хотите.

Луи-Мэй взяла ударника за руку:

— Ничего, Дэнни, выдержишь.

Молодой человек просиял:

— Как скажешь, детка. Слушай, если ты хочешь для меня готовить...

— Сначала отвыкни от зелья, — твердо сказала Луи-Мэй.

— Но я же его не принимаю!

— Вне Рыбы.

— Ага, — уныло согласился ударник.

Новости распространялись быстро. Луи-Мэй уже знала, что Иона сумел повлиять на пристрастие молодых людей к наркотику, и не была введена в заблуждение этим эффектом. Ударник только что в шутливой форме сделал ей предложение и получил ответ — сначала он должен избавиться от вредной привычки.

Способность гитариста переносить с Ионой путешествие по воздуху тоже, видимо, имела магическое происхождение. Большая Рыба излечила его страх.

Участники группы дружно принялись за еду. Обед и в самом деле был превосходным. Все чувствовали себя одной семьей — благодаря тому, что Орб считала своей ошибкой.

Когда же придет ночь...

Но еще до этого пришел вечер, и началась гроза. Иона внезапно накренился и резко сменил курс.

— Что случилось? — вскрикнула Орб, когда грязные тарелки посыпались на пол.

Тут она вспомнила, что говорила ей Луна. Проклятие Ионы в том, что он не может плавать в своей родной стихии. Прикосновение даже капли воды для него невыносимо.

Гроза продолжалась. Если так пойдет дальше, скоро Иона будет со всех сторон окружен дождем. Однако на это у огромной Рыбы нашелся ответ — Иона нырнул. Он пролетел вниз до самой земли и не останавливаясь провалился под землю. Сразу стало темно.

Темнота! Орб взглянула на Иезавель. Та спокойно продолжала мыть стаканы. Внешность женщины осталась прежней. Очевидно, она меняется при наступлении ночи, а не от отсутствия света. Разумно. Ведь иначе существовала

бы очень простая защита от суккуба — достаточно было бы все время палить яркий огонь.

Но ведь ночь тоже когда-нибудь придет!..

Чем позже становилось, тем сильнее нервничала Орб. Она знала, что поступила скверно, и чувствовала себя виноватой. Впрочем, ничего уже не изменишь.

Мальчики ушли в общую комнату и включили телевизор. По мнению Орб, их любимые передачи представляли собой смесь насилия и эротики, одобренную капелькой юмора. Ну и ладно, пусть получают то, что заслуживают!

Да, но с ними Луи-Мэй. Если девушка будет там, когда...

Орб снова взглянула на Иезавель, и ее худшие опасения подтвердились. Только что их новая кухарка была неряшливой пожилой женщиной. Однако стоило где-то наверху закатиться солнцу, и она превратилась в пышную двадцатилетнюю красотку в соблазнительном платье. Суккуб принял свое истинное обличье.

Иезавель тем не менее по-прежнему мыла стаканы, а потом взялась за тарелки. Изменилась только внешность кухарки, но не ее мысли.

Орб принялась помогать ей — брала вымытые тарелки, вытирала их и убирала на посудную полку, которая, как и мебель, росла прямо из стены.

— Да, Иезавель... — начала девушка.

— Что?

Орб внезапно оробела. Возможно, ответ на ее вопрос придет уже очень скоро.

— Откуда взялись все эти тарелки, да и еда тоже? Вы их что, как-то наколдовали?

— Это посуда из моей коллекции, — ответила Иезавель. — Можете пользоваться ею, сколько хотите. А еда должна быть свежей, поэтому я беру ее в местных заведениях.

— Тогда получается, что мы... мы просто крадем...

— Нет. Счета оплачивает миссис Глотч. Я оставляю им расписку, чтобы они знали, где получить деньги. Замечательная вещь современная электроника!

Они продолжали болтать, пока не перемыли все тарелки. Вдруг Иезавель замолчала и внимательно оглядела себя.

— Опаньки! Я, оказывается, переменялась! Ночь настала. А я и не заметила!

— Вы переменялись уже полчаса назад, — сказала Орб.

— Не может быть! Мое проклятие...

Иезавель посмотрела на часы:

— Нет, правда! Как же это могло случиться?

— Вы хотите сказать, что больше не...

— Совершенно, — с удивлением промолвила Иезавель. — Раньше никогда такого не происходило!

— Это Иона! — воскликнула Орб. — Мальчики не принимают наркотик с тех самых пор, как сюда попали! Вероятно, Рыба и на другие проклятия действует!

— Значит, я смогу ночью отдохнуть? И не будет никаких лишних часов и потных мужчин?

— Похоже на то.

— Я знала, что эта Рыба — замечательное создание, одна понятия не имела, что настолько! Истинное...

Внезапно Иезавель задохнулась в кашле.

— Что случилось? — испугалась Орб.

— Просто я не могу произносить некоторые слова. А постоянно общаясь со смертными, я иногда забываю об этом. Я хотела сказать такое слово, знаете, его обычно говорят, когда происходит что-то очень хорошее и...

— Благословение?

— Вот-вот. Думаю, Иона в силах помочь только в том, что от нас не зависит. Ну, я же могу выбирать слова, и раз я не должна произносить этого слова, то я и не могу этого сделать. Но это все мелочи, по сравнению с тем, что сделала Рыба. Просто потрясающе!

Орб тоже испытывала облегчение, хотя и по другой причине. Иона нравился ей все больше и больше.

В кухню вошла Луи-Мэй. Девушка хотела налить себе стакан воды. Увидев Иезавель, она остолбенела.

— Кто вы?

— Это Иезавель, — сказала Орб. — Ночью она выглядит немного по-другому.

Луи-Мэй прищурилась. Очевидно, новая внешность Иезавель напоминала ей совсем не о домашнем хозяйстве.

— Я — суккуб, — объяснила Иезавель. — Но сейчас вышла в отставку. Твой молодой человек меня несколько не интересуется.

Взгляд Луи-Мэй метнулся в сторону двери, за которой сидели мальчики. Она явно не поверила этим словам.

— А чего тогда может хотеть от нас такое создание, как вы?

— Я ишу Ллано. Мне нужно освободиться насовсем.

— Вы же сказали, что вышли в отставку!

— Только по милости Ионы. Боюсь, что снаружи это не действует. Как у твоего мальчика с наркотиком.

Луи-Мэй немного подумала.

— Тогда во время представлений вам лучше оставаться здесь.

— С радостью!

Девушка смягчилась:

— Хотите посмотреть с нами телевизор?

— А там показывают что-нибудь стоящее?

— Ох, едва ли!

— Тогда с удовольствием. Что-то в этом роде я и люблю.

Они вышли в соседнюю комнату. Орб сперва заколебалась, потом пожала плечами и последовала за ними.

Ударник обернулся, чтобы посмотреть на Луи-Мэй, и заметил Иезавель. Он уставился на нее, открыв от изумления рот. Двое остальных тоже обернулись и оцепенели.

— Это Иезавель, — сказала Луи-Мэй. — Ну, что пялятся? Никогда кухарок не видели?

Ударник с видимым усилием взял себя в руки и повернулся к экрану. Гитарист и органист, поколебавшись, последовали его примеру. Иезавель и вовсе не обратила на парней внимания — ей действительно было неинтересно.

Ночь прошла спокойно. Наутро Иезавель снова превратилась в пятидесятилетнюю кухарку и принялась спокойно готовить завтрак.

— Послушайте, мисс Кафтан...

— Орб.

— Хорошо. Вы не замечали...

— Вы про слышимость, да? — подхватила Орб. — Я так понимаю, мальчики говорили о вас, когда остались одни.

— Целый час, не меньше! Я читала «Войну и мир» — я ведь все равно никогда не сплю, а тут целую ночь можно было делать все, что хочется — так непривычно! И тут услышала эти голоса — идеи у них те еще!

— Вы жалеете, что изменились?

— Нисколько! У всех детей в их возрасте такие идеи — впрочем, со мной никого надолго не хватает. Ничего оригинального в этом нет, я просто не понимаю, зачем им понадобилось обсуждать это там, где я могла услышать.

— Все Иона. Здесь тот, о ком говорят, всегда слышит этот разговор, — объяснила Орб. — А мальчики просто не знали, что вам слышно.

— Никто не рассказал им об удивительном эффекте?

— А кому бы это могло понадобиться?

Иезавель улыбнулась:

— Я пришла к вам только ради Ллано. Но поездка обещает быть забавной.

— Просто не надо никого обсуждать, — сказала Орб. — На наше счастье мальчики по утрам спят как сурки, иначе бы они обязательно нас слышали.

Иезавель понимающе кивнула, приложив палец к губам.

Гроза кончилась, и Иона опять поднялся в небо. Он плыл со скоростью около пятидесяти километров в час, так что группа должна была заранее прибыть к месту своего первого концерта.

После завтрака устроили репетицию. Иезавель устроилась в дальнем конце комнаты и внимательно слушала. Концерт явно произвел на нее впечатление. Музыканты исполнили весь свой репертуар, потом стали обсуждать новые песни. Теперь они знали уже довольно много произведений разных жанров. Аранжировка большинства из них была такой же, как и в случае с «Дэнни». Орб показалось, что магия стала сильнее, но она решила, что это плод ее воображения.

Луи-Мэй выглянула в гигантскую чешуйку-окно.

— Темень какая! — воскликнула она.

Орб тоже выглянула:

— Мы опять плывем под землей!

Похоже, Иона тоже слушал и потому нырнул поглубже, чтобы звуки внешнего мира не мешали ему наслаждаться музыкой. Потребовалось некоторое время, чтобы проверить эту гипотезу, но факт оставался фактом — они находились глубоко под землей. Правда, никакого вреда от этого не было. Стоило прекратить представление, как Иона снова вынырнул и продолжил путь.

— Думаю, — заметила Орб, — тот, кто ищет Ллано, должен разбираться в музыке.

Глава 9

Ллано

Наконец группа «Ползучая скверна» прибыла к месту своего первого концерта. Хотя зал и не был полон, народу собралось довольно много. Похоже, весть о небывалом успехе музыкантов еще не дошла до широкой публики. И все же у них никогда еще не было столько зрителей, а Орб в глубине души была уверена, что в этом зале обычно больше и не собирается.

Публика откровенно скучала — люди не верили, что какая-то там провинциальная группа может сыграть что-нибудь сносное. Возможно, среди них были и критики, пришедшие по долгу службы. Должен же кто-то писать рецензии на все эти посредственные представления.

Орб тихонько улыбнулась. Она знала, что скоро все изменится.

Концерт начался, и зрителей как будто подменили. Все дело тут было в магии — с ней зрители проглотили бы любую, сколь угодно посредственную музыку, а без нее не стали бы слушать и самую совершенную. Но музыка у «Скверны» была хорошей и стала только лучше после обработки.

На следующий вечер состоялся еще один концерт. И на этот раз у музыкантов был аншлаг.

Так оно и пошло. В каждом новом городе их провожали гораздо теплее, чем встречали. После шестого города «Ползучая скверна» стала самой популярной группой

года. Миссис Глотч информировала ребят, что, если ничего не изменится, к концу поездки они станут богачами.

Начали поступать предложения от фирм звукозаписи — почему бы группе не выпустить альбом? Но музыканты обсудили этот вопрос и решили альбомов не выпускать. А вдруг магия не запишется? И в самом деле, пиратскую запись с одного из их концертов сочли обыкновенной фальшивкой — настолько она проигрывала по сравнению с «живой» музыкой.

Сначала «Скверна» давала концерты на востоке страны, потом на юге и юго-западе. Карты были не нужны, поскольку Иона сам доставлял их, куда требовалось. Но Иезавель хотела знать, где находится, и карту все же приобрела.

— Смотрите! — воскликнула она вдруг. — А вот Ллано! Орб от удивления чуть не выронила арфу:

— Что?

— Да вот!

И Иезавель протянула девушке карту.

Все сбегались посмотреть. На карте обнаружилась область, река и даже городок с таким названием.

— Вы думаете, что там и... — спросила Иезавель.

— Не знаю, — сказала Орб. — Мне никогда не приходило в голову поискать Ллано на карте! Это может быть простым совпадением.

— В мире не так уж много совпадений, — сказала Иезавель. — Во всяком случае, для тех, кто понимает.

— У нас будет концерт неподалеку оттуда, — с энтузиазмом сообщил ударник. — Черт, да если мы найдем эту штуку, и если она сработает...

Он посмотрел на Луи-Мэй.

Остальные понимающе кивнули. Все знали, что ударник и Луи-Мэй любят друг друга и что после каждого исполнения песни про Дэнни их взаимное влечение усиливается. Только отношение Луи-Мэй к наркотикам удерживало молодых людей от того, чтобы зайти дальше. Но Луи-Мэй твердо сказала, что никогда не свяжется с наркоманом. И ее позиция была незыблемой, что лишь укрепляло ударника в его желании избавиться от вредной привычки.

После очередного концерта ребята попросили Иону отвезти их в Ллано. Рыба послушно повернула и поплыла куда-то. Все легли спать.

Утром оказалось, что Иона уже приплыл и висит теперь над бескрайней голой равниной.

— Он что, заблудился? — спросил ударник. — Ни реки, ни города не видать!

— Бессмертное создание, над которым тяготеет проклятие, не может заблудиться, — сказала Иезавель. — Уж я-то знаю.

Ударник пожал плечами. К тому моменту музыканты уже были в курсе, кто такая Иезавель, и знали, что она, как и Орб, отнюдь не намерена осуществлять их мечты. Молодых людей это весьма огорчало. Правда, днем они об этом забывали, зато ночью все три женщины от души развлекались, слушая их беседы. Мальчики единодушно считали, что никогда еще трое столь симпатичных и мужественных юношей не жили в такой близости от трех таких красивых женщин и таких при этом бесчувственных. Какая ужасная потеря!

Некоторые замечания, которые молодые люди отпускали в ходе беседы, шокировали Луи-Мэй, а Орб казались просто отвратительными, хотя Иезавель откровенно скучала. Но никто из дам даже не намекнул мальчикам о необычных свойствах Ионы в отношении разговоров. Слушать их было так забавно! И оказалось, что подобным образом можно разговаривать друг с другом, находясь в разных комнатах.

Иезавель снова вытащила карту. Выяснилось, что Иона принес их в место под названием Ллано-Эстакадо, то есть Поля Ллано. Река и город его не заинтересовали.

— А может, он прав? — сказал гитарист. — Может, сюда-то нам и надо?

— Кто знает. — поддразнила его Луи-Мэй. — Посмотри на форму округов на карте. Они все квадратные, а рядом с округом Ллано — какие-то кривые, как будто Бог распахал их в стороны, чтобы всунуть туда Ллано.

— Может, ты и права, — сказал гитарист, разглядывая карту.

— Не думаю, что установленные людьми границы имеют какое-то отношение к предмету нашего Поиска, — сказала Орб.

Однако на нее тоже произвели впечатление перекошенные границы округов на карте. Как будто кто-то взял и развернул квадратики округов градусов на сорок пять. А вдруг это все-таки имеет отношение к делу?

Решили, что прав все-таки Иона. Именно эта равнина и есть то Ллано, которое им нужно. Огромная Рыба опустилась на землю, и все вышли наружу.

Орб медленно шла по полю, пытаясь найти какие-нибудь признаки Песни. Девушка не знала, что именно она ищет, но надеялась, что Ллано она сумеет узнать. Надо лишь настроиться на нужную волну. Если, конечно, это то самое место. В Индии она не нашла ничего. Родина цыган не имела отношения к Ллано.

Цыгане... Особого смысла в этом нет, и все же...

Орб оглянулась. Ее спутники были далеко — каждый, как мог, искал Ллано. Никто ее не увидит.

И Орб начала танцевать танану. Вдруг танец как-нибудь притянет к себе музыку! Она принимала позы, рассчитанные на то, чтобы воспламенить мужчину. Ни одна порядочная девушка не станет участвовать в подобном представлении. Но Орб танцевала, и нужен ей был совсем не мужчина, и даже не Рыба, а Песнь. Получится у нее или нет?

Дух танца захватил девушку. Стыд исчез — танана заставила его отступить. Потом Орб показалось, что пришла музыка, почти неуловимая, словно напоминавшая о чем-то. Приятная, красивая мелодия, но ее внутренняя сила была так же похожа на силу любой музыки смертных, как океан — на маленький пруд. Музыка отзывалась в глубине души Орб, подчиняя себе ее сердце, заставляя мысли меняться непредсказуемым образом. Музыка, музыка...

И вдруг стало тихо. Орб стояла одна посреди бескрайней равнины, обессиленная и опустошенная. Неужели она сумела настроиться на Ллано? Или это ей только почудилось? Орб не могла с уверенностью сказать, откуда взялась музыка, но ощущала ее, как что-то внутри себя. По-

хоже на смутное чувство, возникающее в начале беременности. Что-то внутри...

Беременность. Где сейчас ее дочь Орлин? Что с ней? Быть может, Орб никогда этого не узнает...

Мрачная и усталая, девушка вернулась обратно к Ионе. Она и сама не понимала, удалось ли ей достичь хоть чего-нибудь.

Гастроли продолжались. Залы, в которых играла их группа, становились все больше и больше и всегда были забиты до отказа. Казалось, всему миру известно о «Ползучей скверне». Каждый день в печати появлялись новые статьи о популярных музыкантах; материалы для этих статей чаще всего были высосаны из пальца. А Орб с друзьями продолжали Поиск. Где же ты, Ллано?

Сила Орб заметно возросла. В основном это было видно даже не по реакции публики, которой раз от разу приходило все больше, а по игре остальных членов группы. Орб уже не приходилось принимать участие в представлении, чтобы возникла магия. Достаточно было, если она просто сидела рядом. Теперь Луи-Мэй могла петь одна, ударник мог играть соло, а магия все равно чувствовалась. Однако Орб знала, что, когда она уходит, у ребят ничего не получается. То есть играют-то они хорошо, но магии нет. И все это понимали.

— Когда ты с нами, — объяснял ударник, — это как цветное кино. А без тебя все становится черно-белым и наша группа опять ничего не стоит.

— Группа — это мы все, и я тоже, — возразила Орб. Она была польщена, хотя старалась не возгордиться. В конце концов, ее дар — не личная заслуга, а всего лишь наследственность. — И мы всегда будем играть только вместе.

Но она несколько поторопилась с этим заявлением.

Иона плыл теперь на север. Наступила зима, а вместе с ней пришли бури и снегопады. Связь и транспорт работали с перебоями. За несколько дней до Рождества погода так испортилась, что музыканты решили прибыть к месту очередного концерта заблаговременно. Иона причалил к зданию, и ребята выгрузили инструменты. Микрофонов и усилителей они теперь не брали — лишнее подтверждение

тому, как возросла сила Орб. Теперь звук и магия легко достигали задних рядов. Ударник, Луи-Мэй и органист остались в зале. Орб и Иезавель решили сходить за покупками — как-никак Рождество. Гитарист предпочел вернуться в Иону. Орб прекрасно понимала, почему он так делает — вне Рыбы ему скоро снова потребуется наркотик.

Втроем с гитаристом они поднялись наверх. Иона высадил Орб и Иезавель в деловой части города и уплыл. Резкий ветер пронизывал до костей, заставляя редких прохожих искать спасения в магазинах. Впрочем, Орб и Иезавель это не слишком расстроило, ведь как раз в магазины они и собирались попасть. Орб хотела купить маленькие подарки к Рождеству для всех членов группы, а Иезавель искала новые книги для своей библиотеки.

За этим увлекательным занятием обе совсем забыли о времени. Когда они с многочисленными свертками в руках вышли на улицу, уже почти стемнело. Орб мысленно позвала Иону и...

И ничего не произошло. Обычно Иона приплывал по первому зову, однако на этот раз он просто не появился. Орб и Иезавель с нетерпением ждали его на холодном ветру. Никого. Плащ Орб в холодную погоду сам становился теплее, а Иезавель вообще не чувствовала ни жары, ни холода, но ни одна прическа на таком ветру долго не выдержит! В конце концов обе дамы укрылись от ветра в какой-то нише.

Место оказалось занято. В нишу уже набились посилавшие от холода музыканты Армии Спасения. Понятно было, что в такую погоду им навряд ли удастся собрать много денег.

Орб положила покупки на землю и полезла в карман за кошельком. Увы, он был пуст — девушка потратила все наличные. Орб взглянула на Иезавель, но та лишь покачала головой:

— Деньги демона им не годятся.

— Ну, не знаю, — пробормотала Орб. — Разве доброе намерение не важнее?

Иезавель пожала плечами и бросила золотую монетку. Но не успела ее монетка долететь до чаши с пожертвова-

ниями, как все вспыхнуло ярким пламенем. и все собранные музыкантами бумажные деньги сгорели.

— Проклятие! — воскликнула Иезавель. Она сказала именно то, что хотела — деньги действительно были прокляты. — Ты только посмотри, что я наделала!

Орб с испугом глядела на музыкантов. Как же ей теперь извиниться? Она понимала, что Иезавель никому не желала зла, зло было неотъемлемым свойством ее натуры.

— Я... я попробую помочь вам, — сказала Орб. Она взяла у одного из музыкантов книгу, открыла ее и запела:

Вперед, Христово Воинство, Господь зовет нас в бой.
Мы Крест Святой и Веру в сердцах несем с собой.

Орб оставила арфу в Ионе, зная, что там она в полной безопасности. Но и без инструмента магия затопила всю улицу. Иезавель отпрянула, а музыканты подхватили припев. Магия Орб коснулась их голосов, слилась с ними, усиливая эффект.

Спешившие по своим делам люди остановились послушать пение; кто-то даже специально вышел из магазина. Когда песня кончилась, вокруг музыкантов собралась целая толпа. Деньги дождем посыпались в чашу для сбора пожертвований. Их с лихвой хватило, чтобы возместить нечаянно нанесенный суккубом ущерб.

И тут Орб увидела Иону и бросилась поднимать с земли свои многочисленные свертки.

— Благослови вас Господь, Воинство! — крикнула она. — Идем, Иззи!

Иона распахнул огромную пасть, и женщины вошли внутрь. Никто этого даже не заметил. Толпа постепенно начала рассасываться, хотя монетки продолжали со звоном сыпаться в чашу. Сбитые с толку музыканты заулыбались.

Иона прилетел как раз вовремя. Не успели они войти, как солнце село и Иезавель сменила обличье.

— Я так боялась, что задержусь на улице до темноты!. Знаешь, Орб, если это у тебя не Ллано, то что-то очень похожее. То, что ты сейчас сделала, ничем не отличается от Ллано.

— Никогда так не думала, — удивилась Орб. — Но, наверное...

— Эй, пора двигать отсюда! — прикрикнул гитарист и направился к выходу. — Скоро начинать!

— Я знаю! — отозвалась Орб и поспешила в свою комнату за арфой. — Сначала мы совсем забыли о времени, а потом еще Иона опоздал. Кстати, куда это вы запропались?

— Никуда, — удивился гитарист. — Иона торчал себе на одном месте и ждал. До вас он доплыл в минуту. А вы что, звали его раньше?

— Конечно! — огрызнулась Орб. Она уже держала в руках арфу. — За добрых десять минут до того, как он приплыл!

— Может, он просто не слышал?

— Должен был слышать. Приплыл же в конце концов!

Иона снова начал опускаться. Орб и гитарист стояли у самых его губ, чтобы выпрыгнуть наружу, как только Рыба откроет рот.

— Я приготовлю какао к вашему возвращению, — сказала Иезавель, подходя к ним почти вплотную. Мальчики уже успели экспериментально выяснить, что ни один наркотик, включая алкоголь и даже кофеин, не действует внутри Рыбы. Поэтому они перешли на те напитки, которые нравились девушкам. Здоровый образ жизни был законом для всех обитателей Ионы.

Огромный рот открылся. Иона шевельнул языком, и все оказались на улице.

— Эй! — воскликнула Иезавель.

— Но я думала, ты собираешься остаться там! — удивилась Орб.

— Это я так думала, — возразила Иезавель.

— Он нас просто выплюнул! — сказал гитарист.

Орб обернулась:

— Иона, Иезавель не должна была...

Она замолчала на полуслове. Ионы не было.

— Где мы? — спросил гитарист.

— Как где? У концертного зала, где же...

Орб снова умолкла. Концертного зала тоже не было. Они стояли перед дверью городской больницы.

— Иона спутал адрес! — воскликнул гитарист. — Никогда с ним такого не случалось!

— Спутал, говоришь? — откликнулась Иезавель. — А зачем же тогда он меня выплюнул? С этими демонами нужен глаз да глаз. Уж я-то знаю. Нет, ему почему-то захотелось от нас избавиться.

— Я не верю! — заволновалась Орб. — Ему надо было просто объяснить нам свое желание, и мы бы сами ушли!

— Слушай, сейчас малость не до этого, — прервал ее гитарист. — У нас концерт начинается!

— Но больница и концертный зал находятся на противоположных концах города! — воскликнула Орб. Она совсем расстроилась. — А концерт начинается прямо сейчас. Мы не успеем!

— А как насчет меня? — спросила Иезавель. — Вы представляете, что со мной будет через час?

Орб схватила за голову:

— Ума не приложу, что делать!

— Надо позвонить ребятам, поймать такси, — сказал гитарист. — Сейчас устрою.

Но вокруг не было видно ни телефона, ни такси. Ветер завывал и пытался сбить их с ног

— Может, в больнице есть телефон? — предположила Орб.

Они открыли дверь и вошли. Вход оказался боковым, и рядом с ним не было ни телефона, ни дежурной. Пришлось идти неизвестно куда по бесконечным пустым коридорам.

Из-за угла вылетел врач в белом халате, чуть не столкнувшись с гитаристом.

— А, вот вы где! — воскликнул врач. — Не сказал бы, что вы слишком рано! У нас все кончилось еще час назад, а пополнение доставят только завтра.

— Произошло недоразумение, — вмешалась Орб. — Мы совсем не отсюда, мы просто ищем телефон...

— Так вы не привезли лекарства? — спросил врач. Он был явно разочарован. — Нам передали, что оно есть у этого нового эстрадного ансамбля. У наших пациентов сильные боли. Не знаю, как они переживут ночь. Вот послушайте сами!

Они прислушались. Из некоторых палат доносились стоны и даже крики.

— Больным дали обычные медикаменты, — объяснил врач. — А они слишком слабые, и боль не проходит.

Гитарист сглотнул:

— Годится вам заколдованная АП?

Врач обернулся к юноше. В глазах его снова вспыхнула надежда:

— Вы и есть курьер!

— Похоже на то.

Гитарист вытащил из кармана пакетик. Доктор взял его и прикинул на ладони вес.

— Сильная?

— Сильнее не бывает.

— Замечательно! С этим мы сможем пережить ночь. Сколько?

Гитарист опять судорожно сглотнул:

— Бесплатно. Это так, знаете...

Врач кивнул:

— Мы высоко ценим ваш дар. Полтора десятка пациентов будут благословлять вас, сэр!

И он умчался.

— Ты отдал ему всю свою «адскую пыль»? — Орб была потрясена.

— Ну, знаешь, это очень хорошее болеутоляющее. Действует даже на тех, кого ничто больше уже не берет.

— А ты как?

— Либо они, либо я. А чего я стою?

— Не больше, чем я, — мрачно отозвалась Иезавель. — Черт, как же я ненавижу все то, что сейчас собираюсь делать!

Орб готова была рвать на себе волосы:

— Ну почему Иона так с нами поступил? Мы потеряем все, все, что у нас было!

Иезавель внимательно посмотрела на девушку:

— Слушай... Когда ты поешь, твоя магия... Может, если Иона мог, то и ты...

— Ну! — согласился гитарист, схватившись за эту мысль как утопающий за соломинку. — Только из-за тебя мы кажемся бо́льшим, чем мы есть. Попробуй спеть сейчас...

Внезапно Орб вспомнила свою прогулку по Ллано-Эстакадо. Вспомнила пришедшее к ней там ощущение цельности и силы. Неужели это возможно?

— Дайте мне руки, — сказала она.

Гитарист и суккуб протянули руки. Орб сжала их ладони и прямо в больничном коридоре запела первое, что пришло ей в голову. Слова песни были, возможно, нескладными, зато в них таился смысл: «Ты должен пройти через покинутую долину, но сделать это можешь только ты сам...»

Магия текла через протянутые руки с трудом, как будто ей что-то мешало. Орб сосредоточилась, вызывая в памяти образ равнины, думая о ней как о Долине Судьбы для тех, кто не в состоянии сам справиться с собой. Шаг за шагом она шла через эту долину, но не для себя, а для тех, кто просто не смог бы пройти ее самостоятельно.

«О нет, никто не пройдет ее вместо тебя...»

Да, верно, но ведь можно пройти ее вместе, чем Орб сейчас и занималась. Они шли сами, но магия песни поддерживала их, вливаясь в тело через вытянутые руки. Конечно, звучал не Ллано, однако эта магия, как и магия Ионы, помогала обрести устойчивость. Орб стала проводником, по которому лилась сила — малая часть той великой силы, которая сможет навсегда избавить ее друзей от проклятия. Это был путь через пустыню, пройти который надо самому, но совсем не обязательно делать это в одиночку! И в пути их поддерживала сила дружбы.

Орб поняла, что песня окончена, и разжала руки.

— Действует! — сказал гитарист. — Вроде сейчас полегче стало — справлюсь!

— Да, — согласилась Иезавель. — Эффект не такой сильный, как у Ионы, но хватит и этого.

Орб так до конца и не поняла, удалось ей что-то сделать или гитарист и суккуб сами убедили себя в том, что она им помогла. Девушка решила не спрашивать. В конце концов, что-то с ней явно происходило.

Они пошли дальше и вскоре оказались у стола дежурной медсестры.

— А! Вы, должно быть, артисты! В той палате уже совсем озверели. Мы обещали им эту их музыку, но по такой

погоде были уверены, что вы сюда не доберетесь. Прямо по коридору.

— Эту их музыку? — переспросила Орб. — Какую музыку?

— Они называют ее «ржавое железо», — сообщила сестра. — Это что-то ужасное! — Она замолчала и оглянулась в их сторону: — Нет, ребята, я не хотела вас обидеть. Но знаете, у каждого свой вкус!

— Ты понимаешь? — спросила Орб у гитариста.

— Немножко, — ответил он. — Но, слушай, это же полный бред! Мы как-то попробовали, когда тебя еще не было. Думаю, от этого наша тогдашняя певица и рехнулась. Ну, может, не только от этого. Ты с ума спятила, если хочешь это играть!

— Ну вот мы и пришли, — сказала сестра. — Психиатрическая палата. Заходите, ребята.

— Какой-то смысл в этом есть, — задумчиво проговорила Иезавель.

— Подождите! — возразила Орб. — Мы не можем этого сделать! Мы...

— Вы должны, — заявила сестра. Ей явно было не по себе. — Они и так-то буйные, а если мы нарушим обещание... А обещать нам пришлось.

— Но вы не поняли, — сказала Орб. — Только у меня есть с собой инструмент, а я понятия не имею о...

— Нет, это вы не поняли! — ответила сестра. — Погода привела больных в такое состояние, что любой пустяк может привести к взрыву! А персонала у нас по той же причине не хватает. Если пациенты выйдут из-под контроля, они перекалечат друг друга!

Она отперла дверь и распахнула ее.

Стоявший внутри шум по силе напоминал разве что океанский прибой в бурю. По палате носились больные. Кое-кто из них был совсем раздет. Кто-то издавал бессмысленные вопли, кто-то колотил ладонями по стульям... Немногочисленные сиделки пытались позаботиться о всех и каждом, но они уже сбились с ног и были в таком состоянии, что сами мало чем отличались от пациентов. Царил неописуемый бедлам.

— Они пришли! — крикнула сестра. — Садитесь скорее!

Эти слова оказали прямо-таки волшебное действие.

— Ржавое железо! — раздался ликующий голос, и люди кинулись искать себе стулья. Очевидно, здесь было все необходимое для досуга. Перед телевизором стояли удобные стулья, на полках когда-то лежали карты, книги и разные настольные игры. Сейчас эти карты и книги валялись на полу, а ненастроенный телевизор передавал сплошные помехи. Безумцам требовалось представление с настоящими актерами.

— Придется что-то изображать, — пробормотал гитарист. — Ты же знаешь, петь я не могу, а без инструмента...

— Я вообще не принимаю участия в вашей игре, — напомнила Иезавель. — Из всего, чем занимаются смертные, я умею только готовить.

— Но я же не смогу сыграть это... это «ржавое железо», — сказала Орб. — В крайнем случае я могла бы помогать тому, кто за это возьмется. А сама я пою только то, что знаю.

— Делайте уже что-нибудь! — крикнула одна из сиделок. — Может, им и это сгодится!

— Разыграем сценку, — предложил гитарист. — Как у Луи-Мэй с Дэнни! Мы будем показывать, а ты петь и играть.

— Ну начинайте же! — крикнул кто-то из пациентов и ударил кулаком в стену. Остальные поддержали его одобрительным шумом.

— Что угодно! — прошипела сестра.

— Но я не актриса! — запротестовала Иезавель. — Ночью я умею делать только одно, и будь я проклята, если займусь этим сейчас!

— Давай-давай! — сказал гитарист, взяв ее под руку. — Ничего особенного от тебя не требуется. Просто стой тут и смотри на меня, а я буду смотреть на тебя. Орб что-нибудь споет, а мы ей немного подыграем. С ее магией это вполне может сработать!

— Начинайте! — закричал еще один пациент и начал стучать ногами об пол. Вся палата последовала его примеру.

— Заткнитесь вы, чудики! — завопил гитарист. — Как мы, по-вашему, будем играть в таком шуме, да еще без аппаратуры? Будет тихо, тогда и начнем!

Топот утих. В палате наступила тишина.

— Ладно, Орб, — сказал гитарист. — Поехали.

Орб установила арфу и положила пальцы на струны. Она была полностью готова, если не считать одной маленькой неувязки — от волнения все слова вылетели у нее из головы.

— Не могу ничего придумать! — прошептала она в ужасе.

— Возьми любую из наших песен, — прошептал в ответ гитарист. — Может, проглотят!

Но с памятью Орб что-то случилось. Не удавалось вспомнить ни одного номера из их репертуара. Это было как болезнь — приступ страха перед зрительным залом. И от этого страха вся музыка улетучилась из памяти девушки. Слишком много всего произошло с ней сегодня вечером. И странный поступок Ионы, одним махом разрушившего их, казалось бы, устоявшееся благополучие, и песня, которую она пела, чтобы помочь друзьям... Все это настолько измотало Орб, что у нее, похоже, просто не осталось магии.

— Поверьте мне, если... — начала сестра. Она смотрела на пациентов и заметно нервничала. Больные уже снова собирались стучать ногами. Один Бог знает, что может произойти потом. Нельзя предсказать поступки безумцев.

«Поверь мне, если...» Орб будто увидела эти слова, написанные на листе с нотами. Пальцы девушки забегали по струнам арфы, и она запела.

Поверь мне, если дивные черты,
Что взор мой улаждают ежечасно,
Должны увянуть завтра, как цветы,
Подобно легких фей дарам прекрасным..

И тут Орб с ужасом поняла, что она поет. Это же ничего общего не имеет с тем, что хотят услышать несчастные больные! Однако ничего другого в голову не приходило, да и эти слова подсказала больничная сестра. Так что теперь оставалось только петь и надеяться на магию.

Но пациенты не стали топтать ногами. Они слушали! Возможно, их поразила сама неуместность песни. Гитарист смотрел на суккуба, как будто перед ним стояла прекрасная и невинная юная девушка, а она, в свою очередь, зачарованно глядела на молодого наркомана.

Орб продолжала петь, забыв о себе и думая только о зрителях. Удивление сменилось каким-то другим чувством. Теперь все взгляды в палате были прикованы к застывшим друг напротив друга силуэтам юноши и девушки. А они видели только друг друга — невозможно юные, неопытные, неуверенные в себе, но отчаянно влюбленные.

Нет! Вечна настоящая любовь
И быть не может предана забвению.
Так к солнцу обращен подсолнух вновь,
Когда земля уже покрыта тенью.

Песня кончилась, но никто не шевельнулся. Все зрители сидели неподвижно, как изваяния, и глядели на импровизированную сцену, где так же неподвижно застыли гитарист и суккуб. Нечто подобное, только слабее, произошло при первом исполнении «Дэнни».

И тут Иезавель повернулась, и Орб увидела ее глаза. В них стояли слезы.

Внезапно Иезавель пошатнулась. Потрясенный гитарист метнулся к ней и успел подхватить до того, как она упала на пол.

Прямо из стены показался огромный нос Ионы. Рот Рыбы распахнулся. Гитарист взял Иезавель на руки и шагнул туда. Орб вскочила, схватила арфу и кинулась за ними. Зрители даже не шевельнулись.

Иона захлопнул пасть и поплыл прямо через помещения больницы, сквозь людей и стены, как будто это были всего лишь иллюзии. Вскоре они достигли крыши и поднялись в небо. Куда теперь?

Гитарист отнес Иезавель в ее комнату и осторожно уложил на кровать.

— С ней все в порядке? — взволнованно спросил он.

Орб опустилась на колени и, как могла, осмотрела Иезавель.

— Думаю, да. По-моему, это обморок. Но я не могу понять почему.

— Взгляни на ее лицо. Она плачет...

— Не знала, что демоны способны плакать, — ответила Орб.

— Она просто смотрела на меня, а ты пела. И вдруг эти слезы... — Юноша покачал головой. — Боже, как она прекрасна! Наверное, я люблю ее.

— Но она же суккуб! — воскликнула Орб. — Ей сто лет!

— А я ее поцелую.

Орб была поражена. Гитарист встал на колени рядом с бесчувственной женщиной и поцеловал ее в губы. Иезавель вздрогнула и протянула руки, чтобы обнять молодого человека, но тут же уронила их снова.

— Нет! — сказала она. — Я не имею права!

— Не имеешь права? — переспросил гитарист.

— Играть подобную роль. Я не... Я никогда... Ох!

Иезавель отвернулась, и слезы снова брызнули из ее глаз.

Гитарист растерянно обратился к Орб:

— О чем она?

Орб уже поняла:

— Эта песня... ну, увлекла ее. Но ведь она демон и целый век жила, как подсказывало ей проклятие. Она считает, что не имеет права притворяться тем, чем ты ее считаешь.

— Я знаю, кто она! — возразил гитарист. — А посмотри, кто я! Господи, да когда ты пела...

— Думаю, что демоны способны плакать, — продолжила Орб. — Вероятно, ей никогда раньше не доводилось плакать и это ее потрясло.

— Значит, она...

— Тебя любит, — закончила за него Орб. — Однако считает, что недостойна тебя.

— Насколько же ей надо стать хуже, чтобы быть недостойной меня! — воскликнул гитарист.

Иона вновь спустился вниз и подплыл к концертному залу. Точнее, он заплыл в зал и разинул рот прямо на сцене. Орб видела, как остальные члены группы обернулись, глядя на них.

— Нам надо идти, — сказала она.

— Да.

Гитарист поднялся на ноги. Уходя, он ткнул пальцем в сторону Иезавели:

— Мы еще поговорим!

Иезавель только грустно улыбнулась в ответ.

Орб и Иезавель поспешили к выходу и заняли свои места на сцене. Концерт продолжился.

Через пару дней в местной газете появилась статья о том, как кто-то из «Ползучей скверны» сумел таинственным образом успокоить разбушевавшихся пациентов психиатрической палаты с помощью одной-единственной песни. Все больные демонстрировали стабильное улучшение.

В то же время представление, которое началось как-то неуверенно, после прибытия двоих опоздавших полностью захватило публику. До их появления только две песни звучали волшебно, однако потом... Репортеры не знали, как объяснить это явление, но Орб с друзьями догадались, когда сопоставили время. Орб пела дважды: один раз для своих спутников, которым пыталась помочь справиться с порочными желаниями, и второй — для больных в психиатрической палате. И оба раза ее магия достигала остальных членов группы. Именно тогда и прозвучали те две песни, о которых говорили репортеры.

Орб побеседовала с Иезавель и гитаристом — по отдельности. Они не стали рассказывать друзьям о том, что с ними случилось в больнице.

— Это же нелепо! — говорила Иезавель. — Демон не может никого полюбить!

— А ты смогла?

— Даже если бы я была смертной, я все равно раз в пять старше его!

— И тем не менее...

— Я всегда ненавидела свою сущность! Я вела себя так только потому, что не могла иначе! И когда здесь, в Ионе, я поняла, что свободна, то подумала, что никогда больше не захочу этим заниматься! Добровольно — да ни за что!

— А теперь хочешь?

— Днем — нет. Но по ночам я просто с ума схожу! Нет, я не... Это не изменилось. Мне просто хочется быть рядом с ним. Хочется, чтобы ему было со мной хорошо, и если ему приятно...

Орб вспомнила, как ей было хорошо с Мимой.

— А почему бы тебе не пойти к нему?

— Мне, демону? Да я лучше умру! И потом, какое у нас с ним будущее? И как мне вести себя днем, если остальные будут знать о наших отношениях?

Орб покачала головой. Она не знала, что ответить.

Но позже, во время разговора с гитаристом, ответ пришел сам собой.

— Мне известно, что она дала зарок, но... Господи, да я хочу просто быть с ней, понимаешь! В смысле, я могу даже не прикасаться к ней! Я не хочу, чтобы ей было противно, но если бы можно было просто быть рядом... Ночью...

— А днем?

— Вот-вот. Если бы можно было оставить все, как есть. В смысле, чтобы никто не знал. Чтобы она была просто нашей кухаркой. А любовь только ночью. Ну, чтобы скрывать от всех. Сейчас же никто не знает...

Орб вздохнула — ведь именно ее песня дала толчок зарождающемуся чувству.

— Просто приходи к ней ночью. Она никому не расскажет.

— Но если она не хочет! В смысле...

— Хочет. Она чувствует то же, что и ты. И ей тоже неловко. Тайная любовь — это лучший выход для вас обоих.

— Ты правда так считаешь? — недоверчиво переспросил гитарист.

— Ты очень хорошо поступил, когда отдал свой наркотик больным. Может, это и есть твоя награда.

— Но...

— Иди, — твердо сказала Орб.

Парень смотрел на нее так, будто только что услышал о доставшемся ему огромном наследстве.

— Ну, если ты...

— Просто помни, кто она на самом деле. Мое пение действует недолго. И если ты захочешь остаться с ней и вне Ионы...

Гитарист кивнул.

— Что ж, пусть хоть ненадолго, — промолвил он.

Раньше, в Ирландии, Орб и в голову не пришло бы, что она может послать мужчину к суккубу — пусть даже наркомана. Но с тех пор она многое узнала о жизни и о

любви и перестала судить обо всем так строго. Человек подобен мухе, попавшей в паутину обстоятельств, а добро и зло — понятия относительные. Если человек, считавший себя никчемным, вдруг понял, что это не так, а создание, всю жизнь бывшее рабом секса, вдруг увидело в нем и что-то хорошее, то где же здесь зло?

Зло. Это слово напомнило Орб о старом пророчестве — она должна обручиться со Злом. Окружающие считали, что ее женихом будет сам Сатана. Орб в этом очень сильно сомневалась. Во-первых, насколько ей было известно. Сатана не может жениться. А во-вторых, она сама никогда не выйдет за него. Значит, они что-то путают. На самом деле произойдет нечто более хитрое.

Что же? Она выйдет замуж за дурного человека? А зачем? Да, она уже смирилась с потерей Мимы. С тех пор прошло много времени, у нее теперь другая жизнь... Но Мима стал для нее идеалом мужчины. И тот, кто далек от этого идеала, просто не может вызвать у нее интереса.

Впрочем, ничего не говорилось о том, что это за интерес. Может, она выйдет замуж не по любви? А зачем тогда? Ведь не деньги же ее заинтересуют! Вот уж что невозможно!

Или Орб сделает это во имя добра? Вдруг выяснится, что она может принести миру много добра, если выйдет замуж за дурного человека...

Орб отбросила это предположение. Пророчество казалось ей бессмысленным. Разумнее всего просто не ломать себе голову. Что будет, то будет. Правда в любом случае наверняка окажется совсем иной.

Но уже сейчас происходит что-то странное. Орб — музыкант и всегда использовала свои природные магические способности, чтобы усилить способности музыкальные. Теперь ее магия стала такой мощной, что ее хватает на целую группу музыкантов. Как выяснилось, даже расстояние ей в этом не помеха. А случай с суккубом и гитаристом, которых она, похоже, сумела защитить от них самих, показывает, что ее талант — нечто большее, чем просто музыка. Орб догадывалась: ей удалось научиться у Ионы. Сама она не понимала, что именно в таких случаях делает Рыба, но ее магия как бы почувствовала это. Раньше Орб ничего подобного не умела — или не знала, что умеет.

Почему Иона покинул их тогда? Выплюнул совсем не там, где нужно, а потом вернулся. Случайность?

Вряд ли! Ведь именно из-за этого Орб попала в затруднительное положение и вынуждена была напрячь все свои силы. А в результате она открыла в себе новые способности. А когда Иона опоздал и не забрал их вовремя из магазина? То же самое! Из-за этого опоздания Орб совершила доброе дело — помогла тем, кто собирал деньги на благие нужды. Наверняка Иона заранее знал, что так будет!

Значит, большая Рыба по-своему руководит ею? Но зачем?

И тут Орб поняла. Все дело в Ллано! Чтобы вступить на путь к достижению Ллано, сначала нужно овладеть своей собственной магией. А если она найдет Ллано, то Иона тоже обретет его.

— Хорошо, Иона, — прошептала девушка. — Я буду стараться. А ты поможешь мне.

Иона не ответил. Но Орб знала, что в огромной Рыбе она нашла верного союзника или даже друга. А она так нуждалась в чьей-то поддержке. Да, вокруг все время были люди — музыканты, зрители, но, несмотря на это, Орб постоянно чувствовала одиночество. Если бы только Мима мог...

Ни с того ни с сего Орб разревелась.

Через несколько месяцев Орб попала в руки газета со знакомой фотографией. Девушка оцепенела. Это был Мима!

Заголовок гласил: **«НАС ПОСЕТИЛИ ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА ИЗ ИНДИИ».**

Орб взглянула на фотографию женщины. В самом деле принцесса — царственная и ошеломляюще красивая. Вот, значит, какую жену подыскиали ее любимому!

Орб заставила себя прочесть статью до конца. Оказалось, что принцесса обручена с Мимой. Ее длинное и сложное индийское имя означало что-то вроде «Малахитовый Восторг». Все украшения принцессы тоже были из малахита — дорогого красивого зеленого камня. Дальше говорилось, что у принца дефекты дикции, поэтому говорит в основном принцесса. Она очень выразительно и красноречиво передает все, что хочет сказать принц. Принц и

принцесса приехали договориться о ссуде, в которой так нуждаются их страны, и в этом плане у них хорошие перспективы. Принц человек умный и волевой, несмотря на дефекты дикции, а принцесса прекрасно умеет убеждать. Когда она наклоняется вперед, чтобы жестом подчеркнуть очередное утверждение принца, даже самые циничные из чиновников не могут не обратить на нее внимания.

Орб оценила глубину выреза на платье принцессы и красоту ее бюста. Еще бы они не обращали внимания!

Но взаимные чувства принца и принцессы явно подчеркивались, чтобы произвести впечатление на западных партнеров. Любят ли они друг друга на самом деле?

Орб снова посмотрела на фотографию. На этот раз она глядела не на газетный лист, а вглубь, с помощью магии стараясь понять, что же происходит на самом деле. Фотография была старой, как и газета, и этого нельзя было не почувствовать. Однако истинные чувства изображенных на ней людей все-таки прослеживались. Да, они любят друг друга. И принцесса любит Миму, и, главное, он ее любит.

Орб почувствовала, как что-то внутри ее надломилось. Конечно, она рада за Миму, а как же иначе! Она же хотела, чтобы он был счастлив, несмотря на то что с ними произошло. А женщина просто ни в чем не виновата. Но как же больно смотреть на них, больно даже сейчас, когда прошло столько времени!

Орб хотелось побыть одной, хотелось убежать, хоть ненадолго. Убежать далеко-далеко!

Видение расплылось. Мысли Орб тоже как-то затуманились. Откуда-то издали донеслась тихая мелодия. Орб знала, что это часть Ллано. Она настроилась на эту мелодию и почувствовала, как само ее тело превращается в туман.

И это туманное тело росло. Сначала оно заполнило собой комнату, потом — всю огромную Рыбу. Это было ее обычное тело, но оно продолжало увеличиваться в размерах. И чем больше становилась Орб, тем разреженнее был туман, из которого она состояла.

Вскоре Иона стал маленькой рыбкой, пересекающей с ее телом где-то на уровне груди. Но Орб теперь находилась

в какой-то другой плоскости бытия, и это не причиняло ей никаких неудобств. Подул ветер, однако туман ее тела и не думал рассеиваться. Голова Орб проткнула облака, ноги ушли глубоко в землю, а она все росла. Вот она уже размером с земной шар. Размеры ее тела продолжали увеличиваться, хотя форма оставалась прежней. Она была не шаром, а девушкой, только гигантской и невидимой. Самой большой из всех невидимых гигантов!

Середина этого тела все еще находилась внутри гигантской Рыбы. Точнее, наоборот, мелкая рыбешка продолжала оставаться в середине гигантского тела. Где-то в районе ее географического центра, то есть... Ну, неважно. Ноги Орб показались наружу с той стороны планеты, голова высунулась высоко над облаками. А она все росла и росла. Каждую секунду ее объем увеличивался вдвое, если не больше. Она могла расти так быстро, как пожелает.

Теперь Орб была такой огромной, что весь земной шар стал маленьким мячиком, крутившимся где-то у нее в ногах. С каждой секундой он становился все меньше и меньше. Весь мир был меньше ее!

Но Орб помнила, что она что-то ищет. Какой-то звук, мелодию... Где же она? Орб нагнулась и прислушалась. Вот! Мелодия доносилась из какой-то точки в Тихом океане, то есть откуда-то изнутри ее правого бедра. Орб пригинулась к этой точке пальцем.

— Здесь! — сказала она.

Слова были беззвучны, ведь голова Орб находилась вне пределов атмосферы. Однако они подействовали, потому что были лишь выражением ее воли. Орб начала сжиматься. Теперь центром сжатия был ее палец, а вовсе не та точка, откуда начиналось расширение. Мир увеличивался гораздо быстрее, чем перед тем сжимался. Орб рывками приближалась к намеченной точке.

Внезапно оказалось, что она уже там — на крошечном островке посреди Тихого океана, около бухты. Посреди бухты под водой жила одна-единственная морская губка. Красивая губка. Она-то и была источником странного звука!

Орб присела на корточки. Надо же, музыкальная губка!

И тут до нее дошло, что все это происходит на самом деле. Что она здесь делает и как сюда попала? Настоящий остров в настоящем Тихом океане. Здесь нет никого, кроме нее, и другой земли вокруг тоже не видно — только безбрежные волны...

Орб обошла остров, но нашла лишь песок да камни. Ветер шевелил ее волосы. Солнце жарило вовсю. Она подобрала камешек и бросила в воду. Раздался всплеск. Все настоящее...

Ну да, ей же хотелось побыть одной! А музыка доносилась с этого островка. Идеальное место для того, кто алчет одиночества! Орб эту музыку искала. И нашла. А теперь-то что делать?

А зачем ей вообще понадобилось одиночество? Ах да, конечно, из-за фотографии Мимы! Но шок уже прошел. Орб счастлива в своей новой жизни, и Миме в ней нет места. Все правильно, все так и должно быть. Маленькая змейка-колечко сказала ей правду: она увидела Миму снова, но не так, как раньше. Что было, то прошло.

Орб на удивление быстро свыклась с этой мыслью. Вероятно, подсознательно она уже давно считала, что все кончено, и просто ждала, когда это подтвердится. Значит, она снова свободна и может искать себе другого возлюбленного.

Это Сатану, что ли?..

Разозлившись, Орб пнула ногой песок. Нет! Пророчество неверно! Она сама разберется, кого ей любить, и к черту Сатану!

Замечательно. Как славно, что она все решила. А домой-то как теперь попасть? Как найти Иону?

Орб опять подошла к бухточке и заглянула в спокойную прозрачную воду. Губка была на месте. Музыка тоже

— Музыка и привела меня сюда, — вслух произнесла Орб. — Должно быть, это часть Ллано. Магия. Но как же мне вернуться?

Девушка попыталась вспомнить, что она сделала, чтобы попасть сюда... Ничего не вышло. Каким-то образом она сумела увеличиться в размерах, чтобы сжаться обратно уже здесь, за одну секунду преодолев тысячи километров.

А теперь она застряла на этом острове, хотя одиночество ей больше не нужно.

Ветер усилился и поднял волны. Над головой Орб сгустились тучи. Похоже, скоро грянет буря. А у нее нет ни крыши над головой, ни зонтика, ни плаща. Еды тоже нет. И поговорить тут можно только с губкой.

Орб снова посмотрела на губку. Из-за ветра поверхность воды стала не такой гладкой, и видно было хуже.

— А что ты делаешь, губка, когда здесь поднимается большая волна?

Музыка стала громче, и губка начала расти.

— Так это ты! — воскликнула Орб. — Я научилась этому у тебя!

Губка продолжала расти, постепенно превращаясь в туманное подобие себя самой. Большая часть ее уже торчала из воды. Вскоре она стала такой большой, что потерялась из виду — только легкий туман окружал остров. Потом и он исчез.

— Подожди меня! — крикнула Орб. Она настроилась на ту же мелодию, растворилась в ней, стала ее частью.

И увеличилась. На этот раз все вышло гораздо быстрее. Не прошло и секунды, а Орб уже не было на острове — только огромный столб едва различимого тумана. Она росла, пока не стала размером с земной шар.

Но где же Иона? Орб повернулась и вскоре нашла его. Огромная Рыба все так же плыла в небе над континентом. Теперь девушке не пришлось даже прикасаться к цели пальцем — она просто начала сжиматься вокруг той части своего тела, которая находилась сейчас внутри Рыбы. Любая точка годилась. Чтобы понять это, надо лишь внимательно слушать музыку.

Вскоре Орб была уже внутри Ионы. Но прицелилась она неточно и потому появилась в той комнате, где Иезавель и гитарист страстно сжимали друг друга в объятиях.

Орб смутилась и вновь увеличилась до размеров кита. Потом сжалась обратно — уже в своей собственной комнате. Она была рада, что помогла этим двоим найти друг друга, но совершенно не собиралась за ними подглядывать!

Теперь, когда все было позади, Орб могла только изумляться тому, что произошло. Как здорово у нее получи-

лось! Значит, сначала надо увеличиться, потом уменьшиться, и таким образом можно мгновенно и беззвучно изменить свое положение в пространстве.

Ей удалось найти часть Ллано, позволяющую путешествовать по всему свету!

Но Поиск Орб был далек от завершения. Пока что она узнала лишь несколько обрывков Песни. Самым большим своим достижением Орб была обязана событиям, которые, на первый взгляд, не имели отношения к делу.

Ударник и Луи-Мэй стали, как они выражались, партнерами по номеру. У гитариста был тайный роман с Иезавелью, и кончаться этот роман не собирался. Органист тоже попытался завести себе подружку. Девушку звали Бетси, и она была поклонницей «Ползучей скверны». Он общался с ней с помощью крошечного волшебного зеркала, которое купил специально для этой цели. Бетси прислала свою фотографию, причем выше пояса на ней ничего не было. После этого переписка стала еще интенсивнее — фотография оказалась именно тем, что требовалось органисту. Но девушка отклоняла все приглашения принять участие в поездке, говоря, что она нужна дома, на ферме.

Органист много раз обсуждал с друзьями этот вопрос. Может, Бетси водит его за нос? Может, фотография — подделка, а на самом деле она вовсе не так хороша? Или просто хочет переписываться со знаменитостью? С другой стороны, она явно порядочная девушка. Впрочем, тут возникает следующий вопрос — а зачем порядочной девушке такое дерьмо, как он?

— Иногда порядочные девушки и не такое могут полюбить, — сказала Луи-Мэй, глядя на ударника. — Ведь у человека есть и другие качества...

— Ну, спасибо, — улыбнулся ей ударник. Он как раз разбирался с грудой писем от поклонников. — А что, если порядочная девушка поможет мне разобраться со всем этим?

— Моя куча ничуть не меньше! — возмутилась Луи-Мэй. — Никогда не думала, что слава означает такое количество писем!

— Без распроклятого секретаря тут не обойдешься! — проворчал гитарист.

— И не гляди на меня! — отрезала Иезавель. — Я со своей-то работой еле управляюсь!

— Секретарь нужен, но не проклятый, — поправился гитарист, улыбаясь.

— Интересно, — промолвила Орб, — справится Бетси с такой работой?

— Ты хочешь сказать... — уставился на нее органист.

— Можно было бы навестить ее, — предложила Иезавель. — И Орб спела бы ей песенку. Может, тогда твоя девочка к нам присоединится?

Органист кивнул и взглянул на Орб.

— Если она такая, как ты говоришь... — согласилась Орб. — Только у меня есть один маленький вопросик: а она знает про наркотики?

Органист смутился:

— Ну, я подумал, что если она придет сюда, то ведь тут такой проблемы нет. Понятно, ей это не понравилось бы. Но, может, мы все-таки найдем Ллано, а тогда все это уже будет неважно...

— Но если мы не найдем Ллано, у тебя наверняка возникнут сложности с ее семьей.

— Мы должны найти Ллано! — пылко возразил органист.

Иона как раз находился неподалеку от фермы, где жила Бетси. Правда, на следующий день у них был назначен концерт.

— Отправимся прямо сейчас, — решила Орб. — Иона высадит нас двоих, отвезет вас в город, чтобы вы могли подготовиться, и спокойно вернется за нами. Время есть.

— Только учти, что было в последний раз, — напомнила Иезавель. — Иногда Иона не откликается!

— По-моему, без причины он этого делать не будет, — ответила Орб. — Если он опять нас бросит, значит, так надо.

В глубине души девушка надеялась, что этого не произойдет. Предыдущее приключение ей совсем не понравилось, хотя польза от него была очевидной.

Иона послушно высадил их с органистом на ферме. На всякий случай Орб взяла с собой рюкзак с арфой и волшебным ковриком. Огромная Рыба всплыла вверх и вскоре исчезла вдали.

Ферма выглядела запущенной. Почти все растения увяли под палящим солнцем. Оросительные каналы пересохли.

Они подошли к дому. Молодая женщина в рабочем комбинезоне чистила лошадиные стойла. Все лошади выглядели не слишком сытыми.

— Это она! — испуганно прошептал органист.

— Тогда давай представимся, — сказала Орб, понимая, что пора взять инициативу на себя. Она решительно зашагала в сторону конюшен. Органисту пришлось последовать ее примеру.

Девушка увидела пришедших и остановилась, откинув со лба спутанные волосы. Она была потной и чумазой, но такой великолепной фигуры Орб никогда еще не видела. Похоже, фотография была даже хуже оригинала.

— Чем я могу вам помочь? — устало спросила девушка. — Вы хотите купить лошадь?

— Не совсем, — ответила Орб. — Я Орб, солистка эстрадной группы под названием «Ползучая скверна». А это...

— Ой, это вы! — воскликнула девушка, узнав органиста. — А я в таком виде...

— Ты очень красивая! — сказал молодой человек.

— Неужели ты и сейчас так думаешь? — вздрогнула Бетси.

— А то! Знаешь, никогда не видел, чтобы девушка действительно работала.

Бетси вспыхнула:

— Я не работаю — так, помогаю. Надо бы заняться каким-нибудь своим делом. Но...

— Но не путешествовать же с какими-то чудаками! — сказал органист.

— Я этого не говорила!

— А я прямо не знал — то ли ты мне голову морочишь, то ли хочешь завести роман с музыкантом... Зачем ты прислала такую фотографию?

— Скорее в виде шутки. — Девушка скорчила гримаску. — Обычно я выгляжу так, как сейчас. А мне хотелось

выпендриться. И потом, мне действительно нравится ваша музыка. И когда я познакомилась с тобой... — она пожала плечами. — Я не думала, что ты это всерьез. У вас, музыкантов, в каждом городе по девушке, разве не так?

— Не так, — сказала Орб. — Кроме тебя, у него никого нет. И он просил, чтобы я тебя уговорила присоединиться к нам.

— Но я же не умею ни петь, ни играть! — возразила Бетси. — Я знаю только, как работать на ферме, и то не слишком хорошо.

— Нам нужен секретарь, — объяснила Орб. — На самом деле эта работа не для профессионала. Просто нам приходится очень много писем. Мы бы и рады сами отвечать на них, но надо репетировать, так что времени просто не хватает. Нужно, чтобы кто-нибудь занялся письмами — читал бы их, сортировал, а нам отдавал только самые важные и... Ты умеешь печатать?

— Разумеется! Умею. Но...

— Мы будем платить за работу. У нас уже есть экономика. Только надо будет повсюду ездить с нами.

— Послушайте, я, конечно, послала фотографию, но это не значит, что я такая девушка, чтобы...

— Мы видим, что ты не такая, — перебила Орб. — У нас к тебе вполне пристойное предложение. Да, этот молодой человек хочет, чтобы ты поехала с нами. Но это не значит, что у тебя перед ним есть какие-то обязательства, не связанные с работой.

— Честно говоря, не думаю, чтобы я ему поверила, даже если бы мы были лучше знакомы, — сказала Бетси. — Но вы — другое дело. Вам я верю.

— Так ты согласна? — спросил органист, не веря своим ушам.

— Не знаю. Было бы так чудесно путешествовать с группой талантливых музыкантов, увидеть всю страну... Но на ферме все засыхает, я просто не могу ее оставить. Мне будет стыдно.

— Я вижу, у вас тут есть оросительные каналы, — сказала Орб. — Почему вы не пускаете в них воду?

— Какую воду? Всю воду забирает завод по производству отравляющих веществ. Они просто осушили реку! Если в

ближайшее время не будет дождя, нам конец! Нам и всем остальным фермерам в этом районе.

— Какой еще завод? — испугалась Орб.

— Они называют его химическим заводом. Но была утечка — в смысле, утечка информации, слава Богу, не чего-нибудь еще! И мы выяснили, что производят там ядовитый газ для новой войны. И им нужна уйма воды — для процесса очистки, наверное. Мы написали петицию, просили закрыть завод. Но у хозяина куча денег. Они обратились в суд, выиграли дело и получили первоочередное право на нашу воду. А сейчас засуха... — Бетси снова пожала плечами. — И никто ничего не может сделать. Хоть бы дождь пошел!

— Завод отравляющих веществ! — ужаснулся органист. — Неужели от него никак нельзя избавиться?

— Нам мог бы помочь сильный дождь, — сказала Бетси. — Такой, чтобы размыл их отводной канал и затопил эту гадость! Нам бы дождь тоже пригодился.

— Дождь, — повторила Орб. Ей пришла в голову одна идея.

— Устройте нам наводнение, и я поеду с вами куда угодно! — сказала Бетси и горько рассмеялась своей шутке.

Органист воздел руки к небу:

— Если бы мы только могли! Но это магия совсем другого рода, не такая, как у нас.

А Орб в это время пыталась настроиться на новую мелодию, которая показалась ей еще одним фрагментом Ллано. Она сосредоточенно вслушивалась. Чем-то мотив был похож на песенку-путешествие, хотя чем-то отличался. Тут тоже было расширение и сжатие, но не ее тела, а чего-то совсем другого. А еще надо что-то призвать. И увеличить...

— Эй, мисс Орб, с вами все в порядке? — забеспокоилась Бетси.

— погоди, — предостерег органист. — По-моему, она поймала частичку Ллано.

— Кого?

— Это такая магическая Песнь. Мы все ее ищем, чтобы избавиться от... В смысле, ты никогда не слыхала ничего подобного. Несколько месяцев назад она сумела подобрать

один кусочек и... — органист запнулся. Ему очень не хотелось говорить ни о наркотике, ни о суккубе.

— Не стоит ли рассказать мне заранее? — насторожилась Бетси. — Что у вас там происходит с этими вашими гастролями?

Орб почти поймала ускользающую мелодию, сосредоточилась на ней, мысленно усилила... Но этого было недостаточно.

— Дай... арфу! — сказала она, не глядя на органиста.

Парень ринулся выполнять поручение. Через несколько секунд арфа была уже в руках у Орб. Но девушка не заиграла. Она почти физически ощущала огромную силу этого нового фрагмента Ллано, однако не могла повторить мотив.

— Усадите меня! — бросила девушка. Ей некогда было отвлекаться на подобные мелочи.

Бетси и органист взяли Орб под руки и осторожно усадили на землю. Она чувствовала руки органиста на своих коленях, но знала, что он не имеет в виду ничего дурного.

— У нее что, припадок? — спросила Бетси.

— Нет. Это Песнь. Это...

— Скажи ей правду! — приказала Орб. Пальцы ее уже забегали по струнам, подбирая мелодию. Орб еще не поняла, как именно надо играть, и только пробовала найти нужные струны.

— Мы принимаем наркотик, — неохотно признался органист. — И ищем Ллано, чтобы избавиться от этой привычки.

— Так вы что, все наркоманы? — в ужасе спросила Бетси.

— Не все. Она — нет. Только мы, первоначальные члены группы «Ползучая скверна». Один раз Орб сумела спеть так, что ненадолго избавила моего друга от пагубной привычки. Но ее возможности ограничены. Чтобы навсегда избавить нас от зелья, ей нужен Ллано. А пока нам помогает Иона.

— Кто?

Органист принялся объяснять, кто такой Иона.

И тут Орб заиграла. Она наконец-то расслышала мелодию и смогла ее повторить. Пальцы девушки забегали по

струнам арфы, магия инструмента усилила действие музыки. Странная это была музыка, непохожая ни на одну из известных Орб мелодий. Но сила ее была огромна, и чем лучше играла Орб, тем больше силы было в ее музыке. Более того, наблюдалась обратная связь — чем большей силой обладала мелодия, тем лучше Орб понимала, как надо играть. И мелодия эта позволяла управлять Стихиями!

Сначала Орб призвала Стихию Воздуха и заставила его пошевелиться. Нет, этого недостаточно. Ей удалось вызвать только легкий ветерок, а вовсе никакое не наводнение.

Тут нужно что-то другое. Подумав, Орб нашла это «что-то» — небольшую вариацию мелодии. Мелодия Воздуха звучала словно песенка-путешествие — там были темы расширения и сжатия. А новая вариация включала в себя тему жара — тему Огня!

Орб объединила темы Воздуха и Огня. Воздух вокруг понемногу начал нагреваться. Но ведь здесь и так уже жарко! Орб лишь дублировала работу солнца. Бедным растениям это явно не принесет пользы. Ей нужна вода, а не огонь.

Орб принялась искать тему Воды. Она отыскивалась гораздо быстрее, чем первые две, и Орб призвала Воду. Даже не глядя, девушка знала, что влажность начала повышаться.

Однако влажность — еще не дождь. Ветер может унести влажный воздух вместе с его влагой. Надо заставить воздух отдать эту воду, вылить ее на землю, то есть воздух надо остудить. Но Орб не умеет остужать — только нагревать! Она знает тему усиления, а не ослабления. Значит, надо искать еще одну мелодию? Тогда можно потерять то, что уже есть. Орб с трудом удерживала в голове три новые сильнейшие магические мелодии. Надолго ли ее хватит?

Нет, она способна обойтись уже имеющимися темами! Воздух — Огонь — Вода. Орб мысленно взяла довольно большой объем воздуха и принялась повышать его влажность. Потом призвала Огонь и стала нагревать этот влажный воздух. Но чем теплее воздух, тем больше воды он может удерживать. Орб снова призвала Воду.

Теперь Орб уже хорошо запомнила мелодии Воды и Огня, и процесс пошел быстрее. Это действительно был Ллано! Орб сумела подчинить себе природный процесс, в котором солнце, влажность и ветер вместе управляли погодой.

Девушка продолжала играть. Вскоре над высохшими полями образовалась большая масса горячего влажного воздуха. Теперь что-нибудь обязательно получится!

И точно. Горячий воздух был не таким плотным, как окружающий, и начал медленно подниматься. На его место приходил новый, холодный воздух. Орб нагрела и его. Новые и новые порции горячего влажного воздуха поднимались вверх.

Окружающий воздух опускался на место всплывшего, образуя ветер и выталкивая горячий воздух все выше и выше. Чем дольше играла Орб, тем быстрее шел процесс. Но, поднявшись, горячий воздух стал охлаждаться и вскоре достиг точки росы. Теперь воды в нем было больше чем нужно, и она начала конденсироваться крошечными капельками. Движение воздуха привело к тому, что в облаках стали образовываться электрические заряды. Наверху в основном положительные, внизу в основном отрицательные. А значит, капельки тоже были заряжены, причем по-разному. Заряды накапливались, пока не потребовалась молния, чтобы восстановить равновесие. Однако процесс движения воздуха не прекращался, и за первой молнией последовала вторая и третья. Вместо того чтобы восстанавливать равновесие, они лишь увеличивали разность потенциалов.

Теперь наконец Орб смогла отдохнуть. Гроза начала развиваться по своим законам и больше не нуждалась в ее поддержке. Пока лишняя вода не выльется на землю, дождь не прекратится.

Бетси и органист не отрываясь глядели на сгущающиеся тучи. Поначалу только Орб видела, что происходит, но теперь уже никто не мог этого не заметить. Наводнения хотели? Будет вам наводнение!

Начался дождь.

Орб быстро спрятала арфу. Вскоре и она, и Бетси с органистом промокли до нитки. Мокрая одежда облепила тело Бетси, но девушка так и сияла от счастья.

— Ура, ферма спасена! — воскликнула она и крепко обняла органиста.

Так Орб помогла последнему из музыкантов найти себе подругу. И все же она понимала, что не в силах даже примерно оценить все многообразие открывшихся перед ней возможностей. С помощью музыки и кусочка Ллано она сумела воздействовать на саму Природу! И это только начало. Если крошечный, плохо исполненный обрывок мелодии способен на такое, что же может сделать вся Песнь?

Внезапно Орб поняла, какие пустяки заставили ее начать Поиск. Все равно что нагишом идти в джунгли охотиться на тигров.

Глава 10

Наташа

Музыканты продолжали поездку по стране, а Орб постепенно разбиралась в свойствах новых мелодий. Во время репетиций вся группа обсуждала открытия Орб — ведь они были лицами заинтересованными. С помощью Ллано она поможет им раз и навсегда: избавит ребят от пагубной привычки, снимет проклятие с Иезавели и будет регулярно собирать дождевые тучи над фермой Бетси.

Более того, овладев Ллано, Орб сумеет помочь всем, кто находится в подобных обстоятельствах, исправить все капризы погоды! И тогда «Ползучая скверна» будет нести людям не только музыку. Молодые музыканты пришли в восторг от таких перспектив. Они понимали, что, хотя найти Ллано может только Орб, успех ее принесет пользу как им самим, так и всем остальным людям. И если вначале парни хотели лишь решить какие-то свои проблемы, то потом поняли, что Ллано — это нечто большее.

Однако все это были мечты. Орб сумела овладеть лишь несколькими фрагментами Ллано. Она могла помочь мальчикам продержаться без наркотика, но только когда была рядом: на расстоянии магия не действовала. Так же обстояли дела и с Иезавелью. Как-то ночью Иезавель на целый час оказалась вне пределов досягаемости Орб, Ионы тоже почему-то не было. Иезавель еле успела добежать до гитариста. Необычайно бурное проявление чувств со стороны возлюбленной лучше всяких слов убедило его в том,

что на этот раз он имеет дело с демоном. Они никогда не сожалели о случившемся, хотя согласились, что в дальнейшем лучше подобного не допускать.

Перемещение в пространстве выходило у Орб гораздо лучше. Она все время тренировалась и вскоре научилась в считанные секунды попадать в любую точку земного шара. Надо было просто вырасти до размеров Вселенной и быстро сжаться в нужной точке — вот и все. Со стороны казалось, что она просто исчезает и появляется. Орб навестила Луну, которая ничуть не удивилась этому визиту, и заглянула домой, в Ирландию. Но Ниоба исчезла. Орб снова помчалась к Луне, выяснить, что случилось с матерью.

— У Ниобы теперь другая жизнь, — сказала Луна. — Не волнуйся, она довольна своим новым положением.

— И она ничего мне не сказала? — возмутилась Орб. — Даже не попрощалась?

— Она решила, что так будет лучше.

— Значит, тебе она все выложила, а мне, своей родной дочери...

Увидев реакцию Орб, Луна смягчилась:

— Ниоба собиралась сказать тебе сама, когда придет время, но, думаю, ничего страшного не произойдет, если я все объясню. Ты помнишь, что до встречи с Пейсом Ниоба была одним из воплощений Судьбы?

— Ты что, хочешь сказать...

— Она снова стала Судьбой.

— Но она же не может... Ведь Клото — совсем юная, и...

— Она не Клото, а Лахесис.

— Почему? — воскликнула Орб.

Луна пожала плечами:

— Неужели ты отказалась бы от возможности стать инкарнацией? Особенно если бы ты раньше уже была ею несколько десятков лет? Ее земная жизнь окончена, Орб.

Орб успокаивалась так же легко, как и обижалась.

— Да, думаю, так оно и есть. Рада за маму. Я еще увижу ее?

— Когда придет время. Дело в том, что кое-кто сейчас очень активен, а Ниоба не хочет, чтобы ты привлекла его внимание — сама знаешь почему. Так что она сейчас изо

всех сил крутится, чтобы отвести беду. И в частности держится от тебя подальше.

Теперь Орб все поняла. Все то старое пророчество! Она, Орб, может связать свою жизнь со Злом. А мать, естественно, этого пытается избежать. Поэтому она прекратила всякие контакты с Орб, чтобы лишний раз не привлекать к дочери внимание Сатаны. Разумно.

Луна и Орб решили больше не обсуждать эту проблему, ведь одно упоминание имени Сатаны могло привлечь его внимание. А вдруг он решит нанести им визит?

Орб вернулась к Ионе — то есть, как всегда, расширилась и сжалась снова уже в своей комнате. Ей было над чем подумать!

Кроме Луны, Орб навестила еще и Тинку, слепую цыганку из страны басков. Тинка не увидела Орб, однако сразу почувствовала ее присутствие.

— Орб! — радостно вскрикнула она.

Девушки обнялись.

— Я подумала о тебе и поняла, что хочу к тебе в гости, — объяснила Орб на кало. И этого объяснения было достаточно. — Как у тебя дела?

— Я сделала все, как ты просила, — быстро сказала Тинка. — Отдала Орлин вместе с колечком одной милой супружеской паре из Америки. Я знаю, девочке у них хорошо!

— Да, конечно! — согласилась Орб. При мысли о дочурке сердце у нее снова сжалось от боли.

— Ах, если бы я могла родить своего ребенка...

Орб задумалась. Она ведь уже умеет подавлять чужие страсти, так почему бы ей не суметь...

— Подожди минутку, — сказала она Тинке.

Орб увеличилась, сжалась, снова увеличилась и снова сжалась, проделав таким образом путь из Франции в Америку и обратно, чтобы взять в Ионе свою арфу.

— Давай я тебе спою. Ничего не обещаю, но есть шанс, пусть ничтожный, что...

— Что я смогу родить ребенка? — спросила Тинка. Она мгновенно поняла, в чем дело.

— Если сработает, — кивнула Орб.

Она заиграла и запела, на ходу подбирая мелодию в поисках подходящего фрагмента Ллано. В случае необходимости это у нее получалось, а сейчас, по мнению Орб, необходимость была. Тинка так хочет ребенка!

Орб почувствовала мелодию, настроилась, подхватила ее и сумела спеть. Звуки волшебной музыки наполнили комнату, обволакивая тело ее слепой подруги.

— Ой! Я что-то чувствую! — воскликнула Тинка.

Орб допела песню до конца.

— Конечно, я не могу гарантировать результата, — предупредила она. — Твоему мужу тоже надо будет принять в этом участие...

— Ну, он-то свою работу сделает! — воскликнула Тинка. — Даже если мне придется станцевать танану у него на животе!

Орб улыбнулась. Тинка — женщина очень привлекательная. Какой суккуб бы из нее вышел!

Подруги еще немного поболтали, затем обнялись на прощание, и Орб вернулась домой.

— Я буду часто навещать тебя, — обещала она Тинке. — Теперь у меня есть подходящий транспорт.

Самой сложной из новых мелодий оказалась та, с помощью которой Орб вызвала грозу над фермой Бетси. Время от времени Орб повторяла этот опыт и устраивала дождь, хотя понимала, что стреляет из пушки по воробьям. Она пока не умеет обращаться с этим фрагментом Ллано, но, пытаясь освоить его, вызывает Стихии, а делать это так же опасно, как пытаться оседлать дракона — самая ничтожная ошибка может привести к катастрофе.

И все же Орб продолжала тренироваться. Постепенно, после многих ошибок, она научилась управлять погодой и теперь могла вызвать как грозу, так и просто ласковый дождик. Но ошибки эти показали, что погода — опасная игрушка. Однажды Орб ненадолго потеряла контроль над происходящим, и образовавшийся в результате торнадо чуть не разрушил усадьбу. Еще повезло, что никто из людей не пострадал.

Когда Орб путешествовала, магия действовала только на нее одну, и это было безопасно. Когда она пыталась воздействовать на человека, магия влияла только на него.

Мальчики могли теперь дольше обходиться без наркотика, а Иезавель — уходить гораздо дальше от Орб, не боясь, что ее сущность возобладает над убеждениями. Тинка забеременела — разумеется, после того, как убедила мужа выполнить свою часть работы. А эксперименты с погодой были смертельно опасны, и об этом Орб не могла забыть ни на минуту. Но чтобы лучше понять новую магию, надо было продолжать экспериментировать, а значит, и рисковать.

В какой-то момент судьба снова забросила музыкантов в город неподалеку от Полей Ллано. Именно здесь, как считала теперь Орб, она впервые познакомилась с магией Ллано. С тех пор она многому научилась и легко делала то, что прежде казалось ей невозможным. В каком-то смысле Орб стала довольно сильной колдуньей. Когда-то она мечтала найти Ллано, считая, что стоит ей раз услышать Песнь, и она сразу все поймет. Теперь Орб знала, что на самом деле все гораздо сложнее. Даже если ей удалось бы услышать мелодию целиком, она все равно смогла бы запомнить лишь несколько фрагментов. Только так, по капле, можно овладеть магией Ллано. Иного пути не дано.

Иона опустился на равнину, и Орб вышла наружу — совсем как год назад. Одна она отправилась бродить по равнине, пытаясь обрести лучшее понимание Песни. Поиск не стал легче, когда девушка поняла, что ищет. Наоборот, теперь было еще сложнее. Концерты и выступления больше не интересовали Орб. Всей душой она жаждала обладать Ллано, как другая женщина жаждала бы обрести возлюбленного. Но после утери Мимы Орб не интересовали мужчины, а магическая Песнь открывала перед ней неограниченные возможности.

Орб медленно брела по равнине, внимательно следя, не произойдет ли чего-нибудь. Именно так ей год назад удалось найти первую магическую мелодию. Может, и сейчас она что-нибудь обнаружит?

Перед лицом Орб на невидимой нити повис крошечный паучок, и девушка остановилась полюбоваться. Внезапно паучок стал расти. Сначала он вырос до размеров кулака, потом — футбольного мяча. Вырастая, паук транс-

формировался. Две ноги вытянулись, коснулись земли и стали заметно толще, две превратились в человеческие руки, а остальные сжимались и сжимались, пока не исчезли совсем. Не прошло и минуты, а паучок уже превратился в женщину. И не просто в женщину...

— Мама! — воскликнула Орб.

Они обнялись.

— Я решила, что пора тебя навестить, — сказала Ниоба.

— Луна объяснила, что ты теперь Лахесис! И что мы с тобой встретимся, когда придет время.

— Правильно. Все это очень непросто, но нам пора побеседовать.

— Вот не думала, что встречу здесь тебя! — сказала Орб. — Я искала... Луна говорила тебе, что я ищу Ллано?

— Да, дорогая, — ответила Ниоба. — Это хорошее дело. Но в пути тебя ждет немало ловушек...

— Я уже поняла. Несовершенное мастерство опасно! Но Песнь научила меня изменять погоду, путешествовать...

— Да, конечно. Ллано — самая сильная из всех магических мелодий. Но я думала о другой опасности, о той, которой ты, вероятно, не ждешь. Помнишь пророчество?

— Как я могу о нем забыть! Забыть о том, что Луна обвенчается со Смертью, а я — со Злом! Когда я увидела, что Луна действительно подружилась с Танатосом...

— Вот именно. Меня это тоже тогда встревожило, однако выяснилось, что Танатос — хороший человек. По крайней мере, он на стороне Добра. Так что я думаю, он достоин моей внучки. Но о Лукавом этого не скажешь — а тебя, похоже, ждет встреча с самим Сатаной.

— Но я не собираюсь общаться с Сатаной, не говоря уже о том, чтобы выходить за него! — воскликнула Орб.

— Он большой специалист в таких вещах, как обман и предательство, — возразила Ниоба. — Помнишь, как я взяла вас с Луной к Горному Королю, а какой-то демон чуть не уничтожил нас там?

— Еще бы! — ответила Орб. — Если бы не ты...

— Больше мы не сможем быть вместе, — сказала Ниоба. — Я теперь так занята, что мы будем видеться лишь

изредка. У нас осталось всего несколько минут, а мне надо успеть предупредить тебя.

— Предупредить? О чем?

— Сатана готовит тебе ловушку. Он знает о пророчестве и намерен жениться на тебе, хочешь ты этого или нет.

— Как же он сможет на мне жениться, если я против! — возмутилась Орб.

— Дорогая моя, ты недооцениваешь власть Ллано. Ты ведь сама использовала силу Песни, чтобы изменить природу других людей, помочь им в борьбе, которая иначе была бы безнадежной. И над тобой Ллано имеет точно такую же власть. А Сатана намерен этой властью воспользоваться. Он в состоянии парализовать твою волю, заставить тебя согласиться на этот брак, поверить, что ты его любишь. Вот в чем опасность.

— Не верю! — воскликнула Орб. — Я никогда...

Ниоба покачала головой:

— Ты всегда была упрямой девочкой, Орб! Но не позволяй своеволию привести тебя к гибели! Выслушай мое предупреждение, и, может быть, ты сумеешь избежать ловушки.

Орб заставила себя успокоиться:

— Как же мне себя вести?

— Вот этого я как раз и не знаю. Зато я знаю, кто может подсказать тебе ответ. Сейчас мне пора идти. Я пришла к тебе Гею. Выслушай ее, Орб!

Ниоба снова изменила форму и сжалась, превратившись в крошечного паучка. Тот вскарабкался вверх по своей паутинке и исчез.

Орб пошла дальше. На душе у нее было беспокойно. Неужели Сатана действительно может подчинить ее себе, сыграв одну из мелодий Ллано? Орб использовала Ллано, чтобы воздействовать на других людей, так почему же она должна быть исключением? Матери незачем ее обманывать. Значит, следует заранее выяснить, как обезвредить ловушку Сатаны.

Впереди появилось туманное облачко. Оно все сгущалось, пока не превратилось в величественную женскую фигуру.

— Я — Гея, — сказала женщина.

Значит, Ниоба исполнила свое обещание и прислала к дочери воплощение Природы! Никогда раньше Орб не видела женщин-инкарнаций, а теперь вот встретила сразу двух, причем одна из них оказалась ее собственной матерью!

— Мама сказала...

— Что я поведаю тебе, как перехитрить Сатану, — закончила Гея. — И это правда! Никто из нас не хочет, чтобы сбылось пророчество. Если Сатана решил применить против тебя магию Ллано — а раз уж Лахесис считает, что это так, значит, это так! — то ты можешь бороться с ним только с помощью Ллано. Для каждой мелодии Ллано есть мелодия с обратным действием. Дело лишь за тем, чтобы найти ее.

— Так вы ее не знаете? — испугалась Орб.

— Знаю, дитя мое, но не уверена, что тебе это поможет. Я сделаю все, что в моих силах, однако ты все равно рискуешь.

— Рискую угодить в ловушку?

— Ллано — это не детская игра, девочка! Призвав его, ты разжигаешь пламя, которое при неправильном обращении способно натворить много бед. Сатане все это не причинит вреда — он уже проклят. А тебе... — Гея покачала головой.

— Но если я не обращаюсь к Ллано, то попаду в рабство к Сатане! — сказала Орб. — Что может быть хуже?

— Безумие, — кратко ответила Гея. — Сатана в силах сделать с тобой все, что хочет, но если в душе ты не подчинишься ему, то на тебя даже не падет проклятие. А он скоро забудет о тебе — когда пророчество сбудется, он потеряет к тебе всякий интерес. Но если ты попытаешься применить мелодию-противодействие и потерпишь неудачу, тебя ждет вечное безумие.

— Так вы хотите сказать, что мне нужно... подчиниться? — испуганно пролепетала Орб.

— Конечно, нет! Но надо заранее знать, чем рискуешь. Только тогда ты сможешь принять верное решение.

Орб подумала о том, каково ей будет в роли покорной служанки Сатаны, его жены и рабыни.

— Я рискну! Как мне избежать ловушки?

— Сатана споет мелодию Отрицания воли. Это единственная часть Ллано, которую он знает. Магия Ллано не легко дается ему — ведь он Отец лжи и не обладает реальной властью. Ты должна бороться с помощью мелодии Отрицания отрицания воли. Я покажу тебе один из голосов.

— Один из...

— Это дуэт. Сатана — существо сверхъестественное, поэтому он может один спеть обе партии. А ты не можешь. Я покажу тебе только одну партию, а вторую должен спеть другой человек.

— Кто-то еще знает Ллано? — спросила Орб. Этот факт заинтересовал ее сам по себе. — Кто же?

— Его зовут Наташа. Он...

— Он? А разве это не женское имя?

— Конечно, нет. Наташа — самый выдающийся из смертных певцов. Впрочем, не знаю, кто из вас поет лучше. Если вы с ним исполните этот дуэт, ты вырвешься из ловушки Сатаны. Но если он тебя не поддержит, твой разум будет уничтожен.

Эта перспектива совсем не обрадовала Орб.

— Как же мне узнать, что Наташа споет со мной? Может, его и рядом-то нет!

— Ему не нужно быть рядом. Наташа, как и ты, умеет путешествовать с помощью Ллано. И он услышит твоё пение. Но никто не может предсказать, примет ли Наташа в тебе участие. Поможет, если захочет.

— А кроме него никто не годится? — в отчаянии спросила Орб.

— Мало кто способен спеть мелодию из Ллано, — серьезно ответила Гей. — И еще меньше тех, кто может сделать это хорошо. Но только Наташа может спеть так хорошо, чтобы противостоять могуществу Сатаны.

— А этот Наташа... что он за человек?

— Один из самых лучших, — сказала Гей. — Но он так давно ищет Ллано — и находит его! — что может не принять тебя всерьез. Наташа может решить, что это просто ловушка Сатаны. Ловушка для него. Сатана уже не раз пытался его поймать.

Орб резко сменила тему беседы.

— Думаю, лучше мне просто не попадать в эту ситуацию, — заявила она.

— Не выйдет, дитя мое. Раньше Сатана не знал о твоём существовании, но теперь он знает о тебе все. Он последует за тобой куда угодно и там расставит свою ловушку. Лучше сразиться с ним тогда, когда ты этого хочешь, а не тогда, когда он сам решит начинать.

— Я сама могу выбрать время этого состязания?

— Да. Ты можешь приблизить его. Сейчас Сатана еще не совсем готов. Но через несколько дней или часов он закончит все приготовления.

— Как мне назначить время?

— Ты должна просто начать играть и петь что-нибудь из Ллано. Сатана решит, что ты уже знаешь мелодию-противодействие, и начнет петь немедленно.

— Ну что ж, — вздохнула Орб. — Тогда научите меня моей партии.

— Сама я петь не умею, — призналась Гея. — Хотя могу записать музыку.

Она подняла левую руку и взяла из воздуха кусок пергамента. В правой руке у нее возникло гусиное перо. Легко и уверенно Гея записала на пергаменте ноты и протянула его девушке.

Орб взяла пергамент, и Гея тут же исчезла, оставив ее в одиночестве.

Орб посмотрела на листок. Записано вполне понятно. Мелодия необычная, однако спеть ее можно. В записи оставались пробелы в тех местах, где должен был вступать второй голос. Орб понимала, что звучать это должно красиво, но магии не видела.

Она уселась на землю, взяла арфу и приложила листочек с нотами к ближайшему дереву. Несколько минут ей хватило, чтобы запомнить все. Разорванные паузами части мелодии вполне логично вытекали одна из другой. Спеть такое совсем нетрудно. Орб начала играть, но петь не стала, помня предупреждение Геи.

Магия песни захватила ее. В самом деле очень сильная мелодия. Орб была потрясена до глубины души. Если ей придется петь...

Внезапно декорации переменялись. Посреди пустой равнины возникла церковь. Но это была необычная церковь — вместо религиозных символов ее украшали какие-то дьявольские знаки, а прекрасные витражи из цветного стекла заменяли изображения пыток и страданий.

Появился сам Сатана. Он весь светился от жара, языки пламени играли на его губах, на кончиках рогов и хвоста. Лукавый повернулся, чтобы взглянуть на Орб, и девушка увидела его глаза. В них бурлили пламя Ада, страсть и жестокость.

— Ты выйдешь за меня! — провозгласил Сатана.

— Никогда! — храбро возразила Орб, несмотря на то что просто оцепенела от страха. Вовремя мать ее предупредила!

Сатана запел. Это и в самом деле был Ллано — Орб сразу почувствовала великую опустошительную силу мелодии. У девушки пропала воля к сопротивлению — она сидела и слушала, подчиняясь магическому принуждению.

Не прерывая песни, Сатана махнул рукой. Зазвучал второй голос. Он дополнял первый, создавая впечатление, что поют двое, хотя Сатана был один. Магия песни усилилась — теперь Орб и думать не могла о сопротивлении. Прекрасная и отталкивающая гармония музыки полностью отняла у нее волю.

Сатана поманил ее пальцем. Орб встала и пошла к нему. Одежда девушки превратилась в подвенечное платье со шлейфом и вуалью. Сатана тоже изменился — теперь он был в смокинге. Несмотря на рога и окружающее его пламя, он был неправдоподобно красив. Сатана продолжал петь, и для Орб не существовало ничего, кроме этой музыки.

Они подошли к алтарю. Сатана взял Орб под локоть и развернул ее лицом к появившейся над алтарем фигуре демона. Их собирався обвенчать адский священник. В руке демона блеснул жертвенный нож. Орб даже не пришлось спрашивать, что произойдет дальше — она знала. Сейчас этим ножом ей порежут руку и точно так же порежут руку Сатане, чтобы их кровь смешалась на алтаре. Тогда они будут обвенчаны по законам Царства Тьмы.

Сатана взял ее за руку и закатал белоснежный рукав. Потом закатал рукав себе и, крепко зажав в своей руке руку Орб, поднес ее поближе к алтарю. Темный священник занес нож и...

И Орб, испугавшись, вышла из транса и все-таки запела. Она пела ту самую мелодию, которую подсказала ей Гея. Сначала голос ее был слабым и неуверенным, но почти сразу же сила магии подчинила ее и стала расти.

Сатана пел, оплетая Орб сетью покорности и подчинения. Орб пела, и сеть эта расползалась. Вскоре девушке удалось освободить голову и руки, так что темный священник не мог уже дотянуться до нее своим страшным ножом. Но все остальное так и оставалось скованным. Как будто плотный кокон окружал тело Орб. Она еще могла шевелиться внутри кокона, однако вырваться наружу было просто невозможно. Для этого требовалось нечто большее.

Орб продолжала петь, и пока она пела, венчание не могло начаться. Это продолжалось до первой паузы. Теперь должен был вступить второй голос...

Стало тихо-тихо. Сатана замолчал, но Орб не стало легче. Он уже наложил заклятие, и если она не освободится теперь, то все пропало.

Второй голос все не вступал. Орб попыталась запеть снова, но голос не подчинялся ей. Нельзя было продолжать пение, пока никто не ответил. Сатана молча ждал и улыбался. Победа была за ним. Последняя надежда Орб не оправдалась. Она чувствовала, как внутри поднимается волна безумия. Незаконченная мелодия обернулась против того, кто разбудил ее.

Орб собрала всю свою волю и попыталась направить остатки магической энергии за пределы равнины, в отдаленные уголки Земли. Звуки ее голоса затихли вдали. Придет ли ответ?

Сатана кивнул демону, показывая, что жертва не сумела ускользнуть, и снова подтянул обнаженную руку Орб к алтарю. Демон занес нож. Орб пыталась сопротивляться, но не могла — ее слабая защита перестала действовать, как только мелодия затихла. Только глаза девушки были свободны. Свободны проливать слезы.

Нож коснулся огненной руки Сатаны. Кровь тоненькой струйкой потекла вниз, закапала на руку Орб.

И вдруг Орб услышала вдали тихое пение. Неужели...

Да! Второй голос! Наташа ответил ей! Стены темного храма задрожали от этих звуков, хотя мелодия была едва слышна.

Как только пришел ответ, Орб снова обрела силу. Она запела свою партию, и адская церковь закачалась и стала расплываться. Песня-противодействие лишила ее власти над разумом Орб.

Сатана вновь запел, однако теперь сила его принуждения уже не могла подавить волю Орб. Слабость и отчаяние все еще захлестывали душу девушки, но теперь она могла им сопротивляться.

Пошатываясь, Орб побрела прочь от алтаря, от демона с его страшным ножом — туда, где лежала арфа, и подобрала ее. Петь девушка не прекращала ни на миг. Орб понимала, что может спастись, но безумие тоже не отступало. Если Наташа не ответит еще раз, она все равно погибла.

Вот она — вторая пауза. На этот раз далекий Наташа откликнулся сразу. Он все еще был не здесь, хотя голос его стал гораздо громче. Этот голос придал Орб новые силы. Она решительно подошла к стене адского храма и шагнула прямо сквозь нее.

Голос Наташи доносился из-за вершины невысокого холма. Орб направилась туда, не прекращая петь. На вершине они с Наташей встретились — каждый поднялся со своей стороны.

Наташу скорее можно было назвать крепким, чем высоким. На нем была яркая клетчатая рубашка и зеленые джинсы. Светлые волнистые волосы были длинными, как у древних рыцарей, а черты лица — правильными и суровыми. Но в толпе Наташа ничем не выделялся бы. Ничем, кроме своего голоса.

С тех пор как умер отец, Орб ни разу не слышала магии в голосе человека. У Пейса был не слишком хороший голос, однако, когда он прикасался к Орб, она слышала звучание оркестра, наполнявшего весь мир своим величием.

Наташа тоже обладал магией. Но его голос очаровывал и без магии — никогда еще Орб не слышала такого прекрасного пения. Сатана пел обе партии грубым басом, а Наташа обладал дивным тенором, мощным и глубоким, прекрасным без всякой магии. Хотя магия в нем была, и очень сильная. Ее действие чувствовалось на таком расстоянии, о каком сама Орб и мечтать не могла. Все существо Орб трепетало от счастья, ей казалось, что она ступает по облакам.

Они с Наташей одновременно замолчали и некоторое время стояли тихо, разглядывая друг друга. За спиной Орб тоже все стихло.

Орб обернулась. Сзади не было ничего, кроме бескрайней равнины — страшная темная церковь исчезла.

— Ты затеяла опасную игру, — проговорил наконец Наташа.

— У меня не было выбора, — сказала Орб. — Сатана хотел... он пытался обвенчаться со мной.

Наташа присвистнул:

— Значит, ты та самая девица, о которой говорится в пророчестве!

— Ну у меня и репутация! — притворно ужаснулась Орб.

Наташа рассмеялся:

— Когда я еще только начинал искать Ллано, я узнал, что есть на свете женщина, которая поет так же хорошо, как я сам. Однако Сатана уже положил глаз на эту женщину и попытается жениться на ней раньше, чем я ее встречу. Но когда я услышал твою песню, я об этом не подумал и отвечал только потому, что иначе тобой овладело бы безумие. Я не знал, что это ты. Не знал, что ты красива, что твой голос и магия так чудесны. Я даже и не вспомнил о своей ревности.

— О ревности? — переспросила Орб. Она все еще не могла прийти в себя после того, что произошло.

— Я всегда был лучшим в мире певцом, — сказал Наташа. — В своей гордыне я возомнил, будто никто и никогда не сможет сравниться со мной. И когда я узнал, что какая-то женщина... — Он пожал плечами и улыбнулся. — Разве можно обижаться на такую потрясающую женщину,

как ты! Похоже, я никогда до конца не понимал, почему все так восхищаются моим пением — пока не услышал тебя. Твой голос волнует до глубины души, а от магии просто дух захватывает! Наш с тобой дуэт был одним из лучших моментов моей жизни! А я даже не знаю, как тебя зовут.

— Я — Орб Кафтан из Ирландии, — ответила девушка. Наташа так похоже описал ее собственные ощущения! Никогда раньше Орб не слышала, чтобы кто-нибудь пел так же, как она. А услышав, была потрясена.

— А я — Наташа, и родился я здесь.

— Можно мне полюбопытствовать...

Наташа снова рассмеялся. Он вообще смеялся много и охотно.

— Мой отец хотел девочку, а мама — мальчика. Мама победила, но отец сумел ей отомстить: назвал меня в честь девочки, которую так желал получить. Точнее говоря, в честь женщины, которую он так желал заполучить еще до того, как познакомился с матерью, — он ухмыльнулся. — Если хочешь, можешь звать меня Нат.

Орб почувствовала, что Наташа ей нравится и нравился бы, даже если бы не ему она была обязана спасением от страшной участи. То, что могло с ней произойти, было хуже смерти.

— Спасибо тебе за то, что ты спас меня от Сатаны.

— Я и сам рад, что так получилось, — усмехнулся Нат. — Мало что может сравниться с благодарностью такой женщины, как ты!

Прекрасный способ подвести итог разговору на эту тему.

— А что, если Сатана снова возьмется за свое, а тебя поблизости не окажется?

— Не бойся! — воскликнул Нат. — Помешать ему — легче легкого! Надо только знать как. Я открыл это чисто случайно, когда искал Ллано.

— Ничего себе легко! Да я пальцем не могла шевельнуть! Что же это за способ?

— Надо просто спеть вторую партию из дуэта Сатаны, — объяснил Нат. — Вместо того чтобы завершить заклинание, это полностью его разрушает. Перехвати у него половину его мелодии, и с тобой ничего не случится! Я тебя

научу — это очень просто. И больше тебе нечего бояться Сатаны. Он проиграл — и я очень рад.

— Научи меня! — попросила Орб.

— Как, прямо сейчас?

— Я не успокоюсь, пока не буду уверена, что Сатана до меня не доберется! О пророчестве я знала и раньше, однако думала, что могу сопротивляться. А теперь я знаю, что не могу. Во всяком случае, сама.

Нат поднял вверх обе руки, показывая, что сдается.

— Как тебе отказать? Уже пою!

И он запел. Голос его был таким сильным и чистым, что все существо Орб возликовало. Она узнала второй голос из дуэта Сатаны, только на этот раз мелодия была прекрасной, а не зловещей. Орб и раньше могла бы запомнить эту партию, если бы знала, что она может ей пригодиться. Но в тот момент девушка была слишком подавлена и испугана, чтобы думать о таких вещах.

Нат закончил. Орб села на землю, установила арфу и принялась подбирать аккомпанемент. Потом запела сама и сразу почувствовала силу новой мелодии. Это и в самом деле был Ллано!

Когда Орб замолчала, Нат опустился на землю рядом с ней.

— Я думал, что твоя магия все-таки немного слабее моей, однако с этим инструментом ты превосходишь меня. Откуда у тебя арфа?

— Мне дал ее Горный Король, — ответила Орб. — Она усиливает магию и помогает очаровывать слушателей.

— Ты и меня очаровала, — согласился Нат. — Как тебе удастся, один раз услышав мелодию, так ее исполнить? Мне пришлось много раз репетировать, прежде чем я выучил партию!

Орб пожала плечами, польщенная:

— Так уж я устроена.

— Я просто счастлив, что помог тебе. Скажи — это, конечно, нахальство с моей стороны, но...

— Я не замужем, — покраснела Орб. — Иначе Сатана...

— Конечно, — тут же согласился Нат. — Я мог бы и сам догадаться. Теперь ты вольна не выходить замуж, пока сама не захочешь. Позволь мне быть откровенным. Все,

что я знаю о тебе, — это твой голос и твоя красота, но этого вполне достаточно. Ты позволишь мне ухаживать за тобой?

Орб была потрясена таким заявлением и все же сумела сохранить самообладание. В конце концов, мужчины и раньше проявляли к ней внезапный интерес. Сейчас она реагировала не так, как обычно, но скорее потому, что предложение было выражено в столь вежливой форме. Она еще не поняла, почему ее отношение к подобным предложениям вдруг изменилось. Да, конечно, Нат спас ее от ужасной судьбы и, может быть, лишил наконец силы старое пророчество: «Одна из них может обвенчаться со Злом». «Может» — какое важное слово! Оно выражает сомнение, и вот это сомнение оправдалось. И все же безопаснее всего было бы выйти замуж — это сильно затруднит Сатане его задачу. Но даже если оставить в стороне все эти вопросы, Нат все равно очень интересный и талантливый человек.

— Хорошо, — тихо промолвила девушка.

— Спасибо тебе за это разрешение, Орб, — сказал Нат. — И, раз уж ты мне его дала, позволь спеть тебе Песнь Пробуждения.

— А что это? — спросила Орб.

— Тоже часть Ллано, которую я обрел в своем Поиске. Должен предупредить тебя, что, как любая Песнь Ллано, она обладает большой силой.

— Я хочу знать все Ллано, — заявила Орб.

— Не знаю, был ли когда-нибудь на свете человек, который хотя бы слышал все части Ллано, не говоря уже о том, чтобы овладеть ими в совершенстве, — серьезно произнес Нат. — Я считаю, что музыка Ллано так же сложна и многообразна, как сама жизнь. Немногие могут спеть даже крошечную часть Ллано, хотя некоторые в моменты вдохновения или отчаянной нужды все же оказываются способны на это.

— Да, я все понимаю, — ответила Орб. — Но как это было бы здорово!

— Было бы здорово... — эхом откликнулся Нат, и сам тон его показывал, как страстно он этого желает. — Если

части целого имеют такую силу, то каково же целое! Я всю свою жизнь посвятил поискам Ллано.

— Я тоже, — сказала Орб.

— Тогда я спою тебе Песнь Пробуждения, и пусть все последствия этого падут на наши головы, — улыбнулся Нат. — Я тебя предупредил.

— Предупредил, — согласилась Орб.

Нат встал, сделал два шага вперед и устремил взгляд куда-то вдаль. Потом глубоко вздохнул и запел.

С первой же ноты у Орб перехватило дыхание — так ошеломила ее прекрасная музыка. А такого дивного голоса она не слышала никогда. Ей казалось, что весь мир, затаив дыхание, внимает голосу Наташи.

Звук живым одеялом накрыл землю, и стало темно. Орб удивилась, но ни капельки не испугалась — ощущение было волшебным и совсем не страшным. Она чувствовала, как магия струится вокруг нее, накапливается, растет. Орб вместе со всем миром с трепетом ожидала чего-то, чувствовала приближение волнующей кульминации. Она знала теперь, что все слышанные ею истории о Ллано — чистая правда. Сила магии казалась ей бесконечной.

С одной стороны небо начало краснеть. Оно становилось все светлее и ярче. Сначала алым светом запылали ближние облака, потом лучи света коснулись и дальних, заставляя их светиться, как тлеющие угли. Красный свет превратился в оранжевый, затем в янтарный. Теперь он попадал не только на облака, но и на землю. Начинался рассвет.

И тут Орб узнала мелодию — это была Утренняя Песнь! Та самая мелодия, которую она впервые услышала еще в раннем детстве. Та, из-за которой она впервые встретилась с водяными феями. Потом Орб часто ее слышала, но в последнее время у нее просто не было времени встречать рассвет среди дикой природы. Какое счастье увидеть старого друга в новом обличье! Конечно, это Ллано! Орб и в голову не приходило, что человек тоже может спеть Утреннюю Песнь. Нат подарил ей великое сокровище!

Заря разгоралась. Солнечный свет пронзил облака и пролился вниз. Каждый луч рождал на земле ответную

вспышку — почва и камни отвечали на прикосновение света, становясь сверхъестественно чистыми и яркими. Казалось, только теперь они стали настоящими. Капельки росы сверкали алмазными россыпями — никакие драгоценности не могли сравниться с ними. Каждая паутинка превратилась в сверкающее ожерелье.

И вот над горизонтом показалось солнце — ярчайший шар, в честь бледного подобия которого назвали когда-то Орб и ее сестру. Обычно Орб не могла смотреть на солнце — сияние слепило ее. Но в этом видении солнце не причинило бы ей вреда, и Орб не отрывала глаз, восхищенная величием картины.

Солнечный луч коснулся самой Орб, выхватив из тьмы круг света. Девушка купалась в теплом сиянии этого луча, чувствуя, как по-новому расцветает ее красота. Казалось, будто она только что возрождена к жизни, возрождена в новом прекрасном облике. Это было Пробуждение!

А музыка все звучала, и вся природа отвечала ей, создавая атмосферу праздничной приподнятости. Земля у ног Орб чуть дрогнула. Девушка пригляделась повнимательнее и увидела, как сквозь почву пробиваются сотни крошечных ростков. Они поднимались все выше, выпускали листья и бутоны, изгибались, чтобы поймать косые лучи восходящего солнца...

Бутоны раскрылись. Часть цветов была похожа на розы, часть — на тюльпаны и орхидеи, но на самом деле все они просто были волшебными утренними цветами. И выросли сейчас для одной только Орб!

Она обернулась и посмотрела вокруг. Весь мир зазеленел от всходов, повсюду распускались все новые и новые цветы. Девушку окружал бесконечный цветущий сад. Воздух сочился ароматом цветов. Какое счастье!..

Но вот песня кончилась. На самом деле она звучала совсем недолго, просто Орб уже была знакома с этой мелодией и могла теперь полнее ощущать ее красоту.

Орб повернула голову, чтобы взглянуть на Наташу, без которого не случилось бы этого чуда. А она и не замечала, что он так красив!

— Я не знала, что это можно спеть, — прошептала Орб.

— Я научу тебя, — ответил ей Нат.

— Знаешь... Нет, не сейчас. Я... На сегодня достаточно. Думаю, мне лучше вернуться домой.

— Конечно, — согласился Нат. Он подошел к девушке и протянул руку, чтобы помочь ей подняться с земли.

Как только Орб встала, цветы расплылись и исчезли. Снова вокруг нее простиралась голая равнина Ллано. Даже холма уже не было. Вдали, почти у самого горизонта, Орб заметила Иону, медленно плывущего в ее сторону.

— Но мы еще увидимся, — сказала она Нату.

— Разумеется, — снова согласился он.

Орб зашагала навстречу огромной Рыбе. Когда она обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Наташу, он уже исчез.

Глава 11

Дневная Песнь

Орб, конечно же, рассказала спутникам о своем приключении. Ведь ее Поиск давно стал их общим делом. Даже Бетси, которая раньше ничего не слыхала о Ллано, заинтересовалась им, когда поняла, сколько добра Песнь может принести органисту и ферме ее родителей.

Личность Наташи тоже заинтересовала музыкантов.

— Из нас только у тебя никого нет, — заметил ударник. — Все остальные как-нибудь да устроились. Но нам надо взглянуть на этого парня. Вдруг он тебе не пара!

— Вы не имеете права вмешиваться в мою личную жизнь! — возмутилась Орб.

— Имеем, — возразила Луи-Мэй. — Потому что нам не все равно.

Это заявление обезоружило Орб. Ее праведный гнев куда-то испарился.

— На самом деле я ничего о нем не знаю, кроме того, что у него лучший голос на свете и что он тоже ищет Ллано.

— И что он спас тебя от Сатаны, — добавила Иезавель. — Одно этого хватило бы за глаза. Вот только...

— Что — только? — спросила Орб. Она понимала, что суккуб лучше всех должен разбираться в подобных вещах.

— Видишь ли, я все-таки демон. Я никого не просила об этом, так же как вы не имели намерения родиться именно людьми. Я не из тех, кто на стороне Сатаны — на

свете много разных демонов, не меньше, чем смертных созданий. Однако некоторые вещи кажутся мне подозрительными.

— Слушай, женщина, ты это к чему? — спросил гитарист. — Думаешь, что Нат — демон?

— Возможно, — ответила Иезавель. — Если бы мы встретились, я могла бы сказать определенно.

— Я и не подумала об этом, — испуганно произнесла Орб. — Демон?

— Демоны способны на некоторые вещи, недоступные простым смертным. Например, это пение... Ты же знаешь, что мы можем менять обличье. Так вот, некоторые из нас могут так же менять и свой голос. По природе своей демоны более пластичны. Кроме того, когда у тебя в запасе целая вечность, можно достичь совершенства в любом искусстве. Главное, тренироваться.

— Но ведь не все демоны злы, — сказал гитарист. Этот вопрос был для него большим.

Иезавель улыбнулась. Была уже ночь, и она опять превратилась в юную красотку.

— Все зависит от твоего отношения к вопросу. Для некоторых я — самый коварный из злых демонов, потому что...

— Что они понимают! — воскликнул гитарист. — Пока ты не попала сюда, в Иону, у тебя просто не было выбора.

— Разумеется. И все же мудрее всего не доверять незнакомым демонам. Мы не знаем, чего добивается Наташа, но если с Орб что-нибудь случится...

— Вы даже не уверены, что он демон! Это всего лишь предположение! — возмутилась Орб.

— Лучше проверить, — убежденно произнес ударник. — Мы не хотим вмешиваться, однако если бы мы могли с ним познакомиться, то...

— Когда мы с ним увидимся, я приглашу его сюда и познакомлю с вами, — пообещала Орб. Она понимала, что опасения друзей могут оказаться небеспочвенными.

А пока Орб разучивала Песнь Пробуждения, которую раньше знала как Утреннюю Песнь. Когда девушка в первый раз сыграла эту мелодию, все были просто потрясены. Звуки ее голоса заполнили огромное тело Ионы.

Сначала в комнате стемнело, потом начался рассвет, выросли травы и расцвели прекрасные цветы. Конечно, это была только иллюзия — стоило песне закончиться, и видение медленно растаяло, но все равно это было прекрасно! Когда Орб научилась петь лучше, иллюзия тоже стала более полной — теперь уже трудно было усомниться в ее реальности.

— Знаешь, — сказала Бетси, — может, когда-нибудь ты так хорошо научишься это делать, что сон станет явью и начнется второй за день рассвет.

Бетси выросла на ферме и с уважением относилась к природе.

Орб рассмеялась, однако запомнила эти слова. Песнь Пробуждения была человеческой версией Утренней Песни, музыки самой Природы. Конечно, между версиями должны существовать различия, но если она найдет их, если ее песня прозвучит еще ближе к версии Природы, то, быть может, слова Бетси и в самом деле сбудутся? В конце концов, с помощью Песни Путешествия Орб действительно способна перенестись в любой уголок земли! Значит, если правильно спеть магическую Песнь, она должна подействовать на Природу.

Почти все время Орб думала о Наташе. Ведь то, что именно он спас ее от Сатаны, не простое совпадение. Орб спела отрывок из Ллано, а Нат был все время настроен на Ллано. Если бы не Нат, сбылось бы старое пророчество и Орб пришлось бы обвенчаться с Сатаной! Нат, как и Орб, жаждал обрести Ллано. Впрочем, того же хотели все музыканты группы, Иезавель, Бетси и Иона. Именно Ллано свел их вместе, несмотря на то что они все такие разные. Но Нат, кроме того, был мужчиной, причем мужчиной привлекательным и одаренным. До сих пор одиночество никак не мешало Орб; теперь все вдруг резко изменилось. А подарок Ната, Песнь Пробуждения, потрясла ее до глубины души.

Орб вспомнила свой детский сон. Венчание! Когда Сатана предпринял попытку жениться на ней, она до смерти перепугалась и не вспомнила об этом сне. Но теперь Орб поняла, что та свадьба была совсем другой! Там не было Мимы, под руку с которым ей следовало идти... Но если

они с Наташей... Возможно ли это? А если возможно, то что означает вторая половина сна, видение опустошенного мира?

Если Наташа действительно не человек... Что тогда? Нельзя пренебречь предупреждением Иезавели, суккуб знает, что говорит. Демоны и люди имеют мало общего. Нет, конечно, не все демоны по природе своей злы! К демонам относятся и феи, и ее знакомая дриада — это разные виды, но все они принадлежат к одному и тому же царству демонов. Существует множество различных демонов — не меньше, чем видов растений или животных. Не меньше, чем камней в царстве минералов. Можно любить красивые цветы или драгоценные камни, можно любить и демона, как она любит дриаду из старого дуба. Но роман с демоном — все-таки совсем другое дело.

А может, это предубеждение? — спрашивала себя Орб. В конце концов, гитарист и суккуб любят друг друга, и она, Орб, ничего против этого не имеет. Иезавель хорошая женщина, в человеческом понимании этого слова. Во всяком случае, пока контролирует свои порывы. А чем для Орб плохо то, что так хорошо для гитариста? Не исключено, что такой роман для нее возможен, только сначала надо узнать, человек ли Нат. Если человек — что ж, прекрасно, а если нет... Вот тогда она и подумает, что ей делать.

Да, но когда Нат запел Песнь Пробуждения — ах, как забилося в тот миг сердце Орб! В душе ее наступило утро — как наступило оно во всем мире при звуках дивной песни. Только вот что за день придет после такого Пробуждения?

— Миссис Глотч посылает нас на Гавайи, — весело сообщила Бетси, вытаскивая очередное послание из груды писем на столе. — Всю жизнь мечтала увидеть ананасовые плантации!

Орб поджала губы:

— Я не уверена, что это разумно. Иона не любит подолгу плыть над водой.

— Ой, правда? А почему?

— Он проклят и не может плавать в воде. Если разразится буря, ему грозит беда.

Бетси удивленно приподняла бровь:

— А почему? Что с ним может случиться?

— Ну... — растерялась Орб. — А правда, что может случиться с созданием, обреченным на бессмертие, пока кто-нибудь не снимет с него проклятие?

— Наверное, ему будет очень больно, — предположила Луи-Мэй.

Орб кивнула:

— Думаю, надо узнать, повезет ли нас Иона. И если не повезет, мы просто откажемся от приглашения.

Когда пришло время, ребята попросили Иону отвезти их на Гавайи. У берега океана Рыба заколебалась, потом поднялась повыше и храбро поплыла вперед. Музыканты отправились на Гавайи.

Сначала им всем было страшно интересно лететь над океаном. Но полет был долгим, и вскоре новизна ощущения притупилась, уступив место скуке ежедневных забот.

Орб проснулась от того, что Луи-Мэй трясла ее за плечо.

— У нас неприятности, — настойчиво шептала девушка.

Орб зевнула и протерла глаза:

— Ты что, поссорилась с...

— Нет, неприятности у Ионы!

Теперь и Орб встревожилась:

— У Ионы!

— Он шатается как пьяный. По-моему, ему плохо.

Что случается с людьми, оказавшимися внутри большой рыбы?

— Ох, надеюсь, что нет! — искренне сказала Орб. Она накинула халат и сунула ноги в шлепанцы.

Теперь и ей было видно, что Иона ведет себя как-то странно. Казалось, он не знает, куда плыть, и все время меняет курс. Луи-Мэй продолжала нервничать.

— Жаль, что Иона не умеет разговаривать! — сказала она. — Спросить бы его...

Но Орб уже и сама поняла, что случилось:

— Там шторм, Луи-Мэй. И гроза. Я вижу вспышки молний.

— Он так не любит грозы! — воскликнула Луи-Мэй.

— Он пытается убежать от дождя, — объяснила Орб. — Но, похоже, дождь надвигается со всех сторон. Иона попал в ловушку.

— Так ведь можно нырнуть под землю и... Ох, мы над океаном!

— Теперь ясно, почему Иона не любит плавать над океаном, — сказала Орб.

— А что будет, если он попадет под дождь?

— Не знаю. Он проклят и должен избегать воды. Думаю, промокнув под дождем, Иона нарушит условия проклятия. Что это означает в практическом смысле...

Орб пожала плечами.

В комнату вошла Иезавель в своем восхитительном ночном обличье.

— Мне тут пришло в голову, что Иона чем-то похож на демона. Он тоже проклят. Демоны не умирают, но им можно причинить боль. По-видимому, каждая капля дождя жжет его, как огонь. Смертный на его месте просто умер бы и избавился от боли, но для демона такая пытка может длиться бесконечно.

— А нас что ждет? — спросила Орб.

— Иона будет метаться. Ты тоже не сидела бы на месте, если бы в тебя тыкали раскаленной кочергой. Здесь станет очень и очень неудобно.

Вошел гитарист. Лицо его заметно позеленело.

— Нельзя что-нибудь сделать с этой посудинкой, чтобы не так болтало? — жалобно спросил он. — У меня морская болезнь начинается!

— Не падай духом, любимый, худшее еще впереди! — утешила его Иезавель. Все уже давно знали об их романе, и скрывать его приходилось только от посторонних.

— Ты — демон! — заявил гитарист.

— Разумеется. Тебе чем-нибудь помочь?

— Оттяни блузку — меня тошнит, — несчастным голосом ответил гитарист.

— Странные все-таки вкусы у смертных, — заметила Иезавель, оттягивая воротник.

При виде ее пышной груди молодые люди одобрительно заржали, но гитарист на этот раз даже и смотреть не захотел.

— Пойдем, морячок.

И Иезавель увела гитариста в ванную комнату.

Орб снова выглянула наружу через прозрачную чешуйку.

— Надо что-то предпринять, — сказала она. — Это по нашей вине Иона попал в эту ловушку!

Появились Бетси и органист.

— Слушай, Орб, ты ведь вызываешь дождь! Так почему бы тебе не прекратить его? — поинтересовался юноша.

— Могу попробовать. Но я не знаю нужной музыки — вдруг станет только хуже?

— Лучше не рисковать, — согласился органист. И тут у него появилась новая идея. — Ты умеешь делать так, чтобы нам не хотелось принимать АП. Спой что-нибудь такое, чтобы Иона не боялся воды! И он опять сможет в ней плавать.

— Разумеется, я попробовала бы, если бы знала, что петь. Но если я напутаю...

— Он, как и мы, ищет Ллано. Может, если ты... То есть если все мы попробуем сыграть Утреннюю Песнь — вдруг...

— Не знаю, — сказала Орб. Иона накренился, и ее бросило на стену. — С другой стороны...

И они попробовали. Гитарист был не в том состоянии, чтобы играть, но ударник, органист и Луи-Мэй помогали Орб, как могли. Орб пела Песнь Пробуждения, Луи-Мэй подпевала, а молодые люди аккомпанировали. Магия усилилась настолько, что, когда стемнело, в черном небе показались звезды.

Иона перестал метаться, успокоился и начал медленно опускаться, не обращая внимания на бурю и дождь.

Но что будет, когда он коснется поверхности океана?

Тем временем начался рассвет, и Орб снова выглянула наружу. Там шел дождь, струи его стекали по спине огромной Рыбы. Значит, их пение позволяет Ионе выносить прикосновение воды. Может, он и моря не испугается?

Песня закончилась. Волшебные цветы наполнили комнату дивным благоуханием.

— Господи, да мы просто обязаны включить этот номер в программу! — воскликнул ударник.

— А почему бы и нет? — задумчиво проговорила Луи-Мэй. — Это часть Ллано и лучшая песня из всех, что мы знаем. Все должны услышать ее!

— Можем попробовать, — кивнула Орб. Она подошла к стене, чтобы лучше видеть, что творится на улице.

Иона вздрогнул.

— Не спеть ли еще раз? — предложила Луи-Мэй.

— Давайте без меня, — сказала Орб. — А я попытаюсь помочь вам с магией. Если мы будем петь по очереди, то сумеем и Ионе помочь, и сами при этом костями не ляжем.

Луи-Мэй, ударник и органист попробовали спеть сами. Вышло хуже, чем в прошлый раз, однако Рыбу они все-таки успокоили.

Орб смотрела, как Иона медленно приближается к поверхности океана. Все решится, когда он коснется воды...

Иона вздрогнул. Это было похоже на небольшое землетрясение — толчок слабый, но очень страшно.

Снова появилась Иезавель.

— Иона боится, — сообщила она.

— Этого? — Орб показала пальцем вниз.

— Не совсем. Песня успокоила его. Похоже, дело не в том, что он не может прикоснуться к воде, а в том, что он просто боится это сделать.

— Чего может бояться подобное создание?

— Понятия не имею. Ясно только, что лучше не сбрасывать это со счетов, пока мы не узнали, в чем дело.

Огромная Рыба коснулась поверхности воды. Несмотря на музыку, Иона нервничал все больше и больше. Хотя сама вода, похоже, не причиняла ему вреда. Он плыл как большой корабль, мягко покачиваясь на волнах.

И вдруг Иона рванулся вперед, изо всех сил загребая боковыми плавниками, его могучий хвост молотил по волнам, взбивая их в пену. Теперь они уже не плыли, а просто летели над волнами.

— Что-то случилось, — сказала Иезавель. — Пойду погляжу.

Она подошла к стене и исчезла в ней. Орб даже испугалась. Впрочем, суккуб — демон и в состоянии проникать сквозь стены. Как бы иначе он настигал своих жертв?

Просто до сих пор Иезавель никогда не делала этого при людях.

Вернулась Иезавель почти сразу же.

— Там какая-то гадость. Сзади надвигается странное сияние, и в нем что-то вроде призраков, а Иона пытается от них удрать. Лучше посмотри сама.

— Я не могу выйти, — возразила Орб. — Я же утону!

— Я выведу тебя на спину Рыбы, — сказала Иезавель. — Там довольно ровно, и можно держаться за плавник. По-моему, тебе просто необходимо посмотреть.

Орб полностью доверяла суждениям суккуба. Она взяла Иезавель за руку, и девушки прошли сначала сквозь стену, а потом и сквозь потолок и оказались на широкой спине Рыбы. Дождь лил как из ведра, но шкура Ионы была такой шершавой, что Орб почти не боялась поскользнуться.

— Вот! — показала пальцем Иезавель.

Орб взглянула. Действительно сияние, причем какое-то мертвенное. Внутри неприятного светящегося облака двигались уродливые тени. Орб вытерла мокрое лицо.

— Что это?

— По-моему, демоны, — ответила Иезавель. — Как ты уже знаешь, существует много разных демонов и еще некоторые промежуточные разновидности вроде зомби, которые...

— Так это зомби?

— Ну, может, и не зомби. Как по-твоему, на что они похожи?

Орб присмотрелась повнимательнее. Иона сбросил скорость, и жуткие светящиеся тени уже догоняли их.

— На скелеты.

— Да, что-то вроде. Ты не думаешь, что именно их Иона и боится? Мне кажется, плавать он может, если не в воде, то по воде, как корабль. Но эти штуки тоже ходят по воде, а значит, они существа сверхъестественные. И по-моему, они за нами гонятся.

— Мы должны остановить их! — воскликнула Орб.

— Сверхъестественное существо трудно остановить, особенно если оно в своей стихии. Не хочу тебя пугать...

— С помощью Ллано! Я должна попробовать!

Иезавель пожала плечами:

— Я помогла бы тебе, но ты же знаешь, что я не умею петь.

Орб начала петь сама. Она попробовала исполнить Утреннюю Песнь — единственный важный кусок Ллано, который знала. Увы, песня не подействовала. Скелеты продолжали маршировать по поверхности воды, обратив безглазые лица в сторону Ионы.

— Час от часу не легче, — пробормотала Иезавель. — Теперь я вижу, почему Иона больше не спешит. Там, с другой стороны, такие же твари.

— Если бы у меня была арфа... — с сомнением произнесла Орб.

— Могу принести.

— Спасибо.

Орб была слишком расстроена, чтобы много говорить. Танцующие скелеты неотвратно приближались. Иона дрожал все сильнее. Теперь у Орб уже не было сомнений: именно скелетов он и боялся.

— Я попробую защитить тебя, Иона! — сказала девушка вслух.

Дрожь немного утихла. Иона услышал и понял ее слова.

Но сумеет ли она помочь Рыбе? Утренняя Песнь не сработала — что же здесь нужно? Иногда магия появлялась и с простыми песнями — но какая из них подействует?

Скелеты подходили все ближе и ближе. Теперь было видно, что они не просто приплясывают, а сознательно танцуют какую-то безумную джигу. Орб могла бы подумать, что ей просто показалось, если бы все скелеты одновременно не выполняли одни и те же па. Костяные ноги синхронно выделяли замысловатые коленца, тела одновременно теряли равновесие и в последний момент вдруг резко выпрямлялись. Зрелище было бы жутким, даже если бы плясали обыкновенные люди из плоти и крови.

Вернулась Иезавель, ведя за руку ударника. Орб поняла, что смотрит на юношу с удивлением, только когда Иезавель захихикала.

— Нет, я вовсе не обманываю своего приятеля. Мы решили, что помощь тебе не помешает. А поскольку нет

никакой возможности вытащить сюда орган, то я привела только ударника.

И она протянула Орб арфу.

— Но ведь дождь погубит твои барабаны! — сказала Орб ударнику.

— Им это не вреднее, чем арфе. И потом, кому они нужны, если кошмарные твари слопают Иону?

Орб поняла, что он прав.

— Я попробовала спеть Утреннюю Песнь... На них это не действует.

Ударник глядел на приближающуюся орду.

— Знаешь какие-нибудь песни насчет скелетов? — спросил парень, явно храбрясь.

— Только одну. Ее пел мне в детстве отец. Это шутка — такие поют на Хэллоуин.

— Попробуй, — сказал ударник и принялся расставлять барабаны.

— Но это же нелепо! — пробормотала Орб. Впрочем, не более нелепо, чем танцующие скелеты. Она взяла арфу.

— Похоже, «Вольты пьяного матроса»? — спросила вдруг Иезавель, глядя на танцоров.

— Что-что? — переспросил ударник.

— Танец такой. Я его выучила лет пятьдесят назад, когда работала с одной танцевальной группой.

— Ты что, была танцовщицей?

— Этого я не говорила.

— Ох! — пробормотал ударник.

Орб начала петь и играть. Ударник подхватил ритм.

Вы видали призрак Тома?

Без всего — один скелет!

Это была забавная песенка-страшилка, но для Орб она значила очень много. Девушка снова вспомнила детство, Пейса, который щекотал ее и пел эту песенку, а скрытый оркестр его магии заполнял весь ее маленький мир. Как Орб любила своего отца! Теперь он умер. И если там, где он сейчас, есть скелеты, конечно, он поет им эту песенку, а они весело хохочут.

Орб не знала, что течет по ее лицу — дождь или слезы.

Но и эта песня не остановила демонов. Твари подошли еще ближе. Теперь было видно, что они выстроились фа-

лангами и первая фаланга подошла уже совсем близко к огромному хвосту Ионы.

Орб попробовала спеть другую песню — из тех, что группа исполняла на концертах. Не помогло. Похоже, музыка в данном случае просто не действовала.

Один скелет отделился от первой фаланги. Костяные ноги отбивали по воде дробь, словно по палубе.

— Ну точно, «Волынка пьяного матроса», — сказала Иезавель. — Один из немногих танцев, которые я знаю.

Она принялась танцевать, кренясь и пошатываясь, как преследующие их скелеты.

— Сначала ступаешь сюда, а потом сюда, потом поворачиваешься и делаешь шаг назад, — объясняла Иезавель, не прекращая танца. — От этого ты теряешь равновесие, поэтому надо сменить ногу — вот так.

Скелет остановился и повернул череп, чтобы лучше видеть танцующего суккуба.

— Смотри! — сказал ударник. — Они танцоры и реагируют на танец!

Скелет снова двинулся вперед. Подойдя к хвосту Рыбы, он протянул руки и обнял его. Иона подпрыгнул, будто от удара током. И действительно, в том месте, которого коснулся скелет, мелькнула яркая вспышка. Скелет исчез, а часть хвоста огромной Рыбы сама превратилась в скелет!

— Черт! — пробормотал ударник.

— Я же вам говорила, что он не зря боится демонов, — сказала Иезавель. — Они хотят превратить его в свое подобие — и их здесь для этого более чем достаточно.

Еще один скелет отделился от первой фаланги и двинулся вперед.

— Я должна остановить их!

Орб протянула суккубу арфу и зашагала по направлению к хвосту Рыбы. Она даже удивилась, что так легко отдала демону свое бесценное сокровище. Но Орб знала, что арфа не потерпит прикосновения существа злого или бесчестного. А Иезавель, хоть она и демон, — ни то ни другое.

— Эй, ты что! — крикнула Иезавель и побежала за ней. — Тебе-то и одного скелета хватит! По-моему, они уносят с собой кусок тела, равный им по массе.

Орб остановилась. Очень разумное замечание. Чего она достигнет, если превратится в скелет? Но разве можно смотреть на весь этот ужас и не пытаться предотвратить его? Девушка расстроилась и разозлилась.

— Они все танцоры, — повторил ударник, подходя к ним поближе. — Орб, ты же знаешь танец, который кого угодно с копыт собьет!

Орб оцепенела. Потом ей пришло в голову, что Иона пришел к ним лишь после того, как она станцевала ему танану. Может, танана остановит ужасных танцоров?

Второй скелет подошел уже совсем близко к хвосту. Орб решилась.

— Отбивай ритм, как для Утренней Песни, — бросила она ударнику. — Я буду плясать.

— Понял, — кивнул молодой человек и рванулся снова расставлять барабаны.

— Я пойду скажу остальным, — сообщила Иезавель и провалилась сквозь пол.

Ударник начал отбивать ритм. Звучало хорошо — и все же недостаточно хорошо.

— Нужна магия, — промолвила Орб и коснулась плеча юноши. И как только она это сделала, магия действительно появилась.

— Понял, — повторил ударник.

Он продолжал отбивать ритм. Теперь, когда пришла магия, песня стала похожа сама на себя. Орб начала танцевать. И тут только заметила, что ее халат насквозь промок и липнет к телу, как пластырь, а полы его больно хлещут по ногам. Девушка содрала халат и отшвырнула в сторону, оставшись в одной только ночной рубашке. Она понимала, конечно, что тонкая ткань рубашки облепила ее, как вторая кожа, и выглядит это даже неприличнее, чем просто обнаженное тело. Но ничего не поделаешь — ей нужна свобода движений.

Под барабанный бой Орб танцевала танану, обращаясь к скелету, как к своему партнеру. Тот остановился и устался на девушку, а потом тоже принялся плясать танану,

забыв про свою ужасную джигу. Скелет повторял все движения Орб — прыгал, кружился и искоса бросал на нее долгие взгляды; это было тем ужаснее, что глаз у него не было. Сомнений нет — она нашла, на что отзываются скелеты. Но что же дальше?

Во всяком случае, пока этот скелет не исчез, остальные не двинутся с места. Если Орб сумеет задержать его надолго, гроза может кончиться, и Иона вновь поднимется в небо.

Ритм ускорялся, подчиняя себе все вокруг. Бум! Бум!! БУМ!! БУМ!!! Скелет отреагировал на изменение ритма и тоже начал танцевать быстрее, и... стал разваливаться. Танец был таким неистовым, что привел его к саморазрушению.

Сначала отлетел кусок руки, потом вторая рука, потом череп... Наконец скелет зашатался и рассыпался кучей костей, которая мгновенно утонула.

Орб вздохнула с облегчением. Они все-таки сделали это — не позволили скелету коснуться Ионы!

И тут от передней фаланги отделился еще один скелет и тоже направился к хвосту.

Вот это да! Работа-то еще только начинается!..

Ударник снова начал отбивать ритм, а Орб принялась плясать. Второй скелет реагировал точно так же, как первый. Они танцевали, и скелет оказался на удивление прекрасным танцором. Орб вообразила себе, что перед ней — молодой цыган. Он кружится и бросает на нее долгие взгляды и принимает положенные в танане позы — и так без конца.

Но вот ритм стал быстрее, и второй скелет развалился так же, как первый. Разрозненные кости скрылись под волнами.

Однако гроза не утихала. С разных сторон подходили все новые и новые партии скелетов. Вот один выступил вперед и направился к хвосту Ионы. Но теперь одновременно с ним из других фаланг шагнули вперед еще три скелета — два направлялись к боковым плавникам Ионы, а один — к голове. Иона совсем перепугался.

— Влипли, — сказал ударник. — Ты не можешь танцевать вечно и не можешь делать это сразу с тремя-четырьмя партнерами.

Иезавель вернулась с Луи-Мэй и органистом.

— Пусть каждый из нас попробует танцевать со своей стороны. Так мы сможем удержать четверых, — предложила она.

Они так и поступили. Но никто, кроме Орб, не умел танцевать танану, а ни на что другое скелеты не реагировали. Учить друзей у Орб не было времени — сама она тренировалась несколько месяцев, по многу часов в день. И даже если бы время было, все равно сомнительно, чтобы Луи-Мэй смогла выучить подобный танец. Слишком уж он был нескромным. А скелеты все приближались.

— Требуется что-нибудь посильнее, — сказала Луи-Мэй. — Ты говорила, что твой друг Нат знает много магических песен...

— Наташа! — позвала Орб, надеясь, что он услышит.

Все четыре скелета уже подошли почти вплотную к Ионе. Если Нат не придет...

Откуда-то издали донеслись звуки незнакомой песни — необычной и очень сильной. Даже море успокоилось, а скелеты застыли в той позе, в которой застало их начало песни. Так и стояли, склонившись на один бок.

Чудесная мелодия разлилась над миром, заставляя трепетать сердце каждого, кто ее слышал.

— Да, этот человек умеет петь, — прошептала Иезавель. Но ей никто не ответил — люди, как и скелеты, стояли неподвижно, как загипнотизированные, и слушали, слушали...

Появился Наташа. Он шагал прямо по воде, как скелеты, и пел на ходу. Скелеты застыли, не в силах сопротивляться магии его песни. Он прошел мимо них, вскарабкался по крутому боку Ионы на спину, где стояла Орб со своими друзьями, и замолчал. Скелеты, пританцовывая, двинулись к Рыбе.

— Они хотят превратить Иону в скелет! — воскликнула Орб. — Ты можешь остановить их?

— Могу, если спою Песнь Силы. Ты, наверное, знаешь ее как Дневную Песнь.

— Тогда быстрее, пока они не подошли!

— Мне нужен ритм, — сказал Нат.

Ударник подошел к барабанам и задал несложный ритм. Он не знал, что именно будет петь Наташа, и подстраивался по ходу дела.

Наташа снова запел. Песня была той же самой, но магия усилилась. Казалось, даже воздух дрожит от ее мощи. Ночное небо посветлело, и начался день. Вышло солнце, его палящие лучи пронзали грозовое облако и освещали поверхность моря. Волны из черных стали зелеными. От нестерпимо яркого света кости скелетов начали светиться.

Нат запел громче, махнул рукой ударнику, и ритм ускорился. Теперь Орб казалось, что она мчится сквозь огонь на резвом скакуне. Ее рубашка высохла и стала совсем прозрачной.

Скелеты тоже что-то почувствовали. Они сдвинулись с места, но не для того, чтобы продолжить танец. Они пытались убежать — тщетно. Солнце безжалостно палило их кости, барабанный ритм тряс, как чья-то невидимая рука. Вскоре они начали разваливаться на части. Кости с плеском падали в воду и тонули. Через несколько мгновений от всей орды не осталось и следа.

Песня закончилась. Как только Нат замолчал, снова настала ночь. Но гроза стихла, и танцующие скелеты пропали. Их исчезновение не было иллюзией.

Орб обняла Наташу и поцеловала в щеку.

— Ты снова спас меня! — воскликнула она.

— Это доставило мне удовольствие, — галантно ответил Нат.

И тут Орб вспомнила, в каком она виде — на спине огромной Рыбы в одной только прозрачной рубашке, и все ее друзья это видят!.. Девушка опустила руки и отпрянула от Ната.

Надо было представить Наташу.

— Нат, это Луи-Мэй... — неловко начала она церемонии представления. Имена следовали одно за другим, Наташа познакомилась со всеми, обменявшись с каждым парой вежливых фраз.

— Может, вернемся внутрь, чтобы Иона, если захочет, мог подняться в небо? — предложила Иезавель.

Нат оглянулся вокруг:

— А как вы, собственно, сюда попали?

— Нас привела Иезавель, — сказала Орб. — Она...

— Это не секрет, — вмешалась Иезавель. — Я — демон. Возьмите меня за руку, и я отведу вас вниз.

Орб промолчала — она помнила, какие подозрения питает Иезавель. Нат взял суккуба за одну руку, Орб — за другую, и все трое спустились вниз. Оставив их в уютной сухой комнате, Иезавель отправилась за остальными.

— Я не хотел бы показаться тебе слишком разборчивым, — сказал Нат, — но ты уверена, что стоит доверять демону?

— Этому демону — да. Демоны отличаются друг от друга так же сильно, как и живые существа. И характеры у них тоже бывают разные.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Нат.

И вдруг все застыло. Исчезли все звуки и движения, и Нат остался стоять, как был, с приподнятыми плечами. Одна Орб почему-то не впала в оцепенение.

В комнате появились две новые фигуры. Они не вошли, а именно появились — секунду назад их не было, а теперь вдруг возникли. Одна из них была закутана в черный плащ, другая — в белый.

— Подождите, — сказала Орб, — дайте подумать... — Она по очереди оглядела обоих пришельцев. — Один из вас — Танатос, а другой — Хронос.

Конечно, Танатоса она знала и раньше. Именно он познакомил Орб с «Ползучей скверной». Но насчет Хроноса это была чистая догадка.

— Так и есть, — сказал Танатос и улыбнулся. Маску-череп он снимать не стал, так что зрелище вышло жутковатое.

Орб совсем не испугалась. Танатос — друг Луны, а значит, достоин доверия.

— Хронос остановил время, можно поговорить. Мы боимся, что тебя обманывают.

— Какой ужас! — сказала Орб. — Мама предупреждала меня о ловушке, и я все равно едва не угодила в нее. Что, теперь мне грозит новая беда?

— Похоже, — кивнул Танатос. — Мы опасаемся, что этот человек — на самом деле демон. Возможно, его послал сам Сатана. Если так, то твое увлечение весьма опасно.

— Увлечение! — воскликнула Орб. Но в каком-то смысле Танатос говорил правду — она действительно была увлечена. Второй раз подряд Наташа спасал ее из очень затруднительного положения. — С чего вы взяли, что Нат — демон? Он только что...

— Для будущего очень важно, чтобы ты была объективна, — сказал Танатос. — Сатана тоже это знает и может попытаться воздействовать на тебя через одного из своих подручных. Подвластные нам царства Земного времени и Загробной жизни также могут пострадать. Мы не хотим, чтобы Сатана исказил твое будущее.

— Мое будущее? Но ведь один из вас — воплощение Времени! Он легко может заглянуть в мое будущее и проверить его, раз уж вас это так волнует!

— Это совсем нелегко, — сказал Хронос. До сих пор он не принимал участия в разговоре. Внешне Хронос был очень похож на обычного человека — для инкарнации, конечно. — Есть много вариантов будущего, и все они постоянно меняются. Их столько же, сколько возможностей выбора, а выбирать каждый раз приходится между Добром и Злом. Мы заинтересованы в том, чтобы побеждало Добро.

— Но вы можете проверить, во многих ли вариантах чувствуется влияние Сатаны. Проверить, имеет ли к этому отношение Наташа. Кроме того, можно проследить жизнь Ната, как в прошлом, так и в будущем, и выяснить, демон он или человек!

— Это тоже нелегко, — сказал Хронос. — Сатана — мастер всяких махинаций. Он способен так перемешать реальность с иллюзиями, что распутать этот клубок будет практически невозможно. Настоящего Наташу он подменит демоном, да так ловко, что и не отличишь. Чтобы разобраться, потребуется гораздо больше времени, чем у меня есть.

— Иголка в стоге сена, — вздохнула Орб. Она наконец поняла суть проблемы. Раньше ей и в голову не приходило, что демон в состоянии заменить реального человека,

но эту возможность нельзя было исключать. — В таком случае ты, Танатос, можешь проверить этого человека и сказать, не демон ли он. В конце концов, ты ведь умеешь определять соотношение между добром и злом в душе человека. А у демонов нет никакой души, верно?

— Души у них нет, это факт, — согласился Танатос. — Но если Сатана решил подменить человека демоном, ему достаточно легко снабдить его поддельной душой. А мои инструменты для определения баланса довольно несовершенны. Я же не Бог.

Танатос мрачно улыбнулся.

— То есть при всем своем могуществе вы не в силах разобраться, человек перед вами или демон? — недоверчиво спросила Орб.

— Обычно это сделать легко, — объяснил Танатос. — Но в данном случае...

Орб тихонько присвистнула. Оказывается, она переоценивала могущество инкарнаций!

— Как же мне тогда узнать, человек Наташа или демон?

— Думаю, тебе придется воспользоваться старомодными средствами, — сказал Танатос. — В каком-то смысле у демонов меньше ограничений, чем у людей. Например, они умеют изменять свой облик. С другой стороны, люди тоже могут делать некоторые вещи, которые демонам недоступны. Эти ограничения распространяются на кое-какие слова и предметы, для демонов запретные.

— Ты имеешь в виду крест, к которому демон не может прикоснуться?

— Ни к кресту, ни к святой воде, ни к любой святой реликвии. Кроме того, демон не в состоянии произнести Имя Господне или спеть религиозный гимн. Он всеми силами будет стараться избежать подобного разоблачения — сменит тему, назовет саму идею смехотворной — однако, если припереть его к стенке, он все равно не сможет этого сделать.

— Но ведь не все демоны — создания Ада! — возразила Орб. — Среди них много вполне порядочных существ!

— Эти ограничения указывают не на порядочность, а на происхождение, — ответил Танатос. — Мы признаем.

что хороший демон — лучший друг, чем плохой человек. Но плохой человек может прикоснуться к кресту, а демон, каким бы он ни был хорошим, не может. Всем демонам это запрещено. Полностью и безоговорочно. Именно поэтому демонов и стали проверять с помощью креста. Так никогда не ошибешься.

— Так вы хотите, чтобы я проверила Наташу? Определила, человек он или демон?

— Правильно, — кивнул Танатос.

— А если я это сделаю и он окажется демоном — что тогда? Ты же сам сказал, что хороший демон лучше, чем плохой человек. Тем более что плохой человек тоже может оказаться посланником Сатаны.

— В данном случае это маловероятно, — ответил Танатос. — Настоящий Наташа — хороший человек. Хронос уже проверил всю его жизнь. Настоящий Наташа никогда не встанет на сторону Сатаны — он будет бороться с ним всеми силами. Только Сатана может подменить такого человека демоном. Значит, если это демон, то он — посланник Сатаны. Надеюсь, что это не так, но проверить надо.

Орб вздохнула. Железная логика, ничего не скажешь.

— Хорошо, я проверю его. При случае. И если Нат окажется демоном, я прекращу с ним всякие отношения. Только я не верю в то, что он демон. В конце концов, он дважды спасал меня от страшной беды и показал мне мелодию из Ллано.

— Это он говорит, что из Ллано, — заметил Хронос, подкрепляя свои слова взмахом левой руки. На одном из пальцев ее Орб заметила кольцо — крошечную свернувшуюся змейку. Как раз такую подарил ей когда-то Мима.

— Ой, а откуда у вас это кольцо, Хронос?

Хронос вздрогнул и посмотрел на свой палец:

— Этот амулет? По природе своей он принадлежит к царству демонов, хотя подчиняется силам Добра. Подобных колец очень много, и все похожи.

— У Луны таких несколько, — сказал Танатос. — Если попросишь, она тебе даст.

Орб стало грустно при мысли о том, что кольцо, которое она считала уникальным, на самом деле лишь одно из многих.

— Нет, спасибо. Я просто так спросила.

На мгновение она подумала, что кто-то украл кольцо у ее ребенка. Конечно, это невозможно! Кольцо нельзя ни украсть, ни отнять — им можно завладеть только честным путем. И оно будет храниться у Орлин до ее совершеннолетия. После этого она вольна поступать со своим амулетом, как ей заблагорассудится.

Если только Тинка не продала кольцо, вместо того чтобы надеть ребенку на палец...

Нет! Орб знала, что Тинка никогда так не поступит!.. Девушка отбросила глупые опасения и вернулась к происходящему. Они говорили о Ллано. И в этом вопросе ей тоже было о чем беспокоиться...

— Вы хотите сказать, что песня, которой научил меня Наташа, — не Ллано? Утренняя Песнь?

Ее собеседники переглянулись и растерянно покачали головами.

— Боюсь, мы не знаем этой песни, — промолвил Танатос. — Мы пользуемся не Ллано, а совсем другой магией. Возможно, Нат научил тебя правильной мелодии. Что совсем не обязательно оправдывает его. Если эта музыка не имеет отношения к религии...

— Она... Она имеет отношение к природе, — сказала Орб. Ей явно не хватало слов, чтобы все объяснить. — Она приносит рассвет и сияние дня. Услышав ее, утонули все гнавшиеся за нами скелеты. Разве посланец Сатаны будет такое петь?

— Сомнительно, — ответил Танатос. — И что, все демоны действительно погибли?

— Да.

— Не понимаю, как бы посланец Сатаны смог такое сделать, — пожал плечами Танатос. — Впрочем, это не моя специальность. Надо у Марса спросить — он у нас специалист по битвам, особенно по битвам с демонами.

— Хорошо, когда я встречу Марса, обязательно спрошу, — сказала Орб. — А пока устрою Наташе испытание. Так будет вернее.

— Мы благодарим тебя за готовность к сотрудничеству, — произнес Танатос.

Хронос поднял правую руку. В ней оказались странные светящиеся песочные часы. Хронос перевернул их, и обе инкарнации исчезли, а Наташа продолжил наконец прерванный жест.

Орб лихорадочно пыталась вспомнить, о чем же они говорили. Она терпеть не могла обманывать людей, но сначала еще надо выяснить, человек ли Нат...

А, вот, вспомнила! Они говорили о демонах. Как раз успели согласиться, что не все демоны злы. Забавно, если учесть, что потом произошло.

— Я покажу тебе, какая Иезавель славная, — сказала Орб.

Тут появилась сама Иезавель с Луи-Мэй и ударником.

— Иззи, ты не против, если я устрою тебе небольшую проверку? — смущенно спросила Орб.

— Пожалуйста, — ответила Иезавель. — Подожди, я приведу остальных.

Она снова прошла сквозь стену и вскоре вернулась, держа за руки Бетси и органиста.

Все собрались в большой комнате.

— Что за проверка? — поинтересовалась Иезавель.

— Понимаете, меня предупредили, что... — Орб замолчала. Впрочем, непонятно, как можно сказать то, что она собирается, и никого не обидеть. — Что Наташа может оказаться демоном. И поэтому...

— То есть как это? — ошеломленно спросил Наташа.

— И поэтому мне нужно устроить проверку, — твердо закончила Орб. — Для этого необходим... контрольный экземпляр — чтобы убедиться, что мой метод действует.

— Да кто тебе такое сказал! — возмутился Нат.

Орб заставила себя обернуться к нему:

— Хронос и Танатос. Они... Впрочем, неважно. Надеюсь, ты не откажешься...

— Вот уж чего не ожидал. Мне казалось, что... — Тут он замолчал, увидев, какими глазами смотрят на него все остальные.

— А знаете, — сказала Иезавель, — если скелеты и могут кого-нибудь слушаться, так это посланника Сатаны.

Нат бросил на нее испепеляющий взгляд:

— Уж ты-то должна это знать, демон!

— Мне сказали, что... что моя судьба очень важна для всех, — продолжила Орб. — Что Сатана попытается повлиять на мои решения. Поэтому у меня нет выбора.

— Ты действительно хочешь устроить это... этот суд? — поморщился Нат.

— Боюсь, что да, — несчастным голосом ответила Орб.

— Тогда давай начнем, — заявил Наташа. — Что ты там придумала?

— Пожалуйста, — обратилась Орб к Иезавели, — повторай за мной мои слова.

Иезавель кивнула. Остальные молчали. Им было стыдно.

— Демон, — сказала Орб.

— Демон, — улыбнулась Иезавель.

— Человек.

— Человек.

— Ангел.

Иезавель покачала головой:

— Ты же знаешь, я не могу этого сказать.

— А смогла бы, если бы захотела?

— Если бы? Хотела бы я смочь! Но это просто невозможно.

— Дьявол, — сказала Орб.

Бетси подпрыгнула. Иезавель улыбнулась.

— Орб не ругается, — объяснила она девушке. — Дьявол.

— Земля.

— Земля.

— Небеса.

Иезавель промолчала.

— Если бы только...

— Сатана.

— Сатана.

— Бог.

Иезавель беспомощно развела руками.

— Спасибо, — сказала Орб и обернулась к Наташе.

— Ангел, Небеса, Бог, — повторил он с отвращением.

Орб чувствовала себя виноватой.

— Есть у кого-нибудь крест? — спросила она.

— У меня есть, — откликнулась Луи-Мэй. Девушка потянула с шеи тонкую цепочку и вытащила красивый серебряный крестик.

— Дай его Иезавели, — сказала Орб.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Иезавель. — Стоит лишь поднести его поближе, и мне уже будет очень плохо.

— Давай сюда, — заявил Нат. Он протянул руку, взял крест и посмотрел на Орб. — Ну? Ты довольна?

— Почти, — ответила Орб. Зачем она только все это устроила! — Я хочу еще спеть гимн.

— Давай не будем мучить этим демона! — мрачно сказал Нат. Он отдал Луи-Мэй крест, глубоко вздохнул и запел:

Я просто бедный, одинокий странник,
По миру скорби, плача, я бреду.
Но нету боли, гнева и страданий
В том мире грез, в который я иду.

Стены комнаты постепенно исчезли, и ночь проникла внутрь. В унылом полусвете виделась фигура устало бредущего путника. Вот он — мир скорби.

Наташа продолжил:

Когда закончу путь, Осанну
Тебе, Спаситель, пропою.
Я шел по Землям Иордана,
Чтобы узреть Тебя в Раю.

Там, куда шел усталый путник, горел яркий свет. Он приближался, и вскоре уже вся комната была залита ровным сиянием. И тут иллюзия пропала и стены вернулись на место. Наташа еще раз взглянул на Орб, отвернулся и направился к ближайшей стене.

— Подожди! — крикнула Орб. — У меня же не было выбора...

Однако Наташа исчез. Орб узнала мелодию Песни Путешествия и поняла, что он уже далеко — где-нибудь на другом конце земли. Она попыталась найти, куда он скрылся, но тщетно. Нат ушел, и никто не мог сказать ей куда.

— Думаю, я бы тоже очень обиделась, если бы была человеком, а кто-нибудь обозвал меня демоном, — прокомментировала Иезавель.

— Особенно после того, как он вытащил нас из паршивой передряги, — добавил ударник.

— Утешили, нечего сказать, — сказала Луи-Мэй.

Орб убежала в свою комнату, бросилась ничком на кровать и заплакала. Она даже не заметила, как Иона поднялся в воздух, развернулся и лег на первоначальный курс.

А что еще она могла сделать?

Глава 12

Вечерняя Песнь

Шло время, но Наташа не возвращался. Музыканты дали на Гавайях несколько концертов и благополучно вернулись на континент. Теперь, когда Орб знала Дневную Песнь, она уже не боялась танцующих скелетов. Более того, она даже сомневалась, что они еще существуют. Девушка была очень благодарна Нату за то, что он научил ее этой песне, и очень хотела поблагодарить его. Если бы она только не оскорбила Ната нелепым испытанием!.. Но Орб до сих пор не понимала, как еще можно было воспользоваться предупреждением Хроноса и Танатоса.

Луи-Мэй сокрушенно качала головой:

— Лучше бы ты сама разыскала его. У нас сейчас как раз несколько свободных дней. Может, вернемся на равнину Ллано, чтобы ты могла поискать Ната...

— Если бы он хотел, он бы и сам пришел, — грустно ответила Орб.

— Он же мужчина, со всей этой их глупой мужской гордостью. Он хочет, чтобы ты сделала первый шаг. Выйди, спой для него, и он услышит.

— Ты думаешь? — с надеждой спросила Орб.

— Я не так уж хорошо знаю мужчин, однако Иезавель настоящий спец. По ее словам, мужчины нуждаются в чувстве превосходства. Они искренне считают свое животное вождение чем-то возвышенным и прекрасным. Притворись, что ты не можешь без него жить.

— Не думаю, что мне надо притворяться, — пожаловалась Орб.

Луи-Мэй печально улыбнулась:

— Я знаю, как это бывает. Притворись, что ты притворяешься. Ни один мужчина, живой или мертвый, не сможет долго сердиться на тебя, если увидит, как ты поешь, танцуешь и просишь прощения.

— Не хочу просить прощения! У меня тоже есть гордость!

— А какой толк от твоей гордости, если он уйдет? Какой толк от моей, если у меня не будет Дэнни?

— Почти никакого, — согласилась Орб. — Нат попросил разрешения ухаживать за мной, и я думала, что это не всерьез, но стоит мне услышать, как он поет... — Девушка покачала головой. — Я просто хочу быть с ним.

— Да, петь он умеет, — согласилась Луи-Мэй. — Я думала, никто не может сравниться с тобой, но...

Она пожала плечами.

— Петь он умеет, — повторила Орб. — По-моему, я живу теперь только для того, чтобы петь с ним вместе.

В комнату вошла Иезавель.

— Кто-то поет так же хорошо, как Орб? Никогда не поверю!

— Как не поверишь? — удивилась Луи-Мэй. — Ты же там была! Неужели тебе не понравилось?

— Где — там?

— Там, на спине у Ионы, когда он спустился к океану, а Орб танцевала со скелетами.

— Что Орб делала?

Тут уже не только Луи-Мэй, но и Орб непонимающе уставились на суккуба.

— Ты что, не помнишь? — спросила Орб.

— Конечно, нет! О чем вы говорите?

Орб и Луи-Мэй переглянулись. Неужели у Иезавели такая короткая память?

— Может, это был сон, — дипломатично предположила Луи-Мэй.

— Демоны никогда не спят, — пожала плечами Иезавель.

В комнату ввалился заспанный гитарист. Все время до полудня он считал ранним утром.

— Привет, мамочка! — пробормотал юноша, обнимая Иезавель.

— Салют, детка! — отозвалась Иезавель и погладила его по голове.

Орб была потрясена. Такое — днем? Когда Иезавель выглядит на все пятьдесят?

Потом она поняла, что это давно уже не простая связь. Если по ночам гитаристу нужна была красивая, обожающая его любовница, то днем он нуждался в материнской заботе. А Иезавель была для него и тем и другим. Орб вдруг осознала, что совсем не испытывает отвращения. Ее подсознание лучше понимало, что хорошо, а что плохо.

Шло время, и в один прекрасный день Иона снова принес их на равнину Ллано. Орб вышла и отправилась на прогулку. Наступило лето, и погода стояла прекрасная.

Орб запела Утреннюю Песнь. Взошло солнце, расцвели волшебные цветы, но Наташа не появился. Орб попробовала спеть Дневную Песнь, однако сама не справилась.

Тогда она решила поэкспериментировать с комбинациями разных мелодий. Взяла по кусочку от Утренней Песни, Песни Путешествия и мелодии грозы, и...

И получилось что-то очень странное.

Сначала, как положено, наступила ночь. Но когда пришел рассвет, оказалось, что все цвета поменялись местами. Земля стала красно-оранжевой, небо — зеленым, а восходящее солнце окрашивало его в голубые тона. Облака на востоке светились, но солнце превратилось в большой темный шар. Освещенный участок земли был холодным, а облака — горячими. Цветы тоже расцвели наоборот: сначала собственно расцвели, а потом из почек показались стебли и корни.

Орб вздрогнула и сосредоточилась на цветах. В результате они превратились в круги, овалы и линии, как будто их разложили на математические составляющие. Огромный узор разрастался в размерах — круги и линии начали пересекаться и заняли полнеба. Земля стала прозрачной, потом и вовсе растворилась.

Орб находилась внутри странного геометрического узора. Ноги девушки уже не стояли на земле, они попали в сложное переплетение линий. Тело Орб наклонилось куда-то вбок, но это ей ни капельки не мешало. Она осталась такой же, как была, а странная реальность жила своей жизнью вокруг.

Реальность? У Орб всю жизнь были совсем другие представления о реальности!.. Части странных цветов заполнили собой весь мир. Это было красиво, хотя Орб предпочитала нормальный пейзаж.

Она перестала петь... Узор не исчез. Похоже, Орб просто не могла вернуть его в прежнее состояние.

Орб снова запела Утреннюю Песнь, не рискуя больше смешивать ее с другими фрагментами Ллано. Картина со странными цветами порвалась, как тонкая бумага, и исчезла.

Теперь Орб стояла на дне какого-то желоба, по которому проходил длинный гребень треугольного сечения. Сделанный из ярко-желтого, похожего на пластик материала, гребень был достаточно высоким, чтобы можно было сесть. Кроме желоба, в этом мире не было ничего — ни стены, ни равнины — просто пустота.

Орб пригляделась к странному гребню. С одной стороны он уменьшался, становясь все ниже и тоньше, а вдали совсем исчезал. С другой — загораживал собой полнеба.

Что-то катилось по желтому гребню прямо к ней — то ли веретено, то ли двойной конус. Приближаясь, непонятный предмет увеличивался в размерах. Масса его, судя по всему, тоже быстро росла — вал гудел и вибрировал. И чем ближе подкатывалось странное веретено, тем быстрее оно мчалось.

Орб попыталась вспомнить, чему ее учили на уроках геометрии. Довольно много времени они посвятили тогда коническим сечениям. Сечение задавалось уравнением, параметры которого определяли его форму и размеры. Сечения могли быть круглыми, эллиптическими и даже незамкнутыми, то есть, образуя петлю с одной стороны, они уходили в бесконечность с другой.

Похоже, Орб встретилась именно с конусом, и переменным в задающем его уравнении были размеры. Меняя

местоположение, он рос и вскоре должен был заполнить собой весь мир. А Орб здесь чужая, и для нее тут просто не останется места.

Странная штукавина приближалась, все увеличивая скорость. Еще чуть-чуть, и Орб на своей шкуре почувствует, что происходит в таких случаях! Похоже, от нее сейчас останется мокрое место.

В отчаянии Орб снова запела Утреннюю Песнь. Картина с желтым гребнем и конусом порвалась и разъехалась в стороны, как раньше — странные геометрические цветы.

Новый пейзаж был зеленым. На мгновение у Орб мелькнула надежда, что здесь может оказаться Гея, Мать-Природа. Но надежда тут же угасла.

Она стояла посреди леса. Огромные безмолвные деревья вздымались к небу толстые ветви. Темные стволы их поросли мхом, с ветвей свешивались плети дикого винограда. Густой подлесок рос у подножия великанов.

Но этот подлесок был ядовитым! На листьях поблескивали капельки неизвестной жидкости. И Орб была совершенно уверена, что не должна прикасаться к этим капелькам — иначе с ней случится что-то ужасное.

Однако пройти, не задев густого кустарника, просто невозможно. Более того, ядовитые растения сами тянули к девушке свои ветви!

Нет, такая реальность ее не устраивает!.. Орб опять запела, и из-за разорванной картины леса показался следующий пласт.

Теперь это был город. Широкие улицы разрезали его на кварталы, в каждом из которых находилось множество высоких зданий. Кварталы соединялись пешеходными дорожками. Орб стояла как раз на перекрестке двух улиц. И прямо на нее мчался грузовик!

Орб отбежала в сторону, но грузовик с визгом развернулся и вновь пошел на нее. Теперь Орб поняла, что она вовсе не зритель! Каждый из миров стремился ее уничтожить!

Она опять запела, и улица с грузовиком уступила место новой картине.

Комната, точнее, будуар. В центре стояла огромная круглая кровать с горой подушек; стены и мебель отделаны

плюшем. Собственно говоря, Орб очутилась прямо в этой кровати. Одета она была лишь в тонкую ночную рубашку, из тех, что сделаны специально, чтобы разжигать в мужчине страсть.

Тут дверь распахнулась, и действительно вошел мужчина. Ой, нет, не мужчина! У мужчин не бывает козлиных рогов и копыт. Тело незнакомца поросло шерстью, нос скорее смахивал на рыло, а подбородок украшала маленькая козлиная бородка. Все это и еще кое-что показало Орб, что перед ней сатир — воплощение животной страсти.

Горящий взгляд сатира упал на девушку. Он заблел от восторга и кинулся к ней. У Орб не возникло никаких сомнений в том, что он собирается предпринять. Достаточно лишь взглянуть на некоторые особенности его организма... Да и чего еще ожидать от сатира!

Орб швырнула ему в морду подушку, скатилась с кровати на пол и кинулась к двери. Но дверь внезапно исчезла — стена поглотила ее. Орб вцепилась ногтями в то место, где только что была дверь... Тщетно. Выход исчез.

Сатир заворчал и снова бросился на нее, проявляя удивительное проворство. Орб отпрыгнула в сторону, однако волосатая лапа успела ухватить ее за рубашку. Тонкая ткань не порвалась, а растянулась, как горячий сыр. Перебирая лапами, сатир подтягивал Орб к себе. Впереди рубашка вытянулась, как огромная палатка, а сзади так плотно облепила тело девушки.

Орб попыталась оттолкнуть сатира, но он поймал ее за ногу и дернул к себе. Пальцы-копыто причиняли боль. Из раскрытого рта сатира капала слюна. Второй рукой он взялся за свой огромный «инструмент» и...

...И тут Орб вспомнила про свое единственное оружие — голос. Она запела, и картина тоже стала разрываться. Орб еще успела заметить, как вождение на морде сатира сменилось яростью, когда он понял, что жертва ускользнула.

Как же все это получилось? Неужели ее действительно едва не изнасиловали лишь оттого, что она чуть-чуть изменила мелодию из Ллано?

Теперь Орб занесло на вершину горы. Снег и лед обжигали босые ноги девушки, резкий холодный ветер рвал

с нее одежду. А одежда эта была прежней. Вытянувшаяся спереди прозрачная ночная рубашка совсем не защищала от холода. Орб заскользила вниз по обледеневшему склону, к обрыву.

Орб продолжала петь. Гора исчезла, как и все предыдущие видения. Вокруг, в черной ночи, сияли звезды. Похоже, она попала в космос, потому что звезды были везде, даже внизу. Одна из них, яркая и горячая, находилась гораздо ближе, чем остальные. Орб быстро притягивало к ней. С каждой секундой звезда становилась все больше и горячее, ее лучи огромными щупальцами тянулись к Орб. Ночная рубашка вспыхнула и сгорела.

Орб запела — и звезды тоже пропали. Теперь девушка стояла голая на берегу океана. Вокруг валялись многочисленные раковины. Шумел прибой. Вдруг одна из волн начала расти. На ее вершине появился пенный гребень — все выше и выше, загораживая небо. Вот сейчас волна обрушится на берег... Орб повернулась и побежала, но вместо берега увидела лишь узенький, без единого холмика островок. Бежать было некуда. Огромная волна нависла над девушкой. Пенный гребень начал загибаться вниз.

Орб запела, и белый гребень порвался на две части и исчез вместе с волной и бумагой, на которой она была нарисована.

С потолка тускло освещенной пещеры свисали огромные, похожие на зубы сталактиты. Они мерцали и просвечивали, демонстрируя прекраснейшие узоры натечного камня.

Непохоже, чтобы сейчас ее жизни что-то угрожало. Орб встала и отправилась искать выход. Конечно, можно было спеть еще раз, но тогда она рискует оказаться в гораздо более опасном месте. Лучше попробовать выбраться отсюда каким-нибудь другим способом!

Одежды у Орб не было. Похоже, все, что она теряла в одной картине, в других уже не появлялось. Но, может, ей удастся отыскать какую-нибудь одежду здесь?

Орб медленно шла, пробираясь между сталактитами. Вскоре ей удалось найти тропинку. Там, куда она вела, свет становился ярче. Орб решила, что в той стороне должен быть выход из пещеры.

Но оказалось, что это был свет костра. Около огня столпились какие-то существа. Значит, этот мир обитаем. Орб обрадовалась и подошла поближе.

— Простите, у вас не найдется... — начала она.

Незнакомцы обернулись и вскочили на ноги. Это были огромные косматые демоны!

Орб уже открыла было рот, чтобы запеть, но что-то ее остановило. Демоны испугались гостьи не меньше, чем она их. Один так и остался лежать у огня; очевидно, он был ранен или болен.

— Давайте заключим сделку, — предложила Орб. На всякий случай она была готова в любой момент запеть и ускользнуть в другую реальность. — Вы даете мне одежду, а я вас лечу. Понимаете?

Демоны молча смотрели на девушку.

— Я... я знаю одного демона, — продолжала Орб. — Суккуба. Однажды я помогла ей ненадолго избавиться от проклятия. Мне кажется, если я спою какую-нибудь песню, это может помочь вашему больному другу.

Демоны не шевельнулись. Похоже, они вообще не понимали, о чем идет речь. Но раз они не нападают...

Орб подошла к больному. Что бы такое спеть, не из Ллано, и чтоб помогло? Или это неважно, и имеет значение только ее желание помочь? Тогда почему бы не спеть какую-нибудь любимую песню? Вот эту, например:

Там, где берег тих, где блесит волна,
Где под солнцем сияет Лох Ломонд...

Арфу Орб с собой не взяла, но, несмотря на это, магия пришла и коснулась больного демона. По его потускневшей шкуре побежали призрачные огоньки. Демон пошевелился и поднял вверх дрожащую лапу.

Орб подошла еще ближе и взяла эту лапу. Теперь, когда у нее был прямой контакт с пациентом, магия усилилась. Орб физически ощущала болезнь демона, чувствовала, как хворь отступает, поддается лечению. Когда песня кончилась, больному существенно полегчало.

Орб отпустила мохнатую лапу.

— По-моему, он теперь поправится, — сказала девушка вслух. — Еще день-другой, и все будет в порядке.

Один из ее безмолвных слушателей пошевелился. Он подошел к нише, где были грудой свалены шкуры, поднял одну и протянул Орб.

Они поняли! Орб с благодарностью взяла протянутую шкуру и набросила ее на плечи. Шкура была тяжелой, зато очень теплой и закрывала все тело, до колен. Годится.

— Спасибо, — сказала Орб. — Вы не знаете, как выйти отсюда? Как мне найти своих соплеменников?

Демоны пожали плечами.

И тут раздался грохот. Земля под ногами задрожала, один из сталактитов упал на пол и разбился. Это был обвал!

Орб запела было Утреннюю Песнь, но снова остановилась. Она-то ускользнет, а что станет с несчастными демонами? Они могут погибнуть под обломками камня! И если пещера обрушится, именно она, Орб, будет в этом виновата. Ведь если бы в пещере было безопасно, она бы сюда не попала!

Нельзя рисковать чужой жизнью.

— Прикоснитесь ко мне! — крикнула Орб. — Возьмитесь за руки!

Она снова схватила лапу больного и протянула вторую руку ближайшему демону:

— Все беритесь за руки!

Смущенные демоны протянули друг другу лапы. Земля тряслась все сильнее. Орб снова запела, и пещера исчезла. Появилась новая картина — теперь они с демонами стояли на облаке!

Облако медленно плыло над полями и перелесками. Земля оставалась далеко внизу, и спуститься туда не было никакой возможности. Ноги медленно погружались в мягкую ткань облака. Если так пойдет дальше, они скоро упадут!

— Попробую снова, — сказала Орб и протянула руки соседям. Она запела, и картина с облаком порвалась, уступив место следующему пласту реальности.

Больше всего он напоминал гигантский пищеварительный тракт. Сквозь мягкие стены сочилась какая-то жидкость. Тоненькая струйка коснулась ноги одного из

демонов, и тот с воплем отскочил в сторону. Все ясно, это пищеварительный сок, а значит, кислота!

Орб снова вцепилась в лапы соседей и запела. Кишечник уступил место помойке. Консервные банки, банановая кожура, кофейная гуща, автомобильные покрышки и старые газеты громоздились огромной кучей отходов. От отвратительного запаха даже демонам стало нехорошо.

Не отпуская их лап, Орб снова запела. Мусор пропал, и начал образовываться новый пейзаж, но Орб не прекратила петь. Она подумала, что только так можно вырваться из этого бесконечного цикла.

Новая картина разорвалась, не успев сформироваться, следующая за ней — тоже. Теперь вокруг мелькали перемешанные друг с другом куски разных пейзажей. Как будто кто-то быстро листал иллюстрированную книжку.

И вдруг Орб увидела замок. Она тут же прекратила петь, сиюсь удержать видение. И это ей удалось!

Они с демонами стояли в саду. Сад украшали многочисленные скульптуры, а впереди высились стены каменного замка.

— Надеюсь, мы найдем там помощь, — сказала Орб и зашагала к замку. Демоны пожали плечами и потянулись следом.

У задней калитки в каменном дворике отдыхали трое. Две очень красивые женщины и с ними...

— Мима! — закричала Орб, всплеснув руками от удивления.

— Орб! — крикнул Мима. Он грациозно поднялся на ноги и заключил девушку в объятия. — Как ты сюда попала?

— Долго рассказывать, — ответила Орб. — А где мы, собственно?

— В Чистилище. Ты не знала? — Мима вздрогнул. — Только не говори мне, что ты умерла!

— Умерла? Зачем бы мне понадобилось умирать?

— Мало кто попадает сюда при жизни.

Только тут Орб осознала, что он ей сказал.

— Так это Чистилище? Место, где сортируют души? А ты что здесь делаешь?

Мима жестом показал демонам, чтобы они устраивались поудобнее, и усадил Орб в кресло.

— Я теперь здесь живу. С тех пор, как стал Марсом.

— Марсом? — непонимающе переспросила Орб.

— Воплощением Войны. Я занял эту должность, когда... Ох, запутанная история!

— Уж это точно, — согласилась Орб. — Может, ты представишь меня своим друзьям?

— Ой, да, разумеется, — сказал Мима. — Только... Только сначала я должен объяснить тебе, что... — он виновато развел руками.

— Что наш роман давно окончен, — закончила за него Орб. — Да, конечно.

И тут она вдруг заметила, как он разговаривает.

— Ты не поешь и совсем не заикаешься!

— Мать-Природа помогла мне, — сказал Мима. — Мы, инкарнации, часто помогаем друг другу.

Он обернулся к красивой молодой женщине:

— Это Лигея, моя возлюбленная. Она — мертвая принцесса, я встретил ее в Аду. — Мима улыбнулся, осознав, как это звучит. — Ли, это Орб, моя первая любовь.

Лигея протянула Орб руку.

— Марс много рассказывал мне о вас, — сказала она любезным тоном.

— А это Лила, моя наложница, — продолжал Мима, повернувшись ко второй, более смуглой женщине. — Она — демон и может принимать любое обличье.

Орб отреагировала мгновенно, даже не сразу осознав, что слышит свой собственный голос:

— У тебя есть наложница-демон? Я правильно поняла?

Лигея рассмеялась.

— Принцу мало одной женщины, — объяснила она. — Ему нужен гарем. А поскольку Лила может менять обличье, она и заменяет целый гарем. Но только когда я не в форме.

— Что-то уж больно часто ты бываешь не в форме, Ли, — сказала Лила. — Думаешь, я не замечаю, что ты отпускаешь его ко мне чаще, чем тебе необходимо?

— Принцессам положено быть великодушными, Ли, — ответила Лигея. — Кроме того, ни одна порядочная женщина не может конкурировать с демоном.

Обе улыбнулись. Очевидно, никто никого не хотел оскорбить.

— В мое время ему и одной хватало, — заметила Орб. Она решила не принимать все происходящее близко к сердцу.

— После тебя его уже никто не устраивал, — ответила Лигея.

— Ты же знаешь, я оставил тебя не по собственной воле, — сказал Мима. — Меня держали во дворце под домашним арестом, пока я не согласился прожить месяц с той принцессой, которую они мне предназначили. Политический брак, сама понимаешь. Принцессу звали Малахитовый Восторг, и ей этот брак был нужен не больше, чем мне.

— Я видела вашу фотографию, — сказала Орб. — Помоему, ты отлично вышел из положения.

— Я не собирался любить ее, но так вышло, — согласился Мима. — А потом я стал Марсом и переехал сюда вместе с женой, но ей тут не понравилось, и она ушла. Теперь я люблю Лигею. Только ты не обижайся, Орб. Если бы все сложилось иначе...

— Я понимаю, — ответила Орб. Она и в самом деле начала понимать. Мима был принцем и имел обязанности перед страной. Теперь он стал инкарнацией, но принцем быть не перестал. Женщины полагаются ему по рангу.

— А сейчас ты расскажи нам, как сюда попала и что это за демоны, — сказал Мима.

— Я искала одного человека, неправильно спела фрагмент Ллано и потом долго не могла выпутаться из мешанины разных реальностей, — ответила Орб. — Каждый раз мне что-нибудь угрожало, но я пела снова и оказывалась в следующей картинке. Демонов я встретила по дороге. Пещера, в которой они жили, вот-вот должна была обрушиться, поэтому я взяла их с собой. А теперь мне надо подыскать им новый дом.

— Я сама этим займусь, — сказала Лиля. — Я знаю, что это за порода.

— У меня есть друг — демон, — кивнула Орб. — И я знаю, что вы совсем не обязательно злые.

— Нет, особенно если мы находимся под влиянием хороших людей, — согласилась Лила. Она встала, подошла к демонам и заговорила с ними на непонятном гортанном языке.

Демоны столпились вокруг нее. Наконец-то хоть кто-то их понял!

— А кого ты разыскивала? — поинтересовался Мима.

Орб почувствовала, что краснеет.

— Я, как и ты, нашла себе другую компанию. Но мы... разошлись во мнениях, и он ушел. Его-то я и искала.

— Я не ревную к твоему другу, — сказал Мима. — Я ведь не могу больше претендовать на близкие отношения с тобой. Лигея знает, что ни один демон не в силах затмить ее в моих глазах, но ты... С тобой другое дело. Думаю, я никогда не перестану любить тебя, хотя теперь мы всегда будем только друзьями. Так что это даже к лучшему, что у тебя кто-то есть. Как зовут твоего нового знакомого? Я помогу тебе в поисках.

— Наташа, — сказала Орб.

Мима чуть не подскочил от удивления:

— Как Наташа? Никогда бы не подумал, что мужчину...

Теперь уже Орб рассмеялась:

— Но он мужчина. И он поет — как он поет! Даже лучше меня, и магия такая же сильная.

— Вот теперь я начинаю ревновать, — улыбнулся Мима. — Конечно, ты не можешь не любить его!

Вернулась Лила:

— Демоны поселятся у нас в саду. Там есть пещера, похожая на их родную. Они говорят, что Орб вылечила одного из них.

— Он был болен, — объяснила Орб.

— Я слышала, вы говорили о Наташе, — сказала Лила.

— Да. Это человек, которого я...

— Знала я одного типа с таким именем, — перебила ее Лила. — Еще до того, как ушла из Ада.

— Демон из Ада? — повторила Орб. — Это, должно быть, просто совпадение!

— Надеюсь. Это был не демон. Наташа — один из псевдонимов самого Сатаны.

У Орб перехватило дыхание. Не в силах вымолвить ни слова, она уставилась на свою собеседницу.

— Орб не станет иметь дела с Сатаной! — сказал Мима.

— Понимаю. Но я знакома с Сатаной вот уже несколько тысяч лет. Смертному трудно даже представить себе, как он коварен. И если он захочет произвести на Орб впечатление...

— Он хочет, — подтвердила Орб. — Сатана попытался жениться на мне, а Наташа меня спас.

— Не стала бы я этому верить, — сказала Лила. — Такую сцену легко подстроить.

— Но я проверяла его, — возразила Орб. — Я заставила Ната потрогать крест и спеть гимн. Вот почему он так на меня рассердился!

— Это хорошее испытание, — кивнула Лигея. — Значит, он действительно человек.

— Не обязательно, — возразила Лила. — Да, правда, что никто из созданий Ада, включая самого Сатану, не в силах прикоснуться к кресту или спеть гимн, но Сатана способен притвориться, что он это делает. Например, он может подменить крест изготовленной в Аду фальшивкой...

— Это был серебряный крестик моей подруги, а она хорошая девушка! — сказала Орб.

— Да, это затрудняет задачу, — согласилась Лила. — Но Сатана может еще надеть перчатки или показать тебе ложную руку — и ты будешь уверена, что он прикоснулся к кресту, хотя он этого вовсе не делал. Есть много разных способов обмануть смертного, и Сатана знает их все.

Орб расстраивалась все сильнее:

— Я... Я почти люблю Наташу. Мне невыносимо горько думать о нем, как... как...

— Ну конечно, это не так, — сказала Лигея.

Однако Мима все еще сомневался.

— Лучше быть уверенным наверняка, — сказал он. — Существует какой-нибудь способ разрешить сомнения Орб? Меня пугает сама мысль о том, что ее друг может оказаться Сатаной.

— Сатана всегда способен показать вам подходящую иллюзию, — заверила Лила. — Только действия свои он изменить не в силах. Ведь он — воплощение Зла!

— И какие же действия не может совершить воплощение Зла? — спросил Мима.

— Он не может совершить по-настоящему добрый поступок и не может встать на сторону Добра, если оно столкнется со Злом. Зло должно поступать соответственно своей натуре, как бы оно ни старалось прикинуться Добром.

— Так давайте попробуем устроить еще одну проверку! — предложил Мима. — Для меня очень важно, чтобы Орб больше не волновалась. Она — моя первая любовь и мое спасение, и я не хочу, чтобы ее что-то мучило! И еще я не хочу, чтобы Сатана над кем-то восторжествовал. В конце концов, он мой враг.

— Больше никаких проверок! — заявила Орб. — Я даже найти Ната сейчас не могу, и если...

— Это нужно не тебе, а мне, — сказал Мима. — Как друг и как специалист, я желаю знать, что ты не попала в плохую компанию.

— Как специалист?

— Я ведь инкарнация Войны, — напомнил Мима. — Если Сатана пытается оказать на тебя влияние, значит, у него есть какие-то свои цели, и цели эти — бесчестные. Следовательно, я обязан вмешаться.

Орб понимала, что Мима прав. Никогда он не стал бы обманывать ее, даже теперь, когда их любовь позади. Слова Лилы снова заставили ее усомниться в Наташе, и лучше было бы сразу разрешить сомнения. Орб чувствовала себя немного виноватой, но не могла придумать ничего, кроме испытания. И все же она колебалась.

— Я ведь даже не знаю, где сейчас Нат. Не знаю, как я сюда попала. И если я снова начну петь, эта картина тоже исчезнет, и я опять потеряюсь.

— Ллано — опасная вещь, — кивнула Лила. — Надо обращаться с ним очень аккуратно, иначе не оберешься бед.

— Ты знаешь, что такое Ллано? — спросил ее Мима. — Сам я только слышал о нем, не более того.

— Ллано может ввергнуть тебя в Ад и помочь тебе выбраться оттуда, — сказала Лила. — Это один из основных инструментов магии. Даже малая часть его способна вызывать чудеса. Когда Орб неправильно применила Ллано, она тут же попала в беду. Но для того чтобы все вернулось на свои места, ей достаточно уравновесить неправильно спетый отрывок — и все решится само собой.

— И вы знаете, как это сделать? — восхищенно спросила Орб.

— Знаю, — ответила Лила. — Конечно, если спою я, ничего не выйдет, я же все-таки демон, и, кроме того, я знаю лишь крошечный отрывок. Несколько веков назад меня научил один мой любовник. Это простая мелодия, она просто возвращает все на свои места.

— Покажете?

— Конечно. Примерно так... — Лила запнулась. — Минуточку, я только приму форму певицы.

Ее тело замерцало. Через минуту перед ними стояла дородная оперная певица в платье средневекового покроя.

Мелодия была простенькая и короткая — всего несколько тактов. Но силой она, судя по всему, обладала сверхъестественной.

— И это все? — спросила Орб.

— Да, — ответила Лила и снова стала соблазнительной молодой женщиной. — Как я уже говорила, мое пение силы не имеет, но у тебя получится. Сейчас эту мелодию использует Компьютер Чистилища, чтобы устранять свои собственные сбои. Хотя мелодия гораздо старше Компьютера.

Орб легко повторила простенькую мелодию. И сразу почувствовала действие магии. Как будто что-то с легким щелчком встало на свое место.

— Подействовало! — сказала Лила. — Я чувствую это! Теперь ты можешь путешествовать сознательно.

— То есть что я могу сознательно изменять реальность? — спросила Орб. — Могу очутиться в любой из этих картинок?

— Конечно. А разве ты не это пыталась сделать?

— Нет. Я просто не могла выбраться.

— Ужасно, наверное, попасть в такую переделку, — сочувственно произнесла Лигея.

— Да уж. Если бы я случайно не оказалась здесь, просто не знаю, чем бы все это кончилось.

— Все было бы хорошо, — утешила ее Лила. — В конце концов ты попала бы в какое-нибудь знакомое место.

— Но меня везде подстерегали опасности! То огромная волна, то обвал в пещере, а один раз я оказалась в спальне наедине с сатиром...

И вдруг Орб сообразила, что почти не одета. Шкура, подаренная демонами, кое-как прикрывала ее обнаженное тело. Хорошенькое зрелище она собой представляет!

— Вероятно, ты спела что-то неправильно, — сказала Лила. — Вот тебя и кидало в разные опасные места. Мы ведь тоже не исключение. Для многих душ Чистилище — лишь преддверие Ада.

— Вы не могли бы... — смутилась Орб. — Моя одежда не...

— Ну конечно, милая, — откликнулась Лигея. — У меня полно подходящих платьев. Правда...

— Правда, они исчезнут, как только ты покинешь Чистилище, — закончила Лила. — Потому что ткань, из которой они сшиты, сверхъестественная. Лучше я немного изменю твой теперешний наряд.

Она подошла к Орб.

— Но не могу же я раздеться! — запротестовала Орб и покосилась на Миму.

— И не надо, — ответила Лила. — На сегодня он и так уже нагляделся.

Лила прикоснулась к шкуре, и та начала видоизменяться, подгоняя себя по фигуре хозяйки. Через минуту это была уже не шкура, а удобное платье без рукавов.

— У тебя хорошая фигура, — заметила Лила.

— Такой уж у Мимы вкус, — вздохнула Орб, многозначительно поглядывая на обеих женщин.

— Только твоё тело смертно, — сказала Лигея. — И поэтому особенно притягательно.

— Твое — тоже, — возразил Мима.

Лигея прижала руку ко рту:

— Ой да, я и забыла! — Она повернулась и внимательно посмотрела на Миму: — Тогда почему же ты так плялил на нашу гостью, дорогой?

Мима слегка покраснел:

— Она сама не понимала, как выглядит...

— Вот они — извращенные мужские вкусы! — воскликнула Лигея. — И все мужчины такие, даже самые лучшие. Сильнее всего их возбуждает что-то недозволенное. Я уверена, что, когда ты, Орб, показывала ему все то же самое открыто, он так не паялился.

Она снова повернулась к Миме:

— Ты понимаешь, что это для тебя значит?

— В наказание меня изгоняют в гарем.

— Ты можешь принять вид зомби? — спросила Лигея у Лилы.

— Конечно. Какой свежести должен быть покойник?

Мима ужаснулся, и все три женщины покатались со смеху.

— Впрочем, я и сама могу сыграть эту роль, — продолжила Лигея. — К тому времени как он вытащил меня из Ада, я уже давно была мертва.

Лигея, как видно, полностью доверяла своему возлюбленному. Орб искренне завидовала ей, и не потому, что речь шла о Миме.

— Если мне позволят сменить тему, — сказал Мима, — то я хотел бы напомнить, что мы собирались устроить проверку. Пойду поищу этого Наташу.

Он встал и направился в замок.

— Я все время дразню его, но человек он хороший, — сказала Лигея.

— Я знаю, — ответила Орб.

— Правда, что у тебя от него ребенок?

— Правда, — удивилась Орб. — А откуда вы?..

— В архиве раскопала. Должна же я была знать, как он жил раньше. То, что случилось с тобой, просто ужасно!

— Не мне возмущаться этим, ведь Судьба — моя мать.

— Интересно, почему Сатана так заинтересовался тобой?

— Еще до моего рождения отцу предсказали, что я могу обвенчаться со Злом. Думаю, это и привлекло ко мне внимание Сатаны.

— Наверное, он воспринял это как вызов, — сказала Лиля. — У Сатаны никогда не было недостатка в женщинах — живых или мертвых, смертных или демонах. Но он, как и Марс, предпочитает то, что запрещено. Ты красивая смертная женщина, твоя мать — инкарнация, тебя предостерегли насчет его намерений... Где ж тут устоять?

— Это его личное дело, — заявила Орб. — А меня совершенно не интересует Князь Тьмы!

— Разумеется, — согласилась с ней Лигейя.

Мима вышел из замка и вернулся к ним:

— Я нашел кое-что о певце по имени Наташа. Должно быть, это и есть твой приятель, Орб. Я записал его мелодию, теперь ты его не потеряешь.

— Его мелодию?

— У каждого человека есть мелодия, с помощью которой можно его вызвать. Именно так мы, инкарнации, мгновенно находим нужных нам людей. Наверняка ни Танатос, ни Судьба не смогли бы управиться без этих мелодий.

— Так что за испытание ты придумал, дорогой? — спросила Лигейя.

— Произошло вторжение на территорию одной индейской резервации, — сказал Мима. — Еще немного, и начнется кровопролитие. Я собирался подавить это дело в зародыше, но для наших целей случай идеальный. Сразу видно, на чьей стороне Добро, а на чьей — Зло. Сатана не может принять сторону Добра. Значит, если это он, мы сразу заметим.

— Назревает война, а ты этому противишься? — удивилась Орб.

— Забавно, правда? Как Марс, я должен не разжигать войну, а контролировать ее. Иначе в мире произойдет много зла, а Сатане только того и надо.

— Так ты говоришь, я могу вызвать Ната, когда захочу? — Орб было немного не по себе.

— Да. Я предлагаю тебе вызвать его в резервацию и попросить помочь тем, кто прав. Простой смертный сможет это сделать, а Сатана — нет.

— Но если я опять начну проверять его...

— Я вас помирю, — сказал Мима. — Меня он слушает.

— Надеюсь, — вздохнула Орб. — Не хотела бы я, чтобы второй мужчина исчез из моей жизни так же, как первый.

— Думаю, твоя мать не станет второй раз подвергать тебя такому испытанию. Ведь она еще не была Судьбой, когда нас с тобой разлучили. Дай руку.

Орб взяла Миму за руку. В другой руке у него возник огромный пылающий меч. Тут же очертания сада и замка поплыли в сторону, все вокруг заволокло туманом. Через несколько мгновений они стояли неподалеку от индейского поселения. Женщины и дети складывали в мешки сушеные травы — очевидно, на продажу.

— Эта трава — волшебная, — объяснил Мима. — Индейцы владеют древней и сильной магией, поэтому волшебная трава вещь очень и очень дорогая. Это основной источник дохода племени.

— Почему они не реагируют на наше появление?

— Они нас не видят и не слышат. Все дело в моем мече. Когда ты меняпустишь, ты перестанешь быть невидимой. Но сначала я должен показать тебе Наташину мелодию. Скоро тут будет очень неуютно.

— Но ведь сейчас нет никакой опасности!

Вместо ответа Мима протянул ей цветной камешек:

— Возьми. Он защитит тебя.

Орб взяла камешек:

— Похоже на один из амулетов Мага. У Луны их много.

— Да, что-то в этом роде, — согласился Мима. — А вот и мелодия.

Он напел коротенький мотивчик.

— И это призовет сюда Наташу? — удивилась Орб.

— Да, — уверил ее Мима. — Приготовься, налетчики уже близко.

И Мима отпустил ее руку.

Орб подошла к индианкам.

— Привет, — сказала она. — Можно мне взглянуть на ваши товары?

Женщины удивленно уставились на нее, не понимая, откуда здесь взялась незнакомка.

И тут подлетел большой ковер-самолет. На нем стояли четверо головорезов, вооруженных ружьями и пистолетами. Один из них выстрелил в воздух.

— Это все — наше! — громко крикнул он.

Женщины оцепенели. Воинов в деревне не было, ведь травы всегда укладывают только женщины. А оружие осталось у воинов.

Ковер приземлился около стола с травами. Налетчики принялись грузить мешки на ковер.

К ним подошла одна из молодых женщин.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Мы работали все лето — сажали, растили, собирали, сушили... Наше племя умрет с голода, если вы...

— Заткнись, скво! — рявкнул один из головорезов. Он швырнул очередной мешок в большой ящик на ковре и снова повернулся к женщине. Она была очень красива — классическая девушка-индианка с яркими бусинами в черных волосах. — А впрочем, я передумал. Мы и тебя прихватим.

Девушка вскрикнула, но налетчик вытащил откуда-то веревку, связал несчастную и бросил на ковер.

— Мы с тобой немного позабавимся, а когда ты станешь смирной, я продам тебя на невольничьем рынке.

Орб решила, что этого более чем достаточно. Она запела, повторяя только что услышанный от Мимы мотив.

Появился изумленный Наташа.

— Кто? Почему?..

— Это сделала я, — объяснила Орб. — Разбойники хотят украсть у индейцев все их богатство и женщин тоже. Мы должны помочь беднякам!

— Но...

— Такова борьба Добра и Зла, — сказала Орб. — Ты что, не хочешь помочь?

— Эй, а это еще кто? — спросил первый налетчик, тот, что схватил женщину.

— Это правда? — поинтересовался Нат. — Вы что, действительно хотите украсть то, что по праву принадлежит индейцам?

— Ага, — сообщил разбойник и достал пистолет. — А ты против?

Нат посмотрел на Орб, потом на связанную девушку:

— Что вы собираетесь делать с пленницей?

Разбойник рассмеялся:

— Ты что, голубой? Что я, по-твоему, могу сделать со смазливой девчонкой?

И он направил на Ната дуло пистолета.

— Я вынужден попросить вас остановиться, — заявил Нат. — Вы поступаете дурно.

— Пока, голубенький, — отозвался разбойник и нажал на спусковой крючок.

Но Наташа уже начал петь.

Эффект был потрясающий. Разбойник так и застыл с пальцем на спусковом крючке. Трое его приятелей тоже замерли на месте. Песня загипнотизировала их, так же, как, впрочем, и Орб. Просто невозможно было пошевелиться, пока она звучала.

Наташа запел громче. Его голос заполнил собой все пространство. Земля дрожала, деревья роняли листву. Он повернулся к налетчикам, и все четверо упали, хотя ни с Орб, ни с индианками ничего не произошло.

Песня кончилась, и Наташа перевел дух. Разбойники без сознания валялись вокруг ковра, глядя в небо немигающими глазами.

— Давай уберем отсюда эту дрянь, — сказал Нат. Он ухватил ближайшего бандита за рукав и бросил его на ковер.

Орб бросилась к связанной женщине и быстро распутала веревки. Потом обе они принялись выгружать мешки с травами обратно на стол. Наташа в это время разбирался с остальными бандитами. Вскоре все мешки лежали на столе, а налетчики были свалены в кучу на ковре.

Наташа шагнул на ковер и снова запел. Орб узнала мелодию Песни Путешествия. Очертания ковра и всех, кто был на нем, расплылись, и через какое-то мгновение Орб и индианки снова остались одни.

Женщины недоуменно уставились туда, где только что лежали бандиты.

— Полагаю, что он просто увез их куда-нибудь, — объяснила Орб.

Появился Мима:

— Я извиняюсь за свои подозрения, Орб. Этот человек действовал в интересах Добра. — Он покачал головой. — Я думал, ты льстишь ему, утверждая, что Наташа поет не хуже тебя. Но это правда! По-моему, вы подходите друг другу.

Снова появился Наташа — возник на том же самом месте, где стоял минуту назад. Теперь он был один.

— Я выгрузил их в Сибири — такая большая степь в России, — удовлетворенно сказал гениальный певец. — Вот уж откуда им нелегко будет выбраться! Там не принято нянчиться с преступниками...

Внезапно он заметил Миму и замолчал.

— Это Марс, — представила Орб.

— Воплощение Войны? — спросил Нат. Восторга по этому поводу он явно не испытывал. — А вам не кажется, что вы поздновато сюда прибыли?

— Он... Он мой старый знакомый, — промолвила Орб.

— Ты что, воевала?

— Мы были любовниками, — сказал Мима.

Лицо Ната окаменело.

— Я никогда не интересовался прошлым Орб, — сухо сообщил он. — Это не мое дело.

Орб видела, как ускользает ее последняя надежда на примирение.

— Нат, пожалуйста, я все объясню! Это было много лет назад, когда мы с тобой еще не познакомились, и давно прошло! У него теперь есть супруга-принцесса и демон в наложницах.

Но Нат не смягчился.

— Так, значит, ты, инкарнация, ослепил своим блеском простую смертную девушку, а потом бросил ее ради принцессы?

Орб пришла в отчаянии.

— Он тогда еще не был инкарнацией, — пыталась объяснить она. — И он не бросал меня! Он был принцем и скрывался, а еще он заикался, а я родила от него ребенка..

— Непохоже на мимолетное увлечение, — обернулся к ней Нат.

— Мы любили друг друга, — кивнул Мима. — Я готов был умереть за Орб, но мой отец убил бы ее, и нам пришлось расстаться. Мучительно и несправедливо... Но теперь все это в прошлом.

— Непохоже, — сказал Нат.

— Нат, пожалуйста! — повторила Орб.

В руке у Мимы снова блеснул огромный меч.

— Вы называли меня лжецом?

Сияние меча стало нестерпимо ярким, а на губах Мимы появилась капелька крови.

— Нет, Мима, нет! — крикнула Орб. Она знала, что означает эта кровь. Мима был берсеркером!

На мгновение Нат задумался. Орб показалось, что молчание длилось целую вечность.

— Не мне называть лжецом инкарнацию, — произнес он наконец.

Мима успокоился:

— Разрешите мне внести ясность в этот вопрос. Я всегда буду любить Орб. Она лучшая из всех известных мне смертных женщин. Но то, что было когда-то романом, стало дружеской привязанностью. Я ни на что не претендую в отношении Орб, и она тоже не имеет на меня видов. У нее своя жизнь, у меня — своя. Я просто хочу ей добра...

— Вот теперь все стало яснее ясного, — сказал Нат.

— Да разве вы не видите, что она вас любит! — вскрипел Мима.

— Нет! — испугалась Орб.

— Нет? — спросил Нат, оборачиваясь к ней.

Душу Орб переполнили противоречивые чувства.

— Ну пожалуйста, — прошептала она.

— Лучше бы я не вмешивался, — сказал Мима. — Пойду-ка я отсюда.

И исчез.

— Я думал, ты считаешь меня демоном, — сказал Нат.

— Я была несправедлива к тебе, — пробормотала Орб. — Я искала тебя и заблудилась, а потом нашла Миму, и... Только, пожалуйста, не уходи больше!

— Я считал, что к любви надо относиться бережнее, чем к простому знакомству. Особенно когда твой первый роман кончился так печально.

По щекам Орб катились слезы.

— Нат, ты когда-то просил разрешения ухаживать за мной...

И тут Наташа вдруг улыбнулся.

— И еще раз попрошу! — сказал он. — Я спою тебе Вечернюю Песнь.

И без лишних предисловий запел.

Мелодия напоминала одновременно и Утреннюю Песнь, и Дневную, но была мягче и нежнее, чем обе они. Постепенно сгустились сумерки, а все кругом стало выглядеть прозрачнее и яснее. Восхищенные пением индианки превратились в красавиц, бусины в их волосах засверкали, как капли росы. Листва деревьев в ближайшей роще стала такой нежной и яркой, как будто сейчас было не лето, а ранняя весна. Песок блестел, как золото, а небо на западе расцветили нежные краски раннего заката.

Никогда еще Орб не слышала ничего подобного. Ее переполняла нежность, во всем теле чувствовалась удивительная легкость и теплота. Чувства обострились до предела. Орб взглянула на Ната и увидела, что он прекрасен. Его лицо светилось, как солнце, и невозможно было оторвать взгляд от этого неземного сияния. Нат сказал, что это Вечерняя Песнь, но Орб знала, как еще можно назвать ее. Это была Песнь Любви.

Орб шагнула к нему, раскинув руки. Ей казалось, что она не идет, а парит в воздухе. Все ее сомнения развеялись, в груди словно вспыхнул огонь. Нат замолчал, и ночь сомкнулась вокруг них. Орб бросилась к нему в объятия.

Она знала, что любит его.

Глава 13

Мать-Природа

Ты нашла его! — сказала Иезавель, когда Орб появилась в кухне.

— Откуда ты знаешь? — весело спросила Орб, глядя на пожилую женщину.

— Когда ты вернулась, здесь стало вдвое светлее.

— Я влюблена.

— Какие еще новости? Есть можешь?

— Конечно, нет!

— А все-таки попробуй.

Прямо в воздухе Иезавель сварила пару яиц, не беспокоясь о таких глупостях, как плита и кастрюля. Орб обнаружила, что есть она все-таки может.

Дверь открылась, и вошли все остальные.

— Когда свадьба? — поинтересовалась Луи-Мэй.

Орб подавилась яйцом.

— Во всяком случае, не сегодня, — рассмеялась Бетси.

— У меня что, на лбу все написано? — удивилась Орб. — Я только что разобралась в своих чувствах, а вы...

— Мы тебя дразним, — объяснила Луи-Мэй. — Из всех нас только ты до сих пор не могла найти себе друга. Мы так рады, что это наконец произошло!

— Расскажи нам все, — попросила Бетси.

Орб подняла руки в знак полной капитуляции и сказала им все.

— А теперь мне надо рассказать маме, — добавила она.

В комнате появился крошечный паучок. Он вырос и превратился в Ниобу.

— Мама уже знает, — сказала она.

— Ой, я и забыла, кто ты теперь! Ты следила за моей нитью!

— Как и за миллионами других нитей, — улыбнулась Ниоба. — Но твоя все же особенная.

— Нат не демон, — сказала Орб.

Ниоба на мгновение замолчала, как будто случилось что-то странное. Потом продолжила:

— Я пришла сюда совсем по другому делу. Твоя нить становится важным элементом паутины Судьбы. И я считаю, что пора тебе об этом узнать.

— Может, нам уйти? — спросила Луи-Мэй.

— Нет, моя милая, — ответила Ниоба. — Это и твое дело.

Она замерцала и превратилась в толстую пожилую негритянку.

— Не сомневайся, детка, — сказала Ниоба. Потом на ее месте появилась хорошенькая молодая девушка точного типа. — Да, это правда, — подтвердила она. — Любовь и юность нам тоже знакомы.

Луи-Мэй и молодые люди спокойно восприняли эти превращения — они и раньше встречались с Судьбой. Но глаза Бетси расширились от удивления.

— Моя мать — одно из воплощений Судьбы, — объяснила Орб, взяв девушку под руку. — Таких воплощений всего три — Клото, Лахесис и Атропос. Они прядут нити жизни, отмеряют и режут их. А еще каждая представляет определенный возраст. По-моему, они нанесли нам деловой визит.

Клото вновь превратилась в Ниобу:

— Видишь ли, Орб, тебе предназначено занять место одной из самых могущественных на Земле инкарнаций — Природы. Возможно, ты уже заметила, как усилилась твоя магия.

Теперь уже и Орб была поражена.

— Инкарнации? Мне?..

— Некоторыми инкарнациями можно стать почти случайно. Например, чтобы стать Смертью, нужно просто убить своего предшественника, а чтобы занять должность

Времени, достаточно завладеть Песочными Часами. Но в основном инкарнациями становятся те, кому это предназначено, потому что они такие, какие есть. Гея хочет уйти, и именно ты можешь занять ее место. Чем ближе ты к тому, чтобы заместить Гею, тем сильнее становится твоя магия. Ты уже сейчас способна выполнять некоторые функции Матери-Природы и скоро достигнешь большего.

— Но это не я, а Ллано! — возразила Орб. — Без Ллано мое пение ничего собой не представляет.

— Такова лишь часть правды, — сказала Ниоба. — Да, действительно, Ллано — один из самых могучих инструментов магии, однако немногие способны воспользоваться им. А у тебя такие способности есть. Более того, ты способна пойти еще дальше и напрямую использовать магию природы. Песни лишь помогают тебе учиться. Поэтому именно ты и можешь стать Геей.

— Я никогда не думала... Даже представить себе не могла...

— Я тоже, дорогая. Теперь же это очевидно. Тебе решать, будешь ты инкарнацией или нет. От этого решения зависит твоя дальнейшая судьба.

— Но я люблю простого смертного!

— И я не буду говорить тебе, что это неважно, — кивнула Ниоба. — Когда-то я уже была инкарнацией и любила простого смертного. И тогда я отказалась от своей должности, вышла замуж, и в результате на свет появилась ты. Я никогда не жалела о своем решении, но приняла я его с открытыми глазами. И ты тоже не должна делать такой важный шаг вслепую.

— Ты хочешь сказать, что, пока я буду инкарнацией, я не смогу выйти замуж?

— Нет, сможешь. Но существуют определенные ограничения. Инкарнация всегда сохраняет возраст своего вступления в должность. Ты не состаришься, не умрешь... Однако детей у тебя не будет.

— Не будет детей, — тупо повторила Орб.

— А твой смертный супруг состарится и умрет. И у него могут быть дети — от любой смертной женщины. Именно поэтому я и отказалась от должности, девочка моя. Если бы я вышла за твоего отца и осталась Судьбой, я не смог-

ла бы уделять ему много внимания, да и тебя бы не было. Конечно, у меня уже был один ребенок, и все же...

У Орб тоже был ребенок. Но она пришла в ужас при мысли, что никогда не сможет родить другого, не сможет вырастить его, как все нормальные матери.

— Так, значит, я должна отказаться от должности?

— Совсем необязательно. Я просто хочу, чтобы ты поняла всю важность этого решения. Ты можешь выйти замуж, можешь стать инкарнацией, можешь сделать и то и другое или не делать ничего, но в любом случае ты должна понимать, что принимаешь очень важное решение. Не торопись. Обсуди этот вопрос с друзьями. Не решай ничего, пока все как следует не взвесишь.

— Но мы ничего не знаем об этих вещах! — возразила Луи-Мэй. — Не нам...

Снова перед ними возникла Атропос, старшее воплощение Судьбы:

— Ты выйдешь замуж за своего приятеля, пока он не бросил колоться, дитя мое?

— Нет! — дрожащими губами прошептала Луи-Мэй. — Но...

— Если она, — Атропос показала на Орб, — станет Природой, она навсегда сможет избавить его от этой привычки. Вот почему это твое дело, дитя!

Старая негритянка исчезла и появилась хорошенькая девушка Клото.

— А тебя, — сказала она Иезавели, — новая Мать-Природа способна навсегда избавить от проклятия, и ты сможешь контролировать свой облик в любое время суток.

Иезавель даже побледнела от волнения:

— Да я отдала бы за это свою бессмертную душу, если бы она у меня была!

Клото уступила место Лахесис, то есть Ниобе.

— А на твоей ферме, милая, — сообщила она Бетси, — всегда будет хорошая погода. Не говоря уже о том, что твой молодой человек тоже избавится от своей пагубной привычки.

— Но я же не могу этого сделать! — возразила Орб. — Мое пение действует, однако эффект быстро проходит.

— То, что ты способна — пусть временно — помочь кому-то в решении подобных проблем, уже о многом говорит, — сказала Ниоба. — А когда ты станешь Природой, твоя сила возрастет во много раз. Ты сможешь возвращать зрение слепым, сможешь помочь стать смертными тем, кто проклят бессмертием, сможешь, например, вернуть юность старому дереву. Тебе будет подвластно все то, что имеет отношение к природе — а значит, почти все на свете. Тебе предлагается занять очень высокое положение.

Орб откинулась на спинку стула, голова у нее кружилась.

— Подумай хорошенько, дитя мое, — повторила Ниоба. Потом она снова превратилась в паука, паук вскарабкался вверх по своей паутинке и исчез.

— Похоже, это действительно наше дело! — сказала Луи-Мэй. — Ведь все наши мечты могут исполниться! Мы думали, что нам нужен Ллано, но оказалось, что все это в состоянии сделать ты!

— Мне надо подумать! — воскликнула Орб, не в силах продолжать этот разговор. — Властью так легко злоупотребить, а я почти ничего не знаю! Я искала Ллано и никогда не думала...

Она запела Песнь Путешествия и в мгновение ока перенеслась на далекий необитаемый островок — тот самый, где встретила когда-то поющую губку.

И в то же мгновение рядом с ней появился Наташа. Орб бросилась ему в объятия.

— Ох, Нат, все вдруг так запуталось! — воскликнула девушка. — Я так тебя люблю, мне казалось, весь мир принадлежит мне одной, и тут...

— Я почувствовал, что тебе беспокойно, — сказал Нат. — Потому и пришел.

— Я могу стать инкарнацией, как мама. Если захочу. Но тогда я не смогу завести семью и никогда не состарюсь.

— Не состаришься? — переспросил Нат. Его это явно не слишком огорчило. — Значит, ты всегда будешь такой, как сейчас?

Орб вспыхнула. Естественно, Нат мужчина, а значит, женская красота ему небезразлична.

— Но у меня не будет детей!

Нат нахмурился:

— А нельзя ли сначала родить ребенка, а потом вступить в должность?

— Нет! — вскрикнула Орб. Она вспомнила свою дочку, Орлин, которую пришлось отдать чужим людям, и тоска больно сдавила ей сердце. — Я хочу, чтобы у меня была нормальная семья! Хочу нянчить своего ребенка, вырастить его, как моя мама вырастила меня!

— Ну конечно, — осторожно согласился Нат.

— Но если я стану Природой, я смогу сделать столько добра...

— Я буду любить тебя всегда, будь ты инкарнацией или простой смертной, — сказал Нат. — И выбор за тебя я сделать не могу. Вот что интересно...

— Да? У тебя есть идеи?

— Мне кажется, ты и сейчас уже на многое способна. Может, для твоих добрых дел и не нужно никакого бессмертия?

Орб обдумала эту идею.

— Пожалуй, стоит проверить. Но ведь Ллано и тебе дает такую же власть. Как ты...

— Мне не предназначено судьбой стать Матерью-Природой! — рассмеялся Нат. — Я с самого детства ищу Ллано и много раз репетирую, прежде чем мне удастся исполнить каждый найденный фрагмент. Сейчас я и вовсе достиг своего потолка. А тебе стоит один раз услышать мелодию, и ты исполняешь ее так же хорошо, как я после миллиона репетиций. Ты гораздо сильнее меня. Я умер бы от ревности, если б ты не была так красива!

Внезапно он остановился.

— Или, может, ты хочешь сказать, что я тебе уже не пара? Я не буду удерживать тебя, если...

— Нет, Нат, что ты! — воскликнула Орб и поцеловала его.

— Тогда попробуй сделать все то, что ты хочешь, и пойми, что же тебе предлагают. Каким бы ни был твой выбор, я его приму.

— Спасибо, Нат. Я попробую.

Орб вернулась в Иону.

— Границы моих возможностей все время расширяются, — сообщила она друзьям. — Теперь я знаю, почему это

происходит. Раньше мне удавалось далеко не все; похоже, сейчас положение изменилось. Хотите провести эксперимент?

— Ты знаешь, чего я хочу, — отозвался ударник. — Если тебе нужны добровольцы, я готов.

Луи-Мэй искоса посмотрела на него.

— Ты говоришь о зелье? — лукаво спросила девушка, и все рассмеялись.

Иона опустил на землю. Эксперимент было решено провести снаружи, чтобы исключить влияние Рыбы.

Орб попробовала спеть Вечернюю Песнь. Это была новая для нее мелодия. Когда Орб услышала ее впервые, она осознала, что любит Наташу. Может ли эта мелодия заставить ударника отказаться от наркотика — во имя любви? Орб страстно пожелала, чтобы юноша избавился от отравляющей его жизнь привычки.

Сгустились сумерки. Солнце клонилось к закату, окрашивая облака в оранжевый цвет. Орб вспомнила слова Ната о той легкости, с которой она усваивает новые мелодии. Раньше девушка об этом не задумывалась, хотя и в самом деле всегда училась быстрее других. Действительно, мелодии из Ллано служили ей так же, как Нату, хотя она не репетировала ни разу.

Ударник вскрикнул. Орб испугалась и замолчала.

— Нет-нет, пой! — прохрипел ударник. — Действует!

Орб снова запела. Было видно, как ударника крутит и ломает, будто внутри его столкнулись две противоборствующие силы. Он снова вскрикнул, но на этот раз Орб продолжала петь. Похоже, только временное избавление от тяги к наркотику было безболезненным.

Из тела юноши выползло что-то похожее на призрачную змею. Огромная гадина крутила головой во все стороны, словно хотела найти себе новую жертву. Это была тяга к наркотику. Мелодия вытащила ее наружу и подвесила за хвост, как копченого угря или мурену. Змея шипела и извивалась, причиняя ударнику невыносимую боль. Чем дольше пела Орб, тем хуже становилось призрачной змее. В конце концов она не выдержала и растаяла облачком дыма. Ударник рухнул на землю.

Как только песня кончилась, Луи-Мэй подбежала к ударнику и крепко обняла его:

— Ну что?

— Сработало! — простонал юноша. — Это было ужасно, но теперь я свободен!

— Мы не можем быть полностью уверены, — напомнила Орб. — Только время покажет, получилось ли у нас. Покажет, в состоянии ли ты прожить без Ионы.

— Говорят вам, я знаю: получилось! Зелье мне больше не нужно!

— Надеюсь, что так, — сказала Луи-Мэй. — Давай мы с тобой останемся здесь на сутки. Если тебе ни разу не захочется принять дозу...

— Ура! — просиял ударник. — Долой единорогов!

— Фу, прекрати!

Но Луи-Мэй тоже улыбалась.

Все, кроме Луи-Мэй и ударника, снова зашли в Рыбу.

— Если у нас действительно... — начала Орб.

— Можешь проверить на мне! — хором воскликнули гитарист и органист.

— Или на мне, — добавила Иезавель.

— Сейчас мне надо отдохнуть, — сказала Орб. Она ушла в свою комнату и легла на кровать. Но успех эксперимента привел ее в такой восторг, что расслабиться не удавалось.

— Нат, где ты? — прошептала девушка.

В тот же миг Нат очутился рядом с ней:

— Ты произнесла мое имя?

Орб села на кровати и обвила руками его талию:

— Неужели ты меня услышал?

— Когда я понял, что люблю тебя, я спел еще один фрагмент Ллано, чтобы всегда слышать, как ты произносишь мое имя. Примерно то же делает Иона, когда позволяет человеку слышать, что о нем говорят. Поэтому я и услышал тебя.

— Ты знаешь про Иону? Откуда?

— Он из числа особенных созданий, которых в мире не так много. Я столкнулся с ним случайно, разыскивая Ллано, но он не стал мне помогать. Наверное, знал, что мне не дано завершить Поиск.

- Мне же он помогает! — сказала Орб.
- Потому что ты гораздо способнее меня.
- Или потому, что я танцевала для него танану.

Нат присвистнул:

— Я и забыл, что ты мастерица тананы! Когда-нибудь обязательно станцуй для меня! Но берегись, ведь при этом...

— Все мужчины сходят с ума от желания, — рассмеялась Орб. — Приберегу-ка я этот танец для более подходящего случая!

Особенно ей нравилась в Наташе его выдержка. Он ни разу не попытался воспользоваться ситуацией — не распускал руки и не делал никаких непристойных предложений. Орб знала, что Нат желает ее, однако способен контролировать свое поведение. В этом смысле он напоминал ей Миму — тем важнее для нее было его одобрение.

— Мне не стоит здесь оставаться, — сказал Нат, лишний раз подтверждая мнение девушки.

— Я хотела отдохнуть, но не могу, — пожаловалась Орб. — Нельзя ли нам куда-нибудь пойти?

— В нашем распоряжении весь мир, — ответил Нат. — Не хочешь навестить своих друзей?

— Неплохая идея, — согласилась Орб. — Но это так сложно — сначала вырасти до размеров Вселенной, потом искать крошечную точку, в которую надо попасть... Я не знаю, где сейчас мои друзья, и боюсь врываться к ним без приглашения.

— Тебе совсем не обязательно расти, да и врываться тоже. С помощью Ллано можно найти человека и перенестись к нему каким угодно способом.

— Серьезно? Я умею только расти и сжиматься, да еще один раз ошиблась и попала в круговорот постоянно меняющихся картин.

— Извини, я думал, ты все знаешь и путешествуешь таким образом лишь потому, что тебе так больше нравится. Я покажу тебе, как перемещаться иначе.

— Ой, правда?

Орб захлопала в ладоши, будто маленькая девочка.

— Например, есть мелодия, которую я использовал, чтобы слышать, как ты произносишь мое имя. Надо подумать о том, кого ты хочешь видеть, и спеть эту мелодию.

И Нат напел коротенький странный мотив.

— После этого ты будешь слышать, как тот, кто тебе нужен, произносит твое имя или даже думает о тебе. И тогда...

— Подожди, дай я сначала разберусь! — воскликнула Орб. — Ну-ка, ну-ка, на кого бы мне настроиться? А, знаю, на Тинку! Это моя подруга-цыганка.

Орб попробовала спеть новую мелодию, думая о своей слепой подруге. Она почувствовала, как сработала магия песни и между ними двумя установилась какая-то связь.

Нат покачал головой:

— Никогда не перестану удивляться тебе! Мне потребовался целый год, чтобы освоить мелодию.

— А это работает только с людьми или...

— Нет, с кем угодно, лишь бы ты была безразлична этому «кому-то». В таком случае между вами существует связь, а Ллано лишь активизирует ее.

— Тогда я настроюсь на Иону, чтобы не приходилось искать его каждый раз, когда хочешь вернуться.

— Если ты ему безразлична, должно получиться. А я думаю, что так оно и есть, иначе он не стал бы тебе помогать.

Орб снова запела, думая об огромной Рыбе. В ответ на магию песни все тело Ионы задрожало. Он знал!

— Ой, как здорово! — воскликнула Орб. — Настроюсь-ка я еще и на Луи-Мэй. Вдруг я им понадоблюсь!

Она так и поступила. Нат покачал головой:

— Ты сделала это трижды всего за несколько минут! Я вообще не могу держать несколько подобных связей одновременно!

— Прости, я не хотела смущать тебя. Я просто не подумала...

— Ты не смутила меня. Наоборот, я очень рад. Твоя сила во много раз превосходит мою — я никогда еще не встречал подобной женщины! Боюсь, что скоро я стану тебе скучен.

Орб поцеловала его.

— Не думаю, Нат. Пою я хуже, чем ты, а магия — мое свойство, а не достоинство. Своих высот ты достиг тяжелым трудом, и я уважаю тебя за это.

Она вновь принялась настраиваться на разных людей, наслаждаясь новым подарком Ната. Вдруг что-то остановило ее:

— Кто-то думает обо мне!

— Сосредоточься на этой мысли, и ты поймешь, о ком идет речь.

Орб сосредоточилась:

— Тинка! Она хочет меня видеть!

— Тогда я покажу тебе, как перенестись к ней. Продолжай держать связь и спой вот это.

Нат пропел еще одну мелодию.

Орб послушно выполнила его указания — и картинка в книжке уступила место другой, только на этот раз предыдущая картина не порвалась, а просто ушла. Вот как, оказывается, надо было использовать тот механизм, который подвел ее в прошлый раз! Впрочем, тогда она пела Утреннюю Песнь — вещь замечательную, но для путешествий совсем не подходящую. А теперь Орб знала, что надо петь на самом деле.

Новая страница открыла перед ней дом Тинки. Слепая девушка стояла у окна, хотя различить, что происходит на улице, она не могла. В этой части мира был рассвет. Лучи солнца пробивались из-за высокого гребня горы.

— Привет, — молвила Орб.

Тинка обернулась. С последней их встречи она немного располнела, но выглядела здоровой.

— Я хотела показать тебе своего ребенка, — сказала она, ни капельки не удивившись появлению подруги. Разговаривали они, как всегда, на кало, родном языке Тинки.

А Орб и забыла! Конечно, у Тинки должен быть ребенок! Ведь это она, Орб, вылечила подругу от бесплодия. И Тинка, разумеется, хочет показать ей ребенка.

Они подошли к детской кроватке. Там действительно спал младенец — здоровый красивый мальчик. Орб поняла, что Тинка располнела оттого, что кормит грудью.

— Расскажи мне, какой он, — печальным голосом попросила Тинка.

— Он очень красивый! — воскликнула Орб. Сердце ее сжалось при мысли о том, что ее собственная дочь, Ор-

лин, растет у чужих людей. Если бы она могла сама вырастить ее...

— Мне никогда так не хотелось видеть, как теперь...

Орб тут же забыла о своих горестях:

— Но ты должна видеть!

Она взяла Тинку за руки и запела Утреннюю Песнь, страстно желая, чтобы слепая девушка увидела все то, что видит она сама.

В комнате потемнело, потом начался дивной красоты рассвет. Тинка вздрогнула — магия начала действовать. Серые, белые, розовые и оранжевые облака становились все ярче, края их светились. Косые лучи солнца полукругом осветили небо, отразились от облаков, согрели замерзшую за ночь землю.

Тинка вскрикнула от восхищения. Она увидела!

Орб продолжала петь, держа подругу за руки. Появились ростки. Они выпустили листья, бутоны, расцвели, наполнили воздух благоуханием.

Песня кончилась. Тинка тяжело дышала:

— Я видела рассвет!

— А сейчас ты что видишь?

— Сейчас опять темно. Но хоть ненадолго...

— Ты тоже обладаешь магией, — сказала Орб. — Спой со мной.

Она снова взяла Тинку за руки и запела Утреннюю Песнь.

Тинка запела вместе с ней. У нее действительно были способности к магии — и к музыке тоже. Она легко подхватила мотив. Пронизывающая их магия стала вдвое сильнее, рассвет — вдвое ярче, а цветы на этот раз казались совсем настоящими.

Когда песня снова кончилась, Орб наклонилась, сорвала цветок и поднесла его к лицу Тинки:

— Что ты видишь?

— Такое красивое, с лепестками... — Тинка потянулась за цветком. — Только туманное очень...

— Давай споем еще раз! — сказала Орб.

Руки у Тинки были теперь заняты цветком, поэтому Орб обхватила подругу за талию и в третий раз запела

Утреннюю Песнь. Тинка подпевала, и в этот раз магия их была даже сильнее, чем в прошлый.

Когда звуки умолкли, цветок в руках Тинки превратился в огромный букет. Девушка не могла оторвать от него восхищенных глаз:

— Теперь все прояснилось.

— Посмотри на своего сына! — предложила Орб.

Тинка обернулась и заглянула в кроватку.

— Какой он красивый! — сказала она и заплакала.

Орб обняла подругу за плечи. Она знала, что нашла еще один способ применения своей возросшей силы. Зрение тоже находится в ведении Природы. Природа может отнять у человека зрение, а может и вернуть его. А Ллано — всего лишь инструмент. Сейчас основную роль сыграли воля Орб и готовность Тинки воспринять эту волю.

Ребенок проснулся и завозился в кроватке. Тинка взяла его на руки.

— Я буду часто навещать тебя. Надо же мне убедиться, что ты действительно прозрела! — сказала Орб. — Позови меня, если соскучишься.

Она опять испробовала новый способ путешествия, и страница послушно перевернулась, открыв картинку с ее комнатой в Ионе.

Наташи уже не было, но Орб подумала о нем, и он появился.

— Ох, Нат, я была у Тинки, видела ее ребенка и вернула ей зрение! — воскликнула Орб. — Я использовала силы Природы!

— Я рад за тебя.

— Мне действительно надо отдохнуть.

— Да, надо.

— Отведи меня куда-нибудь!

— Куда пожелаешь.

Орб задумалась.

— Я... Я хочу видеть свою дочь, Орлин. Не вмешиваться в ее жизнь, а просто увидеть. Просто... — она пожала плечами. — Но я не знаю, как настроиться на человека, который обо мне не думает.

— И это возможно, — ответил Нат. — Надо спеть вот так.

И он снова напел тот же мотив, немного изменив его.

Орб подумала об Орлин, запела и почувствовала, как волны магии облетают весь мир в поисках ее дочери. Вскоре связь была установлена.

— И я действительно могу перенестись к ней?

— Так же, как и ко всем остальным.

— Но я не хочу вмешиваться... Только увидеть, и все.

Нат улыбнулся:

— Если ты увеличишься и не сожмешься до конца, ты станешь невидимой и бесшумной, как призрак. Собственно говоря, призраки так и поступают, только они в основном не умеют делать ничего другого.

Он запел и исчез.

Орб попробовала повторить его маневр. Она почти не увеличилась — просто потеряла всю массу и стала совсем бестелесной. Теперь она снова увидела Ната. Зато сама исчезла.

— Как много я еще не знаю! — воскликнула Орб.

Голос ее тоже стал бесплотным.

— Зато ты легко учишься, — ответил Нат. Он говорил в полный голос, но Орб понимала, что, кроме нее, его никто не услышит. Они находились как бы в другой плоскости.

— Пойдем со мной, посмотрим на мою дочь, — пригласила Орб.

— Ну, если хочешь...

Орб перелистнула страницу и перенеслась к Орлин. Нат последовал за ней.

Они попали в детский сад. Девочка в испачканном платьице и удобных маленьких туфельках ждала своей очереди покачаться на качелях. Ей было уже около трех лет. Волосы Орлин, цвета гречишного меда, как у матери, зачесали в хвостик. Она выглядела ухоженной и вполне довольной.

Вдруг Орлин подняла руку, и Орб увидела на ее пальчике колечко в виде крошечной змейки. Очевидно, змейка сжала палец, о чем-то девочку предупреждая. Орлин повернула голову в их сторону, но ничего не увидела.

— Она знает, что я здесь! — воскликнула Орб. — Кольцо рассказало ей!

Она поспешила перевернуть страницу, чтобы вернуться в Иону. Нат тут же возник рядом.

— Хороший у твоей дочери защитный амулет, — заметил он.

— Я не смогу больше навещать ее! — воскликнула Орб. — Раз она знает о моем присутствии, значит, я вмешиваюсь в ее жизнь!

— Но она же твоя дочь!

— Уже нет. У нее своя судьба. Совершенно ясно, что Орлин живется хорошо — Тинка отдала ее в надежные руки. Я должна оставить ребенка в покое.

Орб повернулась к Нату, уронила голову ему на плечо и зарыдала. Да, она может стать Матерью-Природой, но ее собственному ребенку суждено расти без матери.

Концерты «Ползучей скверны» проходили с неизменным успехом. Никакая аудитория не могла устоять перед действием магии. Однако члены группы понимали, что скоро всему этому придет конец. Орб нашла Ллано и должна занять предназначенную ей должность Матери-Природы.

Ударник действительно освободился от наркотика — его тяга к зелью больше не возвращалась. Двум другим парням Орб тоже помогла победить свой порок. Их Поиск завершился. Теперь молодые люди строили планы на будущее. Все трое собирались жениться и найти какую-нибудь постоянную работу.

Орб спела для Ионы, вернув огромной Рыбе возможность плавать в воде; Иона по-прежнему возил музыкантов, но было ясно, что после гастролей он их покинет. Спела для Иезавели, чтобы та могла все время контролировать как свои желания, так и облик, и больше не нуждалась в помощи Ионы. Иезавель была демоном, и годы ее к земле не пригибали, но, если они с гитаристом того пожелают, она может сделать вид, что тоже стареет. А когда он умрет, Иезавель будет жить, как захочет — никогда больше ей не придется кидаться на всех мужчин подряд.

Орб перенеслась в Ирландию и навестила старый дуб. Дриада узнала ее, хотя спускаться не стала. Тогда Орб спела старому дереву Песнь Обновления. Тотчас мертвые

ветви ожили, а листва посвежела. Дуб помолодел лет, наверное, на сто, и дриада вместе с ним. Она спустилась вниз и дотронулась до руки Орб в знак благодарности. Большого она сделать не могла, но Орб была рада и этому.

Много времени Орб проводила с Наташей, все сильнее привязываясь к нему. Когда он был нужен, он неизменно оказывался рядом и никогда ничего не требовал. Вместе они совершали далекие путешествия, вместе пели, и при звуках их песен даже небеса, казалось, светлели, а солнце сияло ярче. Со времен предыдущего романа Орб прошло уже очень много времени, и она была рада, что сумела наконец прийти в себя.

А сила ее магии все росла. Теперь, для того чтобы изменить погоду, Орб стоило лишь подумать о нужной мелодии. Когда она занялась этим вопросом вплотную, ей удалось так повлиять на климат в районе фермы Бетси, что засухи и наводнения стали там просто невозможны. Теперь посевам ничто не угрожало. Но когда Орб помогла всем, кому хотела, она стала ощущать растущую неудовлетворенность. Ведь не одни молодые музыканты попали в зависимость от наркотика, не только Тинка страдала от физического недуга. Как же можно заботиться о частностях, пренебрегая общим?

И вот, когда гастроли подошли к концу, Орб сделала выбор. Она решила стать Матерью-Природой.

Дома, у Ионы, Орб сообщила об этом друзьям. Никто не удивился, все ее поздравили.

— Забегай к нам, когда будет время, — сказала Луи-Мэй и крепко обняла подругу. — Мы все равно останемся твоими друзьями.

— Ты сообщила Наташе? — спросила Иезавель.

— Он сказал, что примет любое мое решение.

— Мужчины часто так говорят, но далеко не всегда так думают. Лучше скажи ему побыстрее.

— Я скажу ему прямо сейчас, — заявила Орб. Она перелистнула страницу и оказалась рядом с Натом. Тот ждал ее на крошечном острове где-то в тропиках.

— Ты сделала выбор, — улыбнулся Нат.

— Да. Я откажусь от семьи и приму должность. Я буду Матерью-Природой.

— Тогда мне нужно кое-что у тебя спросить и кое о чем тебе рассказать, — серьезно промолвил Нат.

— Спрашивай и говори.

— Это совсем не пустяки. Прими должность, и я скажу тебе то, что должен сказать.

— Но ты говорил, что согласишься с любым моим решением! — встревожилась Орб.

— Я могу и хочу так поступить. А тебе придется решить, как быть со мной — после того как ты закончишь с тем, первым вопросом.

— Если ты не хочешь, чтобы я стала Природой...

— Пожалуйста, не будем сейчас об этом. Я должен рассказать тебе кое-что, но только после того, как ты примешь должность.

Орб удивленно уставилась на него:

— Что-то я вдруг перестала понимать тебя, Наташа!

— Сейчас я больше ничего не могу сказать, — ответил Нат извиняющимся тоном.

— Тогда я скажу! — заявила Орб. — Я люблю тебя и хочу за тебя замуж. И если ты не можешь жениться на инкарнации...

— По-моему, скоро у нас будет доказательство противного.

— Если бы ты только объяснил мне, что тебя беспокоит, пока... Пока еще не слишком поздно изменить решение!

Нат пожал плечами.

Рассердившись, Орб снова «перевернула страницу» и оказалась на покрытой снегом вершине горы. Она уже была здесь однажды, когда еще не научилась управлять своими перемещениями. Орб простерла перед собой руки и громко провозгласила, что хочет стать Геей.

И почувствовала, как ее сознание начинает расширяться. Не тело, а именно сознание. Орб знала теперь обо всем, что происходит в мире, о каждой живой твари и о каждом неживом предмете. Разум Орб пронизывал весь мир, охватывая все, что имело отношение к природе. Орб действительно стала Природой.

Голод в Африке из понятия превратился в часть ее самой, так же как холод полярных районов и экваториаль-

ная жара. Орб принадлежало все счастье мира — и все горе тоже.

Теперь она понимала, почему прежняя Гея готова отказать от должности. Какая же это огромная ответственность! Внезапно могущество нового положения показалось Орб ничтожным по сравнению с грузом ответственности. Как можно в одиночку управляться с делами мира!.. Орб была потрясена и подавлена.

И вдруг ей почудилось, что кто-то настойчиво тянет ее к себе. Орб последовала этому вызову, перевернула страницу и оказалась в Чистилище, у входа в собственную резиденцию. С виду резиденция скорее походила на огромное дерево, но это была лишь видимость. По желанию Орб дерево могло превратиться во что угодно. Просто прежней Гее хотелось видеть здесь дерево.

Из «дерева» вышел молодой человек.

— Я — один из ваших помощников, — сказал он. — То же инкарнация, только из малых. Мы решили, что передачей дел займусь я и я же буду помогать вам, пока вы не освоитесь. Штат помощников набран из специально обученных душ. Они будут продолжать служить вам, если вы не распорядитесь иначе.

— Кто вы? — удивилась Орб. — По-моему, мы уже встречались...

— Вполне возможно, ведь я совсем недавно имел с вами дело. Я — Эрос.

— Эрос! То есть вы — воплощение...

— Да, воплощение Любви, — подтвердил юноша.

Орб решила обсудить пока что более насущные проблемы.

— Вы знаете, как надо управлять всем этим?

— Я знаю, как это делалось до сих пор. Все решения принимать вам, но мы будем стараться помочь. Возможно, вы захотите поговорить с другими малыми инкарнациями из тех, что работают с нами — например, с Фобосом, Деймосом, Надеждой или...

— Всему свое время, — ответила Орб. — Сначала мне нужно закончить одно дело. Вы сможете пока обойтись без меня?

— Как прикажете, Гея.

— Так и прикажу. Я скоро вернусь.

Орб знала, что должна вернуться сюда и приступить к своим новым обязанностям. Но она просто не могла отложить надолго объяснение с Наташей.

Орб перелистнула страницу и оказалась снова на острове, где ее ждал Наташа.

— Ну вот, теперь я — Гея. Говори!

— Между нами не должно быть больше лжи, — заявил Нат.

— А что, раньше была? — лукаво удивилась Орб.

— Да. Я все объясню. Только не отвечай на мой вопрос, пока не выслушаешь все до конца.

— Я выслушаю, — согласилась Орб.

— Гея, я прошу тебя выйти за меня замуж.

Орб заметно полегчало. Она уже начала было опасаться, что Нат передумал. Но промолчала, помня его предупреждение.

— А теперь я должен сказать тебе, что с самого начала наши отношения были построены на лжи. Я вовсе не тот человек, которым представлялся. Над нами тяготеет пророчество.

— Какое пророчество? О чем? — тупо переспросила Орб.

— О том, что ты можешь обвенчаться со Злом.

— Но...

— Напиши мое имя задом наперед.

Орб послушно выполнила указание. Наташа, написала она. Сатана*.

— Да, Сатана. Это и есть истина. Я — такая же инкарнация, как и ты теперь. Только я — инкарнация Зла.

Орб в ужасе уставилась на него. Сбылись ее худшие опасения, сбылись по вине человека, которого она любит.

* Natasha. Наоборот будет: «Ah, Satan», то есть «Ах, Сатана».

Запретная Песнь

— Ты, конечно, растерялась, — продолжал Нат. — Именно поэтому обязательно выслушай мое объяснение. Попытка лишить силы верное пророчество — вещь очень опасная. Когда инкарнации поняли, что предсказание о вашем с Луной возможном замужестве не фальшивое, они, разумеется, пришли в ужас. Но предсказание содержало одно коротенькое слово — «может». А значит, было еще на что надеяться и было о чем договариваться.

— Договариваться! — фыркнула Орб.

— Чтобы защитить Луну от моего влияния, твоя мать пошла на компромисс и поменяла вас ролями. Она обещала следить, чтобы твоя нить проходила в стороне от политики, а я обещал не причинять тебе зла. Таким образом, она негласно согласилась с тем, что я проявлял к тебе интерес.

— Моя мать никогда...

— Конечно, впоследствии она не раз жалела об этом, как и все остальные инкарнации, особенно Марс, когда его ввели в курс дела.

— Марс? Но Мима сказал, что ты хороший человек!

— Не совсем так. Во всяком случае, после этого я пригляделся к тебе поближе и понял, что тебе предназначено стать воплощением Природы. Естественно, это способствовало усилению моего интереса. Кроме того, я увидел, что ты очень похожа на свою мать, которую я знал еще в

те времена, когда она в первый раз была инкарнацией. Она была прекраснейшей женщиной своего поколения, бельмом у меня на глазу. Должен признаться, я был безумно влюблен в нее.

— Ниоба ни за что бы не...

— Верно, — кивнул Нат. — Она не желала иметь со мной ничего общего. Но когда я увидел, как ты похожа на нее — внешностью, манерами, — я понял: ты способна разбудить во мне те же чувства. А потом мне пришло в голову, что союз между воплощениями Зла и Природы...

— О нет!

— Такой союз даст мне власть над миром смертных. Наконец-то у меня появилась возможность победить своего Извечного Врага. Поэтому...

— Нет! — кричала Орб. — Нет!

Она уже поняла, что он хочет сказать.

— Естественно, все инкарнации были против. Но Ниоба уже договорилась со мной относительно твоей нити, да к тому же существовало пророчество, смысл которого внезапно начал проясняться. В результате мы все пришли к соглашению. Мне разрешалось ухаживать за тобой, а остальные инкарнации не должны были вмешиваться...

— Они никогда бы...

— Но, дорогая, они же думали, что у меня ничего не получится! Ведь я согласился ухаживать за тобой с помощью одной только лжи, а это моя, как ты понимаешь, специальность. Мне надлежало лгать тебе при каждой нашей встрече, и так до самого конца. Но конец уже наступил, и вот, впервые, я говорю тебе правду. Я — Сатана, я — воплощение Зла, и я люблю тебя и хочу на тебе жениться.

Орб была не в состоянии поверить услышанному. Может, Нат говорит все это нарочно, испытывает ее любовь? И что ей теперь делать? Орб смогла придумать только один выход — надо начать рассуждать, взяв за основу заявление Наташи, и попытаться найти в нем противоречие.

— Ты говоришь, что ты Сатана и что ты все время лгал мне. Но ведь те фрагменты Ллано, которые я узнала от тебя, настоящие! Они действуют! С их помощью я исцеляла людей, путешествовала по всему свету...

— Я объясню тебе, что значит «обманывал все время». Лгать в каждом слове невозможно, и невозможно сделать так, чтобы ложью стала каждая ситуация. Это приведет к противоречиям, и обман тут же раскроется. Ложь должна быть внутренне согласованной, иначе она безрезультатна. Таким образом, как ни смешно, большую часть лжи всегда составляет правда. Правдивость отдельных частей придает правдоподобие всей конструкции в целом, а она-то и есть ложь, которой иначе могли бы и не поверить. Если хочешь, приведу простую математическую аналогию. При перемножении двух отрицательных чисел получается число положительное, но если перемножить несколько положительных чисел, а потом взять произведение с отрицательным знаком, результат будет отрицательным. Так и здесь — правда, взятая с отрицательным знаком, становится весьма убедительной ложью.

— По-моему, я запуталась, — пробормотала Орб.

— То, что я рассказывал тебе о Ллано, — правда. Но, рассказывая тебе кусочки правды, я намеревался обмануть тебя в главном, убедить, что я — не Сатана. Таким образом, маленькие кусочки правды служили одной большой лжи.

— Но я же проверяла тебя! Я убедилась, что ты не можешь быть ни Сатаной, ни даже демоном!

— Испытание не имело силы. Я обманул тебя.

— Ну нет, в это я поверить не могу! Я заставила тебя прикоснуться к серебряному кресту, спеть гимн...

Нат кивнул:

— Понимаю, поверить трудно, но я все же должен рассказать тебе правду. Я сделал то, о чем инкарнации не подумали — показал тебе три разных видения, которые были ложью, хоть и включали в себя правду. Лишь малая часть этих видений истинна в реальном мире.

— Ты меня снова запутал!

Орб была уверена, что идет какая-то игра. Игра эта ей совсем не нравилась, но раз уж начала, надо доигрывать до конца.

— И что же это за видения?

— Каждое из них было связано с Песнью. Три Песни — три видения. Я имею в виду Песнь Пробуждения, Песнь

Силы и Песнь Любви — три из пяти основных тем Ллано, Песни Песней, если ты позволишь мне назвать его так. Я солгал тебе, сказав, что знаю лишь отдельные фрагменты Ллано. Я знаю все, но пользоваться мне дано только фрагментами.

— Пять тем? — переспросила Орб. Новые сведения на мгновение отвлекли ее от темы разговора. — А остальные две что такое?

— Песни Утраты и Распада. Ты бы назвала их Ночная Песнь и Песнь Хаоса. Но ты никогда не захочешь их петь.

— Почему?

— Орб, не уходи в сторону! Я обязан рассказать тебе сейчас, как именно я тебя обманывал, чтобы ты наконец поверила и могла...

— Научи меня этим мелодиям, — потребовала Орб.

— Гей, я пытаюсь рассказать тебе правду, а эти Песни — чистое Зло! — Нат заметно разволновался. — Я сам — воплощение Зла и знаю, что говорю! Пять тем Ллано соответствуют пяти Стихиям, или пяти Царствам, а, как тебе известно, некоторые из них весьма опасны. Может, когда-нибудь у тебя и возникнет необходимость спеть Ночную Песнь, но никогда — Песнь Хаоса, и я обманул бы тебя снова, если бы...

— Пять Стихий?

Снова Орб отвлеклась на детали. Видимо, таким образом ее сознание пыталось ускользнуть от той страшной правды, которую ему навязывали.

— И пять Царств. Но...

— Царства растений, животных, минералов...

— Демонов и духов, — закончил за нее Нат. — Но ответственность здесь чисто формальное. На самом деле каждая тема Ллано взаимодействует со всеми Стихиями и Царствами. Именно поэтому власть Природы так велика — для тех, конечно, кто научился пользоваться силами Природы. Постигание занимает годы, десятилетия...

— Ты утверждаешь, что теперь говоришь правду, — неумолимо прервала его Орб. — В таком случае научи меня этим темам.

Нат вздохнул:

— Как трудно Сатане творить добро — пусть даже косвенным путем. Если ты настаиваешь...

— Да.

Орб понимала, что ухватилась за что-то, не относящееся к делу, но сейчас ей нужно было поверить хоть чему-нибудь, как-то сориентироваться. Пусть Нат выполнит ее просьбу, вместо того чтобы рассказывать все эти отвратительные вещи.

— Хорошо, я тебя научу. Только заклинаю, не пой Ночную Песнь, не посоветовавшись предварительно с остальными инкарнациями, и никогда не пой Песнь Хаоса, ибо эта тема запретна.

— А зачем она тогда существует?

— Затем, что это самое страшное оружие против меня, — неохотно признался Нат. — Последнее оружие, на случай, если больше ничего не подействует. Но поверь мне, цена слишком велика! Я люблю тебя, Гея, и...

— Начинай.

Нат запел Ночную Песнь. Настала ночь. Черная непроглядная тьма поглотила все вокруг. Не осталось ни образов, ни звуков — ничего. Лишь когда Нат замолчал, к Орб вернулись нормальные ощущения.

— Но если споешь ты, — сказал Нат, — это будет уже не иллюзия. Это...

— А другая мелодия?

Нат спел Песнь Хаоса. Никакая магия не проявилась. Звучала обычная мелодия, напоминавшая чем-то остальные четыре темы Ллано. Однако они были так бестолково перемешаны, что мелодия казалась одновременно рваной, неуклюжей и какой-то неприятной. Орб она совсем не понравилась, но что же в этом ужасного?

— И все? — разочарованно спросила она.

— В моем исполнении эта тема не имеет силы. Ни в моем, ни в чьем-нибудь еще. Только ты, Гея, можешь пробудить ее магию. У каждой инкарнации есть свое оружие, которому не в силах сопротивляться другие инкарнации. Даже я. Даже мой Извечный Враг. И Песнь Хаоса — оружие Матери-Природы. Прошу, умоляю, заклинаю тебя, Гея, никогда не применяй это оружие! Я и так уже твой пленник!

— Но если ты говоришь правду, выходит, что ты мой заклятый враг! — воскликнула Орб. — А если нет...

— Я говорю правду. Все обстоятельства, сопровождавшие твоё знакомство с каждой из этих трёх тем, иллюзорны. Только сами Песни были истиной в этих видениях.

— Я использовала магию Песней и без тебя! Я вернула Тинке зрение, помогла молодым ребятам избавиться...

— Песни настоящие. Это придавало видениям правдоподобие. Все остальное тебе лишь чудилось.

Орб казалось, что голова её вот-вот лопнет от избытка неприятной информации. В груди похолодело. Но девушка все ещё пыталась опровергнуть Ната.

— То есть ты утверждаешь, что когда мы впервые встретились и ты спас меня от Сатаны, который...

— Это был не Сатана. Это был демон в роли Сатаны. Но видение началось гораздо раньше.

— Раньше... — задумалась Орб. — Не хочешь же ты сказать, что... что это началось... когда я разговаривала с инкарнациями? С мамой и с Геей?

— Это были демоны в их обличье.

— Но они предупредили меня о ловушке и рассказали, как избежать её!

— Избежать, спев дуэт с неким Наташей, — согласился Нат. — Весь сценарий был разработан для того, чтобы ты согласилась со мной познакомиться. А потом было ещё видение с танцующими скелетами...

— Видение? — снова поразились Орб.

— С момента, как ты проснулась, и до момента, как Иона повернул обратно к Гавайям, всё было видением. На самом деле никакой грозы не было.

— Танатос и Хронос предупреждали меня, что ты...

— Тоже демоны. Настоящие инкарнации не стали бы помогать мне таким образом. Твои испытания были обманом — в моих видениях все играют по моим правилам. Конечно, на самом деле я не смог бы пройти подобную проверку.

— Ты так рассердился на меня тогда...

— Нет, я только притворился рассерженным.

— А когда я искала тебя... Все эти рвущиеся картины...

— Тоже видения, пьеса по моему сценарию. В жизни твой бывший любовник Мима действительно стал Марсом, и живет он с мертвой принцессой, а в наложницах у него демон — все, как ты видела. Но беседовала ты с тремя демонами. И когда я пел, там, в деревне, я не совершил никакого доброго дела, потому что не было ни добра, ни зла — одна игра.

Орб почувствовала, что начинает верить.

— И все видения...

— Были частью моего ухаживания, — сказал Нат. — Все это для того, чтобы ты полюбила Сатану и вышла за меня замуж, как сказано в пророчестве.

— Я... А как же все это терпели остальные инкарнации?

— Повторяю, мы с ними договорились. Они думали, что я не смогу ничего добиться с помощью одной только лжи — тем более если учесть, что в конце я все же должен открыть тебе правду. До женитьбы. Они считали, что в этот момент ты с отвращением отвернешься от меня.

Голова Орб отчаянно кружилась.

— Я не в силах поверить! — воскликнула она. Хотя в глубине души уже поверила.

— Я буду рад показать тебе свои владения. Думаю, это тебя убедит. Или можешь спросить у других инкарнаций.

— Но почему? Какое тебе дело до старого пророчества?

— А если я скажу, что люблю тебя, ты мне уже не поверишь?

Наташа произнес это так искренне, что Орб очень захотелось поверить ему. Но верить было нельзя.

— Ты — Сатана, а значит, не можешь не лгать! Я не должна тебе верить!

— Тогда я скажу, что хотел получить ту великую власть, которую даст мне союз с воплощением Природы. Мы с тобой вместе способны изменить равновесие в сторону Зла, и мой Враг не восторжествует в последний момент. Не будет того кризиса власти, в разрешении которого должна сыграть большую роль твоя родственница Луна, ибо к тому времени победа уже будет за мной.

— Луна! И ты хочешь, чтобы я ее предала?

— Объединись со мной, и Зло не коснется ни ее, ни тех, кого ты решишь взять под свою защиту.

— Но Сатане нельзя доверять!

Нат протянул ей правую руку:

— Сделай надрез, и я поклянусь своей кровью. Я принесу любую клятву, какую ты пожелаешь. Таковую, которой ты сможешь поверить.

Орб в ужасе уставилась на Наташу — теперь он ее убедил.

— Так ты действительно Сатана, и ты сделал все это ради власти?

— Ради любви и власти. Да, это так.

— Уходи, — просто сказала Орб.

Нат исчез.

После его ухода Орб еще долго неподвижно сидела на берегу острова и глядела на волны. Небо постепенно затянуло серыми тучами. В мире воцарилось безмолвие. Поверхность океана тоже стала серой и гладкой, как стекло. Даже воздух казался серым.

Наконец Орб нарушила тишину. Она запела Ночную Песнь, и на землю упала тьма — неосязаемая, гнетущая, беспросветная. Остров, небо и океан дрожали от сильнейшей магии Ллано. Продолжая петь, Орб увеличилась и увидела, что тьма окутала весь земной шар. И такой же беспросветный мрак царил у нее в сердце.

Но и это показалось Орб недостаточным. Она пережила крушение любви, ей было так плохо, что хуже и не бывает. Нат обманул ее решительно во всем, и печаль не могла выразить бушевавших ее чувств. Как хитро были спланированы все эти видения, как ловко он воспользовался ее простодушием! «Разве ты не видишь, что она любит тебя!» — сказал тогда лже-Мима Наташе, а она еще доказывала, что их роман остался в прошлом, доказывала Сатане! Он направлял ее чувства, заставлял плясать под свою дудку! Нет, печаль тут ни при чем, самое подходящее чувство — не печаль, а гнев! Что бы такое натворить, чтобы дать выход своей ярости?

Орб снова обратилась к Ллано и почувствовала, что самая сильная тема — это Песнь Хаоса, Запретная Песнь. Не помня себя от гнева, она запела эту Песнь, и во всем

мире начались какие-то непонятные процессы. Страсть придавала пению Орб еще большую силу, но смысл происходящего ускользал от нее. Она просто дала наконец выход тем чувствам, которые Сатана вызвал у нее своими разоблачениями.

Призванные ею силы привели в движение все пять Стихий — Воды, Воздуха, Огня, Земли и Пустоты. Но ничего не случилось, по крайней мере сразу. На поверхность океана снова легла легкая рябь, да солнце стало светить чуть поярче — вот и все.

Орб была разочарована. Она дала выход гневу, применив свое самое страшное оружие, и все это впустую!

Жара усиливалась. Над водой поднимался пар. Орб стало неуютно на влажном, жарком островке, и она перелистнула страницу, чтобы вернуться в Чистилище.

Эрос все еще дожидался ее. Он был предельно мрачен.

— Что случилось? — спросила Орб.

— Зря вы призвали Силы Хаоса, — ответил юноша. — Трудно будет выпутаться из этой ситуации.

— Ну и наплевать! — воскликнула Орб. — Сатана сыграл со мной чертовски скверную шутку! Могу я разозлиться, в конце концов!

— Разозлиться-то можете, но это не дает вам права призывать на Землю Хаос. Этот процесс никак нельзя остановить.

— Вот и хорошо! Я и не желаю его останавливать! Я еще покажу...

— Это безответственно... — начал было Эрос, но Орб уже перевернула страницу и вернулась к Ионе.

Гастроли уже закончились. Музыканты ждали только, когда Орб станет Природой. Тогда они тоже разойдутся в разные стороны и начнут новую жизнь. Первой Орб заметила Иезавель.

— Ты вернулась! Ну как?

Орб тяжело вздохнула:

— Я стала Геей и поговорила с Натом. Ужасно. Он...

И тут Орб зарыдала. Иезавель обняла ее за плечи. Орб даже не подумала о том, как это странно смотрится — демон утешает рыдающую инкарнацию Природы. Ей просто нужна была чья-то поддержка.

Когда Орб немного успокоилась, все уже собрались вокруг нее.

— Наташа — Сатана, — выдавила она убитым голосом. — Все доказательства были ложью. Он хочет, чтобы я помогала ему творить Зло.

— Но ведь он трогал мой крестик! — возразила Бетси.

— Это было видение. На самом деле он ничего не трогал, нам это приснилось.

— Демоны не спят! — возразила Иезавель.

В голове Орб как будто что-то щелкнуло.

— Это был сон! — воскликнула она. — И танцующие скелеты, и крест, и гимн, и все остальное! А Иезавель никогда не спит! Неудивительно, что она ничего не помнила! Если бы только я вняла этому предупреждению!

— Ты хочешь сказать, что ее тогда здесь не было?

— Конечно, меня здесь не было! — сказала Иезавель. — С тех пор я уже поняла, о чем вы говорите — у всех вас было какое-то приключение, в котором я не участвовала. Но я не подумала о Сатане — о том, что именно он все подстроил. Я подвела тебя, Орб!

— Нет, Иззи, что ты! — запротестовала Орб. — Я сама себя подвела! Мне так хотелось поверить в его фальшивые доказательства, что я и не подумала поговорить с тобой!

— У тебя просто не было времени разобраться, — сказала Луи-Мэй. — Сатана очень хитер, этого у него не отнимешь.

— Дьявольски хитер, — горько промолвила Орб.

— Что стряслось с погодой? — спросила вдруг Бетси. — Такой вдруг туман поднялся...

— Боюсь, это по моей вине, — призналась Орб. — Я очень рассердилась и спела новую тему из Ллано, Ночную Песнь, а потом, кажется, призвала Хаос.

— Хаос! — воскликнула Иезавель. — Он враг всему, что появилось после него! Хаос стремится уничтожить и мертвых, и Ад, и... — она запнулась, — и то, хорошее место...

— Но сейчас Хаос не властен над миром, — сказала Орб.

— Нет, если не давать ему этой власти, — мрачно сказала Иезавель. — Знаешь, как бывает, когда призовешь зло-

го демона? Если у тебя плохая защита, ты уже не сможешь изгнать его, и он натворит бед. Если Хаос завладеет...

— По-моему, лучше мне посоветоваться с кем-нибудь, — сказала Орб и закрыла страницу с Ионой.

Она решила поговорить с матерью.

Ниоба была у себя дома, в Чистилище. С виду ее резиденция напоминала огромную паутину, внутри которой прятался шелковый домик.

— Да, это серьезные неприятности, — сказала Ниоба. — Я запросила здешний компьютер, и он ответил, что результаты твоего поступка непредсказуемы. Хаос может сам себя остановить, ведь он по сути своей случаен, но более вероятно, что случится что-нибудь ужасное. Зачем тебе понадобилось играть в такую опасную игру, да еще сейчас, пока ты так неопытна?

— Ты же знаешь, какой у меня характер, — уныло ответила Орб. — Когда я обнаружила, что все мои представления были ложью... — она помолчала, потом спросила: — Ты не приходила ко мне на равнину Ллано предупредить о ловушке Сатаны?

Ниоба покачала головой:

— Мы дали слово не вмешиваться.

— Значит, правда, что ты заключила сделку с Сатаной?

— Правда. И я, и другие инкарнации. Пророчество было слишком туманным. Никто из нас не знал, чем все это может кончиться. Знал разве что Хронос, но он никому ничего не рассказывает. Мне оставалось только верить, что тебя не удастся ввести в заблуждение.

— Ты ошибалась, — с трудом произнесла Орб. — Я... я полюбила наваждение, и во многом причиной этому послужили поступки инкарнаций — точнее, тех, кого я считала инкарнациями. В том числе и твои. А потом я узнала, что полюбила Сатану. Что же мне было делать?

Ниоба покачала головой:

— Каждой инкарнации приходится бороться с Сатаной, и это всегда очень трудно. Мне пришлось спуститься в самый Ад и найти там душу Мага. Только с его помощью я смогла понять, как мне воспрепятствовать осуществлению очередного плана Сатаны. Марс едва не позволил всем людям погибнуть в братоубийственной войне,

прежде чем справился с тем, что Сатана придумал для него. А теперь твоя очередь. И я ничем не могу тебе помочь.

— Именно Мима... Марс... Поддельный Марс убедил меня, наконец, в том, что Нат не... не то, что он есть на самом деле. Очередная иллюзия!

Орб вздохнула:

— А правда, что Марс живет с мертвой принцессой и имеет наложницу-демона?

— Правда, — кивнула Ниоба. — Но он никогда бы не толкнул тебя в объятия Сатаны.

— Я была такой наивной, — произнесла Орб. — Когда Сатана рассказал мне наконец, кто он такой, я просто не поверила ему! А когда поверила, захотела как-нибудь отомстить. Вот я и запела. И спела самую сильную мелодию, какую только могла. Думаю, тут повлияло еще и то, что сам Сатана умолял меня не делать этого. А теперь я даже точно не знаю, что натворила.

— И никто не знает, дорогая. Возможно, Хронос мог бы как-нибудь исправить ситуацию, если...

— Ты хочешь сказать, что он мог бы повернуть время? А разве это не опасно?

— Опасно. Но дело даже не в этом...

— А в чем же?

— Мы обещали ничего не предпринимать, пока не разрешится вопрос с пророчеством. И если Хронос попробует сейчас что-нибудь сделать, он нарушит обещание.

— Но вопрос уже решен! — сказала Орб. — Теперь я все знаю и никогда в жизни не соглашусь выйти за Сатану!

— Вопрос будет решен только тогда, когда Сатана сам признает свое поражение. Такова традиция.

— Что нужно для того, чтобы он признал поражение? — сердито спросила Орб.

— Этого никто не знает заранее. Раз на раз не приходится. Нам остается только ждать.

— Выходит, мы ничего не можем сделать, чтобы остановить Хаос?

— Боюсь, что да. Это как болезнь, которая должна сама пройти. Но приглядывать за больным все-таки надо.

— Я постараюсь, — сказала Орб.

Она обняла мать на прощание и вернулась в Иону. Вернулась и испугалась.

Гигантская Рыба попала в шторм. Вода больше не причиняла Ионе вреда, но ветер так раскачивал огромное тело, что музыканты постоянно вынуждены были хвататься за все подряд, чтобы не упасть.

— Почему Иона не уплывет отсюда? — спросила Орб, в свою очередь цепляясь за что-то, чтобы удержать равновесие.

— Он пытался, но становится только хуже, — сказала Иезавель. — Никогда еще не видела такой скверной погоды! Единственное, что он сумел, — это посадить Бетси и органиста на ферме. Они передают тебе свои соболезнования.

Орб выглянула наружу через одну из прозрачных чешуек. Там определенно свирепствовала буря. Как жаль, что Бетси и органист не остались с остальными!

— Пойду оценю бурю, — сказала Орб. — Оставайтесь с Ионой, здесь, может, и неудобно, зато безопасно.

Орб быстро увеличилась и расплылась огромным туманным облаком, пытаясь понять, где же кончается буря.

А буря нигде не кончалась. Где-то она была посильнее, где-то послабее, вот и вся разница. Дождь лил повсеместно. Очевидно, во всем были виноваты влажность и сильное потепление.

Но если везде так жарко, то что же творится на полюсах? Орб быстро выросла до размеров земного шара, чтобы выяснить этот вопрос.

На полюсах тоже было жарко. Полярные шапки таяли с такой быстротой, что Орб поняла — через несколько дней от них ничего не останется.

А как же уровень мирового океана? Что станет с городами на побережье? С низинами? С долинами рек? Неужели все это затопит?

Орб отыскала бродячий индийский цирк, в котором они с Мимой когда-то познакомились, и снова сжалась позади одного из фургонов.

Сезон дождей оправдывал свое название. Или сейчас не сезон дождей? Орб не помнила, но боялась, что так

оно и есть. Все фургоны стояли — дорогу размыло и ехать дальше было невозможно.

Орб мгновенно промокла до нитки и побежала к ближайшему фургону. Похоже... Ну точно! Это фургон русалки.

Орб постучалась, чтобы предупредить хозяйку о приходе гостей, потом толкнула дверь и вошла в фургон.

— Орб! — воскликнула русалка. — Сколько лет, сколько зим!

И что дальше? Орб не хотелось признаваться, что именно она виновата в происходящем. Но вода поднимается. Необходимо предупредить друзей об опасности.

— Столько всего случилось, — сказала Орб. — Но сейчас я пришла вас предостеречь. Этот дождь... Короче, может стать еще хуже. Лучше бы вам перетащить фургоны куда-нибудь повыше.

Русалка покачала головой:

— Дороги размыло. Придется нам переждать дождь здесь.

— Но может начаться наводнение!

— Меня-то этим не испугать, — улыбнулась русалка. — Ты же знаешь, я не утону. Хотя все остальные и животные... Боюсь, им не поздоровится. А колеса уже завязли, так что с места нам все равно не сдвинуться.

Орб поняла, что русалка права. Цирк не сможет уехать отсюда.

— Ну, надеюсь, все обойдется, — сказала она и пожала на прощание руку русалке.

Выйдя из фургона, Орб попробовала исправить ситуацию. Она попыталась призвать Стихии и изменить погоду на сухую и холодную. Но власть над Стихиями принадлежала теперь Хаосу. Орб оказалась так же беспомощна перед капризами погоды, как и все остальные.

Она перелистнула страницу и попала в Ирландию, к старому дубу на болоте. Это место всегда вызывало у нее ностальгию. Помолодевшая дриада сразу спустилась вниз поздороваться с гостьей. Но дождь и здесь успел натворить бед, и ветер безжалостно обрывал листву с дерева.

— Боюсь, может начаться наводнение, — сказала Орб.

Дриада согласилась — она была очень озабочена происходящим. Уровень воды в болоте уже угрожающе поднялся.

— И это по моей вине, — уныло продолжила Орб. — Я... Я полюбила иллюзию, а когда поняла свою ошибку, очень разозлилась и спела то, чего не следовало.

Дриада легонько прикоснулась к ее руке в знак понимания. Но Орб не стало легче.

— Надеюсь, тут все же не слишком плохо...

Дриада ободряюще улыбнулась.

Орб снова перелистнула страницу и перенеслась во Францию, к Тинке.

Лил дождь. Крыша дома протекала, и вода капала прямо на пол. Везде были расставлены кастрюли. Ребенок плакал. Тинка пыталась успокоить его пением, но вой ветра заглушал ее голос.

Увидев Орб, Тинка радостно улыбнулась. Она все еще не могла нарадоваться обретенному зрению. Однако Орб ответила ей хмурым взглядом:

— Боюсь, скоро будет еще хуже. Может даже начаться наводнение. Бери ребенка и перебирайся в место повыше.

— Нет, мне надо дожидаться мужа, — сказала Тинка. — Когда он вернется, попытаемся куда-нибудь уйти.

— Надеюсь, все будет хорошо.

Но Орб до тошноты боялась, что хорошо-то как раз и не будет.

Она побывала еще во многих местах, и дождь лил везде. Температура тоже продолжала расти — налицо был парниковый эффект. Полярные шапки уменьшались с угрожающей скоростью. На побережье, в зонах высоких приливов, вода уже заливала города. День мало чем отличался от ночи — все то же серое ненастье.

Орб вернулась в Иону. Рыба бросила бороться со стихией и плыла теперь под землей. Так было спокойнее.

— Везде одно и то же? — спросила Иезавель.

— Везде, — мрачно подтвердила Орб. — Полярные шапки тают, уровень моря поднимается, а дождь льет, не переставая. И я не могу остановить его — я потеряла контроль над Стихиями.

— Тогда тебе надо отдохнуть, — заботливо предложила Луи-Мэй.

— И поесть, — добавила Иезавель. — Я как раз испекла черничный пирог.

Орб попыталась поесть, но аппетита у нее совсем не было. Отдохнуть тоже не получилось: не давали покоя мысли о последствиях ее неосторожного поступка. Вскоре она уже вновь листала страницы, переносясь из одного места в другое.

У подножия старого дуба плескалась мутная вода — болото затопило. Дриада забралась повыше и смотрела вниз, на новоявленное озеро.

— Корням нечем дышать, — сказала она. Боль дерева была ее собственной болью.

Орб ничего не смогла на это ответить и, вздохнув, отправилась в Индию.

Там тоже уже началось наводнение. Колеса фургонов по самые оси были залиты водой, а дождь и не думал прекращаться. Неужели грядет второй Потоп? Нет, конечно, на это в мире просто не хватит воды.

Орб зашла к русалке:

— По-моему, вам надо бросить фургоны. Их затопит, и все твои друзья утонут. А пока ты могла бы помочь им добраться туда, где повыше.

— Ох, не люблю я соленую воду! — поморщилась русалка. — Но, по-моему, во всем этом нет необходимости. Фургоны всплывут.

— Ой, правда, они же плавают! — воскликнула Орб. — Вот не подумала!

Впрочем, поразмыслив, она нашла новый повод для беспокойства:

— Поплыть-то фургоны поплывут, но в разные стороны! По одному им не выдержать бури!

— Ты права, — кивнула русалка. — Надо принять меры предосторожности. Пожалуй, стоит связать фургоны вместе и приделать к ним длинные поплавки для устойчивости. Скажу остальным. Поможешь мне выбраться отсюда?

Орб подошла к баку с водой и обхватила русалку за талию. Второй рукой подняла тяжелый чешуйчатый хвост,

шатаясь, вынесла русалку за порог и опустила в мутную воду.

— Тьфу, грязь какая! — пожаловалась русалка. — Ну ничего, переживу.

Она проверила, насколько кругом глубоко, и поплыла к соседним фургонам.

Орб улыбнулась. Жалобы русалки нельзя было принимать всерьез. На самом деле она была счастлива, что вырвалась наконец из бака и может оказаться кому-то полезна.

Орб подождала еще немного, убедилась, что русалка сумела докричаться до обитателей соседнего фургона, и перевернула страницу, чтобы попасть во Францию.

Наводнение началось и здесь. Главная улица деревни уже исчезла под водой. Тинка с растущим беспокойством поглядывала в окно. Ее муж так и не появился.

— Ты должна перебраться куда-нибудь повыше! — сказала Орб. — Ради ребенка!

— Ради ребенка, — тупо повторила Тинка.

— Я попробую разыскать твоего мужа. Как мне его узнать?

Тинка описала внешность мужа, не упустив ни одной существенной детали. Орб выросла до нужного размера, по описанию Тинки нашла подходящего человека и снова сжалась уже рядом с ним.

Муж Тинки находился в горах. Из-за дождя дорога стала скользкой, и у его фургона сломалось колесо. Теперь он не мог продолжать путь, пока не починит фургон, а работа эта была не из легких.

Орб представилась.

— А! — воскликнул цыган. — Так ты — та самая подруга Тинки, которую я никогда не видел! А я думал, она тебя выдумала! Просто чтобы не скучать.

— В деревне наводнение. Я приведу Тинку сюда.

— Как же она выйдет на улицу в такой дождь, да еще и с ребенком! И потом, Тинка не привыкла ходить по улице, она видит не так уж давно. Она просто заблудится!

— Я же сказала, я все сделаю, — ответила Орб. — Пешком ей идти не придется.

— Ты что, волшебница и можешь ее перенести?

— Да.

Орб снова перевернула страницу и вернулась к Тинке.

— У фургона твоего мужа сломалось колесо, — сообщила она. — Сейчас он его чинит. Я помогу тебе добраться к нему. Что возьмешь с собой? Думаю, вы нескоро сюда вернетесь.

— Детские вещи! — воскликнула Тинка и бросилась собирать все необходимое. В считанные секунды она увязала вещи в огромный узел и надела непромокаемую накидку, чтобы защитить от дождя себя и ребенка.

Орб положила руку Тинке на плечо и перевернула страницу. Комната исчезла, и появился цыганский фургон.

Тинка отдала Орб ребенка и узел, а сама поспешила на помощь мужу. Орб лишний раз восхитилась работоспособностью цыган. Если им что-то надо сделать, они просто берут и делают это без лишних слов. Но гораздо сильнее ее потрясла необходимость взять ребенка на руки. Как бы ей хотелось, чтобы это была Орлин! Но даже если бы Орб не отдала тогда девочку в чужие руки, разве смогла бы она заботиться о ней теперь, когда стала Геей?

Конечно, не смогла бы. Когда Орб излагала Наташе свое решение, она уже знала, что отказывается от семьи.

Наташа... Сатана! Как же она не заметила этого раньше? Ах если бы чувства не подвели ее так ужасно! Сердце Орб жаждало любви, ей хотелось, чтобы иллюзия оказалась правдой, чтобы весь этот кошмар исчез сам собой. Но выйти замуж за Сатану...

Орб прижимала к себе ребенка и узел с чужим добром и тихо радовалась, что дождь смыл с ее лица все слезы. Какой же она все-таки была идиоткой!

Цыгане продолжали возиться с фургоном. Настоящих инструментов у них не было, но и одними подручными средствами они довольно быстро сумели приладить колесо на место. Не слишком красиво, конечно, но держаться будет.

Перемазанная грязью Тинка подошла взять ребенка:

— Спасибо тебе.

— Не за что, — уныло ответила Орб. Она вдруг поняла, что не хочет отдавать младенца — символ того, что ею утрачено.

— За все.

Если бы Орб не дала воли своему гневу, этот теплый ливень не начался бы. Она заслуживала не благодарности, а осуждения. Но Орб понимала, что этого Тинка и слушать не станет.

— Поднимайтесь повыше в гору. И сидите там, пока не кончится дождь.

Цыган кивнул. Они с Тинкой залезли в фургон, и лошадь потащила его в гору. Орб помахала рукой и вернулась в Иону.

Все, кроме суккуба, давно уже спали. Иезавель снова выглядела восемнадцатилетней — вероятно, покинула спящего гитариста, чтобы встретить Орб. Ведь демоны, в отличие от людей, никогда не спят.

— Чем я могу тебе помочь?

— Разве что добрым словом, — ответила Орб. С демоном ей было легко и просто — после всего того, что она натворила, девушке казалось, что на ней тоже лежит проклятие.

— Когда-нибудь этот дождь кончится, — сказала Иезавель.

Но дождь не кончался. Он лил и лил, и жара тоже не спадала. Вскоре Орб уже опять металась по всему миру, не в силах остановить разбушевавшиеся Стихии.

Прибрежные города затопило. Местные жители не смогли никуда уехать — дороги залило водой или просто размыло. Большинство людей нашли себе убежище в высоких зданиях. По мере того как вода прибывала, они поднимались на верхние этажи. Но от постоянной жары воздух внизу начал расширяться. Задули сильные ветры и подняли высокую волну. Волны бились о стены домов, неумолимо их разрушая. Орб видела несколько обвалившихся зданий. Если там и были люди, теперь их ничто уже не спасет.

На волнах болтались обломки многочисленных лодок. Плавать по бурному морю всегда было небезопасно! Но как еще могли спастись попавшие в ловушку люди?

Быть может, она сумеет помочь некоторым из них добраться до более высокой местности? Правда, людей здесь

очень много, а помочь она сможет лишь некоторым, но попробовать все же стоит.

Орб снова увеличилась, искала и вскоре нашла дом, крышу которого уже захлестывали волны. Орб сжалась и очутилась на этой крыше. Там стояла женщина с двумя маленькими детьми. Точнее, они не стояли, а изо всех сил держались за вентиляционные трубы — ветер был таким сильным, что сбивало с ног.

— Я помогу вам! — крикнула Орб. — Возьмите меня за руки!

Женщина и оба ребенка послушно ухватились за ее протянутую руку. Они были в таком состоянии, что ничего уже не спрашивали.

Орб перевернула страницу и обнаружила, что осталась одна. Она не смогла взять с собой никого!

Она снова перелистнула картинку и вернулась на крышу. Женщина с детьми так и стояли с протянутыми руками, тупо глядя на то место, где только что была незнакомого. Они ничего не поняли.

— Может, надо по одному, — сказала Орб и взяла за руки маленькую девочку.

Она перелистнула страницу и... снова осталась одна. Орб потеряла способность переносить с собой других людей! С Тинкой и ее ребенком у нее еще получилось, но теперь эта магия как будто выдохлась. Может быть, ею завладел Хаос — ему ведь нужны источники магической энергии, чтобы продолжать разрушения.

Орб опять перевернула страницу. Она надеялась найти какой-нибудь способ помочь этим несчастным людям. Но по крыше уже катилась огромная волна. Орб расплылась туманным облачком и стала практически неуязвимой. Когда вода схлынула, ни женщины, ни детей не было.

Орб знала, что подобные трагедии происходят по всему свету. Просто до сих пор она сама еще не сталкивалась с этим ужасом.

Что же она натворила!

Уже без всякой надежды она перелистнула очередную страницу и оказалась в Ирландии, около старого дуба. Дриада сидела на самой вершине, вцепившись в тонкие ветви — совсем как та женщина на крыше!

Орб пристроилась рядом.

— Я больше не могу переносить с собой людей, — сказала она. — Но, может быть, я смогу унести тебя? Возьми меня за руку, и я попробую отнести тебя на сухую землю.

— Мне нельзя покидать Дерево! — в ужасе закричала дриада.

Да, это была правда. Дриада — древесный дух, может быть, даже душа дерева. Значит, она действительно не может его покинуть.

— Надеюсь, скоро все это прекратится, — сказала Орб. Ей было горько как никогда в жизни.

Дриада смотрела на нее ничего не выражающим взглядом.

Орб перенеслась в Индию.

Фургоны действительно плавали. Но воды в них было столько, что постоянно приходилось ее отчерпывать, а сверху при этом продолжала литься новая. Сильный ветер гнал импровизированную флотилию в открытое море.

Выживут ли ее старые друзья? Стыдно было даже показываться им на глаза.

Орб вернулась в Иону, который так и не покинул своего подземного убежища.

— Везде наводнение, — ответила она на немой вопрос Иезавели. — А я разучилась переносить с собой людей. Остается только смотреть, как они погибают.

— Дождь не может идти вечно, — сказала Иезавель. — Воды не хватит.

Орб ушла к себе и легла. Она не думала, что заснет, потому что не чувствовала усталости. Орб даже полагала, что инкарнациям спать не обязательно. Но стоило ей лечь, как она сразу выключилась.

Когда Орб проснулась, ей показалось, что ничего не изменилось. Но потом она поняла, что это ощущение обманчиво — просто Иона спрятался в таком месте, где перемены не чувствовались. Орб перевернула страницу, чтобы посмотреть на дриаду, и с ужасом увидела, что старый дуб исчез. Волны подмыли корни дерева и унесли его куда-то. Дриады больше нет!

Орб отправилась в Индию. Там, где раньше расстилались равнины, гуляли океанские волны. Фургонов нигде

не было видно. Ветер дул так сильно, что и настоящий корабль затонул бы, а у фургонов не было ни единого шанса. Все ее друзья погибли.

Но русалка-то должна была выжить! Где она?

Орб увеличилась до размеров страны и стала искать русалку. Выяснилось, что она прячется глубоко под водой, где волны не могли ей повредить. Значит, на этот раз поговорить с ней не удастся. Орб боялась только, что морские хищники могут счесть русалку своей добычей.

Впрочем, хищники сейчас вряд ли голодны, а дожди и лед с полярных шапок так разбавили соленую океанскую воду, что им должно быть страшно неуютно. Русалка, наоборот, почти всю жизнь провела в пресной воде, так что ей-то как раз неплохо. Может, все еще обойдется.

Орб отправилась в северную Францию и разыскала Тинку. Ее фургон, разбрызгивая грязь, медленно поднимался в гору. Колесо держалось крепко. Во всяком случае, здесь Тинке наводнение не грозит.

Орб уже собралась было вернуться в Иону, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Склон горы изменился. Вся земля покрылась чем-то вроде шерсти. Пушистыми стали и стволы деревьев, и даже листья.

Орб подошла к ближайшему дереву и отломил веточку. Внутри что-то болезненно дернулось. Ну конечно, ведь Орб теперь — Природа и чувствует боль всех живых существ, включая боль веточки, которую сама же и оторвала от дерева.

Она внимательно изучила веточку и обнаружила, что та покрыта чем-то вроде водорослей. Водоросли и плесень росли теперь повсюду. Естественно — при такой-то влажности и температуре! Похоже, это одно из безвредных последствий ужасной погоды.

Орб вернулась в Иону. Огромная Рыба уже не лежала на месте, а плыла куда-то под землей.

— Куда это мы? — спросила Орб.

— Ой, как хорошо, что ты вернулась! — воскликнула Луи-Мэй. — Я так хотела с тобой попрощаться. Мы... Понимаешь, Майами ведь затоплен, и моя семья... В общем, я хочу быть сейчас с ними.

— А я намерен остаться с ней, — сказал ударник. — Так что мы сойдем и посмотрим, что там можно сделать.

Орб хотела предупредить их, рассказать, что сейчас творится в прибрежных городах, но поняла, что ее друзья не согласятся отсиживаться в тепле и уюте, когда их близкие погибают.

— Постарайтесь побыстрее перевести их куда-нибудь повыше, — сказала она. Но много ли во Флориде осталось мест «повыше»? Скоро весь штат скроется под волнами. Луи-Мэй и ударник погибнут вместе со своими родственниками.

Она просто обязана что-нибудь сделать! Но что? Переносить людей больше нет возможности, да и не помогло бы это сейчас. Ведь погибнуть должно население целого города и многих других прибрежных городов! Что же спасет несчастных?

В конце концов, она же воплощение Природы! Она наверняка может что-то сделать! Может и должна!

Орб перевернула страницу и перенеслась в Чистилище. Эрос, похоже, уже ждал ее.

— Скажи мне только одно, — потребовала Орб. — Какие силы я, Гея, могу призвать?

— Любые силы Природы, — ответил он. — Сколь угодно могущественные. Но вы должны уметь это делать, и только опыт научит вас правильному с ними обращению. Тут я вам помочь не могу — я разбираюсь только в том, что касается любви.

— Так где же ты был, когда Сатана соблазнял меня? — свирепо огрызнулась Орб.

— Увы, малые инкарнации не имеют права вмешиваться в дела старших. Вы сами полюбили его, и мне пришлось с этим согласиться.

Ну да, конечно.

— Где найти необходимую для моей работы информацию? — решительно спросила Орб.

— Если вы имеете в виду записи, так их просто не существует. Вам надо разбираться самостоятельно.

— У меня нет на это времени! Мне нужны прямые указания! Кто может их дать?

Эрос пожал плечами:

— Разве что прежняя Гея.

— Но она же на Небесах!

— Нет, она на земле. У нее еще осталось несколько лет обычной жизни.

Значит, прежняя Гея живет среди смертных!..

Орб увеличилась, нашла свою предшественницу и снова сжалась до обычных размеров рядом с ней.

— О, привет, Гея, — сказала женщина. Она выглядела в точности так, как запомнила ее Орб. Впрочем, тогда Орб видела не ее, а подосланного Сатаной демона в ее обличье.

— Почему вы уступили мне свою должность?

— Ничто не может длиться вечно, — ответила бывшая Гея. — Я устала. Трудно все время поддерживать природное равновесие. Любая ошибка приводит к серьезным последствиям! Очень нервная работа. Поэтому, когда я увидела, что кто-то в состоянии меня сменить, я стала это по мере сил поощрять.

— То есть как — поощрять? Значит, вы могли бы воспрепятствовать этому?

— Ну конечно! Не все инкарнации уходят добровольно. Я постепенно уступала тебе свои функции, пока ты не получила их все. Тогда я наконец позволила себе вернуться к существованию простой смертной. Когда ты устанешь и найдешь себе преемницу, ты можешь последовать моему примеру и прожить остаток жизни так, как тебе нравится, в мире, который будет устроен по твоему вкусу.

— Но ведь я все испортила! — возразила Орб. — Я спела не ту мелодию, и теперь по всей земле властвует Хаос!

— Все мы ошибаемся, — мягко промолвила прежняя Гея. — Как хорошо я помню Черную Чуму! Я сделала все, что могла, чтобы спасти остатки населения, но уж после этого я стала гораздо лучше разбираться в своих обязанностях!

— Но я же спела Песнь Хаоса!

— Да, не думаю, что ты была к этому готова, — кивнула ее собеседница. — Но если ты научишься с ней обращаться, она может стать очень полезным орудием.

— Вот поэтому я и пришла к вам! Я не знаю, как спасти мир от полного уничтожения. Не могли бы вы подсказать мне...

— Я могу и не могу, — ответила женщина. — Видишь ли, для своих целей я никогда не пользовалась музыкой. Поэтому я совсем не знаю, как ее применять. А ты, наверное, не сможешь воспользоваться тем способом, который применила бы я.

— Как же вы всем управляли?

— С помощью псевдожестов.

— С помощью чего?

— Жестов, незаметных для глаза. Что-то вроде узоров, составленных из движений мышц. В нашем теле очень много разных мышц, а комбинаций их — еще больше.

— Но я ничего не знаю об этом. Я пользуюсь мелодиями...

— О которых я не имею ни малейшего представления. Поэтому я не могу дать тебе конкретного совета. Если бы моя система еще действовала, я ускорила бы те процессы, которые вызвал Хаос, и надеялась бы, что он остановит сам себя раньше, чем опустошит землю.

— А могу я просто остановить его?

— Вряд ли. Почти все можно просто остановить, но Хаос — другое дело. Ведь неизвестно, что произойдет с ним в следующий момент, а значит, нельзя этого предотвратить. Чем меньше времени Хаос будет действовать, тем меньше вреда он успеет нанести.

— И как же мне ускорить процессы?

— Попробуй спеть ту же мелодию, с помощью которой призвала Хаос, и призывай его снова и снова. Каждый раз он будет реагировать немного по-другому. Конечно, это очень опасно, ведь можно не только ускорить процессы, но и усилить их. Не исключено, что лучшим выходом было бы ничего не делать.

— Гибнут люди!

— Я понимаю. Однако в результате твоих действий может стать вдвое хуже. Или втрое. Так что думай сама.

Орб вздохнула. Прежняя Гея права: риск есть риск.

— Спасибо вам за совет, — сказала она и снова перенеслась в Иону.

— Не думаю, что ты сумеешь спасти своих родных, — обратилась она к Луи-Мэй. — Вина тут полностью моя — я призвала в мир Силы, с которыми мне не справиться. Но я могу попробовать изменить положение. Правда, тут есть известный риск — в результате может стать еще хуже. Что скажешь?

— Давай я сначала все-таки попробую их спасти, — ответила Луи-Мэй, почти не задумываясь. — А если не выйдет, рискуй.

— Если не выйдет, — согласилась Орб. При мысли о том, что еще есть время все обдумать, она почувствовала огромное облегчение.

Глава 15

Хаос

Уровень океана поднялся на пятнадцать футов. Кроме того, через Флориду потоком лилась дождевая вода, стекавшая в океан из более высоких районов. Большая часть Майами представляла собой огромное озеро, с возвышавшимися здесь и там островами высоких зданий. Все горожане собрались на верхних этажах этих зданий и на редких островках сухой земли. Впрочем, последних становилось все меньше и меньше. А дождь продолжался.

Орб покачала головой. Большая часть населения Майами еще жива, но, если вода не перестанет подниматься, эти люди обречены. В городе уже не осталось подходящих для постройки кораблей материалов, а вплавь никому не преодолеть несколько сотен миль, отделяющих бывшее побережье от безопасной сухой земли.

Иона отвез Луи-Мэй туда, где жили ее родные. Там уже плескались волны. Только кучи щебня да плавающий вокруг мусор отмечали места, где раньше стояли дома. От людей не осталось и следа. Луи-Мэй молча смотрела на эту картину. Лицо ее было безжизненным.

— Они наверняка перебрались повыше, — быстро сказал ударник. — Вода поднималась медленно, так что время у них было.

— Да... — согласилась Луи-Мэй. Ей чуть-чуть полегчало.

— Я могу найти их, — предложила Орб. — Опиши мне кого-нибудь из своих родственников или знакомых, и я выясню, где он сейчас.

Луи-Мэй описала свою мать.

Орб стала расти. Когда ее туманное тело пересеклось с подходящей под описание женщиной, она снова сжалась рядом с ней. Мать Луи-Мэй вместе с множеством других людей находилась на одном из верхних этажей высотного дома. Многие были ранены — для них отгородили импровизированный лазарет. Орб с ужасом увидела на потолке и стенах тот же пушистый налет, что и во Франции. Жара и влажность спровоцировали рост плесени. Здесь она покрывала даже одежду некоторых людей. Противный запах пропитал все вокруг.

Мать Луи-Мэй была женщиной весьма массивной, но, когда Орб возникла из воздуха прямо перед ней, она так и подпрыгнула. Кроме всего прочего, Орб оказалась единственным белым человеком в комнате.

— Я — друг Луи-Мэй, — сказала Орб. — Она очень беспокоится о вас и намерена сама сюда перебраться. Ее друзья и родственники живы?

— Пока почти все живы, — мрачно ответила женщина. — Вы придумали, как нам выбраться?

— Столько людей нам не вытащить, — ответила Орб. Она вообще не была уверена, что Иона возьмется перевозить кого-нибудь, кроме самих музыкантов.

— Тогда скажите Луи-Мэй, чтобы держалась отсюда подальше. Наверняка там, где она сейчас, ей лучше.

— Она не послушает, — возразила Орб. — Она хочет к вам, и мне придется ее привезти.

Женщина понимающе кивнула. Орб перевернула страницу и вернулась в Иону.

— Нашла! С ней все в порядке, но тебя, Луи-Мэй, она просит держаться подальше.

— Знаю, — просто ответила Луи-Мэй. — Я все равно туда пойду.

— Это она понимает.

И Орб попросила Иону отвезти Луи-Мэй к матери. После бурной встречи с объятиями и рыданиями Луи-Мэй представила ударника семье и повернулась к Орб:

— Они никогда не смогут выбраться отсюда. Возвращайся в Рыбу и попробуй что-нибудь сделать. А мы остаемся здесь.

Орб вздохнула. Луи-Мэй знала, чем рискует. Но ей было очевидно, что, если оставить все так, как есть, гибель почти неизбежна.

Орб вернулась в Иону. Там теперь оставались только Иезавель с ударником.

— Я хочу рискнуть, — сказала Орб.

— Другого выхода нет, — вздохнула Иезавель. — Гитара не нужна?

Гитарист сходил за инструментом.

— Скажи, как тебе помочь.

— Эта мелодия похожа на Утреннюю Песнь, и на Дневную тоже, но совсем другая, — объяснила Орб. — Начни с этого, а потом просто подстраивайся под меня.

Гитарист кивнул.

Орб сосредоточилась и запела Песнь Хаоса. Магия Хаоса ширилась, росла и вскоре охватила весь мир, совсем как сама Орб, когда она пела мелодию расширения. Стены комнаты будто исчезли, и Орб осталась стоять под проливным дождем. Более того, она сама стала и этим дождем, и ветром, и гуляющими по морю огромными волнами. Магия песни разгоняла волны, раздувала и без того уже сильный ветер. Потом мир погрузился во тьму, а после тьмы пришел свет. Но свет этот был слабым и неярким, а тьма — глубокой и необъятной. Хаос пробудился снова, как-то по-другому.

Пока Орб пела, она чувствовала холод, хотя тело ее все время оставалось в тепле. Она сама не понимала, с какими силами играет. Предыдущий эксперимент закончился потопом. Что-то будет теперь?

Орб допела Песнь до конца. Точнее, она спела свою часть — дальнейшее сделает сам Хаос.

— До чего же сильная штука! — прошептала Иезавель. — Даже я, демон, чувствую ее магию! Да от такого сам Ад зашатается!

— Риск очень велик, — повторила Орб. — Я даже не знаю, лучше теперь станет или хуже.

Дождь начал стихать. Орб выросла до размеров Вселенной и убедилась, что это происходит по всему миру. Температура воздуха тоже перестала расти. Погода постепенно налаживалась.

Орб снова уменьшилась.

— По-моему, кризис миновал, — с облегчением сказала она. Потом ушла к себе в комнату, рухнула на кровать и мгновенно заснула.

Орб проснулась посвежевшая. Иезавель приготовила завтрак. Орб плохо представляла себе, какое сейчас время суток, но слово «завтрак» показалось ей наиболее подходящим. Иона все еще не поднялся из-под земли, и вокруг было тихо.

Поначалу Орб не придавала значения этому факту. Потом до нее дошло.

— Почему Иона под землей?

— Обычно он знает, что делает, — ответила Иезавель.

— Пойду-ка я лучше сама посмотрю.

Орб перевернула страницу и оказалась в Майами. Дождь кончился, и стало немного прохладнее. Вода еще не схлынула, но худшее было позади.

Орб решила проверить, как там Луи-Мэй. Они с матерью и остальными уцелевшими по-прежнему находились в том же самом здании. Еды у них хватало — на одном из незатопленных этажей находился ресторан. Продукты все равно скоро должны испортиться — высокая влажность и отсутствие электроэнергии погубят их.

Плесень была повсюду. Кто-то попытался отскрести ее от одной из стен, но на этом месте уже появился свежий пушистый налет. Плесенью пропахло все вокруг — от запаха невозможно было избавиться.

Луи-Мэй с матерью выглядели вполне бодрыми, однако ударник неподвижно лежал под одеялом.

— У него сильный жар, — объяснила Луи-Мэй. В голосе девушки звучало беспокойство. — Довольно много народу заболело. Среди нас есть врач, но он говорит, что пока не знает, что это такое. На грипп непохоже.

— Я могу перенести его обратно в Иону, — предложила Орб.

— Нет, он сказал, что хочет остаться со мной. Я позабочусь о нем.

— Попробовать спеть для него — вдруг поможет?

— К тебе вернулась прежняя сила? — Лицо Луи-Мэй просветлело.

— Не знаю, — ответила Орб.

Она подошла к ударнику, взяла его за руку и запела Утреннюю Песнь. Наступила ночь, а за ней пришел рассвет. Все в комнате были просто потрясены, но Орб чувствовала, что лечебного эффекта ее пение не оказало. Эта часть ее силы все еще была во власти Хаоса.

— Все хорошо, — храбрилась Луи-Мэй.

— Я буду заглядывать, — пообещала Орб. На сердце у нее было очень тяжело, но ничего больше она сделать не могла.

И тут Орб осенило. Она сняла с шеи ожерелье с амулетом из лунного камня — тем самым, который дал ей в детстве Маг. Инкарнациям не нужны такие игрушки. Орб застегнула ожерелье на шее Луи-Мэй.

— Пожалуйста, возьми.

— Что это, Орб?

— Амулет. Он тебя защитит.

— Но...

— Пожалуйста, я хочу, чтобы ты его носила. И никогда не снимай — обещаешь?

Луи-Мэй крепко обняла ее:

— Обещаю, Орб!

Орб вернулась в Иону, немного подумала и решила проведать остальных. Она быстро листала страницы, убеждаясь, что в мире действительно стало прохладнее. Фургон Тинки стоял высоко в горах, русалка нашла себе грот вблизи нового побережья, а поля на ферме у Бетси начали подсыхать. Конечно, многое было разрушено и много людей погибло, но, по крайней мере, больше никто не утонет.

Неужели все так просто? Орб очень сомневалась в этом и решила наведаться в Чистилище. На этот раз она открыла страницу с замком инкарнации Войны. Чисто поженски Орб было интересно, как поживает ее бывший возлюбленный.

У главных ворот замка стояла закутанная в плащ темная фигура.

— Мима? — нерешительно окликнула Орб.

Незнакомец откинул с головы капюшон. Голова его представляла собой сплошную массу копошащихся личинок. Орб вскрикнула.

— Спасибо, — сказал незнакомец. — Что вам угодно?

Орб наконец-то поняла, что перед ней не Мима.

— Я... Я хочу поговорить с Марсом.

— По какому делу?

Когда странный незнакомец заговорил, личинки перегруппировались, образовав шевелящийся рот.

— Я... Скажите — просто знакомая.

Орб очень не хотелось объяснять ему, кто она такая и какое у нее к Миме дело. Отвратительное создание повернулось и скрылось внутри замка. Орб ни капельки не расстроила необходимость подождать снаружи. Что за компанию нашел себе Мима?

Вскоре перед ней появилась красивая молодая женщина. Нет, не вышла, а именно появилась. Возникла из воздуха на совершенно пустом месте.

— Лилит! — узнала ее Орб.

— Разве мы встречались? — искренне удивилась женщина. Точнее, не женщина, а демон.

— Не совсем. Вы — любовница Мимы, демон.

— Верно. А вы-то кто?

— Его бывшая возлюбленная, — не без удовлетворения сообщила Орб.

— Но вы не Малахитовый Восторг!

— Нет, я была до нее.

— Значит, вы та женщина, у которой от него ребенок! — догадалась Лилит. — Я должна была вас узнать, ведь мне не раз приходилось изображать вас!

— Изображать меня?

— Принимать ваш облик.

И Лилит вдруг превратилась в точное подобие Орб.

— Мима так и не разлюбил вас, вы же знаете. Так что иногда я... Ну, неважно. Я просто не ожидала встретить вас здесь. Заходите, я знаю, он будет рад вас видеть.

— А кто этот... с червяками? — осторожно спросила Орб.

— Это Мор, один из постоянных спутников Войны. Малая инкарнация. У Мора сейчас много работы, вот он и торчит в Чистилище. К его виду нелегко привыкнуть.

— Что значит «много работы»? — спросила Орб. У нее уже появились свои опасения на этот счет.

— Мор следит за размножением микробов, плесени и других вредных тварей. Условия для этого сейчас идеальные.

— Так эта пушистая плесень...

— И эта тоже. Она-то безвредна, а вот микроскопические разновидности... Скоро будет такая эпидемия, какой свет не видел! Мор очень гордится своими достижениями.

А у ударника жар, и у многих других — тоже. Теперь Орб понимала, что погода изменилась слишком поздно. Самые тяжелые последствия глазу не видны. Триллионы крохотных смертоносных спор носятся по всему свету, их вдыхают люди и животные. Скоро начнется эпидемия, остановить которую трудно было бы даже с помощью самой современной медицины. А в нынешней ситуации представить себе невозможно, к чему это приведет.

Подошла еще одна женщина.

— Лигея! — воскликнула Орб. — Или мне следует обращаться «принцесса»?

— Давай обойдемся без титулов, Гея, — ответила Лигея. — Теперь я понимаю, почему Мима так любит тебя.

— Все в прошлом, — смутилась Орб. — Я пришла лишь поговорить с ним.

— Разумеется. Инкарнации часто советуются друг с другом. Я послала курьера, и скоро Мима к нам присоединится. А пока мы с тобой выпьем чаю.

— Я... да, — пробормотала Орб. Лигея была такой милой и любезной...

Они прошли через внутренний двор и оказались в садике у задних ворот замка. Садик, который Орб видела раньше, был точным подобием этого.

— Откуда ты нас знаешь? — спросила Лигея, когда слуги принялись накрывать на стол.

— Я вас уже встречала... Точнее, не вас, а ваших двойников, — сказала Орб. — Сатана...

— Как мы тебя понимаем! — воскликнула Лигея. — Ли-ла — создание Ада, я тоже была в Аду, пока Мима нас не освободил! Сатана — великий мастер обмана. Наши двойники сообщили тебе ложные сведения?

— Всекие. Но они были так похожи на вас, и все это выглядело так убедительно... Я до сих пор не могу поверить, что я здесь впервые!

Орб внезапно замолчала. Ей пришло в голову, что и это тоже может быть иллюзия. Как узнать, где правда, а где ложь, когда самозванцы так похожи на тех, кого изображают?

— И теперь ты сомневаешься, что мы настоящие, — промолвила Лигея.

— Вы не могли бы... Вы не обидитесь, если я проверю...

— Пожалуйста, — ответила Лигея. — Мы действительно понимаем тебя, Орб.

Орб перевернула страницу, взяла в Ионе свою арфу и снова открыла картинку с садом у замка.

— Ни один обманщик не может прикоснуться к моей арфе, — объяснила она. — Это дар Горного Короля. Если бы...

Лигея улыбнулась, взяла арфу и даже сыграла простенькую мелодию.

— Вы... Ты играешь на арфе? — удивилась Орб.

— Громко сказано. Но когда я была живой принцессой, мне полагалось уметь произвести впечатление на принца. Например, с помощью музыки. Какой у тебя красивый инструмент!

Подошла Ли-ла.

— Я большой специалист по всякого рода обманам, — промолвила она. — Так что это может и не сработать...

Она протянула руку и коснулась арфы. Ничего не произошло.

— Сейчас вы никого не обманываете, — сказала Орб.

— Ни разу не упражнялась с тех пор, как Марс меня спас, — пояснила Ли-ла, не убирая руки с инструмента.

— Как, даже той ночью, когда ты изображала меня? — притворно рассердилась Лигея.

— Он хотел тебя, а ты не могла, — объяснила Ли-ла. — И тогда он попросил...

Лигея расхохоталась:

— Я знаю, Ли! Я просто дразнюсь!

— Если бы не твоя терпимость, меня бы здесь не было, Ли, — ответила Лила.

Орб покачала головой:

— В том видении все было точно так же. Первый раз вижу, чтобы супруга с любовницей стали лучшими подругами! Наверное, я никогда не смогла бы этого понять, если бы не Иезавель.

— Вы знакомы с Иезавелью? — заинтересовалась Ли-ла. — С суккубом?

— Она больше не суккуб.

— Это невозможно!

Лигея успокаивающим жестом положила руку на плечо подруги:

— Ты забыла, с кем мы разговариваем, Ли.

— Извините меня, Гея, — сконфуженно пробормотала Лила. — Только вы могли заставить ее измениться!

Лигея сменила тему, не дожидаясь, пока беседа зайдет в тупик:

— Орб, я уверена, что Мима скоро придет. Очень нескромно с моей стороны было бы попросить тебя спеть нам, раз уж твоя арфа все равно тут? Насколько я понимаю, никто в этом мире не может с тобой сравниться.

— Нет, кое-кто может, — нахмурилась Орб. Сердце ее болезненно сжалось.

— Кто же это?

— Сатана.

— Сатана? Вот уж не знала, что он...

— Это правда, — сказала Лила. — Сейчас он редко доставляет себе такое удовольствие, но я познакомилась с ним еще до того, как он стал воплощением Зла. Он был лучшим из смертных певцов и знал это. Тем легче мне было склонить его ко Злу.

Орб и Лигея уставились на нее:

— Ты хочешь сказать, что это твоих рук дело?

— Так велел мне его предшественник. Ирония судьбы — он очень боялся того Добра, что от природы было заложено в душе смертного певца, и послал меня посеять Зло. А я справилась с задачей слишком хорошо. Смертный

певец занял место Того, кто послал меня к нему. После этого я любила нового Сатану, пока он не решил направить меня к Марсу. Теперь я люблю Марса.

— Марса трудно не любить, — сказала Лигея.

— Аминь, — закончила Орб.

— Как приятно встретить подобное единодушие! — произнес Мима, появляясь в дверях. Все три женщины так и подпрыгнули.

Первой опомнилась Лигея:

— Орб собиралась нам спеть. А потом ей надо будет с тобой поговорить.

— Нет! — воскликнул Мима, опять повергнув всех в изумление.

И снова Лигея пришла в себя первой:

— Она хочет посоветоваться с тобой, как с инкарнацией. Ты не можешь ей в этом отказать.

— Не могу, — согласился Мима. — Но пусть она не поет.

— Тебе же раньше нравилось, как я пою, — растерялась Орб.

— Мои чувства к тебе остались прежними, — серьезно ответил Мима. — Я их подавил, не более того. И я знаю, какова сила твоей музыки. Если я снова услышу, как ты поешь, я забуду и эту женщину, и этого демона, и снова возжелаю только тебя, испортив тем самым отношения со всеми вами. Так что можешь говорить со мной, но ни в коем случае не пой.

— Думаю, это разумно, Ли, — кивнула Лиля. — Во-первых, Орб — его первая любовь, а во-вторых, она теперь совсем не та, что раньше.

— Пойдем, пусть поговорят, — согласилась Лигея.

— Не надо, не уходите! — сказала Орб. — Я только хотела посоветоваться насчет своего нынешнего положения. Я призвала Хаос, и мир чуть не захлебнулся. Тогда я снова спела Песнь Хаоса, в надежде, что хотя бы этим сумею остановить потоп. Теперь мне кажется, что все кончилось, однако что-то тут не так. Не верю я, чтобы с Хаосом удалось справиться одним лишь повторным вызовом. Может Хаос изгнать сам себя?

— Сомневаюсь, — сказал Мима. — Но, похоже, я знаю, у кого это можно спросить.

— У кого же? — Орб и поверить не смела, что где-то есть источник нужной ей информации.

— У Компьютера Чистилища. Он знает все. Вопрос лишь в том, чтобы заставить его отвечать по делу.

— Я не слишком-то хорошо умею общаться с компьютерами, — с сомнением произнесла Орб.

— Да, дьявольское устройство. Думаю, Лила, как демон, сумеет с ним справиться.

— Попробую, — согласилась Лила.

— Я бы и сам пошел, но боюсь долго находиться с тобой рядом, — сказал Мима. — Прошное должно оставаться прошлым.

— Да, — ответила Орб. Такое отношение льстило ей. Того, поддельного Миму она даже обняла, но этот был гораздо больше похож на себя.

— Вон туда, — махнула рукой Лила. — Мы и пешком дойдем, это близко.

Тут Орб кое-что вспомнила:

— Так ты говоришь, что изображала меня?

— Марс не шутит насчет своих к тебе чувств, — подтвердила Лила. — Будь его воля, он никогда бы тебя не покинул. По его просьбе я принимала разные обличья, но когда я изобразила тебя, он смотрел на меня с такой тоской, что даже мне, демону, лишенному человеческих чувств, стало немного не по себе. Он тогда даже не прикоснулся ко мне. Боялся, что это вновь пробудит в нем страсть, которую нельзя удовлетворить.

— Спасибо, что рассказала мне все это, — промолвила Орб.

Они достигли здания и прошли в ту комнату, где стоял Компьютер. Лила включила его. Тут же по экрану побежали зеленые строчки:

— ПО КАКОМУ ПРАВУ ТЫ БЕСПОКОИШЬ МЕНЯ,
О, СОЗДАНИЕ, БЕЖАВШЕЕ ИЗ АДА?

— Я помогаю инкарнации, — парировала Лила. — Новой Гее.

— А, ДОЧЬ СУДЬБЫ! НУ И НАТВОРИЛА ЖЕ ТЫ
БЕД В ЦАРСТВЕ СМЕРТНЫХ!

Орб казалось странным разговаривать с экраном, но она не могла оставить без ответа это замечание:

— Вот я и пришла, чтобы узнать у вас, как справиться с бедой.

— ТОЛЬКО ХРОНОС В СИЛАХ ЭТО СДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ.

Значит, Хаос все же можно остановить!

— А почему он вдруг может не захотеть?

— У НЕГО ЕСТЬ НА ТО ЛИЧНЫЕ ПРИЧИНЫ.

— Какие?

— МАШИНЕ НИКОГДА НЕ ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ.

— Что ж, тогда я пойду и попрошу Хроноса помочь мне.

— ЖЕЛАЮ УДАЧИ. ОНА ТЕБЕ ПОНАДОБИТСЯ, — ехидно сообщил экран.

— Лигея была права, — пробормотала Орб. — Вот уж действительно дьявольское устройство!

— Уверена, что в Аду бы ему было неплохо, — сказала Лила.

— НА СЕБЯ ПОСМОТРИ, — заявила машина и отключилась.

— А как мне найти Хроноса? — спросила Орб. — Наверное, у него тоже есть замок где-нибудь в Чистилище?

— Есть-то он есть, но туда никто не приходит без приглашения. Лучше всего передать ему, что ты хочешь его видеть, и ждать, пока он сам не ответит. Мы можем сделать это за тебя, и я уверена, что рано или поздно он с тобой свяжется.

Орб вздохнула:

— По крайней мере, теперь я знаю, что хоть кто-то в состоянии помочь. Спасибо вам.

— Мы с Лигеей у тебя в долгу, — ответила Лила. — Ты помогла Миме стать тем, что он есть, а он наше...

Лила вдруг замолчала, не в силах выговорить последнее слово.

— Спасение?

Она кивнула.

— Иногда я совсем забываю, кто я такая. Некоторые слова мне просто не дано произнести.

— Понимаю. У меня уже есть друг — демон. Может, мы и с тобой когда-нибудь подружимся.

— Теперь ясно, за что Мима тебя любит.

Орб обняла Лилу, и та на мгновение прижалась к ней, как ребенок. Затем Орб открыла страницу с резиденцией Природы.

На этот раз Орб решила более тщательно исследовать жилище. Пока она считала своим домом Иону, но понимала, что в конце концов ей придется поселиться в Чистилище, в доме в форме дерева. К сожалению, дерево внушало ей грустные мысли о старом дубе и погибшей дриаде. Орб совсем расстроилась, закрыла страницу с Чистилищем и вернулась в Иону.

Он все еще летел под землей.

— Непогода опять разыгралась, — сообщила Иезавель.

Орб поспешила в Майами. Погода действительно испортилась. Дождя уже не было, жара спала и уровень воды начал медленно снижаться, зато на смену всему этому пришло новое бедствие — ветер. Крепкий штормовой ветер расшатывал здания, стены которых и без того были подточены водой. Разрушения продолжались. Горожанам все еще грозила серьезная опасность.

Орб навестила Луи-Мэй. Ее убежище превратилось в настоящую зону бедствия. Большинство людей, включая ударника и мать девушки, уже заболели и лежали без сил прямо на полу. Сама Луи-Мэй была на ногах и героически ухаживала за больными. Орб подумала, что причиной иммунитета скорее всего послужил ее защитный амулет. Он не позволял смертоносным спорам причинить вред своей новой хозяйке.

Но как же здесь воняло! Наводнение лишило город электроэнергии, а вместе с ней и всех санитарных сооружений, что, разумеется, способствовало распространению эпидемии. А пока вода не ушла, людям просто некуда было податься, и им приходилось торчать в этом зловонном помещении. Те немногие, кто отправился на поиски сухой земли, вернулись обратно, когда поднялся ветер.

Орб ничем не могла помочь Луи-Мэй. Девушка никогда не бросит родных, а отвезти их в другое место Орб не

могла. Ей оставалось лишь надеяться, что ветер утихнет раньше, чем волны разрушат город.

Орб перевернула страницу и оказалась во Франции. Здесь тоже дули сильные ветры, и на глазах холодало. Однако у Тинки с мужем все было в порядке.

Уровень моря у берегов Индии опускался. Положение тех, чья земля была затоплена, несколько улучшилось. Но и русалкин грот не был больше полностью затоплен. Если русалка в ближайшее время не переберется поглубже, ее отрежет от моря.

Ветры свирепствовали по всему миру, расшатывая здания, где ютились уцелевшие после наводнения и уже больные люди. Теперь Орб понимала, что Хаос не отступил. Просто теперь он действовал по-иному. Орб уже знала, что происходит: ветры были лишь результатом более глобальных процессов. Воздух стремительно остывал, а почти полностью стаявшие полярные шапки образовывались снова. В результате огромные массы воздуха носились по всему свету, силясь восстановить температурное равновесие.

Прибрежные города вновь стали зоной наибольшей опасности. Теперь рушились даже те здания, которые выстояли во время наводнения. Ветер поднял такие сильные волны, что стены просто не выдерживали.

Орб открыла страницу с Майами. Город был похож на огромное поле битвы. Вода немного спала, зато на стены зданий с грохотом обрушивались огромные волны, размывая фундаменты домов.

Орб заглянула к Луи-Мэй и ударнику, и глазам ее предстала совсем безрадостная картина. Большинство больных уже умерли, а остальные находились в очень тяжелом состоянии. Здоровых почти не осталось. На самом деле единственным по-настоящему здоровым человеком была Луи-Мэй. Голова ударника лежала у нее на коленях. Луи-Мэй пыталась устроить его поудобнее, но Орб видела, что он давно уже без сознания, если вообще жив. Юноша был бледнее смерти, а лицо его сильно распухло. От кашля на рубашке остались кровавые пятна. Другие больные выглядели не лучше.

А ветер продолжал неистовствовать. Каждый раз когда волна ударяла в стену, здание содрогалось. За стеной что-то с грохотом падало, и по спине Орб пополз неприятный холодок. Она почувствовала, что здание вот-вот рухнет!

— Луи-Мэй, тебе нельзя здесь оставаться!

— Я не могу уйти! Мама мертва, и Дэнни умирает, как же я их оставлю!

— Им все равно ничем не помочь! Эпидемия...

Но Луи-Мэй уже не слушала. Она все сидела и обнимала ударника, как будто пыталась вдохнуть в него угасающую жизнь. Слова Орб не произвели на нее никакого впечатления.

Еще одна огромная волна ударила в наружную стену, и дом начал разваливаться. Стены задрожали, пол накренился. Стальные балки согнулись с противным скрипом, потолок треснул и осел. С верхнего этажа посыпались вещи и тела людей.

Все лежавшие, включая ударника, стали соскальзывать вниз. Луи-Мэй попыталась удержать его, но в результате лишь сама начала сползать. Стена согнулась, и одна панель выпала. Люди посыпались с высоты нескольких этажей прямо в бушующие волны.

Орб попыталась удержать Луи-Мэй и быстро перевернула страницу, однако снова оказалась одна. Способность переносить с собой других так и не вернулась к ней. Орб поспешила вернуться обратно к Луи-Мэй.

— Иона! Скорее сюда!

Она обеими руками вцепилась в Луи-Мэй, и обе они заскользили вниз, к обрыву. У пролома в стене возник затор. Тела людей громоздились друг на друга, задерживая падение других. Но это была лишь краткая отсрочка гибели.

Прямо сквозь остатки стены просунулась огромная голова Ионы с открытой пастью. Орб волоком втащила Луи Мэй внутрь. Слава Богу, этих способностей у нее еще никто не отнял!.. Когда девушка оказалась в безопасности, Орб попыталась вернуться за ударником. Увы, слишком поздно. Верхние этажи не выдержали, и здание рухнуло вниз.

— Дэнни! — закричала Луи-Мэй и попыталась выпрыгнуть наружу, но Иона захлопнул пасть у нее перед носом. Луи-Мэй с воплями била и царапала его десны, однако вырваться ей не удалось.

Остатки дома рассыпались кучей щебня. Через прозрачную чешую Ионы Орб с ужасом наблюдала за происходящим. Накатила еще одна огромная волна, и все было кончено. Даже если кто-нибудь и пережил падение, этого он уже вынести не мог. Ударник погиб.

Появилась Иезавель.

— Отведи Луи-Мэй в ее комнату и попытайся сделать так, чтобы она заснула, — сказала Орб. — Она... В общем, все остальные мертвы.

Иезавель обняла Луи-Мэй за талию:

— Жаль, что я не умею чувствовать так же, как вы.

— Тебе бы не понравилось, — ответила Орб и закрыла страницу с Ионой.

Теперь она решила провести Бетси.

Сбывались ее худшие опасения. Здесь, на ферме, тоже свирепствовал ветер. Время от времени поднимался настоящий ураган. Он сдирал подсыхающую почву и швырял ее вверх, образуя огромные тучи пыли. Пыль заволокла небо, и день казался пасмурным. Ветер сбивал Орб с ног. Она еле уберегла глаза от летящего в них песка.

Ферма была на грани уничтожения. Все, что осталось от посевов после наводнения, уничтожил ветер. Теперь тот же ветер набросился на дом. Порывы были такими сильными, что Орб приходилось бежать, чтобы не упасть. Воплощению Природы это, конечно, не могло повредить, но, будь на ее месте обычный человек, ему бы не повдоровилось.

Орб сумела добраться до дома и постучала в дверь. Ветер завывал так громко, что она сама не слышала стука. Тогда Орб принялась расширяться, пока не стала такой прозрачной, что смогла пройти сквозь стену. Внутри дома она снова сжалась.

Никого. Орб оглядывалась вокруг сначала с удивлением, потом с ужасом. Куда все подевались? Не мог же ветер захватить их врасплох снаружи!

Потом до нее дошло, что фермеры на равнинах привыкли к сильным ветрам и должны иметь на этот случай какое-нибудь убежище.

Действительно, и органист, и Бетси со всей семьей прятались от бури в маленьком погребе. На полу его все еще стояла вода, но это было ничто по сравнению с чувством безопасности. Здесь, похоже, никто не заболел — в этом районе были не слишком благоприятные условия для плесени и смертоносных спор.

— Не знаю, что будет дальше, — сказала Орб. — Боюсь, что очень плохо.

— Ничего, выдержим, — храбро заявила Бетси. — А как остальные?

Этого вопроса Орб и боялась, однако отвечать ей все же пришлось.

— Майами... больше нет. Волны...

И Бетси, и органист пришли в ужас.

— Луи-Мэй... — прошептала Бетси.

— Ее я отнесла обратно в Иону. Все остальные...

— Проклятие! — пробормотал органист, услышав о гибели своего лучшего друга.

Вой ветра стал еще громче. Казалось, он пытается оторвать домик от фундамента и унести.

— Тебе лучше вернуться домой, Орб, — сказала Бетси. — Спасибо, что заглянула.

Понятно, что сама Бетси не собирается уходить, хотя знает, что для них с органистом у Ионы всегда найдется место. Но здесь — ее ферма, ее дом. Быть может, когда-то она и мечтала убежать отсюда, но сейчас — совсем другое дело.

Орб перевернула страницу. Во Франции ситуация складывалась гораздо хуже. Ветер вырвал деревья и сдул фургон куда-то вниз. Тинка с мужем и ребенком остались на голой скале с одним лишь одеялом. Они прятались от ветра за скальным выступом.

Орб решила не беспокоить их — в конце концов, им было лучше, чем многим. Она отправилась в Индию.

Здесь ветер ускорил отлив, и земля вокруг русалкиного грота высохла. Это, видимо, произошло так быстро, что русалка не успела выбраться и в результате оказалась на

мели. Сначала Орб даже показалось, что она погибла, но потом девушка поняла, что русалка просто прячется от ветра, прижимаясь к земле.

— Я помогу тебе найти место получше! — закричала Орб, стараясь перекрыть ветер. — В море...

— В море слишком большие волны! — прокричала в ответ русалка. — А внизу слишком холодно. Мне нужен пруд!

— Я найду тебе пруд! — пообещала Орб.

Она быстро расширилась, исследовала окрестности и действительно нашла поблизости пруд, в одном покинутом богатом поместье. Все здания в поместье сильно пострадали от ветра, однако в пруду всего лишь прибавилось мусора. Орб выловила все что могла и перелистнула страницу обратно к русалке.

— Я отнесу тебя! — крикнула она, обхватила русалку обеими руками и подняла, потом, шатаясь, направилась к поместью.

Тот путь, который с помощью магии можно было проделать мгновенно, занял у нее больше часа. Это было ужасное путешествие с тяжелой ношей под ударами ураганного ветра. Довольно часто Орб приходилось класть русалку на землю и отдыхать. Добравшись наконец до места, девушка так устала, что сама свалилась в пруд. Они внезапно поменялись ролями: теперь уже русалка вытащила Орб из воды, поддерживая, чтобы она не захлебнулась.

— Как хорошо в воде! — воскликнула русалка. — Подожди, я промою жабры!

Она нырнула, чтобы вытолкнуть воздух из легких — только тогда жабры смогут нормально работать.

Орб, довольная, что ее подруге хорошо, сходила в главное здание поместья и принесла русалке немного съестного. Та жадно набросилась на еду.

— Я буду навещать тебя время от времени, — пообещала Орб и вернулась в Иону.

— По-моему, тебе стоило бы отдохнуть, — промолвила Иезавель. — Очень жаль, что твоя встреча с Хроносом прошла так неудачно. Теперь тебе нужно беречь силы — мало ли что случится!

— С Хроносом? — удивилась Орб. — Но я еще не встречалась с Хроносом!

— Ты же сама говорила...

Орб подозрительно посмотрела на Иезавель:

— Это что, очередная иллюзия? Вы тут спали и видели сон?

— Демоны не спят, — возразила Иезавель. — Я прекрасно помню, что ты сказала всего полчаса назад...

— Весь последний час я помогала русалке добраться до воды. Я, конечно, совершенно измотана, но пока ничего не путаю!

Иезавель промолчала.

— Становится все хуже, — сказал гитарист. — Скалы дрожат от ветра. Даже здесь заметно.

— В Индии тоже ураган, — заметила Орб. — А еще раз петь Песнь Хаоса я боюсь. Как там Луи-Мэй?

— Спит, — ответила Иезавель. — Думаю, это Иона ей помог. Но знаешь, вряд ли она будет счастлива, когда проснется.

— Зачем я только все это затеяла! — простонала Орб.

— Не ты, а Сатана все это затеял. Он сам подбросил тебе эту идею, зная, что, услышав правду, ты будешь вне себя от ярости. Ему сейчас достались миллионы душ.

— Проклятый Сатана! — воскликнула Орб.

Как все логично, и как мерзко!

— Говорят, он старается воспользоваться каждой смелой инкарнацией, — продолжала Иезавель. — Не зря он научил тебя этой жуткой мелодии, верно? Он понял, что ты скоро станешь инкарнацией, и...

Орб больше не в силах была слушать и открыла страницу с Ирландией. Открыла и пожалела об этом. Вода ушла, болото превратилось в спутанную массу облепленных грязью корней. Деревьев осталось совсем мало, а ее любимого дуба не было и в помине.

Орб стояла посреди болота на холодном ветру и плакала. Как ей хотелось, чтобы все стало как прежде! Однако она понимала, что того, что уже разрушено, ей не восстановить. И все же надо пройти через это испытание. Потом, когда все стабилизируется, Орб откажется от должности Матери-Природы. Она не имеет права оставаться

Геей после того, что натворила. Но уйти сейчас она не может — тот, кто придет ей на смену (если такой человек вообще найдется), не виноват в случившемся. Она, Орб, сама должна расхлебывать все последствия.

Орб простояла так довольно долго. Потом взяла себя в руки и открыла страницу с фермой.

Открыла и остолбенела. Дома больше не было.

Ветер поднял в воздух огромную тучу пыли, мешавшую разглядеть, что происходит. Но сомневаться не приходилось — дом действительно сдуло. Орб увеличилась, потянулась во все стороны, пытаюсь найти погреб.

Но его тоже не было. На месте убежища зияла огромная дыра, раза в два больше исходного погреба. Видимо, ветер породил еще и смерч, который разметал дом по камешку и разбросал остатки по всему штату. Бетси и органист погибли вместе со всей семьей.

Орб оглянулась вокруг. Смерч, говорите? Судя по звукам, приближается еще один. Орб расширилась, чтобы посмотреть на него поближе. Вот они — целых три штуки. Огромные слоны обшаривали землю хоботами, засасывая песок, камни и остатки почвы, как будто искали что-нибудь неразрушенное. Вдали показалось еще два пыльных столба, кружившихся в каком-то ужасном вальсе. Наверху смерчи сталкивались друг с другом, сливались и расходились вновь. Это был настоящий ад.

Орб вернулась в Иону.

— Фермы больше нет, — произнесла она без всякого выражения. Личные трагедии уже не производили того впечатления, что раньше. То же самое творилось сейчас по всей земле.

Иезавель ничего не ответила. Что она могла сказать?

Орб знала, что Хаос и не подумал остановиться. На смену потопу пришел ураган. Может, спеть в третий раз? Неужели станет еще хуже?

Орб принесла арфу и снова запела Песнь Хаоса. На этот раз она попробовала объединить ее с темой отрицания. Если прямое повторение не помогает, почему бы не попробовать аннулирующую мелодию?

И снова Орб почувствовала, как действует магия. Но даже если ей удастся наконец остановить Хаос, все рав-

но уже слишком поздно. Слишком много людей погибло по ее вине.

Допев, Орб снова устремилась на поверхность земли, чтобы посмотреть, какой эффект произвело ее пение на этот раз.

Ветер почти стих.

Что это значит — конец власти Хаоса или просто очередную смену декораций?

Где же Хронос? Лишь он один в силах ей помочь! Почему до сих пор не появился?

Орб открыла страницу с Чистилищем и разыскала там резиденцию Хроноса. Она сама найдет его, раз он не хочет показываться!

В дверях ее встретила служанка:

— Воплощения нет дома.

— Я подожду, — заявила Орб, протискиваясь в дверь мимо служанки. Ей уже было не до вежливости.

— Это очень неразумно! — возразила женщина.

— Отправьте ему сообщение — или что вы обычно делаете в таких случаях! Скажите, что пришла Гея. Я не уйду, пока не поговорю с ним.

Служанка в отчаянии заломила руки:

— Если Хроноса нет, с ним никак нельзя связаться! Он совсем не такой, как другие инкарнации!

Орб нашла в комнате диванчик поудобнее и сделала вид, что улеглась спать. Служанка вышла.

К своему собственному удивлению, Орб действительно заснула и проснулась, лишь когда в комнату вошел Хронос — стройный, красивый мужчина в белом плаще.

— А, Гея! — воскликнул он. — Да еще и в виде красивой девушки. Знал бы я, что ты здесь, обязательно встретил бы тебя сам.

— Я передавала сообщение, — сказала Орб. — Почему вы не ответили?

— Какое сообщение?

— Много часов назад! Мне обещали, что вам передадут!

Хронос кивнул:

— Все понятно. Ты только что вступила в должность и не совсем четко представляешь себе, что я такое.

— Компьютер Чистилища сказал, что, кроме вас, никто не может мне помочь. Из-за моей ошибки погибает мир, а я ничего не могу сделать!

— Позволь мне объяснить, — произнес Хронос. — Дело в том, что я живу наоборот. С моей точки зрения, твое сообщение еще не отправлено. Более того, не исключено, что после нашей встречи я вообще его не получу. В моем прошлом — в твоём, соответственно, будущем — я ничего об этом не слыхал.

— Наоборот... — повторила Орб. — Да, конечно. Я как-то не догадалась...

— Однако я уверен, что мы поладим, потому что в твоём будущем мы много и плодотворно сотрудничали.

— Этого не может быть. Я откажусь от должности, как только сумею стабилизировать ситуацию и изгнать Хаос, который сама же и призвала.

— Хаос?

— Если вы живете наоборот, то должны все об этом знать, разве не так?

— Не обязательно. Твое будущее, а значит, и мое прошлое изменчиво. Ты считаешь, что произойдет что-то одно, а по-моему, было совсем другое.

— Но если вы жили...

— Я жил в одном из вариантов твоего будущего, а число их бесконечно. Я всегда стараюсь не изменить, пусть даже случайно, свое прошлое, хотя порой не удается. Нелегкое это дело, несмотря даже на то, что мне не страшны парадоксы.

— Все это очень интересно, — прервала его Орб, — но у меня самой сейчас есть одно нелегкое дело, там, снаружи! Вы собираетесь мне помочь или нет?

— Я бы с радостью — во имя твоей красоты и нашей долгой связи. Однако...

— Во имя чего? — подозрительно переспросила Орб.

Хронос улыбнулся:

— Это был не совсем честный ответ. Впрочем, сейчас не время объяснять тебе истинную причину моего побуждения, да и отказа тоже.

— Значит, для привлекательной женщины вы способны сделать что-то такое, в чем непривлекательной отка-

жете? — возмутилась Орб. Начали сказываться усталость и разочарование, и Орб это понимала, но ей было все равно.

— Как и многие мужчины, — резонно заметил Хронос. — Но твой случай — особенный. Когда мы встречались, ты всегда имела вид зрелой женщины, поэтому, увидев тебя такой, я...

— Похоже, я понимаю, о чем вы, и мне это не нравится, — заявила Орб. — Хватит о побуждениях! В чем причина вашего отказа?

— Обе причины тесно связаны между собой. Возможно, тебе лучше было бы принять на веру мое заявление о том, что я не хочу вмешиваться в текущие события и менять курс истории.

— Даже если от этого зависит само существование жизни на Земле?

— Ну разумеется, она не исчезнет. Точнее, до этого не дойдет.

— Вы что, назло мне не хотите ничего делать? Я не вижу в ваших словах никакого смысла!

Хронос вздохнул:

— Похоже, придется мне объяснить. Но предупреждаю тебя, что, поскольку это объяснение может изменить сам предмет разговора, я вынужден буду по окончании нашей беседы вычеркнуть этот вариант развития событий.

— Вычеркнуть?

— Я верну время немного назад, и в твоей реальности нашего с тобой разговора просто не случится.

Орб поняла, как велико на самом деле могущество Хроноса. Очевидно, он не блефовал.

— Нет! Я не позволю! Если у вас есть разумная причина для действия или бездействия и она касается меня, то я имею право не только понять ее, но и помнить об этом. Я хочу знать, что у вас на уме и почему вы отказываетесь помочь мне ликвидировать последствия моей ужасной ошибки.

— Видишь ли, Гейя, твое знание почти наверняка изменит существующую реальность и сделает то, о чем я говорю, бессмысленным, если не хуже!

Орб с трудом удержалась от резкого ответа. Пришлось напомнить себе о том, сколько раз неправильное обращение с Ллано доводило ее до беды. А последняя ошибка может стать роковой. Не исключено, что Хронос не зря ее предостерегает.

— Тогда расскажите мне все, а потом я решу, надо ли мне помнить. Только обещайте мне, что решать буду я сама.

— Думаю, у тебя есть на это право, — вздохнул Хронос. — Но... тебе нетрудно было бы принять свой обычный вид?

— Обычный вид?

— Вид зрелой женщины. Мне... Я предпочел бы, чтобы ты изменилась.

— Даже не знаю, о чем вы говорите! Я всю жизнь выгляжу именно так! Какой еще другой облик?

— Я опять перепутал. В твоём будущем ты всегда выглядела по-другому. Когда я все объясню, ты поймешь, почему меня это так волнует.

— Тогда объясните мне, как я должна выглядеть и как мне этого добиться.

— Я правда не знаю, как ты это делаешь. Таково одно из свойств Природы. Что-то похожее умеет делать Судьба.

— Минуточку, — сказала Орб. Она открыла страницу с резиденцией Судьбы.

В приемной ее встретила Клото, юная девушка восточного типа.

— Могу я поговорить со своей матерью? — спросила Орб. — Я ненадолго.

— Я разбужу ее.

Через некоторое время появилась Ниоба.

— Что это у меня за другое обличье, и как мне его принять? — спросила Орб.

— Откуда же мне знать, милая? У прежней Геи было много разных обличий; я уверена, что и у тебя будет не меньше. Думаю, надо просто выбрать...

— Но я даже не представляю, как это делается!

— Попробуй себе представить, как ты изменилась бы с возрастом. Посмотри, например, на меня. В юности я выглядела вот так.

Ниоба вдруг превратилась в ошеломляюще красивую молодую женщину.

— Ой, мама, а я почти и забыла! — воскликнула Орб. — Ты была потрясающей!

— Но я совсем не следила за собой, — продолжала Ниоба, вновь принимая привычный облик женщины средних лет. — Думаю, и с тобой случилось бы что-то подобное, если бы ты не стала инкарнацией. Попробуй представить себе, что...

Орб честно постаралась представить себя в возрасте матери.

— Да-да, вот так, — кивнула Ниоба.

— Ты хочешь сказать, что я изменилась?

— Посмотри в зеркало, дорогая.

Ниоба подвела Орб к большому, в человеческий рост зеркалу. В нем отразилась зрелая массивная женщина, с виду почти вдвое толще, чем Орб. В волосах незнакомки уже пробивалась седина.

— Фу! — воскликнула Орб.

— Нет, что ты, очень хорошо! — возразила Ниоба. — Теперь ты гораздо больше похожа на Мать-Природу. — Она еще раз критически оглядела дочь. — Вот только зеленые волосы...

— У меня не зеленые волосы!

— Именно. А у Матушки-Природы должно быть что-то зеленое. Такова традиция.

Орб снова сосредоточилась:

— Вот так?

Волосы женщины в зеркале действительно слегка позеленели.

— Да, дорогая. Теперь просто замечательно.

Орб поняла, что наверняка чаще всего выбирала именно этот облик, когда в будущем-прошлом Хроноса занималась официальной деятельностью.

— Думаю, подойдет. Спасибо, мама!

— Будь осторожна, дорогая!

— Поздно уже! — ответила Орб и снова открыла страницу с Хроносом.

— Да, так гораздо лучше, — согласился Хронос. — Теперь ты — действительно та Гея, к которой я привык.

Орб это заявление не слишком порадовало, но она предпочла промолчать.

— Теперь расскажите мне наконец то, что я должна знать.

— Все началось через пятнадцать лет — по вашему счету, — начал Хронос. — Я был... ну, скажем, я встретил призрака.

— Призрака! Сейчас они рождаются миллионами!

Хронос пожал плечами:

— Этот призрак обратился ко мне с необычным предложением. Он хотел, чтобы у его жены от меня родился ребенок. Сам он, естественно, был не способен зачать младенца.

Орб поняла, что история и в самом деле очень необычная. Она решила дослушать ее до конца, не прерывая.

— Я познакомился с его женой и полюбил ее. Разумеется, я не мог на ней жениться, но я жил с ней, как муж, а она носила моего ребенка — хотя официально он считался наследником призрака. К несчастью, малыш заболел и умер, а жена призрака от горя совершила самоубийство. Она была замечательной женщиной и лучшей в мире матерью и поняла, что не сможет жить без ребенка.

Как хорошо Орб понимала эту несчастную! Ах если бы она могла оставить себе свою девочку!

— Жизнь моя стала бессмысленной. С помощью того самого призрака я стал воплощением Времени и с тех пор постоянно пребываю в этой должности. Я не был бы Хроносом, если бы не познакомился с той женщиной и если бы она не умерла. С радостью отказался бы от должности, чтобы жить с ней, как обычный человек, но это невозможно. Кроме того, у меня уже есть известный опыт, и я считаю, что приношу на своем месте немало пользы. Вот какво прошлое, которое не подлежит переменам — оно же будущее, о котором тебе следует знать.

— Мне очень жаль, конечно, что с вами произошла подобная трагедия, — сказала Орб. — Но я не понимаю, какое все это имеет отношение ко мне. Кроме того, мои проблемы в настоящем, а не в будущем.

— Но твоё настоящее влияет на твоё будущее, а значит, и на моё прошлое, — возразил Хронос. — Женщина, ко-

тую я любил и всегда буду любить, сейчас жива. Ей пять лет, и зовут ее Орлин.

Орб показалось, что ее окатили ледяной водой:

— Что?!

— Это твоя дочь, и, когда она вырастет, она будет похожа на тебя как две капли воды. Именно поэтому я и хотел, чтобы ты изменила облик.

Орб вспомнила, какое впечатление произвела на нее встреча с Мимой — как с настоящим, так и с поддельным.

— Понимаю. Но... Моя дочь?

Она все еще не могла привыкнуть к этой мысли.

— Орлин тогда исполнилось двадцать лет. Она была достаточно взрослой, чтобы знать, чего хочет. А еще у нее были магические способности — она умела определять, кто кому подходит в браке. Говорила, что в этом случае люди просто светятся. Я и светился — для нее.

Хронос закрыл лицо руками.

— Прости меня, — наконец промолвил он. Рот его был закрыт ладонями, голос звучал глухо и невнятно. — Я так давно ни с кем не говорил о ней!..

Орб смотрела на Хроноса с пониманием и жалостью. Ее дочь! Женщина, которую он любил! Вот ей и открылось будущее Орлин.

Но Орлин умерла, и смерть ее была преждевременной и трагической. Эта мысль потрясла Орб. Какой ужас!.. С другой стороны, если бы Орлин не умерла, этому человеку и в голову не пришло бы стать инкарнацией. Неудивительно, что его так заботила реакция Орб. Если она попытается спасти дочь, предотвратив ее «призрачный» брак, Хронос никогда не станет Хроносом!

Взгляд ее упал на маленькую зеленую змейку, обернувшуюся вокруг пальца Хроноса. Точно такое же кольцо подарил ей когда-то Мима. Точнее, не «такое же», а именно это. Теперь-то Орб все понимала. Она отдала крохотную змейку дочери, а та подарила ее своему любимому.

Или это все-таки подделка?.. Повинуясь внезапному порыву, Орб протянула руку, чтобы дотронуться до кольца.

Маленькая змейка немедленно ожила, развернулась и переползла на руку Орб. Там она свернулась вокруг одного из пальцев и застыла.

— Это действительно ты? — спросила Орб.

Кольцо сжало ей палец. Один раз.

Другое, похожее кольцо, конечно, может притворяться, что оно и есть то самое...

— То, что он говорит, правда?

Одно пожатие.

— Ты не могла помочь моей дочери?

Одно пожатие.

Орб тоже уткнулась лицом в ладони и беззвучно заплакала. Сколько времени так прошло, она не могла бы сказать. Но когда она очнулась, кольцо опять было на пальце у Хроноса. Оно принадлежало ему по праву любви.

Хронос поднял голову и посмотрел на Орб:

— Теперь ты понимаешь: я не смею менять ее прошлое. Это создаст парадокс.

— Но если погода не изменится, у нее нет будущего! — воскликнула Орб. — Вдруг она уже мертва!

— Есть вероятность, что это не окончательно.

— Не окончательно?! Что может быть более окончательно, чем смерть?

— Время.

— Если она умрет, возникнет парадокс! Значит, ты должен ее спасти!

— Нет. Я не вправе изменять существующий порядок вещей, если дело касается моего прошлого. Это может привести к катастрофе, масштабы которой мы не в состоянии оценить.

— Но... Но если ты уже жил в будущем, как же примирить сам факт твоего существования с тем адом, который сейчас творится на земле?

— Никак.

— Ты говоришь загадками! Нельзя встретить и полюбить женщину, которая умерла еще ребенком!

— Есть способ избежать всего этого.

— Ты живешь наоборот, вспять! Ты знаешь, что это за способ! Что происходит? Как вернуть все то, что уже погибло?

— Как — это не проблема. Через некоторое время — для тебя, значит, немного раньше — я просто уничтожу определенный вариант развития событий. Вопрос тут не «как», а «почему». Я поступлю так только в том случае, если все инкарнации решат, что это необходимо. Ведь такой поступок затронет нас всех.

— А ты не знаешь, сделал ли ты это? То есть сделала ли?

— Поскольку подобное действие повлияет на мое собственное прошлое, я не могу быть уверен даже в своем прошлом. Есть некая область неопределенности, где линии истории отклоняются и запутываются. Ничто не может быть установлено раз и навсегда. Согласно одной из этих линий решение будет принято, и я совершу определенные действия в твоём прошлом.

— Так ты и представления не имеешь о том, что произойдет?

— Я знаю только, что решать все тебе. Я поступил так, как решили инкарнации — но лишь после того, как ты сделала выбор. Думаю, это было правильное решение.

— Так, значит, я все же могу спасти мир?

— Похоже на то.

Орб поняла, что более точного ответа она все равно не дожидается.

— Раз я могу спасти мир, значит, я это сделаю! — провозгласила она. — Несмотря ни на что!

— Я не уверен в этом, — ответил Хронос.

— Не уверен!..

Но Орб решила не устраивать Хроносу сцен и открыла страницу с Ионой. Иезавель изумленно уставилась на нее.

— Кто вы? — спросила она.

— То есть как это, «кто я»? — удивилась Орб. И тут до нее дошло, что она все еще пожилая дама с зелеными волосами. Орб поскорее вернула себе прежний облик.

— Выучила новый фокус? — поинтересовалась Иезавель.

— Похоже.

— Ты устала, по-моему. Давай я тебя покормлю, а потом можешь отдохнуть.

— Я даже не знаю, устала я или нет! — воскликнула Орб. — После разговора с Хроносом у меня голова кругом идет!

— Хронос поможет тебе?

— Он не способен действовать единолично! Он говорит, что именно я должна все решить. Но... Господи, как же я расстроена!

— Ладно, поешь, — сказала Иезавель и подала Орб несколько тостов.

Вдруг Орб заметила часы на запястье демона. Она удивленно перевела взгляд на свое собственное запястье.

— По-моему, твои часы остановились. Они отстали от моих на два часа.

— Правда?

Иезавель убедилась, что часы действительно показывают разное время, потом посмотрела на настольные часы. Вышло, что часы Иезавель не врут.

— Да нет, похоже, это твои спешат.

— Спешат? С чего бы?

— Носишься по всему миру, — пожала плечами Иезавель. — Вот что-то и перепуталось.

— Наверное, — согласилась Орб и подвела часы. — Не могу сидеть здесь, когда там такое творится! — пробормотала она и снова перенеслась в апартаменты Судьбы.

Ее опять встретила Клото.

— Можно мне еще раз поговорить с матерью? — спросила Орб.

— Еще раз?

— Ну да, она так помогла мне всего час назад.

Клото исчезла и появилась Ниоба:

— Час назад? Нет.

— Что значит «нет»? Ты показала мне, как изменить облик!

Орб на мгновение изменила облик, продемонстрировав матери образ пожилой дамы с зелеными волосами. Ниоба задумалась.

— Ты встречалась с Хроносом?

— Мамочка, ты же сама знаешь, что встречалась! И он сказал мне, что моя дочь, а твоя внучка...

— Подожди, дорогая, я расскажу тебе кое-что о Хроносе. Его дом устроен так же, как и он сам, то есть существует наоборот. И любой, кто войдет туда, тоже живет наоборот. Я много раз сталкивалась с этим эффектом. Гости всегда уходят от Хроноса раньше, чем пришли. Однажды я даже встретила в дверях саму себя. Долго ты там пробыла?

— Долго ли я... — повторила Орб. Она наконец-то стала понимать, что происходит. — То есть я туда еще не вошла?

— Ты попала в свое прошлое — ведь то время, что ты была у Хроноса, ты жила наоборот. Но не волнуйся, все исправится само собой. Это что-то вроде петли на твоей нити. Не совсем так, конечно, но похоже.

— Иезавель! — вдруг воскликнула Орб. — Она же говорила, что я разговаривала с Хроносом, до того как я к нему пошла! Но я тогда жила в своем времени, а теперь... Боже, как все перепуталось!

— Такое иногда случается, — сказала Ниоба. — Я бы на твоём месте погуляла одна, пока все не придет в норму. А сейчас я собиралась вздремнуть. Клото разбудит меня, когда ты появишься — я имею в виду твой предыдущий визит. Однако теперь...

— Я буду осторожнее, — закончила за нее Орб.

— Вот именно. Меня удивляет, что слуги Хроноса тебя не предупредили.

— По-моему, они пытались, но я... Ты же меня знаешь, мамочка!

Ниоба поцеловала ее:

— Конечно, знаю, дорогая. Когда ты появишься, я не буду рассказывать тебе об этом визите. Сама понимаешь.

— Ну да, чтобы не сбить меня с толку окончательно, — сказала Орб. Она и так уже изрядно запуталась.

— Да. Всем нам приходится приспосабливаться к Хроносу.

Орб перелистнула страницу и оказалась на том самом острове, где они разговаривали с Наташей. Она села прямо на песок и попыталась привести в порядок мысли. Умом Орб все вроде бы понимала, но поверить никак не могла. Получается, что она двигалась назад во времени и даже не заметила этого! Теперь ясно, почему Хронос так

неуверенно говорил о будущем. Орб лишь один раз попробовала жить так, как он, и голова у нее уже шла кругом.

Что же делать? Она одна виновата в том кошмаре, что творится сейчас по всей планете. Хронос сказал, что помочь он в состоянии, но только в том случае, если она примет какое-то решение в недалеком будущем. Так что, возможно, Орб прямо сейчас стоит решить, какой политики придерживаться. Больше никаких ошибок!

Резкий ветер срывал с берега песок и швырял далеко в океан. По морю гуляли водяные смерчи. Если бы Орб не была инкарнацией, ей бы пришлось плохо! Но ведь после третьего исполнения Песни Хаоса ветер стих... Что же случилось?

И тут Орб поняла, что она все еще находится в своем собственном прошлом! Больше часа она просидела у Хроноса, больше часа время ее жизни текло не в том направлении. А значит, Орб отстала от жизни на целых два часа — один час она жила «задом наперед», а еще один в результате просто не прожила. Орб помогла русалке добраться до воды, потом вернулась в Иону и уже оттуда отправилась к Хроносу — и опять вернулась в Иону, но уже часом раньше. Они с Иезавелью поболтали около получаса, и Иезавель помнила об этом, когда спустя полчаса Орб снова появилась рядом с ней. И только сейчас, когда Орб уже почти полчаса проторчала на этом острове, настало время прозвучать Песни Хаоса.

Орб подумала о Луне. Ей ужасно захотелось открыть картинку с резиденцией своей «кузины». Вот кто по-настоящему понимал Орб! Но у Луны, очевидно, своих проблем хватает. На поместье девушки наверняка обрушился такой же ветер, так что лучше оставить ее в покое.

— Ах, Луна, ночной мотылек! — пробормотала Орб. — Именно сейчас, когда ты мне так нужна, я не смею к тебе обратиться!

Подошло время, и ветер наконец стих. Водяные смерчи съежились и втянулись в облака, которые, в свою очередь, быстро рассеялись. Показалось солнце. Огромные страшные волны превратились в легкую рябь на гладкой

поверхности океана. Похоже, Орб сумела-таки остудить страсти природы!

Остудить, говорите? И тут только Орб почувствовала, как быстро остывает воздух. Солнце светило, но не могло прогреть его.

Орб продолжала сидеть неподвижно. Она не уйдет отсюда, пока не поймет, что происходит!

Воздух продолжал остывать. Многие наверняка уже мерзнут без теплых вещей. Небо снова затянуло — вода в облаках застывала крошечными ледяными кристаллами.

Орб встала и открыла страницу с Индией.

Вода в бассейне, где жила теперь русалка, тоже, разумеется, остывала. Вода отдает тепло не так быстро, как воздух, и все же температура ее заметно упала. Русалка дрожала крупной дрожью. А что с ней будет, когда пруд замерзнет? Очевидно, русалке нужна какая-то защита от холода. Но какая?

Орб подумала было, что можно развести огонь, потом отказалась от этой затеи. Почти бесполезно, да и опасно к тому же: как русалка будет следить за ним? И что с ней будет, когда кончится топливо?

А что еще можно придумать? Унести русалку в безопасное место с помощью магии Орб не в силах, а поблизости таких мест нет.

Луна! Им поможет Луна, одолжив один из своих многочисленных амулетов. Орб уже дала амулет Луи-Мэй. Другой амулет спасет русалку!.. И Орб открыла страничку с домом Луны, радуясь, что нашла предлог посетить близкого человека.

Однако, увидев поместье, Орб оцепенела от ужаса. Дом превратился в груды пылающих углей. Собственно говоря, пострадал не только дом Луны. Сгорело по меньшей мере полгорода. Соседние кварталы все еще дымились. Что же здесь произошло?

Но Орб уже догадалась, что произошло. Отчаявшиеся люди подожгли все, до чего смогли добраться. Катастрофы порождают безумие.

Где же Луна? Неужели она... Нет, конечно! Танатос наверняка защитил ее. Скорее всего увез на время в свою резиденцию. Возможно, все это началось именно из-за

Луны — вот кого Сатана действительно хотел бы уничтожить! Танатос знал это и охранял ее. Орб незачем было беспокоиться.

Но как же все бессмысленно! Теперь Орб даже не у кого взять согревающий амулет. Все пропало. Прекрасный дом, картины, оба грифона...

Орб знала, что нельзя долго думать об этом, иначе она разревется. А сейчас не время давать волю бесполезным слезам. Надо делать то, что еще можно делать.

Орб поворошила ногой угли. Где Луна хранила амулеты? Впрочем, таким способом их не найти. Орб выросла, сосредоточившись на том, что ей было нужно, и нашла это «что-то» — маленький рубиново-красный камешек. Согревающий амулет. Она снова сжалась и вытащила его из-под кучи камней. Это был последний амулет — остальные потеряли свою магию во время пожара. Если, конечно, Луна не забрала их с собой.

Орб снова перенеслась в Индию.

— Вот, возьми, — сказала она русалке. — Камешек не даст тебе замерзнуть.

Русалка протянула посиневшую руку и притронулась к амулету. Его магия тут же начала действовать.

— Ой, он теплый!

— Теплый. И пока он у тебя, тебе тоже будет тепло. Это все, что я могу для тебя сделать. Надеюсь, погода все же переменится.

— Больше ничего и не надо, — сказала русалка. Она взяла амулет и нырнула поглубже в пруд, выталкивая воздух из легких. Теперь она выживет, даже если пруд покроется льдом.

Орб перевернула страницу и перенеслась во Францию. Здесь, в горах, стоял настоящий мороз. Шел снег, а у Тинки с семьей не было почти ничего, чтобы спастись от холода.

Что же делать? Ведь последний согревающий амулет Орб уже отдала русалке!.. И тут ее осенило.

— Тинка! — позвала она.

Из-под одеяла вынырнула голова Тинки:

— Орб!

Орб сняла плащ:

— Возьми. По твоему желанию он может превратиться в любую одежду, даже в толстое, теплое одеяло.

— Я знаю, — просто ответила Тинка. — Много раз видела. Но как же ты без него обойдешься?

— А мне он больше не нужен, — ответила Орб и протянула плащ подруге.

Тинка взяла его, все еще продолжая сомневаться. Потом вдруг уставилась на Орб:

— На тебе больше ничего нет!

В самом деле, Орб стояла на снегу совсем голая.

— Я же говорю, он мне не нужен. А тебе нужен. Возьми. Одеяло зашевелилось.

— Что там? — донесся приглушенный мужской голос.

— Ничего такого, что тебе интересно! — заявила Тинка, не давая мужу высунуть голову. Она взяла плащ, сосредоточилась, превратила его в огромное меховое пончо и расстелила это пончо поверх одеяла. Теперь им будет тепло — мех даже и без магии грел бы неплохо, а плащ все-таки волшебный!

Одеяло поднялось горой. Тинка взвизгнула и нырнула внутрь. Довольная Орб закрыла эту страницу и отправилась в Ирландию.

Она забыла, что дуба больше нет! Болото замерзло и покрылось коркой льда. Орб стала расти и вскоре увидела, что вся Ирландия медленно замерзает. Точнее, замерзал весь мир. Те, кто пережил ураганы, забились теперь в оставшиеся дома, жгли обломки и пытались укрыться от холода, наваливая на себя горы одеял. Не было электричества, нефть не шла по трубопроводам. Мир был ввергнут в первобытное состояние.

«Это лучше, чем ураган», — твердила себе Орб. И сама сомневалась в своих словах. Как сильно еще похолодает?

Орб вернулась в Иону. Иезавель опасно покосилась на нее. Орб рассмеялась, на мгновение забыв о том ужасе, который царил вокруг.

— Извини меня, Иззи. Я действительно говорила с тобой о Хроносе. Дело вот в чем...

И Орб объяснила ситуацию.

— Так что, как видишь, я не спятила. Мне действительно очень тяжело, но с ума я еще не сошла.

— Рада слышать это, — серьезно ответила Иезавель. — А теперь почему бы тебе что-нибудь не надеть, пока сюда еще никто не вошел?

О Господи! Она же совсем голая! Орб так привыкла к своему волшебному плащу, что давно уже не носила никакой одежды, кроме него. Сейчас ей и без плаща совсем не холодно, но Иезавель права — какая-нибудь одежда все-таки нужна. Орб в спешке натянула на себя брюки и рубашку, предложенные суккубом. Это были вещи из гардероба Бетси. Бетси они, разумеется, больше не понадобятся... При мысли об этом Орб разрыдалась.

Иезавель принялась ее утешать, и скоро Орб сумела взять себя в руки.

— Спасибо тебе. Со мной уже все в порядке.

— Это хорошо. У нас и так хватает неприятностей.

— Да? А что случилось?

— Ничего нового. Кончается еда. Я, конечно, могу достать еще, но возникает вопрос, чем платить — экономика разрушена.

— Да, плохо тебе. По-моему, я сейчас обойдусь и без еды, да и ты тоже, но гитарист и Луи-Мэй...

— Вот именно. А ей и без того плохо.

— Бедняжке есть из-за чего расстраиваться. Ах, Иззи, это я во всем виновата — воспользовалась магией, которой не понимаю. Я пыталась поправить дело, однако каждый раз становилось только хуже, и люди продолжали погибать. Попытаться мне спеть еще раз?

— Ну, не знаю. Когда я последний раз выходила, снаружи было на редкость холодно. Ты думаешь, будет хуже?

— Не знаю. Боюсь, что там все еще холодает.

— Тогда, наверное, стоит рискнуть еще раз.

— Мне тоже так кажется. Хронос говорит, что я должна принять какое-то окончательное решение. Но вдруг все-таки мне удастся справиться с Хаосом! Хотя мертвым это уже не поможет.

— И все же стоит рискнуть. Ради живых.

— Да.

Орб принесла арфу и в четвертый раз спела Песнь Хаоса. На этот раз она не стала примешивать к ней тему отрицания — все равно не поможет.

Эффект сказался, как только Орб замолчала. Иона задрожал. Причем задрожал не он сам, а что-то снаружи. Орб расширилась и увидела, что скала, в которой прятался Иона, вздымается вверх. Она выросла еще больше и поняла, что такое творится повсюду. По всему миру земля пришла в движение.

Что происходит? Похоже, какие-то силы действовали на земную кору, и земля содрогалась, чтобы избавиться от ужасного напряжения. Чем дальше, тем сильнее давили непонятные силы. Что же из этого выйдет?

И очень скоро Орб увидела это своими глазами. Земные пласты прогибались под действием чудовищных сил, тектонические плиты выпирало на поверхность, они сталкивались и наезжали друг на друга. Проснулись все давно потухшие вулканы, а там, где их не было, появлялись новые. Земля просто взбесилась.

Орб быстро сжалась в точку возле пруда с русалкой, но опоздала. Там уже плескалась лава. Орб метнулась во Францию и увидела, что вся гора опрокинулась в огромную трещину. Тинка и ее родные погибли.

Обезумев от горя, Орб снова увеличилась до размеров планеты. Мир погибал. Землетрясения сровняли с землей все, что еще оставалось от городов, а вулканы залили руины горячей лавой. Земная кора сморщилась, как слоновья шкура. Все кругом рушилось, вздымалось и снова рушилось. Дым и пепел заволокли небо, и день превратился в ночь. Воздуха для дыхания тоже не осталось — только дым и пар, порожденные катастрофой.

Орб открыла страницу с Ионой, но нашла там одну только лаву. Силы разбушевавшейся земли стерли огромную Рыбу в порошок. Иона погиб, а вместе с ним и все, кто в нем был. Иезавель скорее всего выжила, но она затеряна в Хаосе. Орб осталась одна.

Так она и парила над землей — в оцепенении, не в силах даже решить, что же она чувствует. Из-за глупой обиды она погубила мир. Что ей теперь делать? И, главное, зачем?

Глава 16

Венчание

Орб понятия не имела, сколько времени провела в таком состоянии. В какой-то момент она оглянулась и увидела рядом с собой крохотного паучка.

— Мама! — воскликнула Орб, понимая, что настоящих паучков больше не осталось.

Ниоба приняла свой обычный вид.

— По-моему, нам надо поговорить, детка.

— А по-моему, слишком поздно, — вяло ответила Орб. — Все, что можно было, я уже уничтожила.

— Не обязательно. Хронос еще в силах помочь.

— Хронос сказал, что я должна решить все сама.

— И ты решишь, дорогая моя. Пойдем со мной.

Орб позволила матери увести себя и оказалась в апартаментах Хроноса. Там уже собрались остальные инкарнации.

— Мы все находимся в критическом положении, — заявил Мима, не тратя время на лишние предисловия. — Противоборствующие силы Добра и Зла пришли в равновесие. Мне видятся сейчас три возможных варианта развития событий, из которых Гея должна выбрать один. В первых, она может оставить все, как есть...

— Нет! — крикнула Орб. — Из-за меня все погибли! Я хочу только восстановить все, что восстановимо, и с позором удалиться от дел!

— Во-вторых, она может в последний раз спеть Песнь Хаоса, — продолжал Мима, будто не слыша ее слов.

— Каждое новое повторение оказывалось хуже предыдущего! — воскликнула Орб. — Что же даст пятое?

Слово взял Танатос. Он наклонился вперед, и из-под капюшона мелькнул белый череп маски Смерти.

— Ты призвала в мир Стихии Хаоса. Каждое повторение вызывало свою Стихию. Сначала это была Вода, потом Воздух, Огонь...

— Стихии! Вода — это наводнение, Воздух — бури... А я-то не поняла! Но при чем тут Огонь? Я его не призвала...

— Отрицание Огня, — объяснил Танатос. — Вместо огня получился мороз.

— О!

Только теперь Орб вспомнила то, что узнала раньше. Каждая Песнь Ллано имела отношение к какой-нибудь Стихии. Она пыталась отрицать Песнь Хаоса, а вместо этого лишь призвала «Огонь наоборот».

— А потом я призвала Землю, и она уничтожила все. Так что же сделает пятая Стихия? Что может быть хуже того, что уже сделано?

— Пятая Стихия — Пустота, — ответил Танатос. — Она вернет Вселенной первоначальный вид, и не будет ни времени, ни пространства.

— Абсолютный Хаос, — добавила Ниоба. — Все вернется на круги своя.

— И в пустоте Бог и Сатана начнут свою вечную войну сначала? — спросила Орб. Оказывается, ей еще есть чего бояться! — И все, что случилось до сих пор, все, что вы сделали — не считается? Как я могу позволить такому случиться?

Теперь она поняла, почему Сатана сказал, что Песнь Хаоса — последнее, самое страшное оружие и цена его слишком высока.

— В-третьих, — закончил вместо Мимы Хронос, — Орб может позволить мне обратить время вспять и вернуть мир к тому состоянию, в котором он был до того, как она спела Песнь Хаоса.

— О да! — воскликнула Орб. — Если это возможно...

— Тут есть одно «но», дорогая, — предупредила ее Ниоба.

— Не важно! Если все, что я натворила, можно так легко исправить — конечно, именно этого я и хочу! А потом я удалюсь от дел, петь больше не буду, и пусть мое место займет кто-нибудь более компетентный и уравновешенный.

Мима покачал головой:

— Ты не можешь уйти, Орб. Таковы условия. Если Хронос повернет время вспять, ты должна остаться Геей.

— Хорошо! Я останусь! Я сделаю все, что потребуется, только верните моих друзей, верните все, что...

— Что именно потребуется, надо решить отдельно, — сказал Танатос. — Вопрос так важен, что требуется согласие всех инкарнаций.

— А разве вы не согласны? Неужели кто-то из вас против?

— Здесь собрались не все, дорогая моя, — сказала Ниоба.

— Ну конечно, есть еще малые инкарнации, вроде Эроса или Мора... Они же не будут возражать, правда?

— Никто из них и не возражает, — подтвердил Мима. — Но есть еще две старшие инкарнации. Что касается одного из них, я осмелюсь предположить, что Он согласен. Он никогда не вмешивается в дела смертных, каким бы заманчивым это ни казалось.

— Ах да, Бог, — сказала Орб. — Воплощение Добра. Конечно. Но...

— Но есть еще и воплощение Зла.

— Сатана! — воскликнула Орб. Она наконец поняла. — Тот, кто всегда противится Добру, в любой его форме!

— Тут, кажется, произнесли мое имя? — раздался знакомый голос. И в комнате возник улыбающийся Наташа.

Орб отвернулась. В душе ее бушевали те самые чувства, которые она выплеснула на ни в чем не повинный мир. Что же он с ней сделал!

— Я думаю, ты в курсе, — сказал Марс Сатане. — Согласен ли ты с нашим решением?

— Меня можно уговорить, — заявил Сатана.

Орб твердо решила не разговаривать с ним вообще, но слова вырвались у нее против воли.

— Да разве тебе можно верить? Ты ведь хочешь только одного — погибели рода человеческого!

— Вовсе нет, — мягко произнес Сатана. — Я хочу лишь, чтобы моя чаша весов перевесила и мой Извечный Враг был отброшен на вторые роли. Зачем же мне нужно, чтобы все человечество попало в Царство Загробной Жизни, пока весы стоят не так, как мне надо?

— Значит, такое положение устроило бы Бога? — спросила Орб, уже понимая, что это правда. — И если все сейчас умрут, то Он победил?

— Именно.

— Тогда ты должен согласиться вернуть все, как было! — воскликнула Орб. — Ты же не хочешь проиграть!

— Нет.

Орб уставилась на него, не в силах понять происходящего.

— Если ты не можешь победить в сложившейся ситуации...

— То я проиграл, — медленно произнес Наташа. — Но и ты проиграла. Хочешь ли ты, чтобы все твои друзья и миллионы других невинных людей погибли, только чтобы ты могла досадить мне?

Орб подумала о Тинке, о Луи-Мэй, о молодых музыкантах и русалке, обо всех, кто жил на Земле еще несколько дней назад. Конечно, их души попадут на Небеса, но никто из них так и не прожил свою земную жизнь... А ее дочь, Орлин, совсем ребенок...

— Нет, — ответила Орб, и на глазах ее выступили слезы.

— Значит, ты готова пойти на компромисс, чтобы спасти своих друзей?

— Я сделаю все, чтобы исправить то зло, которое причинила миру, — с трудом выговорила Орб. Ее душили спазмы.

— И ради этого ты даже готова пойти мне навстречу?

— К чему ты клонишь? — резко спросила Орб.

— Я сделал тебе предложение. Оно еще в силе. Ты выйдешь за меня замуж?

— Боже мой! — выдохнула Орб. — Такова твоя цена за спасение мира?

— Верно.

— И с помощью Природы ты намерен нарушить существующее равновесие Сил и взять верх над самим Богом?

— Всему свое время. Но мои намерения действительно таковы.

Наконец-то Орб поняла, что означал тот давний сон. Или свадьба — или погибший мир. Ей выбирать.

Орб с отчаянием посмотрела на окружающих:

— Что же мне делать? Если я пойду с ним, Бог проиграет. А если я ему откажу...

— Это и есть то решение, которое ты должна принять, — сказал Хронос. — И никто не может выбрать за тебя.

— Однако в любом случае мир погибнет! — воскликнула Орб. — И ты все это пережил?

— Нет, — сказал Хронос. — Но, как я собираюсь объяснить тебе позже, мое прошлое колеблется. Возможно, я сейчас изменю его.

— Что же мне делать? — в ужасе повторила Орб.

— Мы ничего не можем тебе посоветовать, дорогая, — сказала Ниоба. — Пожалуй, тебе стоит задать себе один вопрос...

— Какой? — спросила Орб безнадежным голосом.

— Теперь ты знаешь, кто такой Сатана и что он такое. Ты любишь его?

Потрясенная, Орб закрыла лицо руками и пошатнулась. Как ей хотелось воскликнуть «нет»! Но она не могла этого сделать.

— Боже, помоги мне! — хрипло прошептала Орб. — Я люблю его!

— И я люблю тебя, — сказал Сатана. — Люблю и предлагаю тебе целый мир!

— Но я говорю правду, — вяло запротестовала Орб. — А ты всегда лжешь.

— Возможно, — согласился Сатана и протянул ей руку. — Я снова спрашиваю тебя, Гей: ты выйдешь за меня?

Орб честно боролась с собой, однако сердце победило. Она знала, кто такой Наташа, знала, что он — воплоще-

ние Зла, но все равно любила его и хотела всегда быть рядом с ним.

Медленно, медленно Орб протянула руку и коснулась руки Сатаны.

— Да, — сказала, а может, всхлипнула она. Зачем она соглашается — ради спасения мира или потому, что ей просто этого хочется?

Сатана взял беспомощную руку, свидетельство своего успеха, и повернулся к остальным:

— Кто-нибудь возражает против этой свадьбы?

Инкарнации молчали.

— Свадьба состоится в Аду сейчас, в это самое время, — сообщил Сатана. — Вы все приглашены как почетные гости и свидетели — вы и все, кого вы захотите взять с собой. Заранее благодарю вас за участие и поддержку. Никто не посмеет усомниться в законности этого союза.

— Учтите, что в результате моих действий «сейчас» наступит только через несколько дней, — напомнил Хронос.

— Совершенно верно, — кивнул Сатана. — Потому что теперь мы все вернемся в то время, когда Гея еще не спела Песнь Хаоса. Этого никогда не случится, и мы забудем о том, что было. Но наше соглашение останется в силе, и все вы в нем участвуете. Соглашение будет выполнено.

— Будет, — подтвердил Хронос.

— Итак, я снимаю свои возражения, — сказал Сатана. — Соглашение достигнуто. Мир не будет разрушен. Действуй, Хронос.

Хронос поднял руку, и в ней появились огромные Песочные Часы. Песок в них ярко блестел, переливаясь тоненькой струйкой из одной колбы в другую. А потом он стал ярко-голубым.

Орб сидела одна на своем острове. Наташа только что ушел. В душе девушки смешались гнев, обида и разочарование; больше всего ей сейчас хотелось сделать то, что, как она знала, делать не следовало — спеть Песнь Хаоса.

Появился Хронос. Струйка песка в Песочных Часах на глазах из голубой превратилась в красную.

— Гея, ты не должна этого делать.

— Что? — вздрогнула Орб.

— Не должна призывать Хаос, — сказал Хронос. — Он уничтожит весь мир. Помнишь?

Орб вспомнила:

— За несколько дней... Все мои друзья... Весь мир погиб! Это было видение?

— Теперь — да, — кивнул Хронос. — Той реальности больше не существует. Но ты должна выйти за Сатану.

— За Сатану! — возмутилась Орб. Потом она и это вспомнила. — Я... я согласилась. Я люблю его.

— Ты согласилась выйти за него замуж, чтобы спасти мир. Теперь ты должна выполнить свое обещание. Только при этом условии мне было позволено повернуть ход истории. Понимаешь?

— Значит, ничего не было? — спросила Орб. — И мои друзья...

— Мир цел и невредим.

Невозможно даже описать, какое Орб испытала облегчение.

— Значит, я должна выйти замуж за Сатану?

Хронос молча кивнул и исчез.

Орб еще немного посидела на берегу, глядя на волны. Потом вздохнула.

— Сатана! — шепнула она.

Появился Наташа:

— Ты приняла решение?

— Я выйду за тебя.

— Ты все помнишь?

— Как во сне. Но суть одна: ты вернул мне мир, а я согласилась выйти за тебя.

— И это все?

Орб посмотрела на него. Перед ней стоял высокий, красивый, привлекательный мужчина — тот, которого она уже привыкла называть Наташей.

— А почему у тебя нет ни рогов, ни хвоста? Ведь притворяться уже незачем!

— А я действительно так выгляжу — точнее, так выглядело мое смертное тело, когда я стал инкарнацией. У воплощения же Зла действительно рога и хвост. И то, и другое — правда. Но с тобой я предпочитаю быть таким,

как сейчас. И ты действительно ничего больше не хочешь мне сказать?

— Я люблю тебя.

Может, Нат и сделан из одной лишь лжи, но Орб просто обязана сказать ему правду.

— Эти слова я и хотел услышать, Гея, — улыбнулся Сатана. — Позволь мне обнять тебя.

— Тебе нужно разрешение?

— Да, сегодня — впервые. Я не хочу принуждать тебя.

Принуждать! Разве она в силах отказать ему?

— Да, ты можешь обнять меня, Сатана.

Нат привлек ее к себе, и она задрожала в его объятиях, даже зная, что он такое на самом деле.

— А поцеловать можно?

Орб хотела бы сказать, что делает это с отвращением, только из чувства долга, но это была бы неправда. Она всем сердцем жаждала этого поцелуя.

— Можно.

Он поцеловал ее, и Орб поняла, что ее чувства остались прежними, несмотря на саморазоблачение Наташи.

— А можно...

— Только после свадьбы!

Нат рассмеялся, и она тоже рассмеялась, и мир вновь стал прекрасен, несмотря ни на что. Какими бы черными ни были предзнаменования, Орб хотела этого брака.

— Я теперь проклята, да, Сатана? — спросила Орб.

— Инкарнация не может быть проклята. Но будь ты даже смертной, это зависело бы только от твоих поступков и, главное, их мотивов. Ведь ты выходишь за меня ради спасения мира?

— Да, но еще и потому, что люблю тебя.

— Ни любовь, ни спасение мира не могут навлечь на тебя проклятия.

— Однако моя сила укрепит твою, а значит, я помогу тебе творить Зло!

— И ты любила бы меня меньше, если бы я воспользовался твоей силой?

— Я... мне пришлось бы.

— Тогда я не буду прибегать к твоей силе, Гея.

— Разве тебе можно верить?

— Ты не можешь доверять моим словам, но мои поступки скажут все сами за себя. И тогда ты поймешь, что я люблю тебя.

— Как бы я хотела, чтобы это было правдой!

— Придет время — и поверишь.

Орб боялась, что на этот раз он не лжет.

Свадьба была грандиозной. Та часть Ада, где она проходила, представляла собой внутренность огромного собора — такого высокого, что казалось, будто под куполом проплывают облака. Каменные своды были покрыты великолепной резьбой. Множество витражей изображали разные мифологические сцены.

Впереди, на помосте, стояли полукругом семь кресел из черного дерева. Искусный мастер вырезал каждое из них в форме, присущей той инкарнации, для которой оно было предназначено. Первое кресло изображало скелет; ноги его служили ножками, руки — подлокотниками, а череп — подголовником. Второе напоминало огромные песочные часы. Третье было вырезано в форме паука. Еще одно символизировало огромный красный меч и ножны, а пятое было в форме дерева, чьи ветви, изгибаясь, создавали удобное место для сидения.

Крайние кресла с обеих сторон были заметно больше остальных. Одно из них украшали изображения чертей с вилами, другое — ангелов в окружавшем их сиянии.

Все эти детали Орб наблюдала как бы со стороны — сама она в подвенечном платье стояла в другом конце зала, дожидаясь начала церемонии.

В какой-то миг пустые скамьи вдруг оказались заполнены народом. Здесь сидели все — абсолютно все! — знакомые Орб, включая тех, кто давно уже умер. Товарищи по детским играм, учителя, родственники и случайные знакомые, друзья и те, с кем она за всю жизнь перемолвилась лишь парой слов...

Орб очень хотелось подойти и поболтать с ними — ведь среди гостей был и ее отец, Пасиан, и много других людей, которых она не видела целую вечность. Но сделать этого было нельзя. Она — невеста и не должна покидать своего места. Кроме того, возможно, многие из этих

этих лиц — иллюзия. Вряд ли Бог отпустил Пасиана в Ад на ее свадьбу.

Вошли инкарнации и расселись по местам. Вот они — Танатос, Хронос, Ниоба в роли Судьбы, Мима — Марс и Сатана. Место Геи осталось пустым — не могла же Орб находиться в двух местах одновременно.

Кресло, предназначенное для Бога, тоже оставалось пустым. Его, конечно, пригласили, но Он никогда не вмешивался ни в дела смертных, ни в дела бессмертных. В любом случае глупо было бы ждать от Него поддержки, ведь этот союз должен был изменить соотношение сил в пользу Зла. Орб подумала, что ей жаль Бога. Если только Он не...

А что Он, собственно, сделает? Испепелит их всех на месте, чтобы предотвратить этот брак? Нет, так Он поступить просто не может. Но если Он ничего не сделает, свадьба состоится, и сила рано или поздно окажется в руках Сатаны.

А если Бог решит как-то отреагировать на это событие? Что станет тогда с самой Орб? Что ж, она принимала решение с открытыми глазами.

Огромное пустое кресло никак не отвечало на ее немой вопрос. Интересно, Бог смотрит на них? Если бы Он подал хоть какой-нибудь знак!..

Мима поднялся со своего места и направился к ней.

И все началось. На хорах появились дети — ой, нет, маленькие демоны в белом и с нотами в руках. Наверное, их подбирали по росту. Демоны запели, и в любом другом месте такие голоса, не колеблясь, назвали бы ангельскими. Орб никогда не слышала, чтобы смертные пели так хорошо. Каждый звук, каждая нота были самым совершенством.

Потом в хоре началось какое-то странное движение. Орб вгляделась пристальнее и обомлела: то один, то другой маленький демон вспыхивал и исчезал в воздухе. Их место тут же занимали другие, так быстро, что пение не прерывалось.

Подошел Мима.

— Готова, Орб? — спросил он.

— Как водится, коленки дрожат, — вымученно улыбнулась Орб. — Что происходит с хором?

— Ангельское пение, — объяснил Мима. — Для демонов это не полезно.

— Они гибнут? — в ужасе спросила Орб. Она совсем не испытывала симпатии к демонам, но это, пожалуй, было уже слишком. — Только потому, что хорошо поют?

— В нормальной ситуации демоны ничем не могут походить на ангелов. Ради сегодняшнего события им выдано специальное разрешение. Но когда они поют лучше, чем им позволяет природа, то превращаются в падшие души. Это более высокая ступень. Падшие души не могут петь в хоре демонов. Они пропадают, и их место занимают другие демоны, которые тоже не хотят упускать такой возможности.

— Значит, Сатана поступает порядочно?

— Похоже на то, — ответил Мима. — Тут все честно, вся церемония. Он хочет, чтобы ни к одной мелочи или формальности нельзя было придраться и заявить, будто ваша свадьба недействительна.

— А почему вы все пришли? Вы же против!

— Мы заключили сделку и хотим поддержать тебя. Ты это заслужила.

Орб рассмеялась, быть может, немного нервно:

— По-моему, пора начинать.

Она взяла Миму под руку и медленно двинулась вдоль колонн, совсем как тогда, в детском сне. Звуки прекрасной музыки наполнили храм, но это не был обычный свадебный марш. Они решили устроить все совсем по-другому.

Сатана подошел сбоку и остановился, дожидаясь новобрачной. Лучи света падали на его неподвижную фигуру. Самый красивый мужчина из всех, кого Орб когда-либо встречала. И все те уловки, к которым он прибегал, чтобы вынудить ее согласиться на брак — Орб уже начала забывать, что именно случилось в те дни, которых не было, — все его хитрости были на самом деле не нужны. Она любила Наташу и сама хотела выйти за него.

Орб подошла к помосту, и Сатана взял ее за руку. Мима оставил их и снова занял кресло Марса. Орб и Сатана повернулись лицом к гостям.

— Мы с Геей решили принести наши клятвы в виде песен, — сказал Сатана и улыбнулся. — До сих пор неизвестно, кто из нас поет лучше. Пора наконец разрешить этот вопрос. Лучше поет тот, у кого сильнее любовь. А решать вам.

Наташа повернулся к Орб, и в руках у него неожиданно появилась арфа. Он с поклоном отдал инструмент хозяйке.

— Первую песню я уступаю тебе — женщине, которую действительно люблю.

Орб взяла арфу — и чуть не выронила ее. Ведь это же ее собственная арфа! Тут не может быть ошибки! Но как же тогда вышло, что Сатана, Отец лжи, сумел взять ее в руки? Более того, держа ее в руках, он сказал, что любит Орб. Конечно, Сатана очень силен, и арфа не смогла бы ему повредить, даже если бы он солгал. Но такое противоборство должно было уничтожить инструмент.

Впрочем, сейчас некогда обдумывать происшедшее — нужно петь. Сатана вернулся в свое кресло. Орб осталась одна.

Она села на пол, прямо в подвенечном платье, и установила арфу. Можно не волноваться, что из-под юбки видно что-нибудь не то: платье было таким огромным, что укрыло ее всю и изрядную часть пола в придачу. Орб заиграла и запела.

Она пела Вечернюю Песнь, ту тему из Ллано, которую еще называли Песнью Любви. Слов в ней не было, да они и не требовались. Каждый звук этой Песни дышал любовью.

В огромном соборе наступил вечер. Сгустились сумерки, и заходящее солнце осветило розовеющие облака. Все зрители застыли, потрясенные, — никогда в жизни они не слышали ничего подобного. Волшебная сила любви околдовала присутствующих и преобразила, казалось, самый Ад. Восторг, нежность и страсть вытеснили все остальные эмоции. Орб действительно любила Ната, пусть даже это было и неразумно с ее стороны, и сейчас пыталась выразить чувство в Песни.

Когда она допела, в храме стояла звенящая тишина. Орб совсем не старалась победить в состязании и думала

только о своей любви, но теперь она знала, что даже Сатане трудно будет спеть лучше.

Она поднялась с пола и отошла к своему месту, к креслу Геи.

Сатана тоже встал и вышел вперед. У него не было никакого музыкального инструмента — только голос.

Он запел, запел а сарелла, и Орб снова была потрясена. Он пел гимн! Но ведь это невозможно! Сатана способен на многое, однако есть вещи, которые ему недоступны, и пение гимнов — одна из таких вещей.

Меня, ничтожного, навек
Спасла Твоя любовь.
Бродяга, я обрел ночлег,
Слепец, я вижу вновь!

Это действительно было прекрасное исполнение гимна «Любовь Господня». Орб думала, что Сатана никак не сможет обойти ее после того, как она спела Песнь Любви. Но он сделал невозможное — спел Песнь Любви к Богу. Хотя по определению не мог этого сделать.

Сатана начал второй куплет, и в помощь ему вступил хор демонов. До сих пор его пение можно было назвать прекрасным, теперь оно стало сверхъестественным. Орб подозревала, что даже ангелы на Небесах не способны петь так чудесно. Однако вспышки в хоре случались все чаще. Ни один из хористов не мог продержаться дольше мгновения — нельзя петь гимны, оставаясь демоном.

Сатана повернулся лицом к Орб. От его взгляда ее бросало то в жар, то в холод. Он был прекрасен и пел так убедительно...

В тот час, когда в душе моей
Зажегся Веры свет,
Исчезли все сомненья в ней,
И страха больше нет.

Сатана — Отец лжи и не может говорить правду. Но сейчас Орб не могла заставить себя усомниться в его искренности. И она чувствовала, что, обращая к Богу слова любви, Сатана на самом деле обращается именно к ней. Он любит Орб не меньше, чем она любит его, и это правда.

Как же вышло, что Князь Тьмы, призванный лишь ненавидеть, сумел полюбить что-нибудь, кроме власти? Или это и есть объяснение? Вдруг Сатана любит не Орб, а ее силу, силу воплощения Природы, которая поможет ему увеличить свою собственную мощь? Она, Орб, — дурочка и любит его по-настоящему, а он думает лишь о тех выгодах, которые сулит ему этот союз!

Сатана снова повернулся к гостям. Они застыли в оцепенении, так же как и сама Орб. Сатана не может петь гимнов!.. Вспышки в хоре стали почти непрерывными, казалось, он весь охвачен сиянием. Сам Сатана тоже начал светиться.

Может, это опять видение? Тогда все объяснимо. Сатана не может петь гимнов, не может произносить запретные для демонов слова, вот он и создал иллюзию, чтобы усилить эффект...

Но если так, свадьба недействительна. Стало быть, эта идея неверна. Конечно, Сатана мог бы заставить Орб поверить, что они женаты, и таким образом подчинить ее своей воле. Но он не сумел бы обмануть ни Хроноса, который уже жил в будущем, ни Судьбу, приходившуюся Орб родной матерью, ни Марса, который любил ее. Инкарнации не признают законным венчание, если оно будет лишь иллюзией, а тогда Сатана не получит и ее силы. Значит, все это правда.

Мысли вихрем проносились в мозгу Орб, но сама она была не в силах даже пошевелиться. Сатана на ее глазах делал нечто невозможное, и она верила ему, и все гости верили, даже инкарнации. Вероятно, просто нельзя было объяснить это иначе. Сомнения Орб развеялись. Она верила Князю Лжи и любила того, кто всех ненавидит.

Хор исчез — не осталось больше ни одного демона, все они превратились в падшие души. Сатана снова пел один. Он обернулся к Орб, и странное сияние усилилось. Теперь, окруженный этим сиянием, Сатана стал похож на самого Бога. Он смотрел Орб прямо в глаза и пел так искренне, что она не могла не верить его словам:

Ужель, согбенный под крестом,
Лишь Ты идешь, скорбя,

В том мире праздном и пустом,
Где каждый за себя?

Сияние вокруг Сатаны стало таким ярким, что больно было глазам. Орб заморгала, как будто смотрела на яркое пламя. Что с ним происходит?

Нет! Искупленья пробил час.
Иного нет пути.
И крест свой каждому из нас
Назначено нести.

Сатана допел, и сияние стало ослепительным. Орб вздрогнула, моргнула, а когда открыла глаза, он уже исчез!

Орб вскочила на ноги.

— Сатана, любовь моя! — крикнула она. — Где ты?

Мима тоже поднялся:

— Его больше нет, Гея.

— Но...

— Сатана был обречен еще тогда, когда принял свой крест. Он знал это, но не мог поступить иначе. Он оставил тебя у самого алтаря и вернул тебе мир.

— Какой еще крест? — в ужасе спросила Орб.

Ниоба встала и подошла к дочери.

— Крест своей истинной любви к тебе, — объяснила она.

— Значит, он не лгал, — проговорила Орб. — Он действительно...

— Действительно любил тебя, дорогая. Он знал, что никогда не сможет по-настоящему жениться на тебе, но постарался подойти к этому как можно ближе. Он хотел любить тебя, получить взамен твою любовь и произнести брачные клятвы. Но теперь ты вдова.

— Это сияние... — пробормотала ошеломленная Орб.

— Это было сияние душ, освобождавшихся из Ада. Сатана не мог больше удерживать их — он спел свою Запретную Песнь. Он действительно любил тебя, как никогда раньше никого не любил, и отдал все ради тебя.

Орб посмотрела на пустое кресло, предназначенное для Бога. Неужели Он сознательно решил не смотреть? Ведь наверняка Он знал...

И тут до Орб наконец дошел весь ужас ее потери. Она упала в объятия матери и горько зарыдала. Ее сердце было разбито.

— Потише, потише, дорогая, — прошептала Ниоба. — Когда ты плачешь, Гея, весь мир плачет вместе с тобой.

В самом деле повсюду в мире начался дождь. Но это был мягкий, безвредный дождь, и вслед за ним обязательно выглянет солнце.

Настало время вплотную заняться тем, на что Орб так долго не обращала должного внимания. Надо учиться быть Матерью-Природой.

Послесловие

Все предыдущие романы этой серии как-то воздействовали на мою собственную судьбу. Когда я писал «На коне бледном», мне и правда угрожала Смерть. Время преследовало меня во время написания «Властью Песочных Часов», Судьба — пока я работал над «Запутанным клубком», и Война — когда я взялся за «Кровавый Меч». Возможно, это не совсем правда, а скорее вопрос восприятия. Судить вам, читатели. «Зеленая Мать» — роман, как нетрудно догадаться, о Природе, и в жизнь мою действительно стали вторгаться вопросы, связанные с природой.

Начнем с того, что, как только я закончил предыдущий роман из этой серии, у меня разболелось плечо. Боль становилась все сильнее, и через несколько месяцев вся моя утренняя гимнастика свелась к одному лишь бегу. Раньше я тридцать раз подтягивался на перекладине и делал семьдесят пять японских отжиманий за четыре минуты. Но боль свела все это на нет. Когда мне стало больно садиться за клавиатуру, я обратился к врачу. Без гимнастики прожить можно, но если я не буду писать, то не заработаю ни гроша.

Оказалось, что это тендовагинит — воспаление сухожилия. Я не мог вытянуть правую руку. Я прихлопнул слепня, который меня укусил, — и зашатался от боли в плече. Чудовищно — ни засунуть руку в задний карман, ни поднять ее над головой. Пришлось учиться быть левшой. К счастью, я и так уже во многом левша, например умею есть левой рукой. Спать тоже было трудно — я никак не мог найти положения, в котором правая рука не болела бы. Приходилось спать, изогнувшись самым немыслимым образом, иначе я рисковал проснуться от сильнейшей боли. Не стану описывать, как подобное заболевание влияет на супружескую жизнь.

Никакие таблетки эту болезнь не брали. В конце концов доктор сделал мне инъекцию в сухожилие, и дело сдвинулось с мертвой точки. Но от полного выздоровления этот момент отделяло не меньше времени, чем прошло от начала болезни. Теперь, полгода спустя, рука меня почти не беспокоит. Еще несколько месяцев — и воспаление пройдет совсем. Не знаю, правда, начну ли я снова заниматься гимнастикой. После года бездействия я потерял форму, достичь которой стоило мне десяти лет регулярных тренировок. Так что, наверное, я обойдусь без упражнений. По правде говоря, они были весьма изнурительными, и сейчас я просто отдыхаю душой. Уж настолько я свою собственную природу изучил: к пятидесяти годам я очень полюбил отдых.

В тот же период я узнал кое-что еще и о природе лошадей. Как раз когда мы уехали из города, моя дочь Пенни вступила в тот возраст, когда дети сходят с ума по лошадям. Поэтому мы купили по лошади каждой из дочерей. Лошадку Пенни, по кличке Скай-Блу, я полюбил с самого начала. Лошадь была породистая и когда-то даже принимала участие в скачках, но к тому времени ей уже исполнилось двадцать, что для человека означало бы что-то вроде шестидесяти. Блу воспитывала своего предыдущего владельца пять лет, пока тому не исполнилось пятнадцать. Та же история повторилась и с Пенни. Предыдущий владелец уже женат, а Пенни учится в колледже — вот видите, как хорошо Блу справилась со своей работой.

Что касается Мисти, кобылы моей дочери Шерил, то это совсем другая история. Мисти своенравна, с указаниями всадника почти не считается, зато невероятно прожорлива. Нам пришлось поставить загородку, чтобы Блу ела в одиночестве — иначе ей просто ничего не доставалось: Мисти лопала за двоих. Именно поэтому в своих романах я дважды описывал именно Блу а не Мисти. Уж я-то знаю, какая лошадь лучше.

Но в описываемый период у Мисти начались проблемы с ногами. Ветеринар нужен был ей даже чаще, чем мне — врач. Почему-то у Мисти искривились кости передних ног, и стоять она могла, только подогнув их назад градусов на тридцать. Поза, со всей очевидностью, крайне неудобная. В результате Мисти лежала целыми днями. Лошадей в таком состоянии принято пристреливать, но у нас в семье никто на это не пошел. Мы постарались устроить бедное животное как можно лучше и подносили воду и пищу к самому ее носу.

Однако Блу, увидев, что ее обидчица беспомощна, принялась воровать у Мисти еду. Теперь загородка была нужна, чтобы защитить Мисти. Однажды я принес бедняжке немного сена, которое Блу не соизволила даже попробовать, и не закрыл калитку, считая, что Блу на него не позарится. И был не прав. Блу тут же ворвалась на половину Мисти и так решительно устремила к сену, что Мисти вскочила на ноги и, шатаясь, отошла в сторону. Тем не менее Блу ее укусила и охраняла сено до тех пор, пока голодная Мисти не перебралась в угол и не улеглась там снова. Только тогда Блу отошла от сена, так и не попробовав его. Сено ей было совсем не нужно, она хотела лишь показать, кто здесь главный. А мы-то думали, почему Мисти все время худеет, а Блу набирает вес!

С тех пор я стал держать их раздельно весь день и открывал калитку только на ночь. К моему величайшему сожалению, лошади оказались ничем не лучше людей. Стоит обиженному получить власть, и он начинает вести себя так же, как его бывший обидчик. Кто сильнее, тот и прав. Люди, по крайней мере, хоть иногда могут подавить в себе худшие инстинкты и совершить великодушный по-

ступок. Боюсь только, что это происходит нечасто. Такова, увы, природа всех живых существ, люди они, лошади или собаки.

Погода, как известно, тоже природное явление. У нас во Флориде летом всегда жарко и влажно — не зря же средняя дневная температура здесь на два градуса выше, чем по всей стране. Те, кто читал этот роман, понимают, какими бедствиями это грозит. Побережье у нас перенаселено ужасно — там строятся все те, кто считает ураганы выдумками. Ветер просто обязан был разгуляться — в качестве предупреждения неверующим. Четвертая летняя буря, ураган «Елена», как раз и явилась таким предупреждением. «Елена» вроде бы шла мимо, направляясь куда-то в Алабаму или Луизиану. Когда она миновала нашу широту, я успокоился и пошел спать.

И напрасно. «Елена» тут же воспользовалась моей оплошностью, развернулась на месте и направилась прямо к нам. Ураганам в наше время разрешается бродить, где вздумается, но ведь не там же, где я живу!.. Я немного поколдовал и попытался оттолкнуть ее подальше. Но, чтобы остановить уже набравший силу ураган, требуется очень сильная магия, а меня все-таки застали врасплох. «Елена» чуть притормозила, однако в сторону не свернула. Дня два она бродила по округе, постепенно набирая силу. Сначала ветер дул со скоростью девяносто миль в час, потом сто, сто десять, и наконец Елена превратилась в настоящий взрослый ураган — сто двадцать пять миль в час! И она все еще направлялась прямо к моему дому!

Ураган прошелся по всему побережью Флориды, потом моя магия все же победила. «Елена» повернула обратно и ушла куда-то в Алабаму. Тяжелая была борьба! Поделом мне: нельзя засыпать, пока не убедишься, что буря действительно ушла.

Это была не последняя буря в том сезоне, но ни один из последующих ураганов не подходил к нам так близко. Какой-то из них назывался «Хуан». Он бродил туда-сюда и никак не мог найти себе места. А я заранее мог предсказать, что так и произойдет. В одной оперетте даже песня такая есть — «Бедный бродяга Хуан». Так что дорогу

урагана всегда можно предсказать. Надо лишь знать, с какого конца братья за это дело.

Но все это были еще цветочки. Когда я засел за роман, стало гораздо хуже. Неправда, например, что нет незамеченных людей. Еще в сентябре я целый час обсуждал по телефону различные издательские проблемы, связанные с этой серией романов, с Джуди-Линн Дель Рей из «Дель Рей Букс». В октябре с Джуди-Линн случился удар, и она впала в кому. В феврале она умерла. Именно Джуди-Линн и ее муж, Лестер, создали мне имя и сделали мои книги бестселлерами. Кроме меня, они разыскали еще Стивена Доналдсона, Дэвида Эддингса и Терри Брукса. Джуди-Линн и Лестер сделали для развития жанра фэнтези больше, чем кто бы то ни было. Боюсь, теперь золотой век кончится. За последнее время умерла не только Джуди-Линн. Умер Теодор Старджон, возможно, лучший из писавших в этом жанре. Умер Фрэнк Херберт, создавший один из самых популярных в мире романов — «Дюну». Умер Л. Рон Хаббард, который тридцать лет не писал фэнтези, потому что обратился сначала к дианетике, а затем к сайентологии, но потом все же вернулся к нашему жанру. Я ничего не смыслю в сайентологии, однако с такой фигурой, как Хаббард, нельзя не считаться.

Давайте поговорим о менее ужасных проявлениях природы — о женском характере. Этот роман вышел чуть позже обещанного срока, потому что я заболел гриппом и температура у меня подскочила. Потом она наконец упала — в тот самый день, четвертого февраля, когда Блу не подпустила Мисти к сну. Мне стало лучше, и я взял в руки книгу, чтобы почитать перед сном. Всегда читаю в постели — это помогает заснуть. Книг в мягкой обложке у меня в тот момент не оказалось, поэтому я взял «Вежливые методы словесной самообороны» — толстый том, принадлежащий перу Сюзет Хэйден Илджин, в хорошем, твердом переплете. Кроме подобных произведений Сюзет пишет романы в стиле фэнтези. Идея книги в том, что вы можете защититься от словесных оскорблений, если все время будете настороже. Главное тут — заметить, когда вас пытаются оскорбить. Если кто-то, например, называл вас @№\$%&*!! (неприличные слова и выражения я

заменял служебными символами), этого трудно не заметить. А если он говорит: «Не понимаю, милый, почему бы тебе не попробовать вести себя повежливее?», то это уже более трудный случай. Опасаться следует таких слов, как «в самом деле» или «даже». Например: «Если бы ты в самом деле любил меня, ты не вел бы себя как мальчишка». Распознав подобное оскорбление, вы можете ответить на него — уйти в оборону или совершить какой-нибудь отвлекающий маневр. Таким образом, вам никогда не придется чувствовать себя замененным служебными символами.

Мне все это показалось очень интересным. Когда-то я целых три года занимался дзюдо и успел усвоить, что нельзя повалить человека, который держит равновесие. А Сюжет показала, что точно так же нельзя нанести словесный урон человеку, который удерживает словесное равновесие. Читал я около часа, потом у меня случился приступ кашля, и заснуть мне в итоге удалось лишь через час. И вот когда я наконец задремал, книга выпала у меня из рук и углом твердой обложки ударила меня по губам.

По-моему, это было не слишком вежливо со стороны мисс Илджин, особенно если учесть ее же собственную доктрину. В конце концов, я дочитал бы ее книгу утром! Но раз уж я проснулся, я снова начал читать и задремал еще через час. Бум! Сюжет второй раз шлепнула меня по губам. Ну и характер! Опять я целый час не мог заснуть. На этот раз, правда, я держал книгу так, чтобы она не смогла меня ударить. Итого, четыре часа бессонницы. На следующий день у меня опять начался жар. Теперь термометр показывал уже 39°, а рот у меня покрылся растрескавшейся коркой, наподобие сырной. К работе я смог приступить только через несколько дней, и — да, я дочитал эту книгу. Сюжет, дражайшая, если бы вы в самом деле меня любили, вам бы просто в голову не пришло издавать свои книги в твердых переплетах...

Теперь речь пойдет о природе компьютеров и их программ. Это тоже составляло заметную часть моей жизни в описываемый период. Тем читателям, которым неинтересны подобного рода дискуссии, предлагаю читать по диагонали, пока я не перейду к следующей теме, которая,

конечно же, их интересует. Я и сам долго сопротивлялся компьютеризации, так же как в свое время, еще в школе, не хотел ухаживать за девочками. Когда же я наконец сломался, я понял, что это грандиозно. По мне, работа с компьютером похожа по ощущениям на управление хорошим автомобилем или верховую езду. Кажется, что перед тобой — живое существо, причем возможности его безграничны. Но умеет оно быть и капризным, и раздражительным. И именно сейчас, пока я работал над этим романом, я сполна испытал все радости и горести общения с компьютером.

Значит, так. В ноябре я приобрел новую программу. Мне нравился мой старый текстовый процессор, РТР (Пи-Ти-Пи), но у него было целых два недостатка. Во-первых, он использовал только половину памяти компьютера, так что главы приходилось разбивать пополам, иначе они не влезали. А во-вторых, в нем совсем не было окон, и я не мог работать с несколькими файлами одновременно. Моя жена разыскала мне новый редактор. Назывался он «Эдвард», и обе эти проблемы нашли в нем свое удачное разрешение. Мы Эдварда приобрели.

Это перевернуло всю мою жизнь. Больше мне уже не приходилось разбивать главы на несколько файлов. Кроме того, в Эдварде было четырнадцать буферов, то есть одновременно можно было открывать четырнадцать разных файлов. Теперь я мог вызвать все главы с первой по четырнадцатую включительно и переключаться между окнами, сравнивая текст. Мог переносить текст кусками из одного файла в другой, а мог, например, внести изменения в текст какой-нибудь главы и спокойно закрыть это окно.

Целую неделю я возился с новым редактором, и не потому, что эта программа была очень уж сложной, а потому, что она открывала передо мной новые горизонты. Например, Эдвард позволял создать тысячу разных макросов, то есть печатать целые строки, например собственный адрес одним нажатием клавиши. Я заново изучил программу SmartKey и обнаружил в ней кучу скрытых возможностей, о которых до того даже не подозревал. Таким образом, вместо двадцати двух макросов я при жела-

нии мог одновременно работать с пятьюдесятью. Я мог помещать один макрос внутри другого, вставляя макросы SmartKey в макросы Эдварда. Кроме того, Эдвард позволял присваивать свои команды любым удобным мне клавишам. А значит, я мог подогнать настройку под РТР и избежать мучений с переучиванием. Какое счастье!

Но имелись у Эдварда и ужасные недостатки. Однажды он забил весь винчестер каким-то мусором, а пару раз как бы взрывал память, переписывая ее содержимое. По масштабу разрушений это событие больше всего напоминает взрыв скороварки. Пришлось отыскивать ошибки в программе, иначе они и сейчас поджидали бы нас, как мины — неосторожного путника. Сколько же часов я потерял, обезвреживая эти мины!

Еще одна неприятная особенность Эдварда заключалась в том, что он не умел подчеркивать, а я пользуюсь подчеркиванием довольно часто. С чудесными макросами тоже не все было гладко — при выключении компьютера они неизменно пропадали. Программа, которая должна была их сохранять, почему-то не делала этого. А программа печати Эдварда вообще была пакетного типа, что для меня совершенно неприемлемо. Поэтому я даже устанавливать ее не стал. Экспериментальным путем удалось выяснить, что файлы Эдварда можно распечатывать из-под РТР и что подчеркивания можно добиться с помощью управляющих последовательностей. Это спасло Эдварда — несмотря ни на что, его все-таки можно было использовать. Для пробы я решил написать с Эдвардом роман и посмотреть, что получится. Да-да, вы угадали. Этот самый роман.

Итак, в декабре, ровно первого числа, мы с Эдвардом приступили к работе над романом. Для подчеркивания я использовал управляющие последовательности, для печати — РТР, а макросы каждый раз создавал заново. И тем не менее к концу месяца я понял, что ни за что не расстанусь с Эдвардом. Причиной этому были окна. Работая в РТР, я приспособился активно пользоваться скобками, а с Эдвардом они были мне уже не нужны. Я мог открыть отдельное окно для заметок по ходу дела, еще одно — для

оглавления и третье — для записи имен персонажей, чтобы не разыскивать их по всему тексту каждый раз, когда я забуду, как зовут очередного героя. Кроме того, оставалось место для временных файлов с идеями относительно других романов, которые часто приходят мне в голову именно во время работы.

Моя жизнь волшебным образом изменилась. В тексте исчезли скобки и стрелочки, которыми я так часто пользовался раньше. Теперь я разработал более удобную систему. И не успел я к ней привыкнуть, как мы получили кучу новых бесплатных программ. Они делали все то, о чем авторы старых программ и не задумывались. С их помощью, например, можно было восстановить информацию, которую ты по ошибке стер и без которой жить не можешь. Можно было так зашифровать файл, что никто не сумел бы прочесть его, не зная кодового слова.

Ну и, разумеется, все эти программы тоже иногда чудили. Могли, например, испортить вам память — и портили ее! После долгой борьбы я наконец выяснил, как исправить основную ошибку. Я даже послал письмо тем ребятам, которые распространяли эти программы и, судя по всему, не знали, как их исправить. Ответа нет до сих пор. Ничего не поделаешь, такова человеческая природа.

Полагаю, не стоит рассказывать обо всех тех маленьких хитростях, которые мне понадобились, чтобы слить воедино РТР, SmartKey и Эдварда. Достаточно сказать, что они теперь работают как единое целое и прекрасно дополняют друг друга. Но на все это ушло довольно много времени. А если учесть, что я отвлекался и на другие вопросы, связанные со здоровьем, лошадьми, корреспонденцией — я написал в прошлом году тысячу двести шесть писем, и в этом году тоже пишу их не меньше сотни в месяц, — сразу становится понятно, почему я выбился из графика. Некоторые места в романе отражают мои переживания по поводу общения с компьютером. Например, первое путешествие Орб по страницам реальности. Меня тогда поразило, как легко управляющие последовательности могут делать поистине замечательные вещи.

Три месяца ушло у меня только на то, чтобы разобратся с нумерацией страниц. Когда в лапы РТР попадал файл Эдварда, мой старый редактор, вероятно, из мести, ставил номер страницы так далеко справа, что при печати он пропадал. Как я от этого избавился? Теперь я вставляю в колонтитул невидимые символы, а принтер их исключает и закрывает строку. Таким образом, номер страницы оказывается на своем месте, а РТР (хи-хи-хи!) об этом даже не догадывается. Столько коварства, чтобы обмануть одну глупую машину! Зато какое удовлетворение это приносит...

В разгаре всех этих бурных событий посыпался винчестер. Это как полная амнезия у человека — диск мы заменили, но пропали все программы. Правда, мы были хитрыми и хранили резервные копии всего, что может пригодиться. После подобных потрясений мы узнали много нового о природе компьютеров, а такой урок, конечно же, стоит затраченного времени.

Я редко посещаю встречи поклонников — не чаще раза в году. В 1985 году я выбрался на Фаль-Кон, собрание, проходившее в октябре в Гэйнесвилле, штат Флорида. Обычно на подобных мероприятиях кто-нибудь из писателей играет роль Почетного Гостя, а остальные просто присутствуют. Поэтому там всегда можно встретить кучу писателей, художников, их поклонников, купить новые книги, произведения искусства и прочие атрибуты жанра. Несколько часов подряд я раздавал автографы и болтал со всеми, кому это было интересно. Я редко появляюсь на публике, но уж если появляюсь, стараюсь быть на высоте, что бы там обо мне ни говорили. В плане общения я никогда не был людоедом — все, кто меня знает, могут это подтвердить. Память на имена и лица у меня дырявая, хотя кое-кого из тех, кто был на том собрании, я все-таки вспомню. Там был Мартин Кэйден, автор повести, по которой потом сняли телефильм «Человек, который стоит шесть миллионов». Был Роберт Линн Асприн, великий мифотворец. (Его жену тоже зовут Линн, и я подкинул им одну идею для книги «Кровь десяти главарей». Если у моих друзей неприятности, я советую им принять на ночь

два Асприна.) Был Дэвид Палмер, автор «Аварии» — добротного романа о жизни после мировой катастрофы. Были двое Холдemanов. Пока я разговаривал с отцом, наши дочери тоже мило болтали. Были Роберт Адамс, автор серии «Клан лошадей», и Меридит Энн Пирс, создавшая трилогию «Темный ангел». Через неделю после этого мероприятия, заехав в Тампу за одной из своих многочисленных дочерей, я возобновил знакомство с Андрэ Нортон, королевой нашего жанра, и Роджером Желязны, фантазия которого дала миру Амбер. Кроме того, я встретил Роберта Блоха — помните «Психо»? Так что Флорида, в смысле фэнтези, не такой уж медвежий угол.

Вот так я и жил в период написания этого романа. Вполне обычно. Я вообще человек обычный. Я мучаюсь аллергией, которая способна на несколько часов или даже дней превратить мой нос в открытый водопроводный кран. Меня раздражает слякоть и телефон, который ломается всякий раз, когда мне нужно позвонить. Думаю, такое случается с каждым человеком, какой бы он ни был посредственностью. Во многом поэтому я и пытаюсь убежать от жизни в воображаемый мир, где я — царь и Бог. Но и земная жизнь награждает нас своими маленькими радостями. Например, у нас в парке растут кедры, которые мы посадили своими руками. Теперь некоторые из них уже переросли меня. Я протоптал к ним тропинки — люблю тропинки — и лично знаком со всеми дикими цветами в этом парке. Под одним из кедров раньше росла фиалка. Каждый год она расцветала специально для меня. Однажды она исчезла — наверное, лошадь наступила. С тех пор я не могу проходить мимо этого места без грусти. Природа иногда бывает очень жестока. Еще у нас росла сосенка, почти совсем уже взрослая. Сильный ветер повалил прямо на нее старый мертвый дуб, и сосенка сломалась. Я и сейчас о ней жалею, хотя сосен у нас тысячи.

Мы даже называли один уголок леса Сосны Пенни — их там было столько же, сколько ей лет. Потом мы завели лошадей и поставили забор, так что к Соснам Пенни стало не подойти. Тогда мы решили назвать так другое место,

и что вы думаете? С тех самых пор на старом месте не выросло ни одной сосенки, зато на новом их целая дюжина! Сосны знают обо всем. А мы с Пенни вообще особенные. У меня короткие каштановые волосы, а Пенни — длинноволосая блондинка. Но однажды мы обнаружили, что, когда наши волосы одной длины, они одинакового цвета! Отрасти я длинные локоны, я тоже был бы блондином. Вот почему моя мать всегда говорила, что волосы у меня светлые, а я-то думал, что у нее что-то с глазами. Кстати о глазах: у нас с Пенни и глаза одинаковые. Пенни — целиком и полностью моя дочь. Всю жизнь мы узнаем о природе что-то новое, и даже мелочи часто оказываются важнее, чем мы думаем.

Когда мы построили конюшню, вместе с лошадьми туда въехали два паука. Один из них был размером с блюдце, а второй еще больше. Никогда в жизни не видел таких огромных экземпляров. Они ловили мух, которые докучали нашим лошадям — что ж, чудесно! Потом тот, что побольше, выгнал того, что поменьше, и захватил всю территорию. А однажды утром мы увидели его труп, свисавший с паутины. Я никогда так и не узнал, что произошло. Природа припасла для нас множество интереснейших историй. Надо только смотреть и слушать.

Смерть, разумеется, тоже неотъемлемая часть природы. Именно Смерть, с которой я чуть было не познакомился, и послужила причиной написания этой серии романов. Я получил множество писем от читателей, которым моя книга о Смерти помогла справиться с собственным кризисом подобного рода. Я всегда отвечал на них со смешанным чувством. С одной стороны, меня радовало, что я смог кому-то помочь; с другой стороны, огорчало, что этот кризис вообще возник. А Часы Смерти, которые я купил, когда писал «На коне бледном», мне пришлось выбросить. За четыре года они пришли в такое состояние, что больше не имело смысла ими пользоваться. Надо сказать, я скучаю по ним. Конечно, глупо думать, что у механизмов есть душа, и все же...

Смерть наносит свои удары неожиданно. Пока я писал «Зеленую Мать», разразился скандал с тайленолом.

Компании пришлось совсем прекратить выпуск этих капсул, потому что какой-то страшный шутник подкладывал в них цианид. Я не защитник больших монополий, выпускающих медикаменты, но в данном случае я целиком на стороне компании, которая понесла незаслуженную кару за чьи-то чужие грехи. Теперь мы видим, какие формы может принимать мировой терроризм, приносящий смерть невинным жертвам.

Примерно тогда же люди бросили Природе глупейший вызов, что послужило причиной большой трагедии. Был назначен запуск космического корабля «Челленджер», а ночь перед этим событием выдалась удивительно холодная. Мы живем на той же широте, и у нас термометр утром показывал девять градусов — самое холодное утро за всю ту зиму. Оборудование обледенело, и всюду висели длиннейшие сосульки. Инженеры сомневались, что запорные кольца сработают в такую погоду, но им было прямо приказано запустить ракету. Семь жизней и миллиард долларов пропали зря, программа космических исследований оказалась на грани срыва — а все потому, что люди не захотели посчитаться с Природой.

Копаясь в старых бумагах, я натолкнулся на папку с материалами к одному из своих ранних романов, «Макроскопу». Там была статья Джона Ф. Вартона из «Субботнего обозрения» за 1967 год, в которой я выделил некоторые важные моменты. Теперь оказалось, что эти моменты вполне соответствуют моим теперешним мыслям — мыслям о природе человека. О его склонности к самообману и привычке задирать окружающих. Во имя Веры и Сострадания фанатики убивают тех, кто не причинил им никакого вреда. Человечество прямой дорогой идет к самоуничтожению. Религия и не пытается остановить этот процесс. Она лишь вечно изыскивает возможность простить грех. Вот вам первоисточки моего циничного отношения к религии. Я считаю, что грехи надо предотвращать.

И эти мысли привели меня к заключительной теме нашего разговора. В своих романах я не претендую на какую-то особую глубину. Это просто развлекательное чтение. Я лишь немного заигрывал в них с более глубокими понятиями, составляющими подводную часть айсберга

нашей реальности. Так же, как экран компьютера есть некое отражение его внутренней деятельности, так и на сетчатке нашего глаза создается лишь некое отражение реальности. С помощью разных программ можно заставить компьютер показать на экране разные куски его памяти, но если вы не умеете с ним обращаться, вы будете вынуждены все время созерцать одно и то же изображение. Я усмотрел в этом некую аналогию с нашим способом познания природы вещей. Мы видим лишь то, что лежит на поверхности — одежду человека, краску на стене, — и должны экстраполировать, чтобы докопаться до сути. Но все ли мы в состоянии понять? Может быть, существуют целые миры, о которых мы и не догадываемся, иные пласты реальности, недоступные нам, потому что у нас нет нужного «ключика»?

До сих пор это предположение в основном обыгрывали фантасты, однако в последнее время и наука заговорила о чем-то похожем. Ученые предполагают, что масса Вселенной в десять раз превышает наблюдаемую. Так что же происходит с этими девятью десятками Вселенной? Где ключ к их восприятию? Способна ли наука изобрести такое волшебное заклинание, которое позволит нам увидеть их? Действительно ли Вселенная неупорядоченна? А может, у нее существует некая высшая организация, высшая этика, недоступная нашему пониманию?

И это заставляет нас задуматься о существовании Бога, который, по моему определению, является источником высшей организации. Некоторые читатели присылают мне письма, в которых пытаются обратить меня в свою веру, предполагая, вероятно, что я за всю жизнь так ни разу и не слышал о Христе. Мне рассказывали, что ортодоксы предали анафеме мои книги на том основании, что я — сатанист. (Я отправил им довольно резкое письмо, напоминая, что Христос никогда бы не унизился до подобной лжи. И вообще, я уже скоро тридцать лет как женат на дочери священника.) Еще один читатель писал, что Иисус либо обыкновенный болтливый сумасшедший, и тогда что о нем вообще говорить, либо он действительно Сын Божий, со всеми вытекающими из этого последствиями. Во-все нет! Такое рассуждение неверно и является следствием

ограниченности мышления. Неправда, что мир черно-белый, есть еще вся гамма оттенков серого. Христос мог быть и не тем, и не другим. Вполне возможно, что это был человек, который очень хотел исправить все зло в этом мире. Но его иносказания были неправильно поняты — его слова воспринимали буквально, люди не пытались постичь смысл сказанного. Чего только ни натворили последователи Христа, так и не понявшие, что же им было сказано! Иисус говорил, что он — Сын Божий? Он говорил правду. Мы все дети Божьи.

Содержание

От издательства	5
Зеленая Мать, роман, <i>перевод с английского А. Рогулиной</i>	7
Послесловие	368

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ
Собрание фантастических произведений

ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Пановко*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина,*
А. Хиришфелде
Операторы компьютерной верстки *М. Воробьева,*
В. Рихтер
Оформление шмуцтитута: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 30.01.98. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2119.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

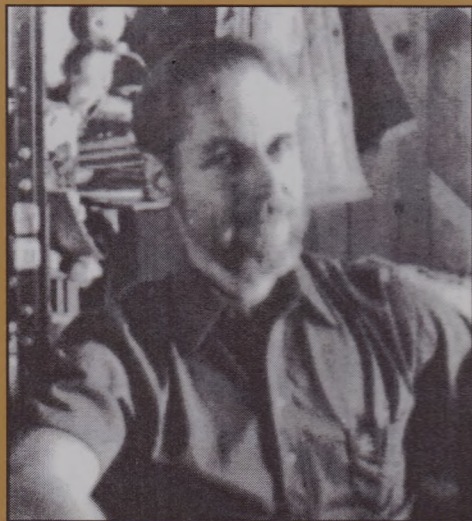
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

27060

7-00

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ

Орб, дочери Ниобы Кафтан, от рождения уготована необычная судьба. Пророчество, связавшее жизнь ее племянницы Луны с Танатосом — воплощением Смерти, гласит, что девушка обручится со Злом. Не желая стать игрушкой в руках судьбы, Орб отправляется на поиски всемогущей песни Ллано. Но на ее пути встанет немало препятствий. И пророчество исполнится, пусть и не так, как ожидает Орб, занявшая трон Зеленой Матери — Природы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ
ЗЕЛЕНАЯ МАТЬ